

ТА • РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА
КАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ
А • РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА

Вс. ВИШНЕВСКИЙ ЛЕНИНГРАД

книга вторая

2 Вс. ВИШНЕВСКИЙ • ЛЕНИНГРАД

Записи Вишневого — это краткая энциклопедия войны, героизма ленинградцев. И их публикация весьма своевременна — в них отражены основные сражения Великой Отечественной войны, 60-летия которых мы последовательно отмечаем.

*Президент Международной
ассоциации писателей
баталлистов и маринистов
Ю. А. Виноградов,
секретарь правления
Союза писателей России,
кандидат исторических наук*

2 ВС.ВИШНЕВСКИЙ • ЛЕНИНГРАД

РЕДКАЯ

КНИГА

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

ДНЕВНИКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

*1 января 1943 года — 28 сентября 1944 года;
1—9 мая 1945 года*

КНИГА ВТОРАЯ

**МОСКВА
ВОЕНИЗДАТ
2002**

ББК 83.3(2)7
В55

Федеральная программа поддержки книгоиздания России

ISBN 5—203—01948—7

© Воениздат, оформление, 2002

«40 месяцев и 10 дней»

Известный писатель и драматург Вс.В. Вишневский (1900—1951) начал вести дневник 22 июня 1941 г. и, не пропуская ни одного дня, вел его в течение всей войны.

Знаменательна такая его запись: «Война пронесется, и от нее останутся лишь легенды, книги, памятники, символы... и могилы. А над полями — вечное необъятное небо, белизна снегов, людские заботы дня, раздумья... И кто-то в зиму 2043 года, может быть, спросит:

— Как и чем жили люди в 1943 году, участники Отечественной войны?»

В меру сил своих я об этом и рассказываю... — безвестный потомок мой. Не знаю — чем я тебя смогу порадовать. Я пишу то, что вижу...»

В этих словах выражена громадная ценность его дневников. Вишневский не только фиксирует события — он их суммирует, анализирует и тут же в связи с узнанным излагает свои прогнозы, как правило, очень верные.

Мысль Вишневого, независимо от того, что конкретно происходило данного числа и что записывалось, непрерывно работала в одном направлении: что делается сейчас для победы, что ее приближает и что тормозит, — на фронте, в нашем тылу, у союзников. Если именно так понимать состояние духа Вишневого, его напряженно работающую мысль, сконцентрированную на одной идее, не покажутся разнородными его записи, случайными — интересы: от цен на рынке на картошку до статей К. Маркса об Индии (картошка — продукт питания, Индия в те годы, ее история — это потенциальная мощь Англии, нашей союзницы).

Опубликовать полностью дневники Вишневого (а это очень бы нужно!) сегодня, пожалуй, задача неподъемная — это до 100 авторских листов! Но очень хорошо, что их ленинградская часть — наиболее эмоциональная и содержательная — переиздается Воениздатом (этого не делалось с 1956 года!). Это тем более необходимо в связи с 300-летием северной столицы в 2003 году. Ведь историю Петербурга—Ленинграда без периода Великой Отечественной войны невозможно себе представить.

Вишневский пробыл в Ленинграде «40 месяцев и 10 дней», как записал он сам 1 ноября 1944 года. Как только миновала опасность для Ленинграда, Вишневский вместе с частями Красной Армии двинулся на Запад. Прогнозы его сбывались, слова, сказанные еще в 42-м, обретали живую реальность: «Прорвем кольцо, пойдем по старым дорогам, на Запад... В Таллин, в Ригу, в Кенигсберг, где старый Кант просился в русское подданство, и до площади Берлина, где немцы сдавали ключи русским в 1760-м!»

И вполне правомерно, что ленинградская часть дневников завершается своеобразным эпилогом — записями «Капитуляция Берлина». Это бесценный документ и подробное свидетельство о последних днях гитлеровского режима.

Сейчас появилось немало публикаций, бросающих тень на многие стороны ленинградской блокады, оспаривающих вообще целесообразность защиты города, приписывающих Сталину дьявольский план уничтожения в нем руками немцев оппозиции режиму. Как это далеко от того, что было! Ведь если бы пал Ленинград, разве удалось бы отстоять Москву? Да и всю страну?

Поэтому чтение дневников Вишневского — весьма полезное занятие для всех сомневающихся или не ведающих истинного положения вещей.

Все, что видел Вишневский в те дни, что казалось ему важным, он доверял дневнику, и в первую очередь все то, что непосредственно касалось соотношения сил воюющих сторон, — будь то вооружение, позиции на фронтах или моральные устои народов. Изредка уделялось несколько строк собственному состоянию, своим творческим делам, мечтам. Но главным был фронт.

«Душевная, интеллектуальная, бытовая концентрация на проблемах войны — абсолютная. И только иногда, как добавочный кислород, несколько глотков природы, искусства» — так сам Вишневский определял общую направленность дневников.

Все это не случайно. За плечами Вишневского был огромный жизненный и военный опыт. Пытливый ум его непрерывно жаждал знаний; Вишневский очень много читал. Политика, философия, общая история, история войн, история России, художественная литература — все подвергалось оценке с точки зрения пользы на сегодняшний день и все это нашло отражение в дневниках.

Записи Вишневского — это краткая энциклопедия войны, героизма ленинградцев. И их публикация весьма своевременна — в них отражены основные сражения Великой Отечественной войны, 60-летия которых мы последовательно отмечаем.

Президент Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов *Ю.А. Виноградов*, секретарь правления Союза писателей России, кандидат исторических наук.

ЛЕНИНГРАД

1 января 1943 — 28 сентября 1944

1 января 1943 года.

С утра повтор шестинедельной сводки. Она выдержанная, выразительная, точная. Решается судьба немецких войск в излучине Дона; вопрос о северокавказской группировке немцев и пр. Речь идет о более чем ста немецких дивизиях... Шестьдесят с лишним дивизий разгромлены или окружены; положение остальных, говоря языком берлинского радиобозревателя, — «серьезное»...

Один радиоинженер вернулся из глубин Сибири. Ленинградский радиозавод организовал там два своих филиала, сохранив часть завода и в Ленинграде. В результате производство радиоаппаратуры заводом — в целом — выросло в семь—девять раз. Вот пример технических возможностей! Аппаратура идет стандартная, прочная. У немцев принципиально нового в трофейном имуществе не обнаружено.

Из рассказа радиоинженера:

«Москва полуосвящена; на колхозных рынках картофель стоит 50 рублей, масло — 800 рублей килограмм (у нас свекла — 350 рублей килограмм, картофель, видимо, до 500 рублей)...

Вдоль Сибирского пути много новостроек. Есть стройки, рассчитанные на 1944 год. Непрерывно идут эшелоны с танками, самолетами, орудиями...

В городах электроэнергию дают главным образом на заводы и фабрики. Население живет пока без электрического освещения.

В Минусинском районе — народ сыт... У моей хозяйки (с двумя детьми) запас в триста пудов картошки, восемь бочек капусты. Она получает по два кило хлеба за трудовень... Работают женщины и дети до шестнадцати лет. Большинство мужчин — мобилизованы...

Пространства невероятные, а людей мало... Проедешь на лошадах километров пятьдесят и, может быть, встретишь одного человека...»

«В последний час». Штурмом взяты Великие Луки; на Юге — Элиста, Троицкое и др. пункты по реке Яшкуль. Наши выходят на кавказские коммуникации и тылы противника...

2 января 1943 года.

Тихо, мягкая погода... В небе — голубые просветы...

К часу дня пошел в больницу имени Эрисмана. Помимо всех консилиумов и пр. — надо проверить зубы.

Осмотрели меня два отличных челюстника-хирурга... Удалили зуб мудрости (возможно, в нем крылась причина моих головных болей). Благодарю докторов, беседуем об их практике во время войны. 12 процентов раненых — ранены в лицо, в челюсти и пр. Одному бойцу оторвало нижнюю челюсть и часть языка. Хирург решил спасти ему речь, вытянул язык и подшил его, а челюсть отчасти восстановил путем наращивания кусков кожи и жира... Боец поправился. Сейчас работает в колхозе...

Из письма жены Всеволода Азарова¹:

«...Я страшно волновалась при мысли о свидании Всеволода с ребенком (ребенок родился, когда отец ушел на войну). Часто я рисовала себе эту встречу, готовилась к ней, но, конечно, все вышло по-иному. Мариша (ей полтора года) ужасно оробела. На мой вопрос — кто приехал, она ответила «папа Сева», но каким голосом она это произнесла! Легкий вздох, а не слова! Отец и дочь молчали... Я не смотрела на них, но чувствовала, что Мариша волнуется не меньше отца. Она не подходила к нему в течение нескольких минут, но и не уходила... Когда он наконец решился взять ее на руки, она тихо, безропотно и совершенно растерянно терпела прикосновение незнакомых рук, поцелуи... Позже мы ей показали подарки Севы: куклу и мишку, но она не обратила на них внимания. Спать она пошла также безропотно — без обычных привычных шалостей. Лежала тихонько-тихонько и заснула, так и не проронив ни звука...

Да, дорогая, свершилось то, о чем я мечтала долгие месяцы... Я понимаю, что это огромное счастье, что тысячи женщин многое отдали бы, чтобы пережить то, что дано мне... Но я уже считаю оставшиеся до его отъезда десять — двенадцать дней...»

Слушал радио... Видимо, операции на Центральном фронте, в частности взятие Великих Лук, преследуют крупные цели. Это выдвижение в сторону Двинска... Хотелось бы полного отсечения немецких войск, перехвата Двинско-Псковской железной дороги и выхода на прибалтийские коммуникации.

На экранах кинотеатров Москвы возобновили мой и Э. Шуб² фильм «Испания» (выпуск 1939 года)...

¹ К Матюшиной О. К., ленинградской писательнице.

² Кинорежиссер-документалист.

4 января 1943 года.

Снежно, тихо...

Сводки дают впечатление *нарастания* ударов, чередующихся на разных фронтах... А в резерве еще Карельский, Ленинградский, Волховский, Северо-Западный и Калининский фронты, южная часть Центрального, Брянский, часть Воронежского. Нет сомнения, что и эти силы будут использованы до весны, до распутицы. Сейчас идет планомерная гигантская южная операция и вызревает новая: видимо, окружение на Северо-Западе с целью отсечения немецких армий от восточно-прусской границы.

Подготовил доклад к собранию писателей — о ходе войны. Это некоторые мои военно-исторические размышления за последний период: о немецких и советских военных школах, доктринах; о Восточном плане немцев; о Гофмане и др.; о Гитлере и его военной «практике»...

«Альманах» в Ленинградском ССП¹. В доме неуютно, темно. Неведомые тетки у дверей; отдельная комната Гослитиздата, пустая бильярдная, холодная лестница. Наверху зал с елкой... Собираются туго; некоторые «обедают»... Беседовал с Кетлинской — о Зонине. Он болен, волнуется за судьбу новой книги...

«Альманах» был довольно удачный. Точные и сухие записи Груздева о действиях Кронштадтского истребительного полка... Хорошие стихи у О. Берггольц и В. Лифшица. Это вызревшее, откровенное... Это берет за душу...

В. Инбер прочла несколько юмористических и шуточных стихов, милых, забавных, и внесла некоторое разнообразие.

Я поделился своими мыслями о войне: о противнике, об опыте и уроках 1914—1918 годов и т. п.

В городе — темень... Мягкая погода, выпал снег.

В булочных (в очередях) некоторые с завистью поглядывают на тех, кто уже получил хлеб... Видимо, это продолжение психоза, боязни голода, стремление скорее и больше поесть... Хотя в столовых, как говорят, изредка на столах уже остаются тарелки с *недоденным* супом.

«В последний час». Взят Чернышковский (город и станция). Большие трофеи: 2 миллиона снарядов, 500 тысяч авиабомб. Наступательные бои на ряде других фронтов. В излучине Дона немцы попадают в кольца, блокируются.

¹ Союз советских писателей.

5 января 1943 года.

Работаю... Временами — артиллерийские выстрелы...

В утренней сводке. Показания пленного унтер-офицера 6-й танковой дивизии: «Гитлер снимает части из Франции и перебрасывает их на Восток...»

Долго ли будет ждать Англия? Если Черчилль говорил о тридцати трех немецких дивизиях на Западе, то сейчас их, видимо, меньше.

Окруженные под Сталинградом двадцать две немецкие дивизии истощаются. Питание — 100 граммов хлеба; едят коней (кавалерии и обозов). Некоторые гибнут от дистрофии и холода. Живут слухами: «Нам на выручку идет генерал Манштейн. Идут танки...» Окруженные части наспех строят ряд полевых укреплений, минных полей, проволочных заграждений и т. п. Напрасно! Положение их непрерывно ухудшается.

«Daily Telegraph and Morning Post»¹ от 2 января: «К восхищению, которое мы выражали (России) в 1942 году, прибавится соравнение с русскими в 1943 году».

Из новогодних приветствий. Л. Фейхтвангер: «Многие влиятельные круги все еще пытаются умалить роль Советского Союза в глазах всего мира. Но каждая новая победа Красной Армии помогает разрушать этот заговор...» (Здорово!) Э. Хемингуэй: «Вы спасли мир от сил варварства в 1942 году, оказывая сопротивление одни, почти без помощи...»

Урал за последнее полугодие увеличил выпуск танков, самолетов, орудий и минометов на 200—250 процентов. В десятки раз увеличен выпуск реактивных установок («катюши»). В Ленинграде налажен выпуск пятидесяти двух видов вооружения и боезапаса.

Получил испанское издание «Интернациональной литературы», № 5, где мой рассказ «В море». Там же в статье о морских писателях СССР дана краткая характеристика моей литературной деятельности и прочее...

Письмо от А. Тарасенкова — торопливое, но с некоторыми московскими подробностями.

Получил пачку новых книг и брошюр, главным образом «Советского писателя». Взял книгу покойного Е. Петрова. Мы не дружили — были очень разные, но хочется прочесть его книгу, чтобы еще что-то понять в нем...

Читаю Е. Петрова. Это чуть-чуть от «одесской школы», чуть-чуть от европейского репортажа, — это, конечно, штрихи, поверхност-

¹ «Дейли Телеграф энд Морнинг Пост» — английская газета.

ный рассказ, где все правильно, удачно, благополучно... Порой очень точные детали, простая проза: допрос старосты-изменника; пейзаж, сгоревшая деревня. О Севастополе общо, расплывчато... Мало конкретного материала. Многое (с репортажной ретушью) сплетается с анекдотизмом, с нарочитым обнажением своей «штатской» роли, с агитационными вставками... А рядом о Москве — острые писательские наблюдения, интересные размышления о природе войны (о запахах ее), о немецких «плановых» просчетах и пр. Минутами ощущаешь — вот документ битвы за Москву... Прорыв на «Ташкенте»¹ так напомнил мне наш прорыв из Таллина...

Новые удары на Дону и Северном Кавказе: взяты Морозовская, Цимлянская (это замыкание третьего кольца!); взяты Нальчик и ст[аницы] Прохладная, Котля[ревская]...

Гитлер получит 30 января 1943 года — к десятилетию своего рейхсканцлерства — хорошие подарки от Красной Армии!

8 января 1943 года.

Мороз до 20 градусов. Видимо, зима берет свое. Иней... Розовое небо.

6 и 7 января на подступах к Ленинграду сбито 5 немецких самолетов.

Из быта. Питаюсь дома, живу на котловом командирском пайке... Временами получаем посылки. Дров на зиму запасли для всего домика. Если экономно топить, пожалуй, хватит. За пилку дров отдаю восемь килограммов хлеба в месяц (больше трети своего хлебного пайка). Пилит Шура² — жена нашего соседа-милиционера. У них двое ребят, их нужно поддерживать, а она человек гордый и «подачек» не хочет. Помогаем им чем и как можем, а они в свою очередь помогают нам.

...Работаю. Написал с подъемом статью для Волховского фронта (к готовящемуся удару).

Был Л. Осипов³, говорит, что есть признаки наступления. Просит дать статью о морской артиллерии, об авиации и о морской пехоте.

В «Правде» интересные статьи на международные темы.

Италия маневрирует. Муссолини 2 декабря 1942 года заявил: «Наше положение заставляет нас идти с одними, когда мы хотим разрешить проблему наших континентальных границ, или с дру-

¹ Военный корабль, на котором находился писатель Е. Петров при эвакуации Севастополя в июле 1942 года.

² А.И. Обертышева.

³ Редактор газеты «Красный Балтийский флот».

гими, когда мы хотим разрешить проблему наших морских границ...» Сейчас, видимо, идет игра, торг... Гитлер стремится удержать Тунис, наводняет Италию своими войсками и агентами. Сколько невидимых дел, незримых процессов! Может быть, пауза в Северной Африке связана с английскими и американскими дипломатическими ходами?

В Венгрии — опасения за исход войны; разговоры о независимости; слухи об отозвании венгерских войск с Восточного фронта. «Мы хотим сохранить лишь то, что нам принадлежит...» Серьезные перемены!

Из английской прессы: «Немцы бросают к Ростову крупные резервы и говорят, что восстановят положение на Юге». Англичане умалчивают, что эти резервы — из Западной Европы.

Есть сообщение о соединении Сталинградского и Кавказского фронтов за Элистой.

9 января 1943 года.

...Вечером был А. Крон. Сидели у С. К.¹ Сегодня год ее службы в КБФ²... Говорили о литературной работе, о пьесах, об осени 1942 года...

Ночью тревога. Постукивают зенитки.

Читал Ан. Франса «Последние страницы», «Диалоги под розой» — скептические горькие размышления о мироздании, об ограниченности человеческих возможностей, о войнах, о некоторых социальных перспективах...

10 января 1943 года.

Солнечно. Мороз до 20 градусов...

Продвижение на Юге. Энергичные удары на Нижнем Дону, прорывают немецкую оборону на реке Северский Донец. Напряженнейший инте[нсивный] ход: к Ростову, к Батайску! Отрезать немецкие армии на Кавказе!

...Воздушная тревога. Глуховатый зенитный огонь...

По ходу операций на Юге видно, что окружение двадцати двух немецких дивизий лишь частность — они блокированы и будут уничтожены. Стратегические цели идут гораздо дальше: видимо, это отсечение и уничтожение сталинградских и кавказских армий

¹ С.К. Вишневецкая — жена Вс. Вишневецкого.

² Краснознаменный Балтийский флот.

противника; затем развитие весенних операций с преимуществом сил и в сочетании с ударами союзников.

11 января 1943 года.

Тихо, мороз спал. Днем — голубые просветы...

Подготовка к наступлению на Ленинградском и Волховском фронтах завершается. Ряд признаков в Н-ской армии: усиление деятельности штабов; некоторые намеки корреспондентам, журнал[истам]: «Погодите, через недельку будет о чем писать».

Немцы, рассчитывая на пассивность Англии и США, перебрасывают с Запада дивизии, чтобы остановить наш удар на Юге... Нет сомнения, что, помимо южных операций, поглощающих немецкие резервы, грянут операции и на других фронтах, в частности (а может быть, и в первую очередь) *под Ленинградом*. Видимо, поставлена задача: пробить блокадное кольцо и смять (охватить) немецкую группировку от Ладоги до Новгорода. Январь безусловно будет активным.

Весь день писал о Кронштадте. (Родное, близкое... Стало лучше на душе.) Завтра моя книга «Крепость Кронштадт» будет наконец сдана в Гос[ударственное] лит[ературное] издательство. Долог ее путь — от первых записей в кронштадтской библиотеке¹.

Вечером вышел в сад... Сильный артиллерийский огонь. Тревога. (Репетиция артиллеристов или?..)

В передовой «Правды» (в связи с награждением строителей) говорится о перспективе больших строительных и восстановительных работ в Донбассе, в Приднепровье и др. (!)

...Вечером, около 10.30, ко мне пришли из Пубалта². Срочный вызов: на фронт, в Морскую артиллерийскую железнодорожную бригаду.

Отложил все дела, бумаги... Быстро собрался, — запер дневники, взял оружие и противогаз. Со мной едет Успенский, а Чуковский и Мирошниченко³ — в авиацию. Выезд ночью. Готовятся из штаба и из Пубалта.

Зашел к Рыбакову⁴ — он болен, но тоже едет на фронт. Сообщил мне: «Артиллерии навезли до черта. В 8 утра народ обрадуется... Помнишь, как били осенью? Теперь еще хлеще будет!»

Ну, приходит наш день, всерьез беремся!

¹ В сентябре — октябре 1941 года.

² Политическое управление Краснознаменного Балтийского флота (ПУ КБФ).

³ Писатели, офицеры КБФ.

⁴ Заместитель начальника ПУ КБФ.

Договорился с заместителем начальника штаба, — поеду на машине с капитаном, который везет приказ № 08 о решении исторической задачи — *прорыве блокады*.

«*В последний час*». Взяты Минеральные Воды, Пятигорск, Кисловодск и др. — весь район. Видимо — рывок конницы и танковых частей. Чтобы выйти к Ростову, надо преодолеть расстояние в 400 километров, если не больше, а наши идут наперерез по Нижнему Дону, и им до Ростова осталось менее 75 километров. Отлично!

Настроение бодрое, боевое... Зашел в партийное бюро, внес две тысячи рублей на постройку катеров.

Хорошо попрощался с С. К.

Едем мимо Финляндского вокзала. Памятник Ленину будет раскрыт¹... Как этого ждешь!

На шоссе — грузовики, танки. Запах бензина... Серая муть снегов...

Проверка документов; девушка в тулупе дает направление. Идем на Колтуши — Озерки и дальше. Движение войск, машины разных типов, сани. Пехота. Регулировщики.

Ночь... Вспомнились бесконечные поездки: Испания, Дальний Восток, Финляндия, Прибалтика, Бессарабия, фронты Отечественной войны.

Свернули влево — в лес. Там замаскированные медсанбат и КП² начальника артиллерии КБФ — вице-адмирала Грена. Отдали ему пакет — приказ № 08.

Поворот — и к железной дороге, ближе к Манушкино... Прошли пешком по шпалам полтора километра. Стоят эшелоны: два — армейские, третий — моряки. Здесь — штаб Морской артиллерийской железнодорожной бригады.

12 января 1943 года.

4.40 утра. Мы у генерал-майора Дмитриева. Он лишь в 2 часа лег подремать, но его разбудили. Прочел приказ: «Ждал!»

Генерал сообщил нам обстановку: «Шла сильная концентрация нашей армии и морской артиллерии. Мы тщательно готовились. Наша разведка сообщила, что в районе Дубровки — 170-я пехотная дивизия противника, особо отмеченная Гитлером за бои на Украине и в Крыму. Пришел их час! Обещаем братьям-украинцам и защитникам Крыма рассчитаться с этой дивизией беспощадно!

¹ В период блокады Ленинграда памятник в целях сохранения был закрыт мешками с песком и обшит досками.

² Командный пункт.

Пленные с разных участков нашего фронта уже говорят: «Мы голодны, устали...»

Задачи двух групп Морской артиллерийской железнодорожной бригады: бить по артиллерии противника, его узлам, управлению и т. п.

Немцы бьют главным образом по площади. Боезапас не жалеют, забрасывают *всю* площадь.

На днях наградили шестьдесят краснофлотцев и командиров. Награжденные все время спрашивали: «Когда мы ударим?» Люди горят желанием наступать, освободить Балтику, плавать.

Краснофлотец Сиваков (комендор¹) говорит: «Я во сне видел, что ударили и прорвали». Жаждают дела, — только работу давай!

Сидим в вагоне. Накурено, полутьма... Горит керосиновая лампа без стекла. Холодно. Люди позевывают, не выспались...

Рассказываю товарищам о сообщении «В последний час». Говорим о предстоящем бое, ждем сигнала.

Ну, ленинградцы, дело за нами!

Батареи будут бить на 16—17 километров — по узлам сопротивления. За Невой — укрытая снегами многорядная сеть опорных пунктов противника. Но мы стрелять научились (на днях со второго залпа подожгли бронепоезд у Красного Села). Долбать будем три с половиною часа. Расчистим путь пехоте, а потом — по обстановке.

Командиры прочли личному составу батарей приказ № 08; отдали распоряжение проверить материальную часть.

— Наконец, дождались!

На КП. Начнем в 9.30. Боевая тревога.

— К бою готов!

Команды, азимуты...

Наша батарея — в центре южной группы Морской артиллерийской железнодорожной бригады. Северная группа — бьет по Шлиссельбургу.

Над Невой повисла «колбаса»². Вспышки... Резкий звук — раскаты эха. Шум авиамооторов. Вдали — багровое зарево.

9 часов 30 минут. От истоков до устья Невы раздался гул, грохот и рев наших орудий. Временами — оглушительный рык «катюш». Черный дым, визг пролетающих снарядов. Резкое шипение справа. Бело-желтые вспышки за Невой...

¹ Матрос-специалист, обслуживающий морские артиллерийские установки.

² Аэростат для наблюдения и корректировки.

Рокот авиации— идут наши самолеты: пять «илов», два истребителя. Огонь немецких зениток. Снова рокот моторов, резкие выстрелы, гул слева. Выстрелы наперебой. Малиновые кольца в желтом дыму...

Резкие возгласы «товсь» и мгновенно — залпы.

Снова семь самолетов-бомбардировщиков (идут справа) и два истребителя — для прикрытия.

Небо серое. Розовые просветы...

Наши батареи чередуют огневые налеты и методический огонь. От корректировщиков пока сведений нет. Подвывают первые немецкие ответы.

10 часов... 10 часов 10 минут.

— Порядок?

— Порядок! Даже больные и раненые вернулись в строй — стреляют!

Низко идет «ил», возвращается к аэродрому. В сером небе плывут еще два «ила», — задание выполнили.

...Пошел на командный пункт генерала Дмитриева. Наблюдатель передает: «Дым, плохо видно». Работают наши минометы, «катюши». Над Манушкино кружат два «мессершмитта».

Все время телефонные звонки: «Усилить огонь!»

Минут через сорок начнется атака.

Ответный огонь немецких батарей. Мигает лампа, дребезжат стекла, вздрагивает фанерная обшивка.

С 9.30 до 12.30 батареи нашей группы должны выпустить сто тринадцать с половиной тонн металла. Артиллерия бьет без передышки по глубине противника. Наши наблюдатели взобрались на телеграфные столбы. Некоторых сразили осколки, но тут же на их месте появлялись другие и продолжали корректировку огня.

Немцы ведут контрбатареиную стрельбу. Отдельные минометы бьют с нескольких мест по наблюдательным пунктам, по армейским (полевым) и по морским батареям... Немцы «вспахали» кладбище снарядами.

Наш главный артиллерийский удар — левее пятачка¹, вплоть до Шлиссельбурга. Посмотрим, как *мы* там «перепашем». Работает больше сотни орудий. Наша артиллерия теперь в несколько раз сильнее артиллерии противника, но он может подтянуть резервы.

Сильные взрывы у 8-й ГЭС — у немцев.

— Не давать им дышать!

¹ Так назывался небольшой плацдарм на левом берегу Невы, удерживаемый нашими войсками.

12 часов. Связь рвалась до трех раз, восстанавливали под минометным огнем. У противника до шести узлов сопротивления — Дубровка, 1-й и 2-й Рабочие поселки и др.

— Пехота просит огня.

— Кто может дать?

— Ну-ка, у Беляева есть резерв. Быстро! Дать двойную норму!

На переднем крае ничего не видно. На КП все ходуном ходит. Бесперывный обстрел... Противник ведет огонь по переправе. Огневой налет.

— Прикажете усилить наблюдение!

Еще двадцать минут — плановый огонь, а затем будем бить по выбору командиров дивизионов, по усмотрению наблюдательных пунктов и по приказам пехоты.

— Опять пришел! (Разрыв немецкого снаряда.)

Бьют немецкие минометы.

У орудия — девушка с двумя нашивками: золотой и красной (знаки ранения). Она сосредоточена, не обращает внимания на других.

Два «мессера»... Шесть наших самолетов... Воздушный бой у Большого Манушкино. Синхронные залпы морских батарей. (Огромный внутренний подъем!)

— Заканчиваю расход по плану. У меня — всё. (Докладывает командир одной из батарей.)

Наши танки пошли через Неву! Штурмует наша авиация.

Северная группа еще бьет по Шлиссельбургу. Остается пять минут. Кончают. Дымовые завесы. Впереди ничего не видно. Все затихло.

Ровно 12 часов 30 минут. *Наши на территории противника!* Пехота рванула в атаку — по снежным сугробам, под огнем противника — вперед! Многие идут с песнями, и ветер доносит к нам знакомые слова.

Балтийские моряки вместе с армией пошли в шестую битву за Ленинград!

Теперь будем работать по заданиям... Противник ведет методическую стрельбу. Некоторые снаряды не рвутся. Смех... Генерал Дмитриев говорит:

— Пусть продолжают в том же духе. Принять меры к подавлению батарей противника.

Передний край совсем заволокло дымом. В данный момент наша главная задача: контрбатарейная стрельба.

...Я пошел с замполитом на батарею.

— Взять под обстрел цели 933, 750, 961. Действуйте быстро!

На переднем крае по-прежнему ничего не видно — дым. Яркое солнце. Искрится снег, все серо-голубое и белое. У наблюдателей заиндевели ресницы.

С Невы доносится пулеметная и винтовочная стрельба. Залпы... Опять бьет немецкая артиллерия, — все дрожит.

— Что происходит?

Война — воюют, стреляют. Что может быть конкретной?!

...Воздушный бой; упал один наш истребитель, второй пошел на посадку. Высоко над нами пролетают «юнкеры»... Разрывы бомб...

Идем (2 километра) на КП бригады. Поступают донесения, сводки:

— Наши продвинулись до 8-й ГЭС.

— Сильнейший минометный огонь противника. Работают и его батареи.

Темнеет. Молодой месяц... Вернулись на батарею. Топится печка... Методический огонь с 24 часов до 3 утра.

3 часа. Подвезли новый боезапас, продовольствие, ракеты... Расстояние увеличилось — фронт продвигается.

С наблюдательного пункта сообщили: нашей пехотой уничтожено несколько танков противника.

Мертвенно-желтые ракеты перемежаются с красными и зелеными. Вдали, в предрассветной мути, глухо урчит Волховский фронт, движется нам навстречу... Сообщили, что с Ладожского озера идут наши лыжные отряды.

Фронт Гитлера трещит!..

13 января 1943 года.

9.30 утра. Сильный артиллерийский огонь по направлению главного удара. Пробиваем!

9 часов 45 минут. Наша батарея открыла огонь. Ответные залпы немцев. Разорвалось одно орудие, есть убитые и раненые. Пять человек тяжело ранены. Все покрыто черной копотью, разворочено. Оторван огромный кусок казенной части, замок. Влево — лужа крови. Санитары нервничают.

День серый; тихий редкий снег... Висит «колбаса» с наблюдателями. Гул «катюш».

На моей койке лежит раненый — комендор Василий Сиваков (это ему снился сон, что «ударили и прорвали»). Стонет... Затих... У него сильный ожог и ранена голова. Пришли товарищи и унесли его в санчасть. Отправили и остальных раненых.

Надо выступить, подбодрить людей. Сказал командиру огневого взвода, чтобы стер кровь с полушубка (он помогал санитарам). Артиллерийский огонь...

Собрали бойцов. Выступили: замполит, командир орудия и я. Тут же, у орудия, провели партсобрание, прием в партию.

На КП бригады. Московская Дубровка взята. Войска идут и идут через Неву. По всей линии — в рост, винтовки на руку! Хорошо! 8-я ГЭС окружена, продвижение идет успешно. Бьют «катуши». Фашистские собаки! Узнали, что такое морская артиллерия!

Смотрю по карте: от Дубровки до 2-го Рабочего поселка на Ладоге — 5 километров через болота. Надо думать, что на этот раз наши их одолеют. Мы делаем свое дело, но кто нанесет главный удар? Волховский фронт или мы с Н-ской армией?

Пролетели самолеты... Огонь противника несколько затих. Пошел на батарею.

Выгружаем боезапас.

С КП дивизии вернулся командир батареи, сообщил нам:

— Немцы ошалели от огня. Взято Марьино, отрезан Шлиссельбург. Если дальше так пойдет, то числу к 15-му и о нас будет «В последнем часе»!

16 часов 45 минут. Написал с Л. Успенским корреспонденцию в газету бригады (копия в «КБФ»¹). Послал вызов А. Крону, краткую информацию начальнику Пубалта Лебедеву, привет С. К.

Канонада ослабевает. Новое продвижение. Пролетают самолеты...

Беседую с командирами и краснофлотцами. «Почему союзники выбрали южное направление, Средиземное море?..» — «Правда ли, что во Франции есть сдвиги? Что французские колонии объединились и создают армию против Гитлера?..» — «А французский флот не дался немцам?..» и т. д.

Записал на батарее:

«Бумажку дашь — табак ваш,
Огоньку добудешь — вот и покуришь».

Темнеет. Боевая тревога. Бьем уже за Московскую Дубровку, к востоку...

«Дробь»² — там уже наши.

Сидим греемся у печки, ждем новостей.

¹ Газета «Красный Балтийский флот».

² Флотское уставное выражение, заменяющее команду «Прекратить», «Окончить» (сохранилось по традиции, так как в парусном флоте прекращение огня давалось барабанной дробью).

Получили заявку от армии: бить по колонне пехоты и танкам противника. Ударили и две соседние батареи... Колонну рассеяли, были хорошие попадания.

Беседовал с генералом Дмитриевым об обстановке. Нами взяты на берегу Ладожского озера 1, 2 и 3-й Рабочие поселки. 4-й и 5-й должен занять Волховский фронт.

Через Марьино у нас ворота: Пильня — Мельница. И таким образом части Н-ской армии всего в двух километрах от наших частей, находящихся на ладожском берегу. Немцы выходят из Шлисельбурга по лесным и болотным дорогам. 8-я ГЭС блокируется — даем по ней огонь. Бьем и по Анненскому, и по Мустолово. В целом обстановка складывается благоприятно...

Сообщили, что в 8 вечера в Ленинграде была воздушная тревога.

14 января 1943 года.

Приехал Крон, привез мне письмо от С. К. Огорчается, что из-за работы в Театре КБФ ее не послали на фронт...

Яркое солнце, шиплет мороз. Идем с Кроном по шпалам на дальнюю батарею. Внезапно налетели два «мессера»: короткая очередь — сбили «колбасу», — яркий огонь, наблюдатель спустился на парашюте... «Мессеры» снизились над эшелоном, обстреляли его и ушли... Все длилось несколько секунд, — наши не успели открыть зенитный огонь.

Свернули вправо, в лес, на батарею капитана Тарасова. Замаскированные елями землянки, шалаши; развешаны стенгазеты, лозунги. Виден порядок.

Беседа с командиром и замполитом.

Отправились к орудию № 2 — лучший расчет. Сидим в землянке; в открытую дверь — солнце. Я расспрашиваю бойцов. Любопытные рассказы.

Боевая тревога... Дали беглый огонь — восемь снарядов — по немецкому железнодорожному транспортеру. Накрыли и подавили.

Продолжаем беседу... Успенский и Крон записывают. Это будет материалом для листовок.

...Пришел старший лейтенант товарищ Вакула. Его батарея только что била по Мге — там большие взрывы... Сейчас буду с ним беседовать. В целом — отличные впечатления.

Написал листовку о старшем лейтенанте Вакуле (три страницы от руки). 12 января он дал 600 выстрелов взводом; на ходу менял части орудия и т. п.

К закату, в 16.30, вернулись в эшелон батареи. Дивный вечер, розовое небо.

Сводка:

«Рабочие поселки — 1, 2 и 3-й — заняты нашими войсками. Захвачены три орудия с боезапасом. Из этих орудий наши войска уже ведут огонь по противнику. Беляевское болото и 5-й поселок окружены. Бой идет на окраинах завода Вимпа и на юге, по дороге к ст[анциям] Подгорное, Синявино. На восток от Московской Дубровки до меридиана 87 нашими войсками все захвачено. В районах Мустолово, Анненское, Лобаново идут упорные бои. 8-я ГЭС в окружении.

В 12 часов 55 минут противник контратаковал несколькими батальонами плюс семнадцать танков (у Мустолово). Два батальона противника уничтожены полностью, танки отступили.

Оперативный дежурный бригады».

...На фронте авиация противника дерется вяло — появляются лишь отдельные «мессеры». Чаще бывают налеты на Ленинград.

Нашей бригаде приказано: перебросить посты наблюдения на левый берег и передвинуть по железной дороге три батареи вперед, в направлении переправ...

Огонь морской артиллерии точен и силен, — и армия его часто просит.

15 января 1943 года.

10 утра. Морозно. Резкий холодный ветер с Невы.

Идем, минуя несколько эшелонов, на батарею, которую обстреливали вчера вечером. Встретил там начальника политотдела бригады. Еще раз вместе проверили и дополнили две листовки. Они уже сданы в печать.

На ходу побеседовал с командиром орудия.

Пошли дальше, на другую батарею. У железнодорожного полотна — свежие воронки. Справа армейцы заготавливают лес на дрова, шпалы и т. п. Тащатся обозы (на санях)... Переезд через железную дорогу. Обходчицы проверяют пути. На железнодорожной ветке, в лесу, стоят два транспортера с пушками. Тут же землянки.

На КП батареи. Хороший вагон, тепло, чисто. Толковый замполит. Проверяем с ним по карте обстановку. Рядом бьют армейские орудия (на позиции до сорока «катюш»). Они работали и 12 и 13 января. Артиллеристы несколько удивлены слабыми ответами немцев...

За обедом — рассказ о Белоостровской операции в 1941 году:

«...Группа моряков взяла важный рубеж. Один из них всадил в гребень немецкого окопа русскую винтовку и на четырехгранном штыке укрепил *матросскую тельняшку*. Ветер взметнул ее, как вызов, как боевое знамя...» (Использовать для пьесы¹.)

После обеда — наш огневой налет, двадцать выстрелов... Быстрая стрельба, резкие команды. С дымом вылетают горячие гильзы — шипят на снегу; острый запах горелого пороха. Иногда накатники действуют туго, — тогда три-четыре моряка плечом, спиной подталкивают орудие.

12 января наша стрельба перекрыла все нормы. Орудия накалялись... «Хоть котлеты жарь!» — шутили краснофлотцы.

Пошел к орудию младшего командира Тыквы. Он украинец, невысокого роста, хитер — «дядько» из запаса...

— Я у Польшу ходыв, но вийна кончылась, нэ доихав. Пóтим у Финляндию ходыв, в дорози вийна кончылась — нэ доихав... А тэ-пэр доихав — воюю.

Сидим беседуем. Бойцы говорят просто, порой метко — не успеваю все записывать. Здесь уже *устоявшийся* фронтовой быт, люди бывалые.

15 января 1943 года.
Вечер.

Зашли в землянку. Нас встретил расчет... Моряк — гатчинский рабочий — спрашивает: «Что на фронте?» Даю сжатое описание действий за трое суток, предупреждаю, что операции фронтов бывают *длительны*. Слушают внимательно... Мечтают стать гвардейцами. Ругают бойца, который где-то достал семьсот граммов водки, напился и этим подпортил репутацию батареи...

Разговорился с товарищем Валецким. Он — с Дунайской флотилии, участник обороны Одессы и Севастополя. Был ранен, теперь — в обороне Ленинграда.

— Будут у меня и медали, и нашивки, и значок снайпера. (Говорит просто, весело.)

Иные молчаливы, думают что-то свое... Военный совет очень интересовался поведением молодых. Смогу доложить, что они держатся хорошо, равняются по старшим.

...У краснофлотцев одно общее, определенное стремление — вперед! Никто не сомневается в конечной победе...

¹ Вс. Вишневский впоследствии использовал этот эпизод в финале своей пьесы «У стен Ленинграда».

16 января 1943 года.

Есть подтверждение, что около 11 утра Ленинградский и Волховский фронты *соединились* у 5-го поселка.

«Катюши» бьют по 8-й ГЭС. С утра на 6-й поселок и Мгу ходят наши бомбардировщики, без истребителей. Мы били огнем налетом по скоплениям немецкой пехоты у 6-го поселка — выпущено более ста снарядов.

Совинформбюро. Наступление на Северном Кавказе (к Дивному и Ворошиловску); наступление в районе Зимовники; снова началось наступление в районе Северского Донца, взята ст[анция] Глубокая. Таким образом, вынудив противника подтянуть резервы к Ростову, мы начали бить, охватывая их и с севера. Бои на Центральном фронте. Крупные трофеи на Северном Кавказе. В Сталинграде очищен от гитлеровцев еще ряд кварталов. Ликвидация окруженных в районе Сталинграда войск противника близится к концу.

От боевого возбуждения последних дней все перешли к рабочему, обычному состоянию... Солдатский быт — стирка, штопка, бритье. Надо бы в баню!

С фронта слышна артиллерийская и пулеметная стрельба. Сообщают, что противник жестоко обстреливает Ленинград. Мстит!

Наш участок — лишь частица огромного Восточного фронта. Дело *не только* в прорыве участка Мги, но и во взаимодействии с другими фронтами, в сковывании и разломе сил противника. В газетах от 15 января пишут, что немцы «готовятся на Востоке к решительному удару»... Достоинству встретим!

Считают, что надо наступать *и в обход Мги* — жать на Красногвардейск. Идет сильный бой у Синявино.

Сегодня противник бьет из 210-миллиметровых и других орудий по переправам у Невской Дубровки и по нашим батареям. По соседней выпущено пятнадцать — восемнадцать снарядов, но жертв нет.

В 9.40 вечера — *сводка и шифр:*

«*Войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились у поселка № 5. В частях идут митинги. Штурмом взят Шлиссельбург; здание 8-й ГЭС окружено вплотную, немцы отстреливаются, бьют из минометов. (Надо бы уберечь здание и установки.)*

Часть артиллерии противника отвлечена на Синявинский участок. Уничтожены объекты противника в квадрате «Ландыш». В

районе Мустолово — упорные бои: наши прогрызают оборону противника».

Вести хорошие! *Наконец-то прорвано кольцо!* Шлиссельбург будет базой Ладожской флотилии!

Телеграмма от редакции «Красного флота»: просят статью «Город Ленина». Надо дать... Послал через редакцию бригады телефонограмму С. К. (привет и сообщение, что срок пребывания в бригаде продлю).

«В последний час». На Воронежском фронте наши части прорвали оборону противника. Под Сталинградом наше командование предложило командованию окруженных немецких войск сдаться. Отказ. Всего из 220 тысяч уничтожено *до 140 тысяч*. От голода и мороза у противника вымирает в день до пятисот человек.

Это им, хотя бы отчасти, ответ за умерших от голода, за погибших от бомбежек и артобстрелов ленинградцев... *Какая символика — окружение, гибель, вымирание немецких войск под Сталинградом, на решающем направлении гитлеровского удара!*

17 января 1943 года.
Воскресенье.

Относительно тихо... Вероятно, перегруппировки и новый этап операций.

Готовлюсь к очередным беседам на батареях.

В 11 утра — вылеты нашей авиации... Идет осада 8-й ГЭС. Упорные бои у Синявино.

Звонок из ПУ: Рыбаков просит дать к 21 января статью «Люди и боевые дела артиллеристов».

После обеда пошел на батарею к соседям. Падает снежок... По дороге встретил Крона и командиров батареи и дивизиона.

С подъемом провел беседу с личным составом. Говорил полчаса: обзор хода войны; о нашей операции... Призывал *к напряжению всех сил*.

Сидим на КП. Топится печурка, работает телефон, рация. Вьется дымок... Поговорили о Станюковиче, Лескове, Щедрине. Говорили, конечно, и о войне, о том, что и *без Второго фронта* у Гитлера за последние два месяца выбито примерно семьдесят дивизий, то есть почти треть его армий на Восточном фронте. Это сильнейшим образом скажется на следующих операциях. Наши удары будут нарастать и нарастать. Если бы последовали удары на Западе — дело Гитлера было бы кончено в 1943 году.

На батареях девушки шутят:

— Уже считаемся старыми моряками.

Порой из-за них возникает «Дело о целовании часового на посту», чему прецедентов до сих пор в военных судах армии и флота не было.

На орудийном расчете старшего сержанта Четверикова. Все коммунисты, многие вступили в партию во время войны. Батарея работает с октября 1941 года. Противник их обстреливал тридцать восемь раз (всего до 550 снарядов), но — никаких повреждений. Все отмечены значками, медалями, а командир и комиссар получили ордена. Этот расчет побил все нормы по числу выстрелов. Умеют работать!

18 января 1943 года.

Новый штурм 8-й ГЭС не удался... Бои — к озеру у поселков. Видимо, контратаки противника. Подошли свежие части. Сегодня за Невой весь день стрельба, ясно слышны пулеметные очереди в направлении Мустолово.

Батарея товарища Жука получила приказание дать шестьдесят снарядов по 8-й ГЭС. Послан корректировщик.

Дивизия Краснова, говорят, понесла большие потери.

За ужином генерал-майор сообщил: «Грен передал, что Шлиссельбург взят окончательно. Над собором — красный флаг. Это в центре, у рыночной площади».

«ОВС» («один военный сказал») сообщает, что в поселке № 5 — банкет соединившихся частей Ленинградского и Волховского фронтов... Завидуем!

С Ладоги к 8-й ГЭС идет бригада морской пехоты. Эти ударят!

23.00, «В последний час». Войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда. Заняты Шлиссельбург, станция Синявино, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка; 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8-й Рабочие поселки. Операцией руководили маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и Г. К. Жуков. Прорыв осуществлялся генералами Л. А. Говоровым (Ленинградский фронт) и К. А. Мерецковым (Волховский фронт).

Пришел веселый генерал-майор Дмитриев. Рассказывает:

— Первым пробился сквозь немецкие укрепления, с хода взял поселок № 1 и выйдя на соединение, батальон капитана Федора Собакина. Бойцы крикнули во весь голос: «Здравствуй, Большая земля!» Волховцы стиснули их в объятьях... Какой-то майор спро-

сил: «А где здесь моряки? — и бросился их целовать. — Ну, черти, и били же ваши батареи».

Ликуем! Какая радость для Ленинграда! Семнадцать месяцев блокады, мук, ожиданий... Выдержали! Вот и на нашей улице праздник! (Дополнил очерк.)

23 часа 40 минут. Боевая тревога! Орудие № 2 бьет по Мге. Результаты огня: с первого выстрела — пожар. Два сильных взрыва — и батарея противника замолчала. Отлично!

Звонок из Ленинграда:

— Утром прибыть в Пубалт.

— Есть.

Мягкая облачная ночь. Все взбудоражены, строят планы... Да, в эту зиму закончился огромный цикл войны. Начался новый. *Не планы Англии на 1943 — 1944 годы, а русская борьба 1941—1942-го определила ход событий.*

Итоги. Наша южная группа — восемь батарей — дала 4812 выстрелов (171 тонна металла). Северная — еще больше. По фронту — 450 тонн.

Выдвигать: 1. Тарасова,

2. Потехина,

3. Тыкву (старшина орудия),

4. Майора Жука (командир батареи),

5. Солдатов (командир транспортера),

6. Барбакадзе (командир батареи, дал около 400 выстрелов).

Что характерно для операции:

1. Массированность огня: наши батареи, корабли Невы плюс армейские батареи; били 3 часа 15 минут — краска на орудиях горела. Существовавшие нормы перекрыты в десять раз!

2. Прекрасные отзывы красноармейцев и моряков: «Идешь в наступление, и морские батареи сразу переносят огонь дальше...» — «Жахнет орудие — точно...» (Это подтверждают в своих показаниях и пленные.)

3. Работали все — включая больных, телефонисток и радиосток — безупречно. Нагрузка, считая подготовительный период, очень большая — погрузки; рубка леса под обстрелом; большие строительные работы — позиции, блиндажи, командные пункты. За последние дни перетасили сотни пудов боезапаса; командиры и политработники помогали. Все падали от усталости, но задание выполнили.

Это надо все прочувствовать, видеть...

19 января 1943 года.

Встал затемно... Прочел полученный по телефону подробный текст «В последний час». В трудных условиях прорвана блокадная линия; разгромлены четыре немецких дивизии и отдельные части... Уничтожено более четырехсот укрепленных узлов противника и т. д.

...Вот мы и в городе... Люди высыпали на улицы, украшенные флагами. Ленинград взбудоражен...

Прекрасный, любимейший, родина моя! Ты выиграл решающую битву!

Январь... Снега... Город Ленина улыбается и утирает слезы счастья.

Пришел час наших контрударов. Фронты перекликаются с фронтами, — и под ударами России дробятся и гибнут полчища Гитлера.

Бурный день...

Беседа в ПУ с генерал-майором Лебедевым — рассказал ему коротко о боях. Получил ряд заданий.

Дал подвалы в «Красный флот» и в «Ленинградскую правду».

Днем написал радиоречь о том, как прорывали блокаду, а вечером прочел ее с огромным подъемом. *За всю войну эти радиобеседы — самое горячее, близкое моей душе дело. Это мое отношение, моя любовь к родному городу... Это некий новый этап и в моей литературной работе...*

Вечером получил информацию. Противник ждал нашего удара и в последний месяц каждую ночь приводил войска в боеготовность. Против Ленинграда стояли: одна из лучших дивизий — 170-я, отличившаяся на Украине и в Крыму, полицейская СС и другие.

В бой была введена и крепкая 1-я пехотная дивизия, некогда вырвавшаяся броском к Красному Селу, Урицку и Петергофу...

1 января Гитлер выступил с новогодней речью: «1943 год будет трудным, но бог помог нам в прошлую зиму, он поможет и теперь... Решается судьба Германии. Нужно собрать все силы...» и т. д. Это в плане тотальной мобилизации, создания «моральной линии Зигфрида, подготовки новых мобилизаций (может быть, и пятнадцати-шестнадцатилетних). У немцев Hitlerjugend¹ организована в двадцать две дивизии. В Германии вводятся новые экономические ограничения. Все это уже меры спасательного порядка.

¹ Гитлерюгенд — организация гитлеровской молодежи.

Решающая все битва на Востоке дает себя знать. Иссакают огромные запасы. Рушится былой престиж Гитлера... Назревает неминуемый удар со стороны Англии и США. Гитлер в новогодней речи говорил, что «наступление союзников на Европу неизбежно». Немцам придется расставить свои дивизии по десяти направлениям: СССР, Норвегия, Голландия, Бельгия, Северная и Южная Франция, Италия, острова, Тунис, Балканы...

Сейчас идут жестокие бои у Синявинских высот, с которых противник просматривает весь район... Надо думать, что артиллерийская и воздушная подготовка плюс общий удар наших войск решат дело. У противника есть резервы в районе Любани и других близких пунктах, но и они будут втянуты и размолоты. Фашисты нервничают: гарнизону Шлиссельбурга сначала был объявлен приказ Гитлера «уходить», а затем — в отмену — «драться до последнего».

Наступление Красной Армии идет широко... В районе южнее Воронежа окружены войска противника. Направленный на юго-запад «косой» новый удар Воронежского фронта, видимо, рассчитан на охват противника через Донбасс, может быть — Лозовую, на Нижний Днепр, чтобы срезать кавказскую, ростовскую и крымскую группы немцев — буде противник побежит с Северного Кавказа в Крым.

У Ростова пока как будто пауза.

«...В проходной пять радостно возбужденных девушек, взяв друг друга за руки, кружились и громко выкрикивали:

— Да здравствует наш Ленинград и мы!»¹

Да здравствуем мы! Мы — это те, кто прорывал блокаду, — бойцы и рабочие Ленинграда! Повышается рост национального русского самосознания и гордости. Отбрасываются некие старые критерии; мысль устремляется к духовному творчеству России; все пересматривается! Уже сейчас заново проверяются отношения с Западом. Ставится вопрос о влиянии русской культуры на ряд сторон жизни Запада. Усилится общее доверие друг к другу.

Мысли о послевоенной жизни. Народ, выдержавший такое испытание, как война 1941—1943 годов, вырастает на голову. Это отразится решительно на всех сторонах нашего бытия. Может быть, будет трудно распределять работу бывшим фронтовикам, может быть, будут споры с тыловиками, бытовые драмы и пр., но в целом люди будут еще смелее, честнее.

¹ Вырезка из газеты, вклеенная в дневник; название и дата не указаны.

20 января 1943 года.

Солнечно... Морозно...

Послал очерк в «Правду» о прорыве блокады. Но что можно вложить в шесть страничек? Написал, между прочим, что наши семнадцать месяцев в Ленинграде — это высшее и неповторимое духовное напряжение. Это так!

Почтальон принес кому-то телеграмму — поздравление с прорывом блокады. «Где, граждане, дом № 19?» А дома нет — разобран на дрова, на его месте пустырь... Адресат умер...

21 января 1943 года.

Мороз больше 20 градусов. Днем воздушная тревога.

...Неотступны мысли о моем пути, характере. Последние годы я стал нервнее, злее, горше... Уж очень много навидался, натерпелся... Каждый, видимо, несет в себе некий идеал человека, а, увы, люди — просто люди и далеки от идеала. Частые обманы, «разочарования», недоумения создают в моей душе буквально ноющую рану. Все привыкаю, привыкаю, но никак не могу привыкнуть... Тянет к людям... Любовь к ним — внутренняя, огромная, усиливающаяся до восторга, до молчаливого экстаза... А приближение к отдельным индивидуумам в большинстве случаев трудно. Иной раз никого не хочется видеть. Может быть, лучше любить их издали? Живых, реальных... но на некоторой дистанции? Надо еще и еще думать над всем этим.

Ряд писем от радиослушателей — очень интересные. У многих граждан иллюзии: блокада прорвана, конец войне, будет рай. Надо мне выступить по радио и сказать, что нас ждет еще много трудностей. Враг огрызается. Надо штурмовать ряд укрепленных полос, гнать врага; непрерывно и очень напряженно трудиться до конца войны. Ленинградцы обязаны быть *в первых рядах!* Приходить в расслабленно-радостное состояние нельзя — это опасно!

За два месяца с 19 ноября 1942 года по 19 января 1943 года убито 500 000 солдат и офицеров противника (а сколько раненых?)... Взятые трофеи: более 6000 танков, 12 000 орудий и пр. Немцы нас сейчас «снабжают» вполне прилично, пожалуй, лучше, чем союзники... (Парадоксы войны бывают остры и жестоки.)

Огромный общий подъем, и это не вспышка — это привычный советскому народу победный ход, лишь временно сбитый с ритма Гитлером.

23 января 1943 года.

Солнечно, канонада...

Дописал в «Кронштадте» главу о февральских и мартовских боях 1918 года.

Написал выступление для радио: призыв против настроений «блокада прорвана — отдохнем, заживем». Надо утраивать усилия, проламывать немецкий фронт дальше, вести бои на уничтожение немецких дивизий Кюхлера¹.

Сильный обстрел города. Характерные звуки выстрелов: короткие, глуховатые и через несколько секунд — тяжелые разрывы.

Письма из Москвы — от Амурского, Азарова, Брауна. Первые двое скоро вернутся... Письмо от В. Пронина². Он по боевой характеристике вступает в партию.

...Вечером воздушная тревога, и сейчас же две бомбы. Сильный толчок — где-то очень близко...

С. К. пришла из штаба, видела, как разорвалась бомба напротив — в Ботаническом саду. Стекла в угловом доме вылетели. Это, вероятно, метят по штабу.

Опять зенитный огонь... Две бомбы — несколько дальше. Еще две. Слышен свист, стекла дребезжат... С. К. говорит: «Как надоело! Уж лучше бы артобстрел...» Я рассмеялся и поцеловал ее.

Стрельба затихает. Читаю «Красную звезду», — Илья Сельвинский в партизанском отряде на Кубани. Его кубанские стихи — очень простые, ясные...

24 января 1943 года.

Нами взяты: Армавир, совхоз «Гигант» и др. (От Армавира до Ростова 275 километров. Как дела под Ростовом? Удастся ли отрезать кавказскую армию немцев и притиснуть ее к морю?) Крупные успехи под Воронежем: разгром семнадцати дивизий противника. Под Сталинградом, после переговоров, сдался целый батальон немцев. Но на Центральном, Северо-Западном и Ленинградском фронтах немцы укрепились гораздо основательнее. Здесь предстоят еще жестокие бои. Вероятно, необходимо отсасывание немецких резервов и приток наших...

Англичане вступили в Триполи.

...Н-ская стрелковая дивизия (бывшая стрелковая бригада с Ханко) за форсирование Невы, взятие Марьино, Пильни, Рабоче-

¹ Командующий группой немецко-фашистских войск под Ленинградом.

² Журналист, офицер КБФ.

го поселка № 5 и за соединение с Волховским фронтом (батальон товарища Собакина) преобразована в гвардейскую. Командир дивизии — генерал-майор Симоняк. В составе дивизии и Ленинградский полк, некогда созданный путиловцами. Именно эта дивизия разбила знаменитую немецкую 170-ю пехотную дивизию, которая засела на высоком левом берегу Невы.

Немцы теряют не только огромное количество живой силы и техники, они потеряли главное — *тепл.*

Воздушная тревога. Два глухих тяжелых разрыва... Домик качнуло. Зенитный огонь. Опять охота по Военному совету и штабу флота? Вчера в Военном совете вылетели все стекла.

Свист бомбы. Разрыв... Мигает лампа... Опять четыре-пять бомб. Пишу в запале еще дополнительный кусок для «Кронштадта» о новгородской морской старине. Не могу расстаться с рукописью.

Тревоги всю ночь. Вероятно, немцы подбросили авиацию и мстят городу за прорыв блокады.

«В последний час». Взят Старобельск — первая победа на освобождаемой Украине.

25 января 1943 года.

Минус 28 градусов, — крещенские морозы! Окна совсем заиндевели. Пасмурно с утра... К 11 часам — красный шар солнца над крышами.

Приехал редактор «Красной звезды» — генерал-майор Ортенберг. Он исключительно мил, прост. Завязался большой хороший разговор.

Говорили о делах на Ленинградском фронте. Снова большие потери в дивизии Краснова, а задание не выполнил... Им недовольны... Немцы подтянули шесть дивизий, упорствуют, но потери и у них *большие*. Вчера ждали взятия города Синявино — не вышло. Немцы простреливают с высот все насквозь... У противника есть коридор от 8-й ГЭС к своим войскам. Надо там заблокировать немцев. У нас было десятикратное преимущество в артиллерии. Это сказалось, но позавчера немцы подтянули авиацию. Отсюда и бомбежки Ленинграда.

В целом — упорная борьба, ход за ходом. Удары на Центральном фронте сковали противника, он оттянул с Юга до десяти дивизий, это отчасти помогло и Сталинграду... В боях на железной дороге у Ржева и под Ржевом вошедшие в прорыв танковый корпус и кавалерийские части пострадали крепко. Зато на Юге тот же

метод (артиллерия и пехота пробивают брешь, а танки и конница идут в прорыв и громят противника) дал отличные результаты.

Говорили о том, что на Юге большие события. Немцы готовят, видимо, оборону на новом рубеже (может быть, на Днепре?). *Новая техника немцев не появляется.* Пожалуй, Гитлер бережет ее к лету, а может быть, ее и нет. Но у противника еще кое-что есть в запасе... С Кавказа немцы уходят... Вчера сообщили, что *взят Баттайск.* Это имеет огромное значение. Наши наступают с гор и на краснодарском направлении. Две немецкие армии таким образом будут оттеснены к Таманскому полуострову. Льда в Керченском проливе нет, и можно устроить им «Дюнкерк».

Но говорить о разгроме немецкой армии еще рано. Враг упорен. Надо усилить нажим, упредить немецкие удары и планы новых авантур Гитлера. Резервы у нас есть... Дерутся хорошо... С продовольствием обойдемся, хотя есть трудности.

Союзники, видимо, готовятся к удару на Западе... чтобы не пустить нас в Берлин? Как бы не так! Но все же американские поставки для СССР за последний год увеличились...

Говорили о Евгении Петрове. У него в пишущей машинке осталась последняя корреспонденция: «Москва, «Красной звезде»...

Послал с товарищем Ортенбергом письма Эренбургу и Сельвинскому.

Как сообщают в прессе, наша авиационная промышленность в 1942 году увеличила выпуск самолетов на 75 процентов.

26 января 1943 года.

Итоги за два месяца боев. Разбито 102 дивизии противника; 13 000 орудий и другие трофеи. Одержана серьезная победа. Поздравление и благодарность войскам Юго-Западного, Донского, Воронежского, Южного, Северо-Кавказского, Калининского, Волховского и Ленинградского фронтов. Вперед, за разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!

Приходит час серьезных сдвигов на всем фронте и коренных изменений *всей мировой обстановки в нашу пользу!*.. В ближайшие дни последуют новые удары и успехи.

Финны сейчас сидят тихо и не помогают немцам под Ленинградом. Не могут или не хотят?

Ходил на почту № 22. Получил 2703 рубля за статьи в «Красном флоте». Внес еще 2000 рублей в фонд Балтийского флота на постройку торпедных катеров...

Юг, безусловно, и впредь будет направлением *основного удара*: 1) Гитлеру остро нужна Украина — и политически и экономически; 2) Румыния — нефть! Потеря румынской нефти — крах «оси»; 3) приближение Красной Армии к границам Румынии, Польши и Чехословакии подымет народы этих стран на борьбу с фашистами, может быть, вплоть до восстаний (см. обзор партизанского движения в Польше и др. в «Правде» от 23 января).

Главное командование, безусловно, рассчитывает на сочувствие народов Восточной и Центральной Европы. Наши южные удары сильно повлияют на Болгарию и на Турцию. Эти удары могут сочетаться с относительно близкими ударами североафриканской, палестинской и сирийской армий союзников.

27 января 1943 года.

В основном закончена ликвидация немецких армий под Сталинградом... Освобождены три железные дороги. Непередаваемые сцены встреч наших войск — сталинградских и подошедших с запада.

Написал очерк о русской морской артиллерии — предисловие к брошюре о морской артиллерии.

В 12.30 поехал на мотоцикле в город. Холодный режущий ветер. Обычное восприятие города, — глаз уже привык, утомлен...

Все последние дни немцы непрерывно обстреливают город, а по ночам — бомбят. Новые разрушения...

Больше или меньше разорвется снарядов — уже как-то все равно. Обидно, но знаем, что за все будет предъявлен *общий счет*, будет дан *общий ответ* Гитлеру.

Беседовал с переводчиком штаба Н-ской дивизии.

Разведчики все время добывают пленных («языков»). Испанцы переходят сами: на днях шли пять испанцев; один из них пел «Катюшу», а другой кричал: «Я — Мадрид!..»

Взят в плен раненый — лейтенант 21-й немецкой дивизии Гюнтер Барг, сын старого музыканта, члена национал-социалистической партии. («Отец для пенсии записался...») Его допрашивали четыре дня. Он держался достаточно твердо, спокойно:

— Мы знали еще летом 1941 года о разногласиях с Россией, но думали, что концентрация наших войск вдоль русской границы — дипломатическое давление... И вдруг — война... (Многого не договаривал.)

В массе немцы, по мнению переводчика, не знают сути дела. Дисциплина еще жесткая...

На Ленинградском фронте немцы хоть и нервничали, но жили по-хуторски: теплые блиндажи, обжитые места... Все это полетело к чертям 12 января. Смерть немецким оккупантам! Доброта, всепрощение и прочие хорошие чувства — потом!

Весь день обстрел города, близкие разрывы. Не обращаем внимания...

Сегодня под Ленинградом наши летчики сбили 30 и подбили 6 немецких самолетов.

Все время вспышки на горизонте, канонада.

В 7 вечера по радио передали о совещании Рузвельта и Черчилля, высшего (американского и английского) армейского и морского командования, их генштабов плюс де Голль, генерал Жиро и пр.

...Полностью сообщение прослушать не удалось — началась тревога. Видимо, последние события и прием послов США и Англии в Кремле связаны между собой. Может быть, это координация действий СССР, США и Англии, начало второго фронта?

Читал морскую историю России и историю Санкт-Петербурга (неизвестное мне до сих пор издание 1903 года). Оказывается, до Петра в устье Невы было до пятидесяти русских селений.

Тревога...

28 января 1943 года.

Утром тревога...

Последние бомбежки и обстрелы сильно влияют на настроение и психику ленинградцев. Есть что-то недоуменное, усталое, есть раздражение: «В чем дело? Ведь блокада прорвана?»

Ждут прибавки хлеба.

...Взяты: Нефтегорск, Егорлыкская, Ново-Александровская... Дело идет к Тихорецкой. Под Воронежем сдалась группа войск противника. В Сталинграде сдался пехотный полк немцев и армейский полк связи во главе с командиром полка (он-то знал обстановку!).

Есть сведения о приказе Гитлера группам войск на Ленинградском и Волховском фронтах: «Держаться во что бы то ни стало...»

29 января 1943 года.

Взято Касторное; на Северном Кавказе взята Курганная и др. Награждения генералитета...

Бродили с С. К. по городу... Все новые и новые разрушения... Мрачное впечатление от площади Урицкого: порваны провода, зияют окна на фасаде Зимнего дворца (выбиты уцелевшие ранее зеркальные стекла). Выбиты стекла и в здании штаба и в угловом доме на Невском. Кое-где окна забиты фанерой и досками. На площади — костры: идет срочный ремонт поврежденной трамвайной линии.

К вечеру на улицах безлюдно.

На Миллионной — тьма, редкие прохожие. Светится одно окно в бывших казармах Преображенского полка. Внезапный луч голубого света (промчалась машина) — и искрящиеся снежинки выхвачены из тьмы.

Пустынно Марсово поле. Где-то разрывы снарядов — вспышки...

В городе по-прежнему наблюдается обостренная реакция на последние бомбежки: «Что делается? Еще никогда такого не бывало. Бьют сильнее, чем в сентябре 1941 года!» Видимо, это просто нервы. Были бомбежки и *посильней*, но общая усталость, перенапряженность, надежды ленинградцев на передышку после прорыва блокады — дают себя знать.

О России. Надо до конца прочувствовать русские традиционные черты и факторы последнего 25-летия. Корень всех успехов и побед в сочетании старых и новых качеств: в уме, выносливости, смелости и силе русского народа, к которым прибавились качества *коллектива* сознательных, организованных граждан, патриотов советской страны, людей особого интернационального склада, с широкой человеческой душой, с высокими идеями нового соци[аль]ного устройства мира... В советских людях есть нечто неведомое для иностранцев. Это их и пугает, и притягивает, и волнует. Сейчас интерес к нам необычаен. Прежнего недоверия к СССР не восстановят никакие гуверы, леди астор, херсты и др., хотя рецидивы, конечно, будут.

У нас исключительное место в мире, если брать его и географически. Москва — на скрещении мировых железнодорожных, воздушных и автомобильных дорог сегодняшнего и завтрашнего дня. Через Москву пройдут новые пути, связывающие Европу с Китаем и с Индией.

В прошлом люди теснились по берегам рек, затем море стало основным средством связи, — отсюда бурный рост средиземноморской и позже — европейской атлантической цивилизации. При наличии современных видов связи и транспорта Москва становится новым мировым центром. Радиусы из Москвы идут на Мурманск, на Варшаву — Берлин — Париж — Мадрид, на Балка-

ны, на Кавказ — Багдад, на Ташкент, на Индию, на Владивосток — Китай.

Послевоенный мир будет поражен нашим экономическим и культурным ростом. Война дала новый толчок нашей научно-технической и вообще творческой мысли — во всех областях. Мы многое проверили — и почувствовали свою мощь в полном объеме. Это чувство силы, душевной полноты необычайно благотворно скажется на всей послевоенной деятельности нашего народа.

Мы не только дали союзникам возможность «переждать» 1941—1942 годы. В сущности, Англия *устояла в 1940 году* не потому, что ее летчики сбили в «битве за Англию» 3692 немецких самолета (как указывает «Британский союзник» от 20 декабря 1942 года), а потому, что Гитлер *и тогда* страшился наличия в его тылу Красной Армии и держал на Востоке огромную часть своих сил.

Ресурсы СССР колоссальны... Может быть, это парадокс, но кривая военной мощи СССР, несмотря на все огромные потери, будет идти вверх и вверх.

«В последний час». Под Касторное отрезаны, окружены и разгромлены семь немецких пехотных дивизий и два полка... Под Новым Осколом окружен и уничтожен альпийский итальянский корпус... На Северном Кавказе взят город Крпоткин. Это подарок к десятилетию рейхсканцлерства Гитлера (30.1 1933—30.1 1943)!!

В статье «Американское общество и Советский Союз» (журнал «Коммунистический Интернационал», № 10—11, 1942 г.) сообщают о том, что до сих пор с американских экранов не сходят такие картины, как «Чапаев», «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта»¹, «Человек с ружьем», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году» и др.

30 января 1943 года.

Тихо, пасмурно...

Писал статью о военно-морской деятельности Петра I (в ответ на ошибочный очерк в «КБФ»), но не успел кончить, так как за мной пришел Лев Успенский. Быстро изготовился. Помчались на мотоцикле к Финляндскому вокзалу.

Старый дачный состав отправляется с 4-й платформы до Мельничного ручья. Давно не ездил в поезде... Пурга. Окна заиндевели... Вагоны переполнены: фронтовики, женщины с лесо- и торфоразработок, путейские рабочие. Запахи овчины, махорки

¹ Кинофильм, поставленный по сценарию Вс. Вишневского.

(пополам с кленовым, березовым и липовым листом), которую у нас добродушно называют «Лесная пыль» или «Золотая осень»... Журчат тихие разговоры. Обняв винтовки и автоматы, дремлют окопники.

Войну начинали молодые кадровики — двадцатипятилетние юноши — свежие, безмятежные... Сейчас лица солдат повзрослели, потемнели. Привалившись друг к другу, спят двое пехотинцев: усатый темнолицый казах и светловолосый парень-русак — слитые воедино Азия и Европа.

Мы ехали час с небольшим. Пассажирский состав (его ведет красавец-паровоз «СУ»¹, которому лететь бы через тысячеверстные пространства) остановился в лесу. На станции обычная прифронтовая толча: лыжники в белых балахонах, пехотинцы, составы с торфом, грузовики... Гудки... Знакомая картина.

Узнали у коменданта, где находится отличившаяся в январских боях батарея капитана Барбакадзе, и пошли по шпалам...

Дышится хорошо, погода мягкая. Вдоль пути работают женщины — прокладывают железнодорожную ветку до истока Невы у Шлиссельбурга. Женщины Ленинграда! Хватит ли сил человеческих рассказать о вашем труде, подвиге и великодушии! Одни тащат по снегу спиленные стволы елей, другие подкатывают по узкоколейке вагонетки... У шалашика из еловых веток пилят полено две старушки — медленно, неумело, но упорно. Это хозяйки — они стряпают для своей бригады. Им бы, старушкам, сидеть дома, слушать радио, штопать чулки или пасьянсы раскладывать... Вот стоят вагоны, где живут женщины-лесозаготовители. Третий вагон — рыже-красный, со следами пожара, ржавый и, как оспой, покрытый пулевыми пробоинами. Недавно здесь был очередной визит «мессеров».

Ленинграду необходимо топливо, и все эти женщины — стар и млад — безотказно работают, давно перекрыв прежние нормы лесорубов.

...Нас ждали. Короткая беседа с заместителем командира.

Наблюдательный пункт выдвинут в лес, на противоположный берег Невы в районе Марьино. Подготовлены новые огневые позиции в 7—8 километрах от старых. Пушки, конечно, достойные: примерно крейсер на полустанке! А еще дальше выдвинута батарея с орудиями калибром поменьше. Ждут новых операций — второго этапа нашего наступления.

На батарее — балтийцы, тема которых неисчерпаема... Они работали в прошлом бою с исключительным рвением. На ручной подаче давали такой же темп, как и при электрической... Батарея

¹ «Сормовский усиленный» — серия паровозов.

кадровая, молодых — 30 процентов. Служат хорошо. Есть лишь отдельные срывы дисциплинарного порядка...

Ждем командира батареи, который уехал в южную группу бригады. (Хороший обед: капуста кислая, щи и даже второе...)

31 января 1943 года.

Встал. Умылся снегом... Прочел «Боевые листки» двух транспортеров — очень «водянистые». Надо побеседовать с редакторами и сделать новые «Листки».

...Приехал командир батареи товарищ Барбакадзе. Долго беседовали. Он из района Зестафони. Был чернорабочим в Тбилиси... В 1932 году по комсомольскому спецнабору пошел в Севастопольское училище береговой обороны.

...Финская и Отечественная войны его многому научили. Капитан Барбакадзе кадровый морской артиллерист, выдержанный строевой командир; говорит серьезно, неторопливо. Один из первых командиров наших транспортеров и тяжелых военно-морских батарей Н-ского укрепленного района. В 1940 году был в Эстонии, в Палдиски... Война застала Барбакадзе там же... Позже он был послан на Ленинградский фронт.

...В бою 12 января батарея Барбакадзе была по Шлиссельбургу. Наблюдательный пункт на Неве в четырехэтажном здании. Били по узлам 170-й немецкой пехотной дивизии. «Нашу работу увидите...» — говорит товарищ Барбакадзе.

...*Ночью, «В последний час».* В Сталинграде взят в плен генерал-фельдмаршал Паулюс¹ со своим штабом.

Под Сталинградом в составе 6-й армии и 4-й танковой было 330 000 солдат и офицеров. Таким образом, наши подсчеты были преуменьшенными. Подобного классически чистого военного разгрома Германия не видела со дня Иены². Действия Антанты в 1918 году были лишены черт блистательности.

Несомненно, капитуляция, вернее, сдача Паулюса, найдет широчайший отклик. Пример Паулюса повлияет на многих немецких генералов, офицеров и солдат, а мы уж побеспокоимся о том, чтобы им стали известны подробности.

1 февраля 1943 года.

По пути в Кронштадт вице-адмирал Дрозд, командующий эскадрой КБФ, пересекая на машине в сильный туман залив, попал

¹ Командующий группой немецко-фашистских войск под Сталинградом.

² Город в Тюрингии, в районе которого 14 октября 1806 года войска Наполеона разгромили прусскую армию.

в полынью (видимо, здесь лед был пробит снарядом). Погиб... Горько... Отличный был командир.

Утром на легковой машине выехали на передний край...

В пути, недалеко от Невы, заметил двух пленных немцев, шедших под конвоем автоматчиков. Остановил машину. Коротко допросил их. Пленные — молодые солдаты 28-й легкой дивизии. Участвовали в Крымском походе: «В Зимферополь, Альюшта...» (Одеты относительно хорошо. Куртки и брюки из толстой материи, теплые шапки, обшитые кожей бурки.) Наши конвоиры добродушны, показывают немцам свои полушубки, а потом шупают их куртки: «Эрзац!»

Один из пленных — молодой рабочий с завода «Сименс» из Берлина. Отрицает, что был в Hitlerjugend. Сообщил, что солдаты хотят кончать войну; легко сдаются в плен. О положении под Сталинградом кое-что знает. Когда я сказал ему, что фельдмаршал Паулюс и весь его штаб взяты нами в плен, он удивленно переспросил: «Паулюс?» Видимо, это его поразило...

Немцы держались дисциплинированно, руки по швам, ответы четкие. Может быть, меня чем-то «взяла» молодость пленного и то, что он — рабочий. Я не чувствовал злости, только некоторое презрение, жалость и интерес: вот еще один из гитлеровского мира. Разбив немцев, мы в основном испытаем похожие чувства: удовлетворение, жалость и интерес к немецкому народу. Думаю, что эсэсовцы и полицейские вызвали бы во мне иное отношение.

Быстро выехали к Неве. Вот рубеж, где стояли наши части с сентября 1941 года! Немцы вырвались тогда к Неве...

Нева тут, у истоков, широка. Здесь я жил летом 1925 года после похода Балтийского флота к балтийским проливам. (Поход с наркомом обороны товарищем М. В. Фрунзе.)

В снежной дали стоит величественный Орешек¹, гордая крепость. Флаг, поднятый моряками, развевался над ней — до дня прорыва блокады. Он доставлен с почетными ассистентами в Ленинград — флаг, пробитый пулями, разодранный ветрами... К нему приложен список героев, павших на посту и не отступивших ни на шаг.

По льду Невы, минуя развороченные старые проволочные заграждения, идут машины. Снега, снега и темные пятна людей. Вмерзшие в лед землечерпалки. Где-то близко оружейный огонь... Вправо — разрывы; там, у 8-й ГЭС, идет ликвидация окруженного немецкого гарнизона. Немцы сидят в бетонированных подвалах и упорствуют. Снова грохот разрывов, — и выше крон старых сосен взлетают пыль, дым, щебень и щепки. Это бьет батарея Барбакадзе.

¹ Название крепости, построенной новгородцами в 1323 году на острове Ореховый (на Ладожском озере). Переименована Петром Первым в Шлиссельбург.

Пересекли Неву... У края бывших немецких окопов — наш подбитый самолет. Погибая, он пикировал на немецкий узел сопротивления как раз у подъема к береговому шоссе. Шапки долой, товарищи!

Неприятно, что в лесу лежат трупы наших и немцев (всех еще не успели похоронить). Некоторые убиты на ходу, застывшие глаза раскрыты; один труп обуглен, оторвана кисть руки... Видимо, напоролся на мину...

Мимо нас пробраются по снегу саперы. Тащат колючую проволоку, бревна. Великие труженики войны!

...Очередная попытка фашистов вырваться на шоссе к Шлиссельбургу отбита. Между рошей и шоссе догорают и дымят восемь средних танков... Бьет батарея. С перелетом ложится ответ противника. Низко проходят два «ила». Сапер вколачивает деревянным молотком указатель-вывеску... Как все слитно, едино! Какая во всем этом прочность, именно прочность! Это ощущение удваивается, утраивается, когда подходишь ближе к Шлиссельбургу.

Осмотрел Преображенскую церковь (бывший немецкий узел сопротивления). Она разбита основательно. Сюда всадили до сотни снарядов. Барбакадзе говорит: «Это наша работа».

Снег здесь окрашен во все тона: кровью, розовой кирпичной пылью, чем-то ярко-желтым (остатками взрывчатого вещества?), сажей от сгоревших немецких блиндажей... Стоят обуглившиеся вековые сосны, — из свежих их ран еще сочится смола. На перепавшем снарядами старом русском кладбище валяются полуистлевшие гробы, кости, черепа... Теперь покойникам возвратят их могилы.

Везде обрывки шинелей, разбросанное немецкое имущество, газеты, конверты, патроны и т. п. Наши тащат из разрушенных немецких блиндажей бревна и доски для новых сооружений. Тяжелые грузовые машины непрерывно подвозят лес... Скоро здесь будет построена железная дорога — по ней мы пустим *первый поезд в Москву!* Это, конечно, еще не «стрела», это будет фронтовой поезд, но как он нам люб, как мы ждем его!..

...Шлиссельбург разрушен. На сегодня в городе — триста пятьдесят человек гражданского населения. (Что с остальными?)

Я прошел по центру города, по набережной, побеседовал в управлении милиции, посмотрел работы по расчистке города. Местные жители убирают снег... Судоремонтный завод, ситценабивная фабрика и другие предприятия разрушены, но полным хо-

дом идет восстановление. Стук, грохот, визг пил, удары топоров. На февральском ветру поют новые телеграфные провода.

Бегут вездесущие мальчишки: «Дяденька, идем, покажу, — у нас тут одна гражданка советское знамя сохранила...»

2 февраля 1943 года.

...Послал вторую телефонограмму С. К. Днем условился, что сделаю доклад для личного состава транспортера. За обедом в дружеской обстановке провел политбеседу на международные темы. Вопросов много.

Телефонограмма от генерал-майора Лебедева с вызовом в Смольный. Срочно выехал на машине. Оттепель еще сильнее... На шоссе обнажились асфальт и брусчатка. В воздухе что-то весеннее...

Смольный. Взял пропуск...

Меня приглашают в салон. Сервирован стол. За столом — Николай Тихонов. Здравуюсь... Оживленно беседуем о фронтовых делах. Тихонов худой, усталый, но работает упорно. Как обычно, рассказывает острые эпизоды...

Нам сообщили причину вызова: поручение Тихонову и мне — написать ответ лорд-мэру Лондона Сэмюэлю Джозефу на его поздравительное послание Ленинграду...

Работали вместе часа полтора... К 8 вечера текст сдали и уехали...

3 февраля 1943 года.

Мутная погода... Плохо спал.

Читаю прессу.

Днем написал очерк в «Правду» — «Ленинград наступает»... На такой очерк надо несколько дней, а ритм жизни быстрый — все скорей, скорей!

С 4 часов дня на партбюро в Пубалте — вопросы приема в партию.

4 февраля 1943 года.

...Приехал А. Фадеев. Был у С. К. Привез нам немного сухарей, консервов, водки, табаку...

Рассказывал о московских литературных новостях... О, литературный мир, даже война с Гитлером тебя не изменит!

5 февраля 1943 года.

Подморозило, снег... Противник уже прижат к Азовскому морю и к району Новороссийск — Анапа — Темрюк... Гитлер дал приказ бросить максимум плавучих средств для эвакуации немецких армий с Кавказа. Надо думать, что Черноморский флот и наша авиация момент не упустят и потопят фашистские корабли. В Новороссийске двое суток идут ожесточенные бои. Порт надо отнять у противника, лишить его возможности эвакуировать войска. Анапа, Темрюк, Приморско-Ахтарск — это малые каботажные порты, они не справятся с большой эвакуацией; в Азовском море — льды, а с севера, через Донбасс, уже идут наши части.

Подготовил для «КБФ» вариант очерка о батарее Барбакадзе.

С утра у меня был редактор «Нового мира» и «Краснофлота» товарищ Щербина. Его командировал к нам Рогов¹. Это, так сказать, «литературная разведка». Беседовали о том о сем... Разговор опять свелся к пьесе. Они полагают, что большую пьесу так просто написать в условиях постоянных ленинградских заданий, поездок, текущей работы и пр. Да и материал меняется на ходу — темпы войны все больше ускоряются.

Щербина говорил, что вызревания чего-либо нового в литературе пока нет. Видимо, еще рано, — нужна дистанция... События перехлестывают через вчерашние оценки. Недавно написанные пьесы или повести — в свете новых событий — уже кажутся менее значительными, вянут. И это понятно.

— В Москве холодно, не хватает дров, во многих домах вышел из строя водопровод. Нет ленинградского умения «зимовать»... (Ну, оно и нам дорого далось.)

Я рассказал кое-что о ленинградской жизни. Щербина поражен трудностью нашего быта... Просит дать материал в «Краснофлотец», хочет перепечатать из «Ленинградской правды» мой очерк «Город Ленина» от 22 января 1943 года. Пожалуйста.

Вот и все. Ощущение от встречи — какое-то «формальное»; живой связи — редакторской, издательской — я не почувствовал. Зато эту связь держат, умеют держать «Правда» и «Красная звезда». Я чувствую живую связь и с О.И. Городовиковым, П. Поповым, А. Фадеевым, И. Сельвинским... Эти товарищи вкладывают в свои письма ко мне свое душевное, личное отношение...

...С. К. сегодня сдает работу Театру КБФ².

¹ Начальник Главного политического управления Военно-Морского Флота.

² Художественное оформление пьесы А. Штейна и З. Аграненко «Добро пожаловать».

Обстрел города... Разрывы... Противник старается бить по центральным районам, по перекресткам главных улиц и проспектов. Как ни привыкли мы ко всему, но видеть после прорыва блокады Зимний, Эрмитаж и просто жилые дома в новых язвах и ранах — больно, очень больно... Молчим... Ленинградцы уже почти не говорят об обстрелах.

В Германии «тотальная мобилизация». Новые формирования — восстанавливаются дивизии разгромленных армий...

6 февраля 1943 года.

Сильные удары наших войск в Донбассе и на курском направлении. Наши части прорывают укрепленную зону южнее Ростова. Продолжается постепенный «загон» немецких армий в Черное и Азовское моря. Это сейчас центральная задача операции...

Геринг вопил 30 января: «Отныне Германия будет жить одним — мезтью за Сталинград!» — а мы молча готовим новые удары, и, может быть, они будут еще страшнее, чем под Сталинградом.

Ликвидация кавказских армий противника (1-я танковая армия, горно-стрелковая дивизия и др.) освободит Северный Кавказ и южные фронты. К ним прибавятся Донской и Сталинградский. Это будет огромная ударная сила — пройдем Украину и выйдем к Балканам. Хорошо! Вот это будет весна!

Написал статью «Вот кто Гитлер» — фельетон-памфлет для «КБФ».

...Приехал с Новой Ладоги Тарасенков, — он бодр, здоров. Сообщил, что Ладожская военная флотилия перевезла за лето 1942 года в три с половиной раза больше грузов, чем Ледовая дорога. Действовали сотни моторных тендеров... Моряки работали отлично...

Я в свою очередь рассказал Тарасенкову о международной обстановке. Он все записал, так как многое для него было ново.

«В последний час». Взятые города Лисичанск, Барвенково, Балаклея, Батайск, Ейск. Это замечательно!.. В Ейске отличные аэродромы. Через Ейск можно идти по льду на Мариуполь, охватывая противника в Ростове — Донбассе!

...В Сталинграде начаты восстановительные работы. В будущем это будет прекрасный город — *мировой центр туризма*. Маршрут

можно начинать в Ленинграде — осмотр памятников блокады; затем Москва — места боев 1941 года; по каналу — на Волгу; затем Сталинград, Кавказ. Здесь пройдут сотни тысяч туристов Европы и Америки...

7 февраля 1943 года.

Бродил с Тарасенковым по городу. Люди деловые — после артобстрелов и бомбежек все убирают, ремонтируют.

Толя говорит:

— Что за город! Как все красиво, чисто! Нельзя сравнить с прошлой зимой.

Вот взгляд со стороны — ведь он давно не был в Ленинграде. (В прошлую зиму 1941/42 года у людей не хватало сил на уборку города.)

В книжных лавках уже нет прежнего букинистического богатства. «Вы бы летом пришли». Книги раскуплены, — люди уже думают о будущем, об устройстве своих библиотек. Любопытный признак!

...Был Пергамент¹ — просит пьесу... Я объяснил и ему, что в разбегах по фронту пьесу не пишут, но на всякий случай попросил дать мне список актеров, данные об их типаже, характеристики и пр. Театр может дать на массовки до ста тридцати человек...

...В «КБФ» — мой очерк о батарее Барбакадзе. Я перечитываю его и, как всегда, вижу недостатки. Увы, их поздно исправлять. Мы пишем для газет очерки боевые, но «гладкие». В жизни все сложнее, глубже, — да редактора все равно наведут «лоск»... Нужно было бы отображать все широко, со всеми противоречиями и житейскими странностями, но военное время требует от нас некоторых «поправок». Злишься подчас на редакторов, но с этой точки зрения они иногда бывают правы.

Академик Иоффе пишет в «Красном флоте», что за 1942 год ученые дали Красной Армии и Флоту пятьдесят новых военных изобретений.

«В последний час». Севернее Курска нами занят город Фатеж; перерезаны шоссе на Курск — Орел и железная дорога Белгород — Курск (Гостищево); на Украине — Краматорск; занят Азов... По-видимому, идет замыкание нового кольца: от Краматорска резать на юго-запад и юг — к берегу Азовского моря, к Мариуполю. В кольце останется вся группировка немцев: в Ростове, Шахтах,

¹ Режиссер, художественный руководитель Театра КБФ.

Ворошиловграде, Дебальцево, Горловке, Сталино. Это было бы необыкновенно здорово!..

8 февраля 1943 года.

С утра чувствую себя лучше. Организм требует сна, отдыха, умственного переключения, а этого — недостаточно, и к концу дня безмерно устаешь...

Был в Пубалте.

...Взял во 2-м отделе материал о неравном бое на льду у Кронштадта. Одиннадцать краснофлотцев героически отразили попытку финнов окружить передовой сторожевой пост форта «П» (нечто вроде ледяного дзота — будка № 2).

Ночь... Пурга... Не видать ни зги. Воспользовавшись снегопадом, финны, никем не замеченные, подкрались к посту. Их было человек сто семьдесят, все в белых маскахалатах. Моряки не растерялись: открыли огонь из пулеметов и автоматов... После короткой схватки финны удрали... У нас трое убитых, у них гораздо больше. Лужи крови на льду, брошенные вещи, оружие, лыжи, фонари, финские ножи и т. п. У одного краснофлотца товарища Вихрова — штыком в сердце — пробит комсомольский билет. Форт помогал своему сторожевому посту *только прожекторами*: высвечивал финнов, слепил их... Открыв огонь из орудий, могли ведь покалечить и своих.

Из обстановки.

Немцы еще твердят о весеннем реванше. Однако от Брянского фронта до Северного Кавказа — у них дела *плохи*... Выход с Северного Кавказа армиям Листа закрыт (хотя некоторая часть этих войск успела ускользнуть в Ростов и далее).

Видимо, концентрические удары из Ейска, Каневской, Тихорецкой и других рассекут немецкие группировки — и Краснодарскую и Новороссийскую.

Аэродромы в Ейске дают нам свободу воздушного маневра. От Ейска до Керченского пролива менее 200 километров — «Дюнкерк» грядет...

Еще серьезнее, интереснее обстановка в Донбассе. Главная магистраль немцев: Днепропетровск — Ясиноватая — Ростов... Наши танки идут, чтоб перерезать эту магистраль (думается мне, западнее Ясиноватой). Ветки поуже, видимо, меньшей пропускной способности. Напрашивается таким образом охват у Мариуполя. Возможно и другое наше, одновременно *прикрывающее*, направление: Синельниково, Запорожье — с выходом на Нижний Днепр, в Таврию.

...К 9 часам пришел А. Фадеев. Хорошо встретились. Он передал мне привет от Л. Ф. Ильичева¹...

Саша был в дивизии генерала Симоняка в Шлиссельбурге. Хочет дописать некоторые главы к своей книге о Ленинграде.

Город показался Саше еще больше покалеченным (новые следы обстрелов и бомбежек), а люди бодрее, чем прошлой весной. Рассказывал о московских делах (с какой-то усталостью). Литературная жизнь идет по новым оргпутям и каналам: Совинформбюро, ПУР², фронты. В ССП, конечно, нет прежней литературной жизни...

Союз советских писателей потерял за время войны восемьдесят человек убитыми и пропавшими без вести. Говорить о рождении новых литературных течений нельзя, рано. Повышаются требования к литературе. Двадцать месяцев газетной торопливой работы несколько снизили ее художественный уровень, а дела страны, Красной Армии и Флота невиданны! Необходим углубленный показ...

Литературный народ стягивается обратно в Москву... В писательском поселке Переделкино расположены воинские части.

...Фадеев ездил и в Великие Луки. Город был взят тремя дивизиями... Осталось семь с половиной тысяч жителей. Некоторые изверились, измучились... Да, «наследство» тяжелое.

Я в свою очередь рассказал о Ленинграде, о прошедших боях, сообщил о литературных делах группы писателей КБФ³...

9 февраля 1943 года.

Вызван в Военный совет. Член Военного совета начал беседу со мной с общего вопроса: «Как дела?» Я рассказал о поездке в Морскую артиллерийскую железнодорожную бригаду, о Барбакадзе и др.

Наше наступление, в общем, приостановилось: противник подтянул силы, упорствует. 8-я ГЭС опять у немцев... Через несколько дней уточнятся некоторые перспективы для флота. Готовится новый удар Ленфронта, люди спешно выезжают в части.

Я в свою очередь информировал члена Военного совета о литературных делах, беседах с писателями, об их настроениях, о Военно-морском издательстве...

Говорили и о моей работе: нужна пьеса.

Беседа была, в общем, хорошая, деловая, но мне кажется, что контр-адмирал Смирнов опять нажимает с темпами:

¹ Ответственный секретарь и член редколлегии газеты «Правда».

² Политическое управление РККА.

³ Группа писателей при Политуправлении КБФ, работавшая под руководством Вс. Вишневского.

— Нельзя ли кончить пьесу к 1 марта?

— Нет!

Коснулись моей рукописи «Крепость Кронштадт». Прочтя ее, контр-адмирал затребовал из Публичной библиотеки библиографию и материалы о Кронштадте и убедился, что книги по истории Кронштадта не было. Моя работа, таким образом, первый вклад, начало. Я вполне понимаю, что это лишь очерк на пять печатных листов, а книгу надо делать листов на двадцать — двадцать пять. Дать советскому читателю широкий литературный, занимательный обзор истории Кронштадта. Это работа будущего, я хочу ее сделать.

...Фашистская пресса и радио полны воплей о смертельной угрозе... Крайние меры: «Правительство не может сейчас щадить народ...» и т. п. Загнанная в угол крыса дерется с бешенством!..

Война вступает в критическую фазу — это общее ощущение.

Лорд Бивербрук считает, что за время зимнего наступления русские взяли у немцев 7000 танков и 4000 самолетов, то есть больше, чем дали американцы и англичане для СССР за двадцать месяцев войны. «Надо усиливать поставки в СССР, — говорит этот лорд. — Самое уязвимое место Германии — на Восточном фронте». (Его замечание не лишено меткости.)

Фашисты и профашисты: «Если СССР к зиме 1943 года не одержит успеха, он выдохнется...» (Не беспокойтесь!) «Союзники идут на создание Второго фронта, так как боятся большевизации Европы» (!).

Вечером сидел с С. К. — тихий час... Разговаривали усталые. Но все время мысли о работе, текущих заданиях, и мы, смеясь, говорили: «Ну, вот и отдых». С. К. привезли из Москвы ее халатик, два смятых платья. Она отвыкла от «штатских» вещей; смотрит на них, как на воспоминания о доме и мирной жизни. «Все плохое, трудное забудется. Встретятся люди, будет тяга друг к другу, стремление к жизни, к обществу, к свету, шуму...» В комнате С. К. тихо... Она топит печурку, поджаривает присланные из Москвы кофейные зерна, рисует... Руки у нее вспухшие, в ссадинах. С тоской, безвозвратно отдает свои работы Пубалту: «А на память ничего и не останется...» Жена моя милая... Стойкая и храбрая.

11 февраля 1943 года.

Серое утро... Канонада.

Противник бомбит Ладожскую дорогу, район Тихвина. Поезда через Шлиссельбург не идут.

В 9 часов вернулся из отпуска навьюченный пакетами и сумками Азаров. Он похудел, но бодр. Поцеловались. Передал мне письмо и посылку от «Правды»; книгу и письмо от генерала А.А. Игнатьева; новые журналы. В посылочке... три лимона, кусок масла, несколько мандаринов, коробка сардин, карамель, коробка шоколадных конфет для С. К. Очень тронуты! Будет подспорье, так как последние дни жарили картошку на воде. Опять с едой туговато...

В последнем номере «Интернациональной литературы» (11—12) — обзор и рассказ о том, как прозвучали мои работы в Испании¹.

Резкой критике литературных кругов Москвы подвергся роман Геннадия Фиша «Контрудар». Автор выводит фронтовые любовные драмы, твердит о легкости семейных перемен. Зря!

Вс. Азаров просматривал пришедшие за время его отсутствия письма. Прочел маленький листок... и побелел: погиб его брат — убит под Сталинградом... Юноша — родился в 1920 году!

Обстрел города. Один снаряд попал в здание Театра КБФ, другой — по корме «Полярной звезды»². Бьют по вокзалам, где могут быть железнодорожные батареи и войска; бьют по казармам.

Написал статью «Двадцать пять лет советского флота» — для иностранной прессы (через ТАСС). Корректная статья, с историческими фактами, цифрами.

Работал над материалами для пьесы. Сделал десять страниц записей о действиях морских бригад.

Был режиссер Пергамент, — недолгий разговор... Принес мне фото актеров.

...Вчера утром части Н-ской армии, после артподготовки, начали новое наступление на Ленинградском фронте. Разгромлена испанская дивизия. Первая линия обороны противника занята. Взят Красный Бор. Удар развивается к Саблино. Если будет взят этот пункт, Мга лишится железнодорожной связи...

Взята Лозовая! Вперед к Днепропетровску и дальше!

Читал «Интернациональную литературу». Что-то знакомое, давнее и неутоляющее...

Ночью шум: крысы грызут мыло. Зажег свет — гоню их.

¹ Кинофильм «Мы из Кронштадта» и пьеса «Оптимистическая трагедия», которые показывались в республиканской Испании в 1936—1937 годах.

² Вспомогательный военный корабль — база Подплава (подводного флота).

12 февраля 1943 года.

Взят Краснодар; перерезаны немецкие коммуникации в Донбассе, взят Ворошиловск.

Ленфронт наступает! Бои за Поповкой. Н-ская армия — впереди гвардейская дивизия Симоняка — ломает немецкую оборону. Нужно захватить Никольское на реке Тосна. Навстречу идет армия Волховского фронта. Немецкая мгинско-невская группа может попасть в окружение.

Весь день писал очерк «Морская пехота». Минутами хочется писать оду — такие дела, такой героизм!

Сидели у С. К. Пришли Тарасенков, Азаров и Крон. Азаров притащил кое-что покушать. Делились впечатлениями за последнее время, рабочими планами. Немного развеселились, но на всех какая-то печать пережитого... Что-то сковывает нас... А как иногда хочется и веселья, и озорства, и ощущения *простора*. Говорили о Москве, о ленинградских делах... Я перелистывал брошюру о Петергофе, о семье Романовых. Болезненный, страшный мир... Вспомнились мне дворцы Петергофа и Пушкина; праздник Георгиевских кавалеров в 1916 году в Народном доме¹; революция.

Оттепель, тает... За окном ветер, мрак ночной... Беседовали о ходе войны, о будущем Германии. Она должна быть с нами. Немцы кровью расплачиваются за свои грехи и заблуждения, но немецкий народ не должен быть орудием англо-американских капиталистов... Пусть мир помнит слова товарища Сталина о том, что германский народ, германское государство были и будут.

13 февраля 1943 года.

Бодр, выспался...

Сводки отличные... Взята ст[анция] Красноармейское.

...Немецкие «верхи» признают свое поражение: Гитлер уже ничего не обещает. Дон, Кубань, Кавказ для него потеряны. Теряют немцы и Украину... В Восточной Пруссии — воззвания к немецкой армии: «Ржев и Вязьма — ворота в Берлин...»

Разложение в стане вассалов — явное.

На Западе непрерывные проекты и планы, дискуссии об устройстве Европы. Резкое размежевание общественных сил. Анкеты: «Что делать с Гитлером?» Ряд ответов: «Возить в клетке». — «Сослать на Чертов остров!» и т. п. Советские люди не анкетируют, а делают свое дело...

¹ См.: «Мои воспоминания». Собр. соч. Т. 2. С. 728—729.

Некоторые выводы. Россия в ряде прошлых войн показала, какие она может поднять силы. СССР показал необычайную прочность организации, зрелость мысли, высоту духа.

Набрасываю новые детали пьесы. Контуры ее стали несколько четче. Вчерашний очерк — некая проба... *Так из очерков 1921—1923 годов выросли в свое время мои основные работы 1932—1936 годов...*

Вечером зашли Л. Успенский и Н. Чуковский. Они жаждут информации. Рассказал, что мог.

Получил продовольственную посылку — можно будет подкормить С. К. Она очень похудела, но держится и рада своей комнатке, где хоть тихо и можно рисовать после выездов в командировки... Водопровод не действует, крысы и у нее штурмуют стену, прогрызают ее. Но мы дружно говорим: «Ничего, зиму пережили». И вечные надежды впереди рисуют весну, природу, залитую солнцем...

14 февраля 1943 года.

14 февраля 1918 года был опубликован декрет Ленина о создании Красного Флота. Сегодня двадцать пять лет моей службы в Красном Флоте.

Готовлю материал для ТАСС — кончаю очерк о флоте для газет всего Союза. Кстати, кое-что мною сделано в жизни и в искусстве, — сейчас надо бы набирать силы для новых работ. Минутами кажется, что вот теперь-то и начнется настоящее — абсолютная отдача искусству!

Раздумья о своем творчестве... О нем писали друзья и враги, но спокойных, бесстрастных отзывов не бывало. Работа моя всегда вызывает споры. Некоторые «друзья» в Москве даже сейчас не оставляют меня своим вниманием: «Вишневский в Ленинграде чудит: он болен, но не хочет лечиться, отказывается покинуть Ленинград» (?!). Эх, люди!..

...Воздушная тревога... Вой пролетающих истребителей...

Сводка сообщает о сдаче в плен большой группы немцев на Волховском фронте.

На Ленфронте дела идут, взята Поповка. На тосненском направлении разбита дивизия противника. В дело вступили, помимо Н-ских армий Ленинградского фронта, и волховцы — идут от Киришей на Любань — Тосно. Явно готовится и Приморская группа, куда переброшен ряд частей из Кронштадта и с северного берега. Хорошо бы к 23 февраля зажать немцев во Мгинском болоте.

На Юге продвижение танковых частей к Волновахе (!). Знакомые, исхоженные мной в боях места¹!..

Немцы признали потерю Краснодара и пишут о боях под Харьковом.

К 15 февраля объявлена регистрация всех агроработников. *Готовимся к весеннему севу!*

Утром видел на Каменном острове двух крошек девочек, лет трех... Убирают лопатками снег, подражая старшим. Чистые голубые глаза необыкновенно серьезны...

...Прочел речь Черчилля — не нравится: много красивых слов, намеков, сожалений; странная формула плана, который будет осуществлен в течение ближайших *девяти* месяцев (?!)...

А пока Красная Армия действует: сегодня взяты *Ростов*, Ворошиловград и Красный Сулин...

Видимо, будет большая сводка 22—23 февраля, которая подытожит дела всех южных фронтов, а может быть, и Ленинградского и Волховского...

15 февраля 1943 года.

Утром на мотоцикле — в Дом флота на совещание (семинар) молодых писателей КБФ. Приглашено тридцать девять человек плюс писатели нашей группы. Педагогический доклад Л. Успенского, несколько витиеватый, растянутый. Но все с удовольствием слушали примеры: «Валерик» Лермонтова и описание батареи капитана Тушина из «Войны и мира».

Ряд выступлений молодых товарищей.

Один:

— Я стою ночные вахты, а в голову стихи лезут. Просишь подменить, записываешь. А иногда и забываешь...

Сегодня опять жестокий обстрел...

Днем звонили от Веры Инбер и других: «Как у вас? Целы?»

Новые жертвы, разрушения... Некоторые просто уже не выдерживают усталости и нервов. (Бьет, как я узнал, 11-дюймовая батарея, есть попадания даже по аэродромам за городом.)

В Ленинграде перебои с электротоком, с радио, но к вечеру радио должно опять заработать.

При «коптилке» ждем «В последний час». Гадаю — что заняли... Харьков, Сталино, Макеевку, Волноваху?

¹ В годы Гражданской войны.

Будет, *должен быть* день, когда Совинформбюро сообщит: «Первыми на германскую территорию ворвались части генерала такого-то...» Или: «Взят город и железнодорожный узел *Берлин...*»

Час ночи. Тревога... Радиосообщения не дождалось — заснули...

16 февраля 1943 года.

Опровержение *ложных* сообщений английских газет о том, что немцы перебрасывают сорок дивизий на Запад. Немцы, пользуясь феноменальной (но вполне обдуманной) медлительностью союзников, стремятся удержать ряд важных рубежей на Востоке и бросают сюда свои дивизии с Запада...

В 2 часа дня — опять на совещании. Внимательно слушаю. Гляжу на усталое, старчески измученное лицо молодого делегата Гостинова — поэта с Ладого. До войны работал слесарем. У него погибла вся семья... Он читал свои стихи. Это талант! Все оживилось. Яркие, самобытные образы, мысли, своеобразный ритм стиха, уверенность и юная косолапость. Хорошо!

Гостинов — моряк. Будущее, дай ему счастье, успех! Пусть на место погибших встанут новые писатели.

На совещании огласили Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем награждении орденом Красного Знамени и вручили орден. «Служу Советскому Союзу!» — великие слова!

...Прочел с огромным подъемом очерк-оду «Морская пехота», импровизировал и видел, как люди плакали... Искусство — вещь сильная! (Слышал, как молодые писатели удивлялись: «А обычно он говорит совсем тихо».)

После совещания поехали к нам отпраздновать вручение ордена... Раздобыли пол-литра...

Вечерняя сводка. Взят Харьков!

Сидели до 12 ночи, дружно, просто... «Ура Харькову!»

...Звонок из «Ленинградской правды»: просят отклик на освобождение Харькова. С радостью тут же написал.

Прочел речь Рузвельта. Он как-то яснее Черчилля. Его слова об изумительной армии России хотелось бы принять в сердце. Но...

17 февраля 1943 года.

Из обстановки. Красная Армия начала удар 19 ноября 1942 года силой двух фронтов — Донского и Сталинградского, затем включились пять, восемь фронтов, а ныне *десять* (из тринадцати). Сей-

час немецкий фронт разорван от Орла до Северного Кавказа. Удары Красной Армии нарастают. Мы начали наступление на фронте шириною в 120 километров, сейчас наступаем на фронте в 1800 километров. (Летом 1942 года немцы смогли наступать только на фронте в 600—700 километров.)

...Источник грандиозных успехов Красной Армии в жесточайшей войне против фашизма: мужество советского народа; его дух, единство, дисциплина, организация, идейность; выдержка и мужество Главного командования, умелое сохранение и применение резервов, преимущество нашей стратегии и тактики. Мы заложили прочный фундамент для победы!

Сейчас мы не уступаем немецкой армии ни в танках, ни в самолетах. Мы превосходим ее в артиллерии, минометах, автоматах и пулеметах. Непрерывно растет боевой опыт Красной Армии.

...Немцы свели свою стратегию к молниеносным клиньям и клещам. Для советской стратегии типичен ряд последовательно нарастающих как лобовых, так и фланговых ударов. (Очертание немецкого фронта часто само напрашивалось на подобные удары и отсечение выступов.) Советская стратегия разработала интереснейшие принципы использования артиллерии. Советская стратегия разработала методы борьбы с немецкими танковыми массами. Наши истребители танков, артиллерия, ружья и гранаты ПТО¹ свое дело делают. Наши танковые массы мы бросаем на истребление пехоты, артиллерии и тылов противника — с крупным успехом. Советская тактика разработала новые принципы боевых порядков...

Война выдвинула ряд выдающихся советских полководцев... Еще не пришло время *до конца* раскрыть сущность нашей стратегии, но уже весь мир говорит о ней, хотя мы видим лишь первые этапы общего стратегического плана...

О тыле. Красная Армия получила необходимое вооружение в огромном количестве. Мы преодолели трудности с топливом и металлургией. Теперь будут восстановлены Донбасс и другие важнейшие районы. Опыт уже есть (Подмосковный бассейн был восстановлен в два-два с половиной месяца). Хлеб у нас есть. Мы не вводили *по всей стране* голодных европейских норм (285 граммов в Германии, 150 — в Италии и т. д.). Сейчас мы получим миллионы пудов хлеба — урожая 1942 года, так как немцы не успели его вывезти. На 1 февраля народ дал фронту 8 миллиардов рублей добровольных пожертвований. В марте — новый заем. Активность тыла все усиливается.

¹ Противотанковая оборона.

Международная обстановка. Успехи Красной Армии и рост военной промышленности Англии и США побуждают союзников постепенно переходить к наступательной стратегии... Нейтралы (Турция, Испания, Швеция) не поддались давлению Гитлера. Серьезные трения и разлад в странах «оси».

...В целом союзники дали нам незначительное (в общем масштабе) количество самолетов, танков и автомашин... Мы не можем быть довольны союзниками: они не бомбят танковых заводов Германии; благодаря отсутствию второго фронта немцы имеют возможность перебрасывать свои дивизии с Запада на Восток и т. д. Реакционные группы в Англии и США ведут кампанию за буржуазный строй в Прибалтике, на Западной Украине и в Белоруссии, за буржуазную федерацию в Восточной Европе (Польша, Румыния, Венгрия, Чехословакия).

Никаких «федераций» и кордонов против СССР!

18 февраля 1943 года.

В Ленинграде к исходу зимы силы людей слабеют: вновь заметно увеличилась смертность. Упорно говорят, что с 1 марта будут повышены продовольственные нормы.

Вел записи, обдумывал пьесу. Получил еще ряд заданий к 23 февраля. Как все успеть?

В 4 часа дня с Пергаментом зашли за С. К. К 5 часам поехали на спектакль Театра КБФ. Несмотря на ряд повреждений от бомб и снарядов, клуб НКВД в отличном состоянии. Чисто, относительно тепло. Публика одета прилично. Много девушек. Прогуливаются по фойе — разговоры, смешки.

Я вспомнил Ромена Роллана, горькие желчные слова его о Париже 1916 года, о том, что «подлая» человеческая природа стала привыкать к войне с поразительной гибкостью. Слово «подлая», может быть, подходит к буржуазным слоям Парижа 1916 года. Наша человеческая природа воистину доблестная и честная. Ленинградцы приняли беды войны просто и достойно. Ленинград живет, хочет жить и будет жить!

Я рад театральной толпе, девушкам в хороших платьях, легкому флирту в партере. Жизнь!

Смотрим «Сирано де Бержерак» в концертном исполнении... Романтическая выпренность до меня не доходит, и лишь в отдельных местах живое биение сердца Ростана и игра Чеснокова¹ заставили меня восторгнуться.

¹ Актер В. И. Чесноков исполнял роль Сирано де Бержерака.

Какие силы, приемы, слова, краски понадобятся нам для изображения современности?..

...Звонил Крон, работает. (Он живет на «Полярной звезде», трудится над пьесой. Азаров — с нами в домике¹.)

19 февраля 1943 года.

Днем работал над очерком о рабочих Кронштадтского завода. Поистине — это молодцы; тема тыла — большая тема...

Получил звание капитана 2 ранга. (Мое прежнее — бригадного комиссара — равно капитану 1 ранга.)

20 февраля 1943 года.

Наступление продолжается. Сводки скуповатые... Идет разгром на Юге. Гитлер продолжает перебрасывать дивизии с Запада, даже из Южной Франции. Мы по-прежнему один на один с гитлеровской Европой...

По радио. Серьезное поражение союзников в Тунисе: 2-я танковая армия американцев потеряла до 10 000 человек, много машин, 1-я английская армия «застряла в болотах и грязи», а 8-я — в стадии реорганизации (?).

Написал очерк для «Правды» — «Февраль на Балтике». Взял боевые эпизоды: удар по «Голубой дивизии»², схватка на льду у форта «П», воздушные бои... Дал копию в «Ленинградскую правду».

7 часов 15 минут. Партсобрание: отчет партбюро. В целом работа шла верно, но недостаточно инициативно и напористо. Коротко выступил: о подготовке к летней кампании 1943 года — в море! О командирской чести и о всемерном усилении агитационно-пропагандистской работы. Запросы масс огромны — *интересуются всем*. Политработники должны крепко изучать международные дела и военно-политические проблемы.

Стремит[ельное] движение Красной Армии от Орла до Северного Кавказа. В ряде мест немцы быстро отступают, стремясь «оторваться»... Берлинский обозреватель генерал-лейтенант Дитмар говорит, что отступление может длиться «неопределенное

¹ Дом № 10 на Песочной ул. (ныне ул. профессора Попова), где жил Вс. Вишневский в 1942—1944 годах.

² Испанская фашистская дивизия, длительное время находившаяся на подступах к Ленинграду.

время»... Потери их огромны. Рухнул *весь* восточный поход Гитлера — «завоевания» уходят, а остаются миллионы трупов немецких солдат и офицеров. К весне у фашистов бывал прилив надежд, а ныне, в 1943 году, — сильнейший кризис... Гитлер, видимо, решается на создание нового, «сокращенного» фронта. Ему очень важно «прикрыть» Румынию — нефть Плоешти. Но уже сейчас видно, что эта задача немцам не по силам.

Иностранная печать оживленно обсуждает вопрос: где пройдет новая линия немецкого фронта?.. Напрасная трата времени — линия фронта установит Красная Армия!

Сейчас главные операции:

а) *В Донбассе*, где идет охват армий генерала Листа. Наши у Таганрога, идут на Сталино. Второй фланговый глубокий охват *на Павлоград*. Мы стремимся к главным переправам на Днепре: к Днепропетровску, Кременчугу. Отсюда бить немцев с фланга, гнать с излучины Днепра — на юг.

б) *В районе Орла*, где армии Брянского и Западного фронтов охватывают группировку противника.

Таким образом Центральный фронт немцев будет оторван от Южного. Железнодорожные коммуникации немцев нарушены сильнее!..

Гebbельс вопит: «Мы попытаемся (!) летом нанести решающий удар...» Гитлер с отчаянием хватается за жупел «большевистской угрозы Европе», взывает к «культурному миру», но уже поздно! Весь мир раскусил сущность гитлеризма, его отношение к европейской культуре, к национальным традициям, к чести народов.

...Потеря Гитлером Харькова произвела огромное впечатление в Европе: «Линия фронта катится к старой русской границе...» — «Армия Гитлера — это разбитая армия, бросающая склады, вооружение и бесславно отступающая на запад...» — «Немцы вздрагивают, когда хлопают двери...»

...Обстановка для удара союзников в Европе — самая благоприятная, но они все еще медлят, все выжидают. В их прессе — нервозность. Чувствуется неловкость и перед СССР, и перед народами Англии и США.

Вечером читал центральные газеты за 16, 17 и 18 февраля — горячие очерки о наступлении на Юге.

Сегодня наши войска заняли города Красноград и Павлоград.

21 февраля 1943 года.

Солнечный весенний день... Комната моя залита светом. Зашел А. Крон, — ему присвоено звание капитана береговой службы.

В Пубалте шесть портных пришивают всем погоны, петлицы, а корабельному составу и нарукавные знаки. Утюжат брюки, кителя. Приказ о ношении новой формы вступает в силу с 24.00 в ночь на 23 февраля.

Выдают праздничные посылки.

Последние новости. Идет стремительное движение к днепровским переправам. Лишиться их — катастрофа для немецкой армии.

Немцы начали отступление в районах Демянска (Северо-Западный фронт), Ржева — Вязьмы, сокращая фронт и уходя к Днепру! Потери немцев на Юге ослабят и Северо-Западный фронт противника.

Сталинград повлек за собой грандиозную цепь событий — военных и политических, которые катятся как лавина *и будут непрерывно нарастать*. Днепр не преграда для нас. Мы шагнем к германским рубежам!

От Сталинграда до Павлограда пройдено расстояние, равное длине всей Германии. Наступление Красной Армии в разгаре... Наши танки с запасными бочками бензина врываются в глубину пространств Украины; мы сбрасываем воздушные десанты. Партизаны громят немецкие штабы, комендатуры и железнодорожные станции.

Германию треплет лихорадка. Даже «двести пятьдесят дивизий» не помогут — не те люди, не то время! Стратегия и весь военный механизм создаются десятилетиями, — не «перестроиться» Гитлеру в два-три месяца.

22 февраля 1943 года.

Пока тихо. На Ленинградском фронте обстановка складывается не очень удачно... Были промахи, — «осадное» положение дает себя знать. Сказывается и стесненность театра военных действий. Продвижение к Тосно — очень медленное, но разобьем противника безусловно. Флот готовится содействовать флангу армии.

Работал весь день... Усталость...

В 7 вечера поехал в Дом флота на спектакль «Добро пожаловать» — комедия А. Штейна и З. Аграненко. Временами очень смешно, все насквозь добропорядочно... С. К. сделала хорошее стильное оформление.

После спектакля поехали в новый Клуб офицеров (особняк на Английской набережной). Играет патефон, на экране — старый фильм... Сервис по талонам.

В 24.00 офицеры надели погоны. Опыта еще нет — у многих они торчат шире плеч, некрасиво. Надо все переделать, подогнать. Еще нет нужного вида, но это придет в ближайшее время. Наши флотские погоны, как и встарь, хороши: черное с золотом.

В зале — офицерская и актерская среда. Почти забытые запахи кухни, ресторана... Стук бильярдных шаров... На столах — январские журналы. Прочел отчет сессии Академии наук и обзор Алексея Толстого «Советская литература за двадцать пять лет». Написано весьма субъективно...

К всеобщему удивлению, я поднял сегодня тост за «серый пиджак»... Конечно, в будущем, — после Победы.

...Получил письма от молодых авторов (балтийцев). Им тоже нужен «воздух искусства». Ответил: «Друзья, надо драться пером. Сейчас — в поход! Все для Победы! Вот смысл всей нашей жизни сегодня. Индивидуумов, жаждущих солнца, интеллектуальных просторов и пр., вероятно, миллионы. Учтем это! Все придет после ПОБЕДЫ».

Этим письмом я ответил и самому себе.

23 февраля 1943 года.

Сдержанный приказ товарища Сталина. Красная Армия *одна* несет *всю* тяжесть войны; анализ причин неудач немецкой армии; данные о ее потерях: четыре миллиона убитых, пять миллионов раненых; огромные потери в технике. *Дефективность* немецкой стратегии. СССР разворачивает резервы. Время работает против фашизма. Не следует упиваться успехами. Враг еще *не разбит*. Надо бить, преследовать, окружать, уничтожать его; закреплять успехи; усиливать партизанское движение.

Днем прошелся до Кировского моста. Весенний день, флаги... Встретил детский дом на прогулке — целый выводок крохотных ребятишек. Подымают ручки, пищат: «Здравствуй». Так светло стало на душе, — идешь и чему-то улыбаешься... А между тем все время — методический обстрел города (часа четыре подряд). В нашем районе пока тревоги нет.

У Невы — розовые разрывы снарядов и тяжелый гул среди каменных стен. Новые плакаты — яркие, пестрые, но удачных мало. По радио передают народные песни. Разгуливают моряки с новенькими погонями на плечах...

На радио. Выступил, читал обстоятельно, по-пропагандистски. Сам себе раскрывал некоторые моменты, связанные с сутью войны.

Вечер провели дома с друзьями... Настроение хорошее. Работы закончены, — можно и поспрадовать.

24 февраля 1943 года.

Солнечно... Обстрел. Барражи истребителей...

Ощущение некоторого отдыха... С. К. убирает свою «мансарду», пришивает новые пуговицы к шинели.

Два года на военном положении сказываются. Все деформировано блокадой... Каждую минуту надо быть начеку, на месте. Это ощущение ответственности, занятости, — *ощущение долга* (в высшем смысле этого слова) не покидает нас ни на секунду. Вчера я хотел, страстно хотел выключиться — хоть на час забыть о службе, о делах... И не мог. Все на «товсь»! Постоянно ощущение озабоченности.

С. К. с грустью говорит:

— Я старею...

Ответил ей:

— Ты всегда, до конца жизни будешь моей женой, единственным человеком, который знает меня, почти предельно знает. Очень трудно, но мы все вытерпим, — так надо *и иначе быть не может*. Мы с тобой знаем, что делаем, во имя чего живем.

В госпитале. Много раненых моряков. Лежит юноша — чистые-чистые глаза. «Скажите, я выживу?» — молит... «Безусловно!»

Раненые просят меня выступить. «Обязательно!» Я говорю с ними два часа и счастлив, что лица их оживляются и загораются глаза.

Утраты наши *тяжки*, — почти нет семьи, где не было бы потерь... Но люди упорно работают, — на некоторых производствах 16-летние девушки дают до 600 процентов нормы; в стране — ряд новых ценных открытий и т. д.

Мысли о войне.

Взяты Ахтырка, Малоархангельск, Сумы, Лебедин. Сильный *фланговый* удар. Он выводит к Киеву и к *новому* фланговому удару на Буковину — Бессарабию...

Обмен телеграммами с Англией... Король Англии Георг VI преподносит почетный меч — Сталинграду. В мире происходят необыкновенные соц[иальные] и политические сдвиги... Мы показываем миру, как защищать свое отечество. Это *volens nolens*¹ признается и на Западе.

Рузвельт учит города США опыту обороны *Москвы, Ленинграда, Сталинграда*. Английский парламент обсуждает план Бевериджа,

¹ Волей-неволей (*лат.*).

используя *опыт Москвы*. Геббельс призывает немцев драться *по примеру Москвы*... Н-да!..

25 февраля 1943 года.

С 23 февраля в городе прибавка хлеба. (Его рыночная цена сразу упала до двухсот рублей за килограмм, а сравнительно недавно была — шестьсот.) Прибавка существенная, так как дает людям ужин или возможность резерва для обмена на другие продукты.

В сводках последних дней — некоторая сдержанность. Упорная борьба в Донбассе... Видимо, Украинский фронт занят ремонтом железных дорог и пр. *Закрепляет* взятое.

...Ленинградский фронт упорно действует, освобождаясь от окопной неподвижности. Готовятся новые операции.

...Ответил на ряд писем молодых авторов (матросов и др.). Ответил на поздравительные телеграммы «Правды», «Красного флота», А. Таирова¹ и многие другие.

К пьесе! Читаю Шекспира. Его военные хроники жестоки, сильны, современны...

Вечером у нас был Саша Фадеев. Я рассказал ему о последних военно-политических новостях, о наших делах. Он вернулся из поездки в гвардейскую дивизию Симоняка (наступление на Красный Бор, Поповку и пр.)...

Беседовали всю ночь — о Москве, о друзьях, о литературе. Остро, трагически все переживает Довженко². Он написал «Мать» — мучительный, сильный рассказ; в нем много правды, чего-то понятого внове...

Оттепель. За окном шумит ветер, на заливе крошатся льды. Это шагает 1943 год — будет он лютый!

Фадеев рассказывал *мне* об осени 1941-го, я рассказывал *ему*... Может быть, никогда и не будет в литературе описано все то, что мы видели, познали...

26 февраля 1943 года.

Мы все увлекаемся «боевыми трофеями». Я подарил Саше немецкую пилотку и сумку, а С. К. — офицерскую немецкую фуражку, пробитую нашим снайпером (дырка в козырьке).

¹ Режиссер; основатель и художественный руководитель Камерного театра.

² Кинорежиссер и драматург.

Весь день то брожу, то пишу... Ощущение перемен, сдвигов. Не имею информации, но ощущаю, догадываюсь о чем-то.

В кооперативе в очереди одна женщина рассказывала:

— Вот мы собрались под Новый год, все друзья... Хотелось отметить, что уцелели. А на сегодня большинство моих друзей уже погибло от недавних обстрелов. (Действительно, нашу Петроградскую сторону обстреливают часто.)

27 февраля 1943 года.

В 6 часов — в лекторий. Большой литературный вечер (Фадеев, Тихонов, Инбер, Берггольц, Рывина, Азаров и др.). И писатели и публика совсем иные, чем до войны. Задумчиво слушаю: у одних писателей — скрытые чувства, у других — признания. Сухие, лобовые агитационные стихи никому не нужны, идут мимо души. У всех обнажены нервы, — видишь, как люди утирают слезы, остро реагируют.

...Вечер закончился. Вот собрались все вместе на час-другой... и опять все врозь.

У подъезда — темь. Редкие пятна огней... Острый приступ одиночества.

...Телеграмма от Таирова и Коонен¹ об успехе спектакля «Раскинулось море широко»² в Барнауле. Он идет во многих театрах Союза.

28 февраля 1943 года.

По-видимому, на Юге наш удар ослаб. Сводки сообщают о боях западнее Ростова, юго-западнее Ворошиловграда, западнее Краматорска и севернее Курска. Сказываются: отсутствие второго фронта в Европе; то, что немцы подтянули резервы; растяжка наших коммуникаций, оттепель и, может быть, некоторая усталость. Ясно, что *новый* цикл боев будет несколько отсрочен. Наступление западнее Харькова продолжается.

Несмотря на факт прорыва блокады, Ленинградский фронт поставленных перед ним *крупных* задач пока *не решил*. Полагаю, что нам вновь предстоят летние бои за город. Ленинград для немцев по-прежнему *ближайший крупный объект*. В 1914—1918 годах немцы, понимая бесперспективность лобовых ударов, все же фата-

¹ Актриса Камерного театра.

² Пьеса Вс. Вишневского, А. Крона и Вс. Азарова, написанная ими в Ленинграде к 25-летию Октября.

льно шли в новые наступления. Опыт советской обороны вполне достаточен. Что ж, снова встретим и отгоним их!

Обстрел... Сильно вздрагивает дом — раз, другой...

Прочел первую главу автобиографической повести Вс. Рождественского о Царском Селе, о детстве. Всплыли острые воспоминания — моя «Война»¹, моя жизнь, мои рукописи. Вспомнилось детство, сад, тишина, мягкий стук крокетных шаров, голубые небеса и первое томление души, вечное нетерпение, ожидание, порывы...

Розовый закат, опять свистят снаряды, и надоевший гнусавый голос бубнит по радио: «Район подвергается артиллерийскому обстрелу, движение прекратить».

1 марта 1943 года.

С. К. едет на форт «П». Ей поручено написать картину о недавней схватке с белофиннами на льду. Будет там рисовать...

Написал речь для Северного флота — к радиоперекличке.

К 2 часам — в ЛССП². Трамвай битком набит. Одна из женщин плачет: «Зачем мне теперь жить? Мужа, трех сыновей отдала. Мне их, видно, не дожидаться... Убьет меня — и слава богу...» Какая горечь!

В Союзе привычная картина... Немного подтопили зал. Обсуждали доклады Лесючевского и Саянова — о журналах «Звезда» и «Ленинград». Отраден факт выхода журналов в Ленинграде. Литература все-таки живет, ищет, творит, — пусть еще несовершенно, но разве можно без исторической дистанции описывать события, потрясающие мир десятилетие за десятилетием? Наше поколение в непрерывных боях, — и срока свершения наших чаяний мы еще не можем предугадать. Во всяком случае, Россия стала эпицентром огромных сдвигов: в 1905—1914—1917—1920 годах, в годы пятилеток и в 1941—1943 годах. Сущность мировых событий так колоссальна и сложна, что для меня точному определению еще не поддается.

...Ночь, снегопад, сыро... На горизонте слепящие вспышки выстрелов. Идешь, ничего не видишь... Невский, — кое-где «средневековые» фонарики, силуэты редких прохожих. На трамвайной остановке люди штурмуют вагоны — крепко, с хохотом. Это публика

¹ Эпопея Вс. Вишневского «Война».

² Ленинградское отделение Союза советских писателей (ЛО ССП).

из театра, хорошо заряженная спектаклем... *Неистребимость жизненной силы* — одно из главных ощущений и познаний моих в годы этой войны.

Пора сверкающих творческих откровений 1930 — 1935 годов у меня прошла. *Видимо, это не повторится*, я слишком устал, а жизнь коротка... *Предстоит лишь закрепление познанного, углубление.*

Вечером — у товарища Рыбакова. Ужин пубалтовцев (ели сушеные грибы, консервы). Тепло, хорошо. Над столом висит портрет Пушкина, свечи, блеск офицерских погон.

Поднял бокал за новых офицеров, за воинов России. От всей души!

Присвоено звание *гвардейских* — ряду подводных лодок (Грищенко, Кабо и др.).

2 марта 1943 года.

Ликвидация демянского плацдарма. 16-я немецкая армия, боясь окружения, отступает на запад.

Сообщение ТАСС. Тон его крайне выразительный, смысл его таков: так называемое польское правительство в Лондоне не отражает воли польского народа... Польша будет восстановлена без господ эмигрантов.

Читаю немецкие газеты: «Die Front» и «Reveler Zeitung»¹ за январь 1943 года. Мне их прислал товарищ Барбакадзе (трофейные, с батареи). Тон немецких газет тише, кислее, чем в 1941—1942 годах: «Наперекор всему...», «Держаться...» и т. д.

...В газетах есть новогодняя речь командующего германским фронтом под Ленинградом: «Солдаты!.. В течение всего года вы отбивали все попытки врага прорвать наш Ленинградский фронт. В 1943 году на вас лягут новые большие задачи...» А 12 января ударили *мы* и прорвали немецкую блокаду! Правда, в целом проблема Ленинграда еще не решена. Ну, решим ее в новых боях!

3 марта 1943 года.

Солнечный великолепный день... Утром беседовал с молодым поэтом Фидровским, разбирал его книгу. Спорили, говорили о новой литературе... Зашел к В. Инбер, — она летит на месяц в Мо-

¹ «Ди Фронт» и «Ревелер Цайтунг».

ску. Послал с ней письмо в ЦО — сжатый обзор ленинградских дел, настроений.

На военных заводах нарастают темпы производства. На радио-заводе 14-летняя девочка дает пятнадцать единиц, а до войны на этом же месте давали три. Огромный напор, конвейерная система. Девушки обучились работе за девять-десять месяцев. Знают две-три детали в совершенстве: свою и соседей справа и слева. Дают точную сборку. Одеты чисто, даже чуть кокетливо. Бегут пешком через весь город на концерт — послушать приехавшего к нам Яхонтова... Стойкое поколение!

Работал над пьесой... Продумываю центральную линию: образ командира-морьяка *нового* поколения...

4 марта 1943 года.

Мороз до 10 градусов. Воздушные тревоги. С утра зенитная стрельба.

Был на Каляевой¹, взял все свои бумаги, архив (за время Отечественной войны), книги. Разбирал и систематизировал их весь день.

Изредка, когда есть время, перечитываю дневники...

Резервы СССР еще разворачиваются. Танков (в 1943 году) мы получим гораздо больше, чем в 1942-м, и гораздо лучшего качества (ЦО от 1 марта).

Союзники безусловно между двух огней: помогать СССР нужно, создавать второй фронт тоже нужно, но это еще больше усилит СССР; не помогать — значит идти на разрыв с СССР и на новые крупные осложнения в будущем...

«В последний час». Очищена вся железнодорожная линия Москва — Ржев — Великие Луки...

5 марта 1943 года.

Работаю над пьесой, написал еще несколько диалогов. Все яснее вижу главные линии: образ крепкого человека, высший тип советского культурного командира, воина... В сложнейших испытаниях... Раскрыть внутренний мир наших людей — философский, соц[иальный], политический и этический!

Был А. Фадеев, зашел проститься...

¹ Улица, на которой жили родственники Вс. Вишневского.

Необходимо дать в «Правду» статью о литературных процессах, о том, что зреют новые силы. В армии работают сотни рядовых литераторов — у них будет большой запас впечатлений, опыта, знаний.

Коснулись будущего.

Саша:

— Сколько мы еще не видели! Надо бы и США увидеть, и другие страны...

6 марта 1943 года.

На Юге — упорные бои. Немцы, стянув в Донбасс силы с Кубани, из Крыма и некоторые резервы, отбили у нас Лозовую, Краматорск и Красноармейское...

Весь день писал с упоением. Новые образы, мысли, эпизоды. За последние дни — безусловный сдвиг: вижу *нутро* пьесы! Определилось ядро героев — типаж для меня еще новый. Я хочу *нового*, но сохраню и традицию. Подальше от батализма — глубже вникать в души людей!

7—8 марта 1943 года.

Лихорадочные приготовления Германии и ее партнеров. Сильнейшая пропаганда против большевизма. «Не щадить жизней!» — вот лозунг Гитлера (в его выступлении в связи с юбилеем национал-социалистской партии). В Европе идет трудовая мобилизация, вербовка, принудительная отправка в части. Мобилизованные рабочие строят укрепления от Бреста до Берлина. На Западе Гитлер приводит в боеготовность береговые укрепления во Франции и в Бельгии; укомплектовывается линия Зигфрида.

...Английская пресса старается смягчить впечатление от явного недовольства СССР действиями союзников.

*8 марта.
Вечер*

Приехал после доклада домой... Узнал, что С. К. вернулась с Финского залива, но уже ушла на вечер в Пубалт, чтобы выступить с рассказом о поездке. Она сделала много зарисовок на льду.

9 марта 1943 года.

У С. К. Она ищет правильных решений. Я дал ей перечесть дневник Делакура, там есть полезные мысли о батальной живописи. С. К. дважды ходила с пограничниками на лед — в дозор (днем

и ночью), чтобы все зарисовать с натуры (боевые посты, бойцов в дозоре и пр.). Мерзла, но все время работала...

11 марта 1943 года.

В 7 часов — в Театре КБФ. Провел беседу о ходе войны, о международном положении (по некоторым новым материалам). Слушали хорошо. После доклада говорил с руководством театра о драматургии и о моей новой пьесе. Рассказал им отдельные мысли, черты... Театр много работает: за январь — март дали триста пятьдесят выступлений.

12 марта 1943 года.

Тепло. Солнечный луч жжет щеку. Так приятно! Комната вся залита светом, в саду тает...

Написал статью «На весенние темы» — о предстоящей летней кампании, о Таллине.

Говорят, что адмирал И.С. Исаков лишился ноги в последних боях на Юге¹. Огорчен... Это блестящий работник.

С союзниками у нас какие-то осложнения. Последняя информация подтверждает наличие трений, затруднений, острых противоречий. В дипломатическом мире все покрыто тайной, вежливостью, и многое угадать трудно. Но цепь фактов такова:

1) Союзники не выполнили обязательств в 1942 году...

2) Поставки союзников хоть и растут, но в общей сумме военной промышленности СССР играют еще малую роль — малоэффективны.

3) Политически союзникам хотелось бы раздуть огонь войны на Востоке, ослабляя нас и немцев и сохраняя свои силы.

4) 23 февраля Сталин сказал ясно: ввиду отсутствия второго фронта в Европе Красная Армия несет одна всю тяжесть войны.

5) Сообщение Совинформбюро о переброске немецких дивизий с Запада (разоблач[ение] английской и американской информации).

Ночью я раздумывал над всеми этими фактами. Политика вещь жестокая. Видимо, красивым фразам англичан и американцев верить *не приходится*... Но войну надо вести до конца... До победы.

Да, сложная обстановка!

Наши войска заняли Вязьму!

¹ 6 октября 1942 года в боях под Туапсе.

13 марта 1943 года.

В последних операциях на Любань опять неудачи. Простора для маневра нет: леса, болота. Оттепели помешали широко использовать лыжников. Сейчас Волховский фронт получает достаточно техники. Авиация наша господствует... Много автоматчиков; появились новые реактивные установки, уничтожающие немецкие дзоты и доты. Придет час!

О немцах. Дерутся упорно... Боятся гибели Германии, уничтожения нации, дисциплинированы. Конечно, это уже не солдаты 1941 года. Это уже люди с «мыслями», с «вопросами», но пока, кроме ворчания *шепотом*, они ни на что не решаются.

О женщинах в армии. Девушки-связистки, регулировщицы — дисциплинированы, следят за порядком. У нас водители, да и командиры, любят гнать машины как попало. Девушки останавливают их, предостерегают, учат... Бывает, при неповиновении слезы выступают на глаза, но наведут винтовку и бьют в покрышки... Правильно! Смелый, в общем, народ.

Бывают и романы... Некоторые распускаются до того, что фамильярничают с командирами и пр. и пр. Жизнь — это ты! А у нас только «героические очерки».

Военный совет КБФ 9 марта направил в Москву представление о присвоении мне звания капитана 1 ранга...

14 марта 1943 года.

Об обстановке.

Красная Армия наступает на фронте около 1000 километров; обороняется на фронте около 350 километров. Сломана укрепленная система немцев, создававшаяся двадцать один месяц для удара на Москву. Сейчас развивается *наш удар на Смоленск*, где находится главная штаб-квартира германской армии на Востоке. Взятие Смоленска было бы огромным стратегическим успехом. Уже сейчас немцы отступают по старой наполеоновской дороге.

Развиваются и удары Северо-Западного фронта — вплотную к Старой Руссе и у южного берега Ильменя. Озеро форсировано.

На Украине немцы контратакуют. Потери их значительны, но они еще увеличатся. Удар выдохнется. Наши резервы уже подошли к району Купянска. В стратегическом отношении движение Красной Армии на Западном фронте значительнее, чем контратаки немцев на Юге.

...Идут серьезные дипломатические переговоры между СССР, Англией и США... Мы стремимся добиться своих государств[ен-

ных] историч[еских] прав. Впредь безопасность СССР должна быть *максимально* гарантирована.

Гebbельс по-прежнему пытается чудовишной антибольшевиcтской агитацией расколоть лагерь объединенных стран...

...На кораблях ремонт идет к концу. Считают, что с 20 апреля начнутся походы в море...

Часто пролетают немецкие разведчики.

В городе интенсивно обучаются ПВО¹: зенитные точки бьют по буксируемым самолетами целям.

Все сильнее ощущаю дуновение весны... На солнышке играют дети. Тротуары уже кое-где подсыхают. Дни заметно прибывают...

Усталость... Побаливает сердце...

15 марта 1943 года.

Дымка, солнечно... Опять болит сердце. Как-то смутно на душе, работает плохо.

Сильная канонада. Видимо, начинается наше новое наступление. Надо же когда-нибудь освободить Синявино-Мгинский район, очистить всю Неву и Северную железную дорогу.

Каковы возможные ходы Германии? *Мировой* выигрыш войны по человеческому разумению — для Гитлера невозможен. Альтернативы: 1) либо, воззвав к нации, еще раз попытаться свалить Россию (хотя уже ясно, что *выиграть войну на Востоке он не сможет*), чтобы добиться компромиссного мира с союзниками, то есть признания ими передышки перед третьей мировой войной; 2) либо перейти к обороне, обрекая себя на концентрические удары 1943—1944 годов.

Так роковым (для Германии) образом повторяется четырехлетний цикл (1914—1918) в новом варианте. Германия *не* избежала старых ошибок, сделаны — *новые*. В Германии вряд ли найдутся сейчас силы для устранения Гитлера и перемены курса. Следовательно, на Востоке будет продолжаться ожесточеннейшая борьба, к выгоде третьих — радующихся.

...Все ясно, горько, *но мы будем упорно идти к своей цели*. (Вероятно, все эти мысли — в плане продумывания сути войны и для пьесы.)

Город строит новые дзоты и доты, готовится к летним боям. Проблемой становятся лесозаготовки: городу нужно три миллиона кубометров дров. Где рубить? За два года столько вырублено вокруг, столько сломано домов!

¹ Противовоздушная оборона.

Харьков, видимо, нами сдан. Немцы уже сообщили об этом.

Все о том же: союзники не поддержали зимний удар Красной Армии. Их Северо-Африканская операция не дала необходимых результатов: немцы до сих пор держатся на тунисском плацдарме. Держится и Италия — под контролем немцев.

Немцы шумят о подготовке четырехмиллионной армии для решающего наступления. Старая песня о двухстах пятидесяти новых дивизиях. СССР примет и этот удар...

16 марта 1943 года.

Сообщение об эвакуации Харькова...

Может быть, и не вредно, что немецкие *свежие* дивизии втянулись в драку уже в феврале — марте. Главное — пути на Волгу и Урал прикрыты. И как прикрыты! Сталинград будет могучим УРОМ¹...

Россия! Сколько она приняла на себя в ту мировую войну. Билась со ста двадцатью семью дивизиями врага год за годом!.. Удар России в 1914 году во имя спасения Франции; а в 1916-м Брусиловское наступление спасло Верден!

Работаю над пьесой. Упорно. Шагать вперед, несмотря ни на что! ...Работаю ночью. Вижу пьесу, вижу ход людей, их жертвы, их жизнь. Напишу, душу отдам! Надо, надо для 1943-го!

Мысли, записи, отдельные сцены, голоса...

17 марта 1943 года.

Наш Западный фронт широко наступает. Взяты вновь десятки селений, железнодорожных станций. Северо-Западный фронт вышел на шоссе Шимск — Старая Русса (!). Ожесточенные бои на Донце.

В Ленинград едет Дзиган², прислал уже три телеграммы, просит дать сценарий... Опять, как десять лет тому назад...

18 марта 1943 года.

Солнечно... Тихо...

Не действует телефон, нет электричества (временное повреждение).

¹ Укрепленный район.

² Кинорежиссер, постановщик фильма «Мы из Кронштадта» по сценарию Вс. Вишневого.

Зимняя передышка, успехи Красной Армии, прорыв блокады создали несколько успокоенное настроение не только у части молодежи, но и у кое-кого из комсостава: «Дело идет к концу...» Много «отпускных» настроений. Меньше настороженности, бдительности, хотя и в армию и во флот враг продолжает забрасывать агентуру... Придется воздействовать на людей, подтянуть их.

...В 11 часов пришел Дзиган. Он ехал из Москвы пять суток. В Бологом была (после годового перерыва) сильная бомбежка: разбит вокзал, два санитарных поезда — обгорелые трупы. И тут же очереди за кипятком, в кассу; продают газеты. Все буднично — быт войны...

Ефим¹ находит, что я выгляжу неплохо, но постарел... Да, *эти два года!*

Повел его в комнатку С. К. Долго беседовали втроем... Московский киномир от меня очень далек. Кажется, что не два года и не 609 километров отделяют меня от Москвы довоенной поры, а какой-то огромный период жизни... Впечатления у Ефима от поездок по стране здоровые.

Вечером с Дзиганом — в недавно прибывшей из Сталинграда Н-ской дивизии. Сырой зал в Студенческом городке, где стоит дивизия. Ребята боевые: москвичи, туляки, татары. Выступил командиров — рассказал об обороне Ленинграда, о флоте, о задачах на ближайший период.

Из быта. Приходит старичок, агент страхового общества. «Вы боитесь и от бомб?» — «Нет, только от пожаров, бытовых пожаров».

19 марта 1943 года.

С утра сильный артиллерийский огонь. (Может быть, наше наступление?)

Солнечно, тепло... В саду распевают скворцы. Снег быстро тает. В городе — чистые тротуары, мокрый асфальт. Весенне...

В 12 часов был на просмотре фильма «Сталинград»...

Вчерашняя встреча со сталинградской дивизией и сегодняшний просмотр как-то еще по-новому, светло показали Россию. Вот-вот, кажется, приблизишься к постижению ее до конца. Какой простой огромный народ — силища невероятная! Тысячи людей, порой неуклюжих (в своих ватниках, валенках), сосредоточенных, делающих свое дело неотрывно, упорно.

¹ Е. Л. Дзиган.

Волга, виды берегов всколыхнули все давнее, мое, пережитое в 1918 году¹. Смотришь, едва сдерживая волнение, а слезы бегут и бегут... Россия! — всего и не выразишь тут...

20 марта 1943 года.

Немцы перенесли штаб Восточного фронта из Смоленска в Кенигсберг.

Утром отправил в «Ленинградскую правду» большую статью о фильме «Сталинград». Дал вариант для «КБФ».

Работал над пьесой. Впечатления последних дней несколько сбивают... Мысли идут по другим направлениям.

Был Дзиган, просит хоть «план сценария, побыстрее»... Все это несерьезно, — нужна глубокая работа и время.

Говорят, что наши оставили Белгород.

Вечером опять работал над пьесой, но как сбивают!

Воздушная тревога. Вышел в сад, — вспышки зенитного огня, луна, звезды, прожекторы. Глухое урчание немецких одиночных самолетов.

На фортах Кронштадта ждут воздушных налетов, минирования фарватеров... Замполит Суворов² считает, что война кончится через два года.

Опять воздушная тревога...

Проснулся от воздушной тревоги... Под утро сон: скала, отвесный обрыв, стреляют в затылок... Кого-то тащат и бросают, сняв шинель и сапоги, в поток³. (Реакция на приезд Дзигана!)

22 марта 1943 года.

(Двадцать один месяц войны.)

Оставлен Белгород. Немцы начали наступление в районе Жиздры, стремясь парализовать наступление Западного фронта. Упорные бои в районе Чугуева.

В группе получили звания: Л. Успенский и Вс. Азаров — капитаны береговой службы, Н. Чуковский — старший лейтенант, А. Тарасенков — капитан административной службы.

¹ В годы Гражданской войны Вс. Вишневский служил на Волжской военной флотилии.

² В. Ф. Суворов — заместитель командира по политчасти на форте «П».

³ Сон напоминает эпизод из фильма «Мы из Кронштадта».

В 7 вечера поехал с С. К. и Дзиганом на судостроительный завод — на закладку нового монитора (строят комсомольцы). Чудный весенний закат. Ледок, лужи, воронки от бомб. Стапеля под кранами... Люди в робах, много девушек-производственниц. Работают с электросварочными аппаратами, — летят искры...

Короткий митинг, невзирая на сильный воздушный налет. Трепещут на ветру флаги расцветивания, растянутые на тросах вдоль кранов. Празднично! После митинга под грохот зениток приклепали — на двенадцати болтах — дощечку-памятку.

Дзиган был удивлен спокойствием людей: «Воздушная тревога, бомбежка, — ноль внимания!»

В огромном сыром цехе осмотрели готовые мониторы. Их спустят на воду в апреле...

...Мы возвращались домой — Ефим шел молча, пораженный всем виденным... Как потряс бы его Ленинград 1941—1942-го!..

23 марта 1943 года.

Немцы на белгородском и чугуевском направлениях, видимо, застряли. «Удар этот для русских не опасен», — комментируют англичане. На Западном фронте наше медленное продвижение.

Из общей обстановки.

...Эта война грандиознее, чем в 1914—1918 годы. В ее орбиту вовлечено больше стран, и результаты несомненно будут значительнее, чем после Первой мировой войны.

...Участие в войне СССР — имеет решающее значение. Война не кончится компромиссом. Мир будет (так или иначе) гарантирован на ближайшее время. (Передышка до новых провокаций агрессоров?) Ускорился процесс признания и понимания СССР. В условиях мирного времени на это, может быть, понадобились бы десятки лет.

Роль СССР огромна — и сейчас и в будущем.

Велико значение правильной политики нашей партии. Правильные политические цели, правильная политика — определяющая и стратегию — ведут к победе. Ложные политические цели и ложная политика — ведут к поражению и проигрышу войны...

...Солнечно, тепло... Пошел в город. Сегодня в «Ленинградской правде» и «КБФ» мои статьи о фильме «Сталинград». Прочел их на улице на газетной доске...

Давно уже не бродил по улицам. Детишки лепят песочные куличики, греются на солнце. Стоят милиционеры с английскими винтовками. Спешат хозяйки — сегодня можно получить макарон-

ны. Впервые выдают мандарины — по два мороженых мандарина на человека... Барражируют самолеты. Небо нежное, голубовато-зеленое, дымчатое. Третий год не ремонтируют тротуары, и асфальт постепенно разрушается. У домов идет уборка снежных куч (везде работают женщины). Мчатся машины, — вечный шелест шин, запах бензина...

Вечером работал над пьесой...

Ночью тревоги, сброшены бомбы... Стрельба до утра.

24 марта 1943 года.

Закончил редактуру и правку «Крепости Кронштадт». Мне нравятся начальные главы; в середине где-то слабины; об Отечественной войне — крепко.

Вчера под Ленинградом сбито 27 немецких самолетов и подбито 2... Некоторые жалуются, что хуже переносят тревоги и бомбежку, нервничают. Видимо, устали. Я переношу их, как всегда: спокойно, порой просто отрешенно, — думаю о своем.

Из новостей. Туполев получает Сталинскую премию за самолет (скоростной бомбардировщик). В истребительных полках появились отличные отечественные машины.

В 8 вечера был в Военном совете. Рассказал о делах писателей; кратко — о своей пьесе.

Беседовал с контр-адмиралом Смирновым об обстановке на Балтике:

— Дело за армией — от нее многое зависит. Пока наступление на Ленинградском фронте развивается туго — трудная местность, болота... Готовимся воевать на Балтике, но, как и в прошлом году, театр морских действий стесненный; противник знает наши фарватеры... Двинется армия, и *мы* сможем действовать шире: пойдем на запад — в Таллин и дальше... На Юге немцев сдержали. Под Белгородом (в двух направлениях) наши части перешли в наступление...

25 марта 1943 года.

Сегодня, выспавшись, чувствую себя хорошо, да и день замечательный — все залито солнцем. Вчера под Ленинградом сбито 32 немецких самолета...

Работаю над пьесой...

К обеду пришел Ефим. (Борщ из сушеных овощей, каша, пиво, флотский компот.) Вспоминали поездку в Европу в 1936 году¹. Жалели, что не побывали тогда в Германии, многое было бы сейчас понятней.

Дзиган уезжает в 6 часов, поездом (без «гарантий»² в Кобоне)... Огорчен, что не получил от меня сценария. Чудак Ефиша!

На улице Марата разбита междугородная телефонная станция. Вчера, кроме воздушных тревог, — жестокие артобстрелы южной части города. Дым пожаров виден из окон Пубалта.

Работаю над пьесой, ряд новых эпизодов, мыслей, штрихов. Временами — раздумья, опасения за пьесу... Нет, отбрасываю их, — вперед!..

...Мы, участники войны 1914—1918 годов, вдохновленные Лениным, поставили проблемы нового бытия перед человечеством. Нам, русским, дана была честь сделать это *первым*.

После *этой* войны человечество снова шагнет вперед, встанут новые проблемы, решение которых, может быть, придет лишь в XXI веке...

26 марта 1943 года.

Мысли о наших командирах.

За двадцать пять лет советской власти выработался новый крепкий тип флотского командира. Балтика дала много примеров отваги, расчета, инициативы. То же можно сказать и о других наших флотах.

На Северном флоте капитан 1 ранга Спиридонов заслонил своим кораблем крейсер, по которому немецкая подлодка дала торпедный залп. Вскоре его корабль взорвался. Спиридонов вцепился в поручни мостика, хотел, — как положено командиру, — остаться на корабле до конца. Но волна смыла его, и последними оказались несколько краснофлотцев. Подоспевшие катера спасли и командира и команду его корабля. Но Спиридонов обвинял себя в том, что «покинул» корабль — о чем и написал рапорт наркому.

Старший лейтенант Окуневич на сторожевике³, спасая два транспорта, пошел в бой против *трех* эсминцев противника. Вел огонь из двух 45-миллиметровых орудий... Тонул, но шел вперед, не прекращая огня. В живых остался лишь один краснофлотец-рулевой.

¹ В связи с показом в ряде стран Европы кинофильма «Мы из Кронштадта».

² Имеются в виду воздушные налеты.

³ Сторожевой военный корабль.

...Немецкая авиация разбомбила Бологое, Тихвин, Волхов и железную дорогу на протяжении 70 километров. На четыре дня железнодорожное сообщение будет прервано.

Вечером слушал по радио рассказ крестьянина-инвалида Ковалева, удравшего из Германии (с принудительных работ в Бранденбурге). Простой, наивный и горький рассказ: как увезли, как били, как гоняли и как соседи — военнопленные французы — давали ему папиросы и хлеб.

Тяжелые сны, странные, чем-то приятные... Неведомые города. Видел Мате Залку...

27 марта 1943 года.

Немцы держат новый рубеж перед Смоленском. Огромная насыщенность сторон артиллерией и авиацией.

Частным образом узнал: в феврале Рогов через 4-й отдел Главного политического управления сообщил в Комитет по делам искусств, что он *против* пьесы «Раскинулось море широко», но что в Ленинграде, в виде исключения, спектакль трогать не надо... Этого еще не хватало! Странная позиция! Спектакль с таким успехом идет по Союзу. *Поразительно: ни одна моя работа «просто» не проходит*, — все с борьбой, с мучением, даже музыкальная комедия... Ничего, вперед!

Работаю над первым актом пьесы. Порой брезжут хорошие мысли, сцены. Глубже, глубже в душу явлений, в душу людей!..

28 марта 1943 года.

«На фронтах существенных изменений не произошло». (Начало весенней паузы?)

К 1 мая 1943 года Монетный двор изготовит 200 000 медалей «За оборону Ленинграда». Медаль светло-бронзовая.

...В 5.30 дня поехал с С. К. в Большой драматический театр (вернулся из эвакуации) на «Дорогу в Нью-Йорк».

«Большая премьера» — много знакомых. Разговоры, приветствия. Давно не дышал этим «премьерным» будоражащим театральным воздухом. Спектакль свежий, лирически-комедийный. Пахнуло далеким миром, музыкой, ароматом расцветающей юной любви... Не раз щемило сердце: когда же наш народ вернет себе мирную жизнь? Странно звучит этот спектакль в нашем городе на

двадцатом месяце осады. И все-таки: жизнь неистребима, дьявольски упорна!

...В 11.30 вечера радио: крупнейшая бомбежка (английской авиацией) Берлина...

Наша АДД¹ тоже действует. На днях были объявлены крупные награждения летчиков; преобразования нескольких частей АДД в гвардейские.

29 марта 1943 года.

После катастрофы Наполеона в России его эпопея длилась еще три года. Сколько же будет длиться гитлеровское предприятие?

«Литература и искусство» телеграфирует: «Из-за границы растет спрос на ваши статьи. Шлите еще».

С 7 вечера до часу ночи — на партийном бюро... Сидим в прокуренной комнате. Трудно, неприятно: много тяжелых бытовых дел, драм. Осада, тяжкие зимовки; связь моряков с берегом, с малознакомыми женщинами и пр. порождают все эти грехи тела и духа... Сейчас придется все круто «подвинчивать». Удивительно, что инструкторы Пубалта многого не чувляли, не замечали. Короткие «визиты» по узким заданиям, очевидно, *мало* дают. Надо глубоко вникать в быт, дела кораблей и частей.

Оздоровление несомненно начнется с первыми походами кораблей. В море! Балтийцы еще себя покажут!

30 марта 1943 года.

К обстановке.

...На Юге: выход наших авангардов к Днепру поставил немецкие армии в катастрофическое положение. Поэтому противник *перебросил с Запада двенадцать свежих дивизий* и усилил имевшиеся тринадцать дивизий сотней маршевых батальонов. Итого *двадцать пять дивизий* (из них двенадцать танковых и одна моторизованная). Удар этой группы позволил немцам вернуть Харьков и выйти к Северскому Донцу. Здесь наступление выдохлось...

На Карельском фронте агитбригада Театра КБФ выступала в тридцати пяти метрах от финских позиций, вызывая финнов на ответы. Сыграли на баяне танец; обратились к ним по-фински: «Если нравится — дайте три выстрела...» Финны кричали: «Когда перемирие, когда мир?» Предлагали брать по очереди воду из речки, что между позициями: они утром, а мы вечером. Но когда

¹ Авиация дальнего действия.

наши стали читать обращение конференции военнопленных финнов, там открыли огонь. Возникли шум, споры — у финнов. Некоторые запели «Интернационал».

В последние дни мы опрокинули финнов на этом участке, многие сдались.

31 марта 1943 года.

Пасмурно...

Вчера при обстреле — ряд жертв. Женщина идет по улице и плачет: «Мужа по дороге в баню убили, я не простилась с ним...» Документы убитого ей в милиции выдали, а где тело — не знают... Ищет, бедняга, по больницам...

Подготовил для радио текст очерка «Морская пехота».

...Илья Эренбург прислал мне свои «Стихи о войне».

Ночью канонада, ветер, дождь...

1 апреля 1943 года.

...Прервано сообщение с Кронштадтом по льду. Если будут сильные ветры — тронется лед. Кромка льда у Сескара — Лавансаари. Ладога готовится к навигации — ледоколы-буксиры пойдут в ближайшие дни.

Был флагманский врач КБФ — доктор Смагин. Осмотрел меня и С. К. — контрольно-профилактически. Говорит, что, в общем, здоровье лучше, чем в ноябре — декабре, хотя есть нервные явления и большая усталость. Вполне естественно.

Из беседы с доктором Смагиным:

«В целом здоровье на флоте крепкое. Нервных психозов и т. п., наблюдавшихся в прошлую мировую войну, ныне нет, несмотря на все трудности осады. Много значит тут *внутренняя установка* людей... Есть сознание *долга, цели*. В прошлую мировую войну такая устремленность отсутствовала (доктор сам участник *той войны*)... По всей стране быстро распространилось лечение инсулином и сульфидином».

В открывшихся комиссионных магазинах — мертвые вещи. Тяжело на них смотреть (в большинстве случаев это вещи погибших в блокаду). Мы ничего не покупаем — неприятно...

2 апреля 1943 года.

...Написал Эренбургу: о его военных стихах и несколько слов о Ленинграде. В госпиталь привезли раненную осколками авиабомбы молодую беременную женщину (на последнем месяце). Тяжелое ранение ног и маленькая ранка в животе... Сделали операцию. Вскоре женщина родила. У новорожденного из крестца был вынут маленький осколочек бомбы. Эпизод — для современного Ленинграда — символический.

3 апреля 1943 года.

Днем воздушные тревоги...

Был в городе. Зима кончена. Солнце, прохладный ветерок, Кировский проспект чист. Вдвухметровый, потрескавшийся лед в дельте Невы, местами промоины, журчит вода. Берега бурые — сырая земля, прошлогодние травы... Милиционеры молчаливо созерцают природу. С грохотом промчался немецкий трофейный «фургон». Гляжу на дома, — приближается время, когда все будет вымыто, вычищено, заселено. Жизнь возьмет свое! И придет — в один из дней — мир!

Воздух чистый, тепло, хорошо... На Каменном острове какие-то старушки уже ковыряются у грядок. Мысль уносится куда-то далеко за наш осажденный ленинградский «остров». Скоро конец весенней паузе. Стороны готовятся — оба лагеря — и идут к новым боям.

Мысли о войне. С 1914 и по 1921 год на пространствах России бушевали страсти кровавой Империалистической и Гражданской войн, эпидемии, голод... Но она оправилась в какие-нибудь десять — пятнадцать лет. Ныне восстановление свершится в меньшие сроки. Духовная и экономическая структура СССР выдержала все испытания. Она очень прочна, феноменально прочна!..

...Пьеса меня все время держит, мучит, радует... Я вижу и во сне черновики, полемизирую сам с собой, жду, надеюсь, критикую, ищу, ищу... Сейчас моя жизнь подчинена пьесе; это внутренний долг, проверка.

Ночью воздушные тревоги.

4 апреля 1943 года.

Солнечно...

Вчера сбито (под Ленинградом) 28 самолетов противника...

...Был у меня генерал-лейтенант М. И. Москаленко¹. Посидели, вспомнили таллинские дни²... Митрофан Иванович оставался в Таллине последним. Ушел на торпедном катере к Наргену, затем — на «Киров»³.

...Говорили о фронтовых делах. Ленинградский фронт тревожит немцев и заставляет их подтягивать часть резервов. Москаленко согласен со мной — удар на Ленинград не имеет для Гитлера *первостепенного* военного и стратегического значения. (Правда, символически и политически это было бы для него крупно.) Штурмовать наш город он не решился, — мы обескровили бы немцев. Основные резервы они бросают на Центральный фронт, боясь удара на Смоленск — Гомель. Ленинград и Прибалтика — логикой огромной войны — отодвинуты на «какой-то» план. Это чувствуется...

5 апреля 1943 года.

...Работаю над третьим актом. Есть верные образы, ходы. Временами волнуясь до слез... Вспомнил Чехова: «Сядь писать — будь холоден, как лед». (Вот и чередую волнение, слезы и лед.)

С. К. нравятся первые два акта... Бодрое настроение: рад продвижению работы, — она меня порой мучила. Я опасался, что к сроку не сделаю или вообще не овладею материалом, собой, так как физическая слабость иногда остро дает себя знать.

Первый эшелон подводных лодок готовится к выходу в море.

6 апреля 1943 года.

Сегодня в центре города сброшены листовки фашистского «Национального комитета» (из Смоленска, немецкое издание на русском языке от 30 января 1943 года).

Воздушные тревоги...

С. К. послали на десять дней в дом отдыха офицеров — на Биржевой улице. Она сдала трудную картину: «Схватка на льду», но сдали и силы. Пусть отдохнет...

Работаю над третьим актом.

Днем артиллерийский гул...

¹ Начальник тыла КБФ.

² Дни обороны Таллина в июле — августе 1941 года.

³ Военный корабль.

7 апреля 1943 года.

Серовато... Мысли о пьесе...

Ленинградский фронт. Недавно силой трех дивизий немцы пытались наступать в районе Красный Бор — Колпино. Две дивизии нами уничтожены (разгромлены), но у Синявино немцы отбили высоты. Таким образом, они снова просматривают и простреливают берег Ладоги и железную дорогу, находящуюся в 6 километрах от высот. Так выглядит наша «форточка» на Большую землю.

Политбюро компартии Англии требует открытия второго фронта (речь Гарри Поллита)...

...Иностранная пресса говорит о предстоящей встрече Рузвельта и Сталина. С Россией надо считаться, так как это мощный фактор предстоящих событий.

Был в городе... На Невском (угол Фонтанки) — разрушенный дом, вылетели все стекла, — все зашито фанерой, на которой клеевыми красками нарисован серый фасад с желто-бурыми окнами. Кое-где фанера раскололась, отошла, и в дырах зияет чернота мертвых квартир. Прошлой весной казалось, что все хорошеет, просыпается. Это было субъективное ощущение — город спасся от смерти. Теперь — все относительно спокойнее, привычнее и поэтому объективнее. Видны изъязны, потери, убытки, раны. Все думают о будущей зиме, хотя наступает весна... Горький опыт! Что еще ждет наш Ленинград? Немцы опять подвозят химические снаряды. Наши части получают новые противогазы. Готовим и свои ответы.

Продовольственное положение в Ленинграде. Есть резервы *на шесть месяцев* — сельди, хлеб, некоторый запас овощей, сахара. Пришел кавказский табак — работает табачная фабрика. Но *нет жиров и мяса*.

Огородная посевная площадь увеличивается на 300 процентов. В волжских районах выделили семенные фонды для Ленинграда. Приемщики выехали (ждут пять тысяч тонн семян — так мне сказали).

Вернувшиеся из эвакуации (с Урала) рассказывают: «Жизнь стала трудная, масло 1500 рублей кило, люди продают последние тряпки, вещи... Каждый думает о своих делах, о желудке». *Наблюдение поверхностное, нечестное.* Народ много работает; дал более семи миллиардов добровольных пожертвований; претерпел столько горя! Даст еще по займу миллиардов десять. Вынесет еще лето 1943 года и, видимо, новую военную зиму...

8 апреля 1943 года.

Солнечно... В саду убирают мусор. Скоро будем копать огород.

Утреннее радио. 8-я английская армия в 4. 30 утра 6 апреля внезапно штурмовала позиции Роммеля, открыв огонь из пятиста орудий. Немцы опрокинуты. Англичане соединились с 5-й американской армией и с французским корпусом. Преследуют Роммеля. (Как будто африканская война идет к концу.)

...Работаю над пьесой... Днем с удивительным подъемом и трезвым композиционным расчетом сделал, по сути, третий акт. Счастлив.

Близко обстрел. Вероятно, у устья Невы, — методический.

9 апреля 1943 года.

Уже три года, как Дания и Норвегия оккупированы немцами...

Английские массированные воздушные налеты на Рур и Берлин.

Из немецких откликов: «К чему нам пространство, если мы не можем защитить Берлин?»

В газетах прочел всю речь Бёрли. Он выражает уверенность в победе СССР и говорит о целесообразности *самого* тесного сотрудничества между США и СССР...

...Бёрли сделал интересное заявление: «Из сообщений, которыми мы располагаем, нам известно, что нацисты и японская военщина уже потеряли веру в свою способность одержать военную победу. Однако они надеются избежать суровой кары, которая их ожидает, — путем раскола свободолюбивых стран и достижения таким образом компромиссного мира».

...Бёрли говорит: «По нашему мнению, Советская Россия не станет жертвой какого-либо стремления захватить большие дополнительные территории к своему уже огромному государству. То, к чему Советская Россия будет стремиться и к чему она должна хотеть стремиться, — это сохранность и безопасность для своей собственной страны, которая на протяжении двадцати пяти лет дважды подвергалась вторжению варваров, что приводило к исключительно кровавым последствиям».

Эта часть речи Бёрли — ответ на наши требования или пока прощупывание их? Или предложения?

10 апреля 1943 года.

Привезли из Публичной библиотеки книги о Германии.

Сегодня читал «Хорошо!» Маяковского, — выступлю на вечере, посвященном Маяковскому¹, в Городском лектории.

Военно-морская цензура в Москве пока тянет с моим «Кронштадтом». Трудная судьба и у этой вещи...

В 5 часов пошел на вечер Маяковского. Трамваи стоят или тащатся со скоростью старушки с охапкой хвороста. Холодный солнечный день. Пешеходы, каждый третий, — военные. Все время отдаешь честь. Смешновато козыряют девушки... По дороге зашел за С. К.

Обдумал речь о Маяковском. Взял тему: «Поэт среди двух эпох». В этом его суть, в этом его творчество и трагедия... Какие-то корни его — в старом; вся душа, сердце — рвались к новизне, к беспредельной любви к человечеству... Кругом и враги, и непонимающие. Искусанный, израненный, он шел «сквозь револьверный лай»². Он шел упорно — двадцать лет! Усталость. А отклика на безмерность его требований долго не было. Он пал... Его поэзия живет, борется...

Наш домик отметил дату Маяковского — выступили на вечере почти все (Азаров, Ольга Константиновна).

11 апреля 1943 года.

В 3. 30 дня пошли с Азаровым в дом отдыха к С. К. Забавный вестибюль. Комичный культработник орет по телефону, что меняет билеты: «Вместо оперетки даю «Пиковую даму». Да опера — это же лучше!»

Вялый часовой, девчушка-рассыльный.

Забрали С. К. и поехали смотреть «Жди меня» К. Симонова в Ленинградский драматический театр...

По городу — патрули, всюду проверка документов. Северный холодный ветер... Трамваи стоят — нет тока.

...Получил большое письмо от Таирова и Коонен... Таиров тяжело болен, лежит, но упорно работает, как может... Без волнения, глубокого, я не мог читать это письмо, — в нем неугасимый порыв к искусству, к новому, к победе. Тридцать лет он отдал своему театру!

У нас нет света... К 10 вечера — воздушная тревога.

Плохо спится — мысли о Москве, о будущем.

¹ В связи с 13-й годовщиной со дня смерти поэта.

² Слова из стихотворения В. Маяковского «Товарищу Нетте».

12 апреля 1943 года.

На фронтах — без перемен.

Написал статью для партизанской газеты: «Слушай, русский человек!» Обзор немецких деяний в Ленинградской области, ряд острых фактов (памфлетно) и призыв к весенне-летней активной борьбе.

Был на заводе имени Макса Гельца... Тепло встретили — ведь мы старые друзья и соседи.

Нацисты уже перешли к пассивным формулам: «Русским *не удалось*» и т. п. Вместо воплей о «*завоевании мира*» говорят только о «*мщениии за Сталинград*»...

Из новостей. В Тунисе армии Арнима и отступающего Роммеля все-таки соединились...

13 апреля 1943 года.

С утра солнечно, прохладно...

Пишу для «КБФ» статью о русском национальном чувстве. Статья мажорная, светлая... Подъемно.

В 5 дня сделал в Пубалте полуторачасовой доклад о войне, о ненависти к врагу, о некоторых перспективах 1943 года.

Шумно, радостно встретился с А. Александровым (начальник штаба Ладужской военной флотилии) — старый друг. Пригласил его к себе.

...Вечером он пришел. Пили чай, дружески беседовали. Узнал от него, что адмирал И.С. Исаков действительно был ранен осколком на Черноморском шоссе. Ему ампутировали ногу. Сейчас он в Тбилиси.

Наша авиация в ночь на 11 апреля бомбила Кенигсберг. Сезон начат! В прошлом году бомбить начали позже... В ночь на 13 апреля — второй налет на Кенигсберг.

14 апреля 1943 года.

Написал один новый эпизод для пьесы. Текущая работа снова оторвала меня от нее. Надо «возвращать себя».

...Война — это бесчисленные мелкие сотрясения и лишь несколько крупных ударов, которые, в общей сложности, и решают дело.

Из быта. В Ораниенбауме, на пристани, беседует группа моряков о жизни и о семейных делах. Один слушал-слушал, а потом горько сказал: «Да, забота о семьях... А вот сестренка — ей одиннадцать лет — мне пишет: «Ваня, у тебя опять ребеночек появился...» А я два года дома не был...»

Днем — раскаты канонады. Немцы в последние дни пробуют наступать на Волховском и Ленинградском фронтах...

15 апреля 1943 года.

Серовато, несколько потеплело...

В течение месяца надо дать всю пьесу. Писать эпизод за эпизодом, планомерно: в день — две-три страницы.

Немцы подтянули к Ленинграду всего около четырнадцати дивизий, из них две — мотомехдивизии. Возможно, будут попытки сбросить Н-скую армию в Неву или в Ладогу, чтобы опять замкнуть блокадное кольцо и штурмовать город. Будем отбивать и отобьем!

В 7 вечера были у Веры Инбер, вернувшейся из Москвы. Пришли Тихонов, Ольга Берггольц, Азаров, Крон, Макогоненко. Говорили о Сталинских премиях... Думаю, что премирование поэмы Маргариты Алигер, посвященной Зое Космодемьянской, — бесспорно. Образ партизанки, образ борющейся простой советской девушки, — сейчас одна из существеннейших тем в жизни и в искусстве.

...Ночью налеты... Сброшены бомбы, сотрясение почвы... После налетов — много работы у пожарных. Это исключительные моменты!

16 апреля 1943 года.

Союзники в 50 милях от Туниса...

Налет советской авиации на Кенигсберг и Данциг.

Солнечно... Работаю над чистовиком пьесы.

В 3. 30 дня — обстрел. Свист снарядов и очень близко разрыв. Методический огонь... Свист снарядов несколько дальше. Разрывы — с раздрающим грохотом.

Обстрел все время — уже 7 часов вечера.

Приехал поэт Лифшиц из Н-ской армии (район Нева — Колпино). Был у меня.

«Армия с большими трудами прогрызла некоторые немецкие укрепления и вышла в район Поповки. Ревут, как ишаки, немецкие шестиствольные минометы. Батарея сразу покрывает большую площадь. У немцев появились тяжелые французские танки — «слоны». Наши бронейщики их подбивают. У нас появились танки «Черчилль» — это бронированные самоходы с пушками. Ничего, одобряют... Старшему начсоставу разрешено ходить без противоголовок. Шутят: «Газ не действует на майоров, полковников, генералов».

...Наши дивизии занимают исходные рубежи и ждут приказа о наступлении. Но пока его нет, — идет подготовка. Сотрудники газеты «Боевая красноармейская» проводят три дня в частях и два — в городе. Много впечатлений.

Октябрьская железная дорога, взятая в последних боях, искалечена, рельсы дыбом. Много трупов солдат испанской дивизии».

...Прочел при керосиночке повесть в стихах Павла Антокольского «Сын». Это одна из лучших вещей в поэзии военных лет.

Ночью второй налет. Гудят «юнкеры». Свист, сливающийся с грохотом...

17 апреля 1943 года.

Солнечно...

С утра — над пьесой. Уже охватывает азарт борьбы со сроками, с помехами, с бомбами... Сделаю!

Методический артиллерийский обстрел... Потом интенсивный. С утра несколько звонков: «Как дела? Живы?» В городе много раненых. У некоторых — раны от зенитных осколков.

Днем из дома отдыха вернулась С. К. Немного отдохнула, сделала акварель: замаскированные подлодки на Неве у Биржевой. Полна всяких рассказов. Под грохот снарядов и бомб принимала лечебные ванны... Странно — дом отдыха в центре обстреливаемого города...

На Ленинградском фронте усиленно готовятся к химической обороне... В немецкой прессе статьи о необходимости развития химической промышленности, так как у союзников она очень сильна. Симптомы готовящихся химических схваток. Что еще мы увидим?

Комендатура и патрули задержали в последнее время ряд диверсантов и шпионов в военной форме.

Вечером — опять тревога...

Были Н. Тихонов и А. Штейн. Тихонов более усталый, чем зимой: заказы Главпура и политуправления Ленфронта, статьи, статьи, брошюры. Чувствует, что куда-то уходит за пределы литературы. Но он дисциплинирован, работает.

Горько говорил:

— Читаешь свои очерки и не узнаешь, выходит — их писал редактор.

Волей-неволей разговор зашел о московской литературной дискуссии... Люди ищут объяснений, путей, новизны. Старшее поколение пресыщено лавиной событий, которые будоражили мозг и душу добрых тридцать лет. Есть горечь, понятная усталость, но есть вместе с тем и запас сил — больших, рвущихся из глубин души (пусть и «старой»). Неизбывная тяга к истине, поиск неутоленной любви к жизни, к искусству...

18 апреля 1943 года.

Дождливо...

Работаю над пьесой.

После 12 часов — обстрел. Близко свист снарядов — резкий, нарастающий... Разрывы... Несколько снарядов упало за двором Пубалта и штаба. (Пристрелка?) Иногда по городу бьют до двадцати тяжелых немецких батарей.

Работаю. Ни о чем больше не думаю... Возникают новые сцепления, новые ходы, новая логика образов...

19 апреля 1943 года.

Сыро, дождь...

Работаю... Усталый, поглощенный.

Из жизни. Товарищ с фронта остановился в ленинградской квартире у малознакомых людей. Побеседовали, накормили, уложили бойца спать... Позже подошла хозяйка квартиры (вдова, муж которой недавно погиб) и, стесняясь, говорит: «Простите, не знаю, может быть, вам еще что-нибудь нужно?» Боец растерялся: «Спасибо, все в порядке». А утром — глядит: гимнастерка выстирана, все заштопано... Не знал, как женщину отблагодарить...

Читал древнейшую историю славян — руссов. Головокружительные данные и гипотезы: руссы — от Белого моря (Архангельск) до предгорий Кавказа, руссы в Скифии, на Дунае, в Карпатах, на Балтике. (Река Одер — *славянский Отдар*.) Руссы у Трои, руссы в

Этрурии... Следы руссов во Франции: Руссильон (?). Старинные письма руссов за 1250 лет до основания Рима.

За греко-римской историей, отлитой в бронзу и высеченной в мраморе, таятся ведь и другие. Советские люди должны до конца раскрыть историю возникновения славянских племен и народов!

20 апреля 1943 года.

Проглянуло солнце...

Числа 15-го была попытка немецкого десанта захватить остров Лавансаари. Отбита балтийцами...

Состоялась четырехдневная встреча Гитлера и Муссолини (седьмая за время войны). В официальном коммюнике указано и на то, что «опасность угрожает с востока и с запада». (Да, война у порога Италии; Германию бомбят *насквозь*...) На встрече присутствовали видные германские юристы. Готовят «Статут Европы» (?)...

21 апреля 1943 года.

...Поработал до 7.30 и пошел в Новую Деревню... Весенняя хорошая погода. Сегодня, в общем, тихо... По Большой Невке идет пограничный катер, ползет буксир — «*первые корабли*» кампании 1943 года...

Вечером гул канонады, дрожат стекла.

22 апреля 1943 года.

С 7 до 10 утра — обстрел района.

По радио. Встречные налеты советской и английской авиации на балтийские порты Германии — Тильзит, Штеттин, Росток и на Берлин. Везде пожары.

Вручение советских орденов английским морякам.

Учащаются диверсионные акты партизан во Франции, в Югославии и Греции.

После бесконечных каш и прочей мути поел вчера и сегодня мяса. Бодр, хочется куда-то идти, двигаться.

Был в 7-м отделе ПУ фронта. В ПУРе моя листовка к испанской дивизии признана образцовой. Мне вручили новое, *повторное* издание этой листовки.

Ознакомился с последними материалами.

...Среди пленных ведется политвоспитательная работа. Командир батальона, взятый в плен в Шлиссельбурге, уже пишет о спра-

ведливых и несправедливых войнах, но просит фамилию его не называть, так как боится за свою семью. В ряде случаев пленные немцы, румыны и мадьяры очень помогли. За действия в Великих Луках награждены орденами Союза двое военнопленных (немцы). Один — солдат-коммунист, другой — офицер. Румыны и мадьяры приводили к нам в плен сотни сдавшихся солдат.

Огромная область работы, острая, волнующая...

...В ЛССП на просмотре фильма «Гибралтар» полно народу. Много знакомых. Иные очень постарели.

Фильм с участием Эриха Штрогейма. В общем — американский авантюрный середняк... Несколько острых ситуаций; светский бал, морской кабак в Танжере, красавица танцовщица и пр. Публика встрепелась, — люди тянутся к каждому развлечению, куда-то за пределы своих будничных, трудных дел...

На Балтийском театре в условиях современной войны на первый план выдвинулись «малые силы»: подводные лодки, сторожевые и торпедные катера, тральщики, канонерские лодки плюс авиация. Море сильно минировано... Сейчас тральщики закончили ремонт, прошли ходовые испытания на Неве и пойдут тралить фарватеры... Корабли ждут безлунных, темных ночей, чтоб прорваться из Ленинграда в Кронштадт, для выхода в море. Видимо, будет операции с дымзавесами, артиллерийской поддержкой и т. д. В прошлом году по гвардейскому тральщику (при прорыве из Ленинграда в Кронштадт) немцы выпустили двести пятнадцать снарядов! Тральщик прорвался.

Сейчас многих хороших командиров списывают с больших кораблей на тральщики. Кампания должна быть и будет активной...

23 апреля 1943 года.

Солнечно, тихо. Эта временная тишина кажется мне недоброй...

На Кубани — жестокие бои. Видимо, противник стремится перерезать Владикавказскую железную дорогу.

...Начинаются активные действия на Финском заливе. Немцы бомбили позавчера Кронштадт. Опять минуют (с воздуха) водный район. Ряд мин тут же взрывается. Ожесточенные воздушные бои над Финским заливом. Немцы и финны высыпают «мессершмитты», «капрони», ФВ-190. Наши штурмовики и бомбардировщики уже потопили: один сторожевой корабль, один транспорт и два десантных судна противника.

Подводники завершают свои приготовления... Немцы знают о начале ранней кампании.

У нас есть некоторые технические новинки. Усиливается северный подводный флот. «Малютки»¹ доставляются на Север по железной дороге (Балтика этой возможности лишена).

24 апреля 1943 года.

Двести наших самолетов разбомбили Инстербург в Восточной Пруссии. Это узловой пункт от Кенигсберга к старой границе...

Сражение в Тунисе продолжается, — упорное сопротивление немцев.

На советско-германском фронте резкое повышение активности авиации.

...Вечером был Лев Успенский. Беседовали о наших писательских делах... Моя точка зрения товарищам известна: работать в Ленинграде и на Балтике до конца — события нагрянут. Писать здесь, как бы трудно ни было и с питанием и в других отношениях.

Некоторые товарищи от каш и постных супов явно теряют рабочее состояние...

25 апреля 1943 года.

...Днем написал очерк в «Правду» о рабочих Кронштадта.

Все время мысли о пьесе. Надо вести от горечи — к бодрости, к свету; дать динамику, юмор; дать наступательный порыв, военную хитрость, отвагу...

Ночью вел записи. Сильное утомление...

26 апреля 1943 года.

В 12 часов дня радио: умер Владимир Иванович Немирович-Данченко. Большая жизнь прожита им.

В Пубалте учебная химическая тревога. Все работают в противогазах. Домохозяйства города получили указания о подготовке новых бомбоубежищ и о ремонте старых...

Откуда-то доносятся звуки военного оркестра — марш Пролетарской дивизии... Странно, — теперь редко услышишь военный оркестр. Видимо, готовятся к празднику.

¹ Малая подводная лодка.

Чувствую слабость... Пересилил себя и пошел в ЛССП, но временами трудно было идти. В чем дело?..

Прочел «Красную звезду» (за последние дни). Эренбург полемизирует с *неназванными* писателями, возражающими против теории и терминов «фрицы» и пр. Ряд его положений верен и интересен, но — германское государство и народ были и остаются. Об этом нельзя забывать...

...Вечером был художник Федор Богородский. Он похудел и для своих сорока восьми лет выглядит хорошо, бодро. Он прожил два с половиной месяца в Сталинграде. Много видел.

Богородский:

— У вас по-другому — тише, горше, страшнее... В Сталинграде война для жителей уже кончилась, хотя город разрушен и люди пока живут в подвалах и землянках...

Рассказывал Богородский хорошо. В 1918 году Федор был на Волге, — вспомнили прошлое... Он и Крон остались ночевать. Долго говорили о Горьком. Богородский жил у него в Сорренто.

...Я вспомнил о своих встречах с Горьким, об его хорошем письме по поводу «Первой Конной»¹ (в 1930 году).

Вечернее радио. Разрыв дипломатических отношений между СССР и правительством Сикорского²...

27 апреля 1943 года.

Дождливо... Пока тихо.

За утренним чаем продолжали беседовать с Богородским... Сообщил, что в Московском союзе советских художников из 500 человек мобилизовано 225, убито — 25 человек.

Ранен поэт Всеволод Рождественский (на Волховском фронте).

28 апреля 1943 года.

Подготовил первомайский доклад.

На обед: суп из сухих овощей, фасоль, флотский компот. Аппетита нет. Утомление, слабость, которые бывали прошлой весной...

Из обстановки.

На фронте затишье, местные бои, распутица. В Новгород-Ильменском районе войска буквально плавают в воде. Немцы на изолированных островах; русские орудуют на плотках и челноках!..

¹ Пьеса Вс. Вишневского.

² Глава польского эмигрантского правительства в Лондоне.

В прошлом году немцы начали свой летний удар на Керченском полуострове 11 мая. В этом году весна ранняя. Где могут начаться наши операции? Возможны бои под Ленинградом для продвижения Красной Армии по балтийскому берегу; удар Красной Армии по Смоленску — как контрудар, в случае немецкого наступления на Юге (Украина). Немцы, вероятно, не рискнут наступать на Кавказ; возможно вторжение Красной Армии в Крым. Но все это лишь мои предположения.

...В 6 дня сделал первомайский доклад на заводе имени Макса Гельца. С чувством, кажется, хорошо, хотя — физически — было очень трудно. Аудитория зажглась, когда я, между прочим, говорил и о послевоенной жизни.

Я был на сборке. Завод усиливает работу. В сравнении с прошлым годом качество пулеметов, отделка лучше. Сами освоили ряд деталей... Завод работает в одну смену. Отдали в армию более ста человек; дали сто человек на лесо- и торфоразработки, в подсобное хозяйство и т. п. Насытили пулеметами Ленинградский фронт, дали и Волховскому.

Часов с 7 вечера — обстрел нашего района; свист и близкие разрывы.

Усталость, головная боль, бессонница. Только бы больше физических сил!

29 апреля 1943 года.

С Кубани пришло хорошее письмо от Ильи Сельвинского. Рвется к литературной работе: «Впечатления могут притупиться. Надо *писать* о войне...»

Пишет тепло, — ценю и люблю Илью. Он — упрямый, стойкий. Не тыловик!

В ЛССП. Ввели меня в правление. Это, я уверен, по совету горкома... Доверие оправдаю.

Разбирали текущие дела, ошибки «Звезды» и пр.

Я внес ряд предложений: необходимо дать критический и научно-теоретический анализ произведений ленинградских писателей за два года войны: необходим *полный учет* работы (кто, где, что сделал), ранений, смертей и награждений писателей...

К 1 мая в городе выдают: по пол-литра водки, пиво, продукты (больше обычной нормы). В магазинах оживление, все довольны.

И все же жизнь города полна трагедий. Семья ленинградцев за ужином (получили праздничный паек). В это время начался обстрел, и влетевший в окно осколок насмерть ранил девочку — тут же, за столом... Мать остолбенела... Прибежавшие девушки-друзинницы видят празднично накрытый стол, труп девочки, оцепеневшую от ужаса мать... Да, в эти дни обстрелы жестокие.

Написал письмо-доклад в Военный совет о писателях, композиторах и художниках КБФ (и о своей работе).

Весь вечер, часов с 10, — обстрел... За ужином распили с Азаровым и С. К. пол-литра водки из полученных пайков, а литр оставили на 1 мая. Несколько оживились, поболтали.

30 апреля 1943 года.

Написал две большие статьи: «Это наша Россия» (в армейскую газету) и «Теснее ряды, ленинградцы!» (в «Ленинградскую правду»).

Мой очерк «Рабочие Кронштадта» боятся пропустить. Расшифрован-де Морской завод... Этот завод стоит уже век, и немцы видят его и обстреливают из Петергофа в упор. А цензоры-умники хотят его «спрятать»...

1 мая 1943 года.

Первомайский приказ И. В. Сталина — сжатый, констатирующий возросшую наступательную мощь Красной Армии. Сталин говорит, как всегда, убедительно, властно: разгром и безоговорочная капитуляция врага!

Основа победы заложена. Представляю себе, как Гитлер утром читал перевод этого приказа!

(Обстрел нашего района с 9 утра. Сейчас затихло.)

Опять обстрел до 2 часов дня. Это выползает железнодорожная артиллерийская батарея немцев; после нашего ответного огня — скрывается и снова выползает.

Днем радиомитинг. Говорит генерал-лейтенант Говоров:

— Зимой мы разгромили восемь дивизий противника. Его потери — сто тысяч человек. Но враг сейчас подводит резервы, и штурм города может быть в любую минуту (!)...

Праздничный обед: стопка водки, мясной суп, пирог с рисом, компот, чай... Роскошно!

Гуляли с С. К. и с Азаровым на Островах, — тихий пасмурный день, везде флаги. Празднично...

...Вечером сидели у С. К., пили кофе. (Она орудует со своей печкой.) Говорили о психологии граждан осажденного города, о разнице и сходстве наших ощущений в городе, в окопах, на фортах...

2 мая 1943 года.

Солнце сквозь облака...

За пьесой. Написал заново треть второго акта. Подъемно.

Читал газеты за 30 апреля и 1 мая.

Получили большую праздничную посылку от генерал-лейтенанта Москаленко: мясо, водка, вино, топленое масло и пр. Вовремя! Это нас подкрепит.

Из наблюдений. Достаточно опубликовать в очерке чью-либо фамилию, как сыпятся письма: «Мой ли это муж (брат, сын)? Сообщите имя, адрес...»

3 мая 1943 года.

Написал сцену первого допроса пленных. Не то, ищу... Весь день был мысленно занят этим — сквозь все дела, заседания, посещения.

К вечеру как будто нашел. Сюжетно это точно, откованно, но внутренне, лично, — тянет к другому, надо еще подумать...

Звонок — поздравительные телефонограммы: из «Правды» и др.

Торжественный первомайский вечер в ЛССП. Прочел отрывок из моей книги «Кронштадт». Хорошо слушали. Я многое импровизировал в этом отрывке. Обступили корреспонденты. Все привычно... А думаешь о работе, о чем-то своем, — вечный уход человека к иллюзиям.

Моя пьеса вся от горечи дня, — она в этом холодном майском вечере на Неве, в угасании северной зари, оставившей навсегда печальный, тоскливый след в моей душе... Пьеса стала четче и злее. По законам драмы все это верно... Но мне не этого хочется.

Из писем в ЛССП. «Я осенен мыслью стать поэтом. Помогите мне в этом...» — «Я открыл у себя красный уголок. Дайте мне стихи. Сережа...» Из недр города — просьбы, запросы — наивные, нелепые, простые, человеческие, путанные... Мы все собираем, систематизируем и обязательно отвечаем.

4 мая 1943 года.

Ясный солнечный день...

После 11 часов канонада и гул самолетов. *Наша* активность! В воздухе к часу дня — истребители, гул моторов.

...Работаю над пьесой... Я могу и должен *мечтать о будущем*, а война, *сегодняшний день*, театр — требуют: дай все точно, отчеканенно, ясно.

...Был в Пубалте. Подписан приказ Военного совета: остается группа в двенадцать писателей; пять человек — в запас. О художниках вопрос еще решается...

Написал для ПУ фронта новую листовку для 250-й испанской дивизии. Предварительно просмотрел папку протоколов допросов испанских пленных и перебежчиков (за февраль—март). Тут и анархисты, и фалангисты¹, и полуграмотные батраки, и студенты... Раздраженные разговоры, мечты о смене, о возвращении на родину: «Нам обещали, что поход в Россию продлится только шесть месяцев». Чувство недовольства: «Будь проклят час, когда мы вступили в фалангу и в эту дивизию».

Слушали русские передачи, боязливо комментировали их...

5 мая 1943 года.

В сводке: серьезные бои в районе Новороссийска и на Кубани. (Начало наступления?)

Послал письма в «Правду» и Эренбургу.

С. К. по заданию Пубалта рисует корабли на Неве.

Готовим огород, убрали старую траву, мусор.

Везде копают гряды.

Вечером у Ольги Берггольц и Ю. Макогоненко. Новоселье в блокаде! (Улица Рубинштейна, 22.) Три комнаты, убраны просто; всюду книги, в одной из комнат — библиотека по XVIII веку, рисунки, фото.

А. Штейн читал свой сценарий²... Постановка сложная: прибалтийский порт, руины Ленинграда, зима, крейсер во льдах и т. д. Где все это снимет режиссер? *В Алма-Ате?*

Он скоро уедет в Москву — назначен начальником литературного отдела газеты «Красный флот»...

¹ Испанская фаланга — правящая фашистская партия Испании.

² «Морской батальон».

Подарили Ольге Берггольц (от нашего домика) деревянное блюдо с надписью: «Чай кушай, хозяйку слушай» и пирожок с запеченными в нем двенадцатью эпиграммами и сентенциями.

Весело болтали о том о сем... Ели селедку и кашу. В раскрытую форточку доносился грохот зенитной стрельбы. Все оживлены и довольны возможностью развлечься...

6 мая 1943 года.

Под Новороссийском наши части прорвали оборону противника. Уничтожено до 7000 немцев, взята ст[аница] Крымская и ряд селений...

Наша АДД обрабатывает Брест, Минск, Оршу, Гомель, Брянск и т. д., видимо, срывая подготавливаемый немцами главный удар. Концентрация противника заблаговременно вскрыта.

На Ленинградском фронте мы все-таки при прорыве блокады в январе кое-что сделали: сейчас по шоссе вдоль Ладожского озера в районе *пробитой нами бреши* идет *75 процентов* грузов для Ленинграда.

В 11 вечера — воздушная тревога и налет...

7 мая 1943 года.

Сегодня — дождь... Работал почти весь день...

В 8 вечера выступил по радио: прочел «Морскую пехоту» в новом варианте. Говорят, читал хорошо, но мне кажется, что устало...

8 мая 1943 года.

Сообщение по радио. Союзники заняли Бизерту и Тунис. Итальянцы сдаются массами... Победа союзников безусловна. Открыт средиземноморской путь, — он может быть продлен по проливам в Черное море. Детали занятия Бизерты и Туниса еще не сообщаются. Есть некоторый намек на оккупацию без боя (?!). Может быть, *итальянцы капитулируют?*

Из газеты «Таймс». «Воздушные силы русских поразительно выросли. Инициатива в руках русских, хотя они добились превосходства с большим трудом. В течение последних недель оно упорно оспаривалось и теперь снова перешло к русским. Несмотря на кубанские бои, русские посылают значительное количество само-

летов на железнодорожные узлы противника (от Тильзита до Днепропетровска, Ялты и Констанцы)».

О распределении сил немецкой авиации к лету 1943 года (по английским данным).

Бомбардировщики:

66 процентов — в России.

Около 25 процентов — в Средиземном море.

Остальные — в Западной Европе.

Истребительная авиация:

60 процентов — в Западной Европе.

25 процентов — в России.

15 процентов — в Средиземном море.

Эта таблица, если она точна, весьма характерна...

Сегодня ел суп из молодой крапивы, а вечером — крапивное пюре. Свежее вкусовое ощущение, и полезно...

Вечернее радио. В Тунисе англичане быстро сманеврировали... Их удар смял правый фланг фронта Арнима, — фронт рухнул. Сейчас двухсоттысячная армия (немецких и итальянских войск) бежит к мысу Бон (от которого до Туниса — 70 километров)... А с моря их подстерегают английская и американская эскадры.

В 12 ночи — воздушная тревога, зенитный огонь. В сторону Большой Невки две осветительные ракеты... Бледная полоса заката — начинаются белые ночи.

Бомбежка... Новый взрыв зенитного огня...

9 мая 1943 года.

В ночь на 8 мая Сталин послал телеграммы Рузвельту и Черчиллю, поздравляя их с блестящей победой в Тунисе...

В 3 часа дня из Москвы транслировался славянский митинг. Выступали: командиры партизанских отрядов с Украины и Белоруссии, Фадеев, Якуб Колас, Ванда Василевская, Довженко, представители церкви и др. Митинг, видимо, в плане *общей* подготовки ударов по противнику.

Командир белорусских партизан товарищ Козлов говорит:

— Мы уничтожили тринадцать генералов, тысячи немцев, сотни эшелонов, девятьсот мостов, до двухсот пятидесяти танков...

Крупный размах!..

Приветы митингу от Чехословацкого национального совета; от партизанских отрядов; из США и т. д.

Приехал на пять дней А. Тарасенков, привез с Ладоги письма и приветы. Там 7 мая транслировали мое выступление о морской пехоте, о боях 1941 года. Теплые отклики; просят выступить о Ладоге...

Написал письмо И. Альтману¹. Поздравил его с орденом, сообщил о своей пьесе.

Вечером по просьбе ПУ фронта написал листовку к германским солдатам о бомбежках Германии. Писал во время тревоги и зенитной стрельбы. Остро слились ощущения — встречных сил, борьбы воли, идей, приемов...

10 мая 1943 года.

За истекшую неделю нами уничтожено на аэродромах и в боях 950 немецких самолетов, наши потери — 230...

Работаем в огороде. Вдруг появилась страсть к земле, к растениям, к цветам.

В 4.45 дня поехал в редакцию «Звезды». Обсуждали с Тихоновым, Лесючевским и др. штаты редакции, план на 1943 год и третий номер журнала. Я выдвинул предложение давать всесторонне историю обороны Ленинграда: армия, флот, индустрия, наука, театр, кино, школа, ремесленные училища, милиция, угрозыск и пр. и пр. Пусть останется для потомства...

11 мая 1943 года.

В Тунисе дело подходит к концу... Мыс Бон — это скопище беглецов, которых бомбят и обстреливают с суши, с воздуха и с моря, — блокирован. Прорывающиеся немецкие и итальянские суда — топят. Видимо, итоги будут через день-два.

Из обстановки на Ленинградском фронте.

Противник стягивает силы...

Авиации для удара у немцев пока нет, но переброска ее — дело дней.

У нас, в свою очередь, идет подготовка к боям. Говорят, что прибыли маршалы Воронов и Тимошенко, осмотрели рубежи, были и в Приморском секторе — проверяли огонь морских батарей. Может быть, идет подготовка для совместных действий с Волховским и Северо-Западным фронтами?

¹ Литературный критик.

На Балтийском море противник учел опыт 1942 года и всячески воздействует на наши морские коммуникации...

С А. Штейном отправил в Москву письма Фадееву, Эренбургу, Таирову; по почте — И. Сельвинскому.

В 7.25 вечера едем в кино на «Леди Гамильтон». Картина хорошая, грустная... Есть в этой английской манере приближение к человеческой правде. Приезд Нельсона в Лондон сделан великолепно. Странно, но в сущности этот фильм — гимн «военной любви». Многие наши командиры смотрят его по несколько раз...

С. К. последние дни рисует из окна Рафаэлевского зала Академии художеств вид на Неву и крейсер «Киров» (на первом плане). Корабль камуфлирован.

Город, когда вступишься, бесконечно покалечен — буквально на всем печать войны, бед, утомления, но и человеческого упорства: то видишь вскопанные гряды, то клумбы в садах. Все это оживляет серость улиц...

12 мая 1943 года.

Передовая «Ленинградской правды» о необх[одимости] усиления ПВО и возможности *химического нападения* на город.

Войска «оси» полностью капитулировали на мысе Бон...

Черчилль прибыл в США... Будет ли встреча с руководителями СССР?

Начал начисто переписывать третий акт. Внутренние трудности — все время что-то ищу, взвешиваю... Не надо нервничать и комкать работу. Ни в коем случае, несмотря на то, что намеченный срок — *15 мая* — близок. Какие-то внутренние торможения. Вчера порвал текст начала третьего акта...

13 мая 1943 года.

С раннего утра — тревоги и артиллерийский обстрел; наш ответный артиллерийский огонь (тревога длилась с 6 утра до 2.30 дня).

На участке Н-ской армии давно не было «языков». На днях тридцать добровольцев (из разведки) после пяти минут артиллерийской подготовки ворвались в немецкие траншеи и взяли семь человек... Пленные сообщили о концентрации немецких сил под Ленинградом и об «усилении химической службы»...

С утра крепко взялся за пьесу... Увидел наконец всю структуру третьего акта. Это так, — верно.

Вышел на воздух... Над городом истребители. Высоко в небе рвутся шрапнели — черные дымки...

С Украины приехал Д. Руднев¹, с которым я работал в Таллине². Он сменил Н. Воронова³ в Ленинградском отделении «Правды».

Из его рассказа:

«...На Украине мы сразу почувствовали немецкую «работу»: тринадцатилетние парни и девочки уже не говорили «товарищ командир», а говорили «гражданин командир»... Вокруг немцев обманывался слой петлюровцев и националистов, но крена в сторону «самостийности» немцы не допускали и некоторых «самостийников» расстреляли.

Э. Кох — гитлеровский наместник на Украине — перебрался из Киева в Ровно, подальше... В еще оккупированных районах формируются украинские полицейские части, с белыми повязками. Наше командование сбрасывало воззвания: «Вы будете прощены, если ударите с оружием в руках по тылам немцев». В Павлограде отряд полицейских (тридцать человек) дрался с немцами.

...Города и села забиты немецкой агитационной литературой. Расклеены плакаты: «Германия — страна социализма» (какой цинизм!)... Еврейское население поголовно уничтожено.

Есть беременные от немцев, есть и дети от немцев...

Видел камеры с расстрелянными. На полу валялись трупы даже одиннадцатилетних детей, расстрелянных за то, что подбирали советские листовки.

В партизаны уходит весь актив, но есть крестьяне, которые держатся пока в стороне. Сочувствуют нам, но боятся, выжидают... Пока сохраняются так называемые общинные дворы во главе со старостами, немецкими Feldkommandantur'ами⁴. Из крестьянских хозяйств вытягиваются все жилы, и люди говорят, что «только теперь поняли, чем была для них советская власть»...

14 мая 1943 года.

Опять воздушные тревоги...

Большой разговор с Азаровым и Тарасенковым о литературе. Она не отвечает потребностям войны — нет правды, нет *открове-*

¹ Журналист.

² В газете «Советская Эстония» в июле — августе 1941 года.

³ Сотрудник Ленинградского отделения «Правды».

⁴ Полевая комендатура (нем.).

ния. Процессы огромные, неизмеримые: это грядет мировая революция в новых формах, которые надо понять. Надо вглядываться в непрерывные изменения войны, перемещение ее центров, в изменение людей, их духа, привычек, взглядов. Несмотря на усталость — в стране есть и благотворный процесс: упрочение военного быта, роста уверенности в своих силах. Вместе с тем притупление некоторых восприятий, реакций (например — на жертвы). Это подтверждают многие факты, это рефлекс защиты нервов.

У нас пишут привычно — не умея или не рискуя говорить с той внутренней неукротимой силой, которая характерна для классической русской литературы — для Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского. Не жгут глаголом сердца людей и себя не мучают, не раздрают свою душу... А ровный, небеспокоящий разговор — это не литература. Нет!

Затяжная тревога... Работаю над третьим актом, дошел до половины. Смелее!

Из обстановки.

Ленинградский фронт. Противник недавно снова пытался силой дивизии с танками замкнуть (южнее Ладоги) блокадное кольцо. Попытка отбита. Хорошо действовали наша артиллерия и ресы¹. Есть известная концентрация немецких сил, но явно выраженной *штурмовой* группировки пока не наблюдается. Усилена немецкая артиллерия... Новые части группируются в районе Красногвардейска и в тех районах, откуда им — по шоссе и по железной дороге — можно в три-четыре часа достичь любого участка Ленинградско-Волховского фронта.

Пленные говорят об усталости; об уменьшении пайка; об Атлантическом вале, который некоторые из них сами строили; о бомбежках Германии...

Я думаю, что на штурм Ленинграда понадобилась бы не армия в 100—150 тысяч человек, которая есть сейчас у Кюхлера, а ударная сила минимум в 250—300 тысяч. На Сталинград было брошено (с июля 1942 года) до миллиона человек, из коих уничтожено почти полмиллиона. «Путешествие» для противника может оказаться весьма трудным...

Считают, что активизация всех военных действий начнется в ближайшие дни.

Сейчас: 1) бои у Новороссийска, где атакуют *наши*; 2) у Лисичанска, где атакуют три *наши* дивизии и танковая бригада; 3) у Великих Лук, где тоже атакуют *наши*.

¹ Реактивные снаряды.

О развитии военно-морской техники. В эту войну среди английских новинок появился ультракоротковолновый аппарат, определяющий дистанции и пеленги на *любой встречный предмет в море* (подлодка, мина и т. д.)... Этот прибор нанес немецкому подводному флоту огромные потери. Немцы долго охотились за ним и лишь сравнительно недавно захватили английскую подводную лодку с таким прибором...

15 мая 1943 года.

...В 8 вечера отправились с С. К. к Вере Инбер. Над головой — немецкие самолеты, зенитная стрельба. Несмотря на бомбежку, все приглашенные пришли.

Оживленно беседуем... Несколько фраз о налете — и переходим к новостям и слухам.

— Когда кончится война?

Я:

— В тысяча девятьсот сорок четвертом.

Тихонов:

— В тысяча девятьсот сорок шестом. (Может быть, он считает неизбежной войну с Японией?)

Реплика:

— Может быть, война кончится неожиданно...

Говорят, что немцы снова пытались бомбить Москву, но их не подпустили к столице...

Засиделись у Веры Михайловны до 3.30 утра.

16 мая 1943 года.

Облачно...

Получил из ПУ фронта много материалов о состоянии войск противника. Сегодня выйдет моя листовка о бомбежках Германии...

Из дневника офицера СС Вальтера Геллера, взятого в плен на Ленинградском фронте (тревожные и пессимистические записи).

«...Не будут ли силы расы настолько истощены в войне, что это станет ее искоренением? Не станет ли наша победа пирровой победой?.. Можем ли мы еще связывать с 1943 годом какие-либо надежды? С ожесточением и злобой стоим мы перед фактом затянувшейся войны».

Читаю его описания январских боев под Шлиссельбургом:

«...Самое потрясающее — это вид потерявших бодрость обрванных и окровавленных солдат... Когда же будет поставлен по-

следнему павшему последний крест? Сделать что-нибудь большее, чем прилично умереть, — невозможно...»

...Сегодня корреспондент «Красной звезды» сообщил мне, будто немцы «подтянули еще двенадцать дивизий». Неопределенно... Резервные ли это дивизии или какие другие? Во всяком случае, мы имеем дело с противником, который был нами остановлен и которого мы здорово били... Немецкие части духовно и физически значительно сдали. Это доказанный факт.

Следить за противником неотрывно — в первую очередь за танковыми частями и за аэродромами!

17 мая 1943 года.

Тревоги ночью и с раннего утра. К городу прорываются одиночные самолеты противника, сброшено несколько бомб.

Утром написал листовку к немцам: об их потерях под Ленинградом и о «перспективах».

В 12 часов был приглашен на совещание в Ленинградскую чрезвычайную комиссию по учету потерь Ленинграда. Город с 8 сентября 1941 года по май 1943-го лишился миллиона квадратных метров жилой площади. Квадратный метр стоит 1200 рублей. Таким образом, потеря жилого фонда обошлась в 1 200 000 000 рублей. Прибавить к этому разрушения архитектурных памятников, музеев, театров, школ, больниц и т. д.

...А потери в людях? А потери от простоев, болезней, эвакуации? Все это выражается *в астрономических цифрах!* Немцы должны будут оплатить все это!

Я внес несколько предложений и советов. Работы в Комиссии будет много. Нам надо в течение месяца составить акты по всем видам разрушений...

18 мая 1943 года.

...А быт не увядает! Кругом копают и копают гряды. В иных местах даже улицы прихватывают. Одна женщина говорит другой:

— Как вы можете заниматься цветами? Сейчас нужно о желудке думать, а цветы будем сажать через год, после войны...

Ночью — деятельность нашей авиации. Все время звенящий гул.

За день сбито 8 немецких самолетов.

19 мая 1943 года.

В «Правде» — разоблачения о польской армии, формировавшейся в Бузулуке. Генерал Андерс ждал распада Красной Армии и возможности ухода вдоль Каспия в Иран. Тайные антибольшевистские тенденции этой армии стали явными.

Сегодня — выступление Черчилля в Вашингтоне.

Читал об итальянском фашизме. Перед его закатом — интересно перечитать...

20 мая 1943 года.

6 утра, по радио. ...В Москву приехал личный представитель президента США — мистер Дэвис. Он привез послание Рузвельта Сталину.

По Морскому каналу выводят в Кронштадт наши подводные лодки... Только что провели еще одну. Немцы выпустили по ней много снарядов. Мимо!

Днем написал с подъемом радиоречь к 240-летию Ленинграда. Взял тему *неукротимой* России...

...Сегодня погода несколько лучше, к вечеру — солнечно, холодно («зацвела черемуха»). Летают наши истребители, немцы почему-то не летают.

Заходил прощаться Н. Воронов — летит в Москву. Тепло попрощались, ведь год и восемь месяцев дружно работали.

Летит в Москву Крон — получил вызов; собирается туда же Л. Успенский; улетел А. Штейн.

К полуночи тревога, зенитная стрельба. Тарахтят по крыше осколки...

21 мая 1943 года.

Солнечно, прохладно... За окном распускаются рыжеватые листочки дубов... Люди трудятся на огородных грядках.

18 мая Дэвис возложил венок (от США) на могилу героев Сталинграда. На лентах надпись: «Слава советскому солдату!»

Думаю о путях Англии и США. Маркс в 70-х годах указывал, что эти страны могут идти к социализму — в порядке исключения — *эволюционным, мирным, демократическим путем...* Каковы

будут отношения между СССР и капиталистическим миром в послевоенный период?..

Написал (по заданию ПУ фронта) листовку о капитуляции немецкой армии в Тунисе, о сжимающемся вокруг Германии кольце, о бомбежках, об единой установке СССР, Англии и США: «Безоговорочная капитуляция Гитлера». Меня привлекает этот ударно-сжатый разговор с врагами, *эта литературно-психологическая бомбежка.*

Из «Ленинградской правды» (20 мая 1943 года):

«Военный корреспондент Карл-Мария Гримме в форме рассказа некоего фашистского лейтенанта излагает свои впечатления о России на страницах журнала «СА-фюрер», номер которого, в числе других документов и материалов, притащили недавно из немецкой землянки наши разведчики...

Карл-Мария Гримме, терзаемый воспоминаниями о советских людях, цедит сквозь зубы: «Их вид излучает силу... не считайте их глупыми... их разум бодрствует... Они охотно пускаются в глубокие рассуждения, знают часто необыкновенно много, знают свою литературу очень точно, поразительным образом проникают в тайники человеческой души, прежде всего признают собственные ошибки, недостатки, разоблачать которые беспощадно доставляет им большое наслаждение. *Никаких ложных представлений. Никаких иллюзий...*»

Вот именно: никаких!»¹

Ночью тревоги, артиллерийская стрельба...

*22 мая 1943 года.
(Двадцать три месяца войны.)*

Хочу сегодня, а может быть, завтра рывком закончить пьесу. Но столько отвлекающих тем, дел, встреч...

Работал с огромным напором, пьесу закончил. На душе тихо...

Еще нужны мазки, штрихи. Выверка... Ночью — обдумать последний аккорд.

С Ладоги приехал В. Пронин. Там тихо... Вдоль берега Ладожского озера тянут двойные железнодорожные пути к Кобоне. Это поможет Ленинграду. Построен новый мост — у Орешка.

Упорные налеты немцев на город Волхов, но без успеха, — мы отбиваем, бережем электростанцию.

¹ Вырезка из газеты, вклеенная в дневник; курсив Вс. Вишневского.

Радиосообщение о роспуске Коминтерна. Слушали, затаив дыхание...

Этот акт выбивает из рук Гитлера и К° оружие агитации и пропаганды против угрозы Коминтерна... Важнее всего выиграть войну. Дальнейшее определит жизнь. Рабочий класс будет искать нов[ых] орган[изационных] форм в новых условиях...

Комментариев будет много. Это крупнейшая сенсация дня, а может быть, и года (для Запада). Этот акт подействует на всю европейскую политическую обстановку. Внезапно из-под «оси», из-под антикоминтерновского блока выдернуто все основание.

Ночью — мысли о пьесе. Воздушная тревога, зенитный огонь, бомбы...

23 мая 1943 года.

С подъемом написал финал. Он найден! Вчера все время бродил, думал, искал... Нужен был и продых, и юмор, и филос[офско]-полит[ическая] символика. Мысль шла сложными ассоциациями, — вспомнил одну свою акварель 1917 года¹: русский солдат горделиво стоит, опершись на винтовку, обе руки на дульном срезе.

Совещание генштабов союзников в Вашингтоне. На будущей неделе будет принят план операций на 1943 год(?!). Либо это маневр, рассчитанный на то, чтобы сбить с толку Гитлера, либо это безусловная оттяжка. Если план будет принят к 1 июня, то на подготовку и реализацию его уйдет два-три месяца. Значит, СССР летом снова один?

...Вернулся Н. Чуковский. Привез письмо от Крона...

Думаю так. ...С 22 июня 1941 года мы были втянуты в тяжелейшую войну, в которой несем огромные потери. Наше сопротивление — отчаянное, настоящее. Мы дали Англии и США два года, дали опыт, дали психологическое успокоение. *На русской крови, на наших костях* возникает сейчас «сверхорганизация» Англии и США... Соглашение с ними в общем зыбкое, но оно единствен[но] реальный путь. Быть в изоляции — губительно. За помощь надо платить — *do, ut des*². И нам платят (умеренно), и мы платим... Мне кажется, что ряд взаимных уступок политического характера, рассчитанных на консолидацию внутренних сил, — сде-

¹ Вс. Вишневский интересовался живописью, в частности, он много рисовал с натуры в годы Первой мировой войны.

² Даю, чтобы и ты мне дал (*лат.*).

лан. Возможно, потребуются и другие (по вопросам границ, внешней торговли, валюты; соотношения вооруженных сил в будущем; морских, воздушных и прочих путей; режима в отдельных зонах и районах, в государствах, освобожденных от Гитлера и т. д.). Вопрос — в мере выгоды и в мере ответных уступок...

В 8 часов выступил по радио о 240-летию нашего города. С. К. говорит, что выступал хорошо. Эту же речь повторил для Москвы (записали на пленку)...

Николай Чуковский рассказал мне (со слов Н. Вирты) про Сталинград:

«При сжатию кольца наши узнали квартал, где находился универмаг. Там и был штаб Паулюса. Танки плотно оцепили огромный дом с зеркальными окнами. У подъезда стояли немецкие автоматчики. Стороны, не стреляя, молчаливо стояли шагах в десяти — пятнадцати друг против друга... Посланный от штаба армии полковник пошел с парламентаром... Долго не возвращался. Наконец полковник прислал записку: «Немецкий генерал считает, что у меня для переговоров недостаточное звание». Послали начальника штаба армии — генерал-майора. Он пошел во двор, где стояла плотно стиснутая, как в трамвае, толпа немецких солдат. Спустился в подвал. Немцы отдавали везде честь...

Паулюс находился в последнем подвальном помещении... На столе никаких бумаг, книг, документов. Паулюс встал при встрече с нашим генералом, сказал, что сдается. Дал слово, что не сделает попыток к самоубийству: «Это недостойно солдата». Был доволен тем, что его доставят к Рокоссовскому. Из документов предъявил только солдатскую книжку: «Фон Паулюс — солдат германской армии в звании генерал-полковника». Все остальное было уничтожено. У кровати, в изголовье, разбитый радиоприемник.

Один из немецких генералов сказал: «Я дрался все время с 64-й армией — от Донца до Волги... Теперь я в плену, но знаю, что нахожусь в руках настоящих солдат».

*Se non é vero, é ben trovato*¹...

Вечером прочел речь Идена. Это — психологическая бомбежка «оси», нейтралов и т. д. Уверенные в победе, добытой нами, сытые, сильные — там, за проливом, за океаном, — они делят мир.

24 мая 1943 года.

Написал статью о 240-летию Ленинграда для «Известий».

Отклики на радиоречь: просят выступить для армии и т. д. Широкое и сложное чувство у меня при выступлениях по радио: слу-

¹ Если это и неверно, то все же хорошо придумано (*ит.*).

шают сотни тысяч, слушает и противник, слушают контрольные радиоразведчики в Англии и стенографируют... Хорошо! — «Говорит Ленинград!»

Завтра в Пубалте в узком кругу — первая читка пьесы. Ну!

С. К. сдала товарищу Рыбакову серию акварелей «Корабли на Неве». Он поручил ей серию *продолжить*. (Это будут акварели для истории.)

Статья в «Правде» о разрушениях в Руре — центре индустрии Германии. Разрушения сильные... Но полезно помнить, что в руках Гитлера — пока — почти вся индустрия континентальной Европы (Западной)...

Усталость...

Вечером короткий налет, сильный зенитный огонь в нашем районе. На фоне закатного неба — яркие вспышки разрывов.

За день над Ленинградом сбито 15 немецких самолетов.

25 мая 1943 года.

...В ночь на 24 мая около тысячи английских самолетов прорвали, как обычно, ПВО Рура и сбросили около двух тысяч тонн бомб на Дортмунд (город железа, стали, чугуна). Бить и бить, — днем и ночью!..

Налеты немецкой авиации на восточные и северо-восточные города Англии. Большие жертвы.

Мы мало знаем о США. Там сложные процессы: с одной стороны — бастуют горняки, с другой — резкое движение реакционеров (республиканцев). Их журнал «Лайф» громит Рузвельта за принцип государственного планирования, за «социалистические тенденции» и т. д. Последние выборы дали сдвиг в сторону республиканцев. Даже некоторые традиционно демократические (с 1890-х годов) штаты выбрали республиканцев. Это симптом острой социальной борьбы. На знамени республиканцев: «Частная инициатива!» Борьба против левых тенденций и экспериментов.

Завтра годовщина англо-советского пакта. Он заключен на двадцать лет.

Как это отметит пресса?

Последовательность событий намечается так: победа Объединенных наций, скажем, в 1944 году; перемирие; временная оккупация всех стратегически и политически важных территорий противника впредь до мирной конференции, которая будет через

несколько лет (Версальская конференция в хаосе послевоенного 1919 года была торопливой, путаной и нервной); договоры Объединенных наций, в том числе (вслед за договором СССР с Англией) договор СССР с США; участие США в обеспечении всеобщего мира после войны... Создание статута для Германии; устранение угрозы новой войны (очевидно, меры разоружения и в то же время экономического восстановления Германии).

...Кто осветит весь комплекс возможных отношений? Кто вскроет вероятные пути держав с учетом главных противоречий между такими странами, как СССР и Англия, Англия и США? Как будет маневрировать послевоенная Германия?.. Неизбежны противоречия между США и Англией. Хотя они или не хотят, но интересы этих крупнейших сил сталкиваются почти во всех частях света. Конкуренция между ними вспыхнет с огромной остротой — и в Европе, и в Южной Америке, и в Африке, и особенно в зоне Тихого океана. (Прочсть сборник «Страны Тихого океана», издание 1942 года.) США и Англии будет тесно на земном шаре...

Необходимость ликвидации Коминтерна на данном этапе очевидна. Будущее, несомненно, определит новые методы решения задач... Положение сложнее, чем казалось... Война стала особой, мировой, интернациональной, антифашистской, и объединила нас, в известной степени, с Англией и США... Обстановка заставляет нас входить в соглашения с капиталистическим миром. Ясно, что необходимо искать путей для преодоления создавшихся трудностей. Все увидели, что такое война, каковы жертвы и разрушения...

Разобраться во всем этом абсолютно необходимо. На все вопросы ответ дадут время и практика. Но есть Коминтерн или нет его, существует Россия, СССР — живое воплощение революционного дела, силы. Это-то и будет определять наши дальнейшие соц[иальные] и военно-политические задачи и многие другие мировые проблемы.

Весь день активность нашей авиации.

В «На страже Родины» — мой очерк «Наша Россия» (несколько сокращен).

Днем продумывал детали читки, рисунок образов в чтении. Подумал некоторые имена действующих лиц...

В 8 вечера пошел с С. К. — как некогда в Москве — на читку (небольшой группе: Волков¹, Рыбаков, Добролюбов, Пергамент и др.). Три акта в чтении, с перерывами, заняли четыре часа восемь минут. Это глыба. И очень хорошо — о Ленинграде канонических пьесок писать нельзя.

¹ Новый начальник ПУ КБФ.

26 мая 1943 года.

Солнечно... Встал в 10 часов — немного отдохнул. Хочется высвободиться от дел, мыслей. Пошел в город...

Нева, Летний сад, резвятся дети. Сегодня тепло... Листва пронизана солнцем — все золотисто-зеленое, игра теней и солнечных пятен... Побродил по набережной. Подошла ко мне одна женщина:

— Вы товарищ Вишневский?

— Да.

Пожала мне руку:

— Как писателю...

— Благодарю.

Поболтал с ребятней. Где-то обстрел, — тяжелый рык рвущихся снарядов, — удивительно не вяжущийся с летним теплым днем, с мирной игрой детей.

По радио. Обмен вежливо-дружественными телеграммами с Англией по поводу первой годовщины англо-советского договора.

Воздушная дуэль англичан и немцев: немцы начали бомбить прибрежные города Англии; есть серьезные жертвы.

Размах современных бомбежек: в 1941 году на Англию было сброшено всего 22 000 тонн бомб. Англия сейчас сбрасывает в месяц 10 000 тонн, и есть тенденции к увеличению тоннажа.

Сильные бомбежки союзниками Сицилии, Сардинии и Южной Италии, — массовая эвакуация населения; немецкий контроль над этими районами...

Врачи установили новую болезнь — «затяжная бомбежка». От долгого, почти двухлетнего, периода бомбежек, тревог и обстрелов у многих людей заболевают сосуды мозга, расшатываются нервы и сердце. В результате — особенно у людей старшего возраста — повыш[ается] процент смертности.

Звонил режиссер Театра КБФ: «Под впечатлением читки до сих пор... Думаем о ролях: Чесноков — князь Белогорский¹, Трусов — Иван Степанович. Пьеса пойдет на всю страну. Теперь вы снимайте пиджак, то есть китель, и, как некогда с Таировым², сделайте сокращенный постановочный вариант. Еще раз: впечатление колоссальное...» Я поблагодарил...

¹ Роль князя Белогорского впоследствии была исключена Вс. Вишневским из пьесы.

² Имеется в виду постановка пьесы Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия» в Камерном театре в 1933 году.

27 мая 1943 года.

240-летие Ленинграда.

По радио. Воздушный бой северо-западнее Новороссийска, сбито 64 немецких самолета.

Английская пресса *широко* отмечает годовщину англо-советского договора...

По радио передали мой очерк «Наша Россия» (из «На страже Родины»). Сегодня в «Известиях» — моя статья о 240-летию Ленинграда (звонили из Москвы).

По американским данным. В феврале было потоплено менее 5 процентов грузов, отправленных США в другие страны. За январь, февраль и март в СССР было послано около 33 процентов всех грузов, следовавших для Объединенных наций. В первую очередь самолеты, танки и грузовики. В целом эти поставки представляют лишь незначительную часть военных запасов Объединенных наций...

В трамвае — два моряка. Один объясняет другому: «Вот Петропавловская крепость, вот дом Кшесинской, где Ленин в семнадцатом выступал с балкона, вот памятник матросам «Стережущего». Объясняет ленинградец, а слушает украинец из Н-ской морской бригады. Я спрашиваю его: «А вы что, Ленинграда не знаете?» — «Нет». А дерется он за город с 1941 года, но был все время под Пушкином.

В 6 дня поехал в Выборгский дом культуры. Вспомнилось, как шли тут мои пьесы; вспомнилась моя встреча здесь же с В. И. Качаловым после спектакля «У врат царства» (в 1930 году).

Выступил с подъемом. Какая отзывчивая, боевая аудитория... Говорил (36 минут) о Ленинграде: 1240 год¹; уже при Александре Невском здесь были Спасск[ий] и Городен[ский] погосты; затем о петровском времени; о победах, триумфах; о суворовских временах; о Кутузове; о росте Петербурга, о его славе; о Ленине, о Ленинской эпохе. В зале гремело «ура» Ленину, Ленинграду.

Затем поехал в Дом Красной Армии и выступил перед военной аудиторией. Несколько четче, так как не торопился.

На сегодняшних вечерах выступали Тихонов, Инбер, Берггольц, Азаров и др. Инбер жалуется: «Я стала бояться выступлений. Трудно как-то, может быть, устала?..» Уставать нам нельзя!! И у меня усталость — общая, многолетняя... Хочется сесть, закрыть глаза... Но сам себя убеждаешь: нет, у тебя есть силы, больше, чем у многих других, — действуй, действуй!

¹ Дата разгрома шведских войск у Невы войсками Александра Невского.

...Был у начальника 7-го отдела ПУ фронта. Издаются все мои листовки к немцам: сатирическая «Гитлер — величайший стратег», «Об окружении Германии» и др. Сейчас наши радиоустановки фронта еженощно передают информацию для немцев. События 1942—1943-го приучили их вслушиваться в нашу информацию — ибо она точна...

28 мая 1943 года.

Крысы съели посаженную нами фасоль, — на грядках следы их лапок, разрытые ямки. Обидно...

Написал с утра листовку к немцам о ходе морской войны на Атлантике, о потерях немецкого подводного флота и др.

Выступление Черчилля в Вашингтоне на пресс-конференции — США и Англия решили нанести удары на Тихом океане и в Европе. Черчилль отметил рост могущества СССР и «все более увеличивающееся его значение». О Дальнем Востоке: «Я не могу советовать СССР, как вести себя в отношении Японии, но японцы не спускают глаз с СССР». Старик хотел бы поскорее втянуть нас в войну с Японией. (Вероятно, это одна из главных тем и в беседах с мистером Дэвисом.)

Написал ядовитую листовку «Военный путь Гитлера» и листовку «Что ждет германскую рать?» — широкий обзор того, как биологически и психологически влияет тяжелая долгая война на народ (потери, смертность, самоубийства, болезни и т. д.)...

Из 7-го отдела прислали мои листовки (уже отпечатанные)... Все это издается, в общем, средне — без технического блеска.

Противник усиленно бомбит Ладогу; в Морье убит начальник осинецкой военно-морской базы — капитан 1 ранга М. Нефедов. Миша Нефедов, которого я знал с 1923 года, — умница.

Бомбили и Новую Ладогу с нацеливанием на КП флотилии. Нет ли в этом подготовки к новому замыканию блокадного кольца?.. Но хватит ли на это у немцев сил в обстановке лета — осени 1943 года? Сомневаюсь.

...Работал на огороде — прополка, уборка... Немного погулял... Нет исключения!

Написал еще листовку «Князь Отто Бисмарк о войне Германии с Россией».

Сегодня над Ленинградом сбито 20 немецких самолетов, подбито 4 (один взят при вынужденной посадке).

29 мая 1943 года.

Получил «Известия» за 27 и 28 мая.

К вопросу об отношениях с США. США дали нам (с октября 1941 по 30 апреля 1943-го) всякого рода снабжения на 1 822 000 000 долларов (из послания Рузвельта от 25 мая 1943 года). На ближайшие четырнадцать месяцев запроектировано еще на 2 500 000 000 (см. отчет Стеттиниуса от 26 мая 1943 года)...

...Написал для 7-го отдела еще одну листовку «Германия попала в котел»...

Ленинградское военное издательство предлагает издать мои радиовыступления...

30 мая 1943 года.

Солнечно...

На Ленинградском фронте: поиски разведчиков, артиллерийский огонь по позициям, скоплениям частей и складам противника.

АДД бомбит районы Могилева, Витебска и др.

В 4.30 дня поехал с С. К. в Филармонию... Бывает удивительное состояние силы, уверенности, внутреннего полета. Моя речь транслировалась, и мне было так радостно говорить, вновь и вновь, о городе. Пусть слушают о Ленинграде, везде... А главное — в ощущении этого сверкающего зала, в ощущении осажденного, но твердого духом города. Дал и тему русских военных традиций плюс традиции культуры XIX века... А как реагировал зал на мои слова: «Здесь не было и не будет трусов, а если в городе появится такой — мы поместим его в каком-нибудь музее с ярлыком: «Единственный трус Ленинграда!» Возможно, что это только «эффектная» фраза, но позволительно порой, хотя бы в воскресенье, на концерте, и пошутить. У нас ведь за два года было достаточно серьезно...

Дома разобрали с С. К. мои радиоречи и радиоочерки. Отобрали пятьдесят выступлений. Это может быть книгой...

Воздушная тревога, отдаленное урчание зениток. Сегодня под Ленинградом сбито 30 немецких самолетов...

31 мая 1943 года.

Пока тихо. Пауза длится уже два месяца. В чем дело? Накопление сил, отдых, учеба, укрепление рубежей?

Написал листовку к немцам — «*Для памяти*». На одной страничке — история поражения Германии в 1914—1918 годах, на другой — в *идентичных* словах история их поражения в 1941—1943 годах (это невольно подействует) и совет не идти в мясорубку «горе-стратега» Гитлера, а последовать примеру немецких армий, сдавшихся в Сталинграде: «В 1943-м вы смогли бы быть дома!»

Написал и драматическую, мрачную листовку «*Крах вместо господства на океанах*» — о катастрофах на немецком подводном флоте, о сумасшествии командиров подводных лодок, вздувшихся трупам в затопленных лодках и т. д.

...Всю неделю немцы бомбят ладожские базы: до семидесяти бомбардировщиков налетали вчера на Морье и др.

В среде подводников говорят: «Финляндия получила запасы продовольствия. Гитлер хочет втянуть финнов в концентрический удар против Ленинграда и даже обещает им отдать город». Как бы не так!

Продолжается жестокая «малая война» на Финском заливе. Немцы бомбят Лавансаари. В отдельных случаях бросают до четырехсот пятидесяти бомб. На острове передовая база, аэродром, флотилия... Там в истребительной авиации — Костылев¹. Он жив!

К острову идут из Кронштадта конвои². Дымзавесы прикрывают выход кораблей от немецких наблюдателей (в Петергофе). Дымы поднимаются высоко и сверкают на солнце, как белые скалы.

Финны бьют из тяжелых орудий с Койвисто в район фарватера (на траверзе Шепелевского маяка). Здесь помогают конвоям дымзавесы с катеров. Ряд схваток с финской авиацией и кораблями, как правило, кончается в пользу балтийцев. Недавно на южный берег переправили несколько тысяч бойцов. Немцы в Петергофе завели базу бронекатеров, делают вылазки, схватываются с нашими, дозорными.

Белые ночи... В гуще дымзавес идут подводные лодки, тральщики, торпедные катера. Над Петергофом висят желтые ракеты — взлетают одна за другой, светятся и угасают.

1 июня 1943 года.

Подготовил вместе с С. К. сборник своих радиоречей и радиочерков (всего пятьдесят) за два года, начиная с 22 июня 1941 года. Получается довольно широкий охват событий. Дам перепечатать — и в издательство...

¹ Летчик, Герой Советского Союза.

² Группа транспортов, охраняемых (конвоируемых) сторожевыми кораблями (эскортом).

Диктовал машинистке (Е. А. Морозовой) пьесу. Работа идет четко. Три часа диктовки утомили. Завтра попробую работать пять часов, но с перерывами. Выписал себе все необходимые новые поправки, сокращения, дополнения и т. п.

Написал поздравительную записку Николаю Тихонову, награжденному орденом Отечественной войны первой степени. Он хорошо работает.

Под Ленинградом установлено наличие одной химдивизии немцев. Наши химчасти готовятся к ответу.

Сейчас главное:

а) Надо непрерывно поддерживать бодрость войск. Условия для успешной борьбы под Ленинградом созданы, техники достаточно;

б) Не прозевать подготовку врага, а он умеет скрытно готовиться;

в) Четко, слаженно давать врагу отпор, вовремя вызывая авиацию, артиллерийский огонь и т. д.

Последний бой южнее Ладоги доказал, что мы можем стойко и четко отбивать удары немцев. Противник на рассвете начал удар силой дивизии, выпустив 18 тысяч снарядов *на двух километрах фронта*. Наши выдержали, вызвали огонь своей артиллерии и «катуш». Отбили!

На Южном фронте работают наши *новые* истребители. Этим объясняются недавние массовые потери немцев: по 60—65 самолетов в день.

Получил письмо от замнаркома Военно-Морского Флота И. С. Исакова, очень теплое, дружеское... «Потерял ногу, но *не* потерял головы».

В Нью-Йорке в кино «Ирвинг Плейс» намечен советский кинофестиваль. Будут показаны «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Александр Невский», «Петр I», «Щорс» и другие советские фильмы. Приятно знать, что твоя работа приносит пользу в этой реш[ающей] войне и на родине, и за океаном.

2 июня 1943 года.

Работаю над пьесой...

Сегодня тихо. Эта тишина, отсутствие даже отдельных выстрелов, как-то тревожит.

Мне дают ряд советов, тянут на юмор и т. п. Нет, пусть вещь будет такой, какой я ее сделал (не очень смеялись мы в сентябре 1941-го). С. К. того же мнения.

Как удивительно: кажется, что с каждой печатной строчкой, ложающейся на блестящие гладкие листы бумаги, пьеса приобретает опять новый вид, новое качество. Еще несколько дней — и она выйдет в свет. Только бы успеть до новых ударов, до новых встрясок...

3 июня 1943 года.

Жарко...

Под Курском сбито 123 немецких самолета! Бомбежка нашей авиацией Смоленска, Карачева и др. В «Правде» передовая о необходимости актив[изации] действий флота.

Диктовал до 2 часов дня.

В 3 часа — в Смольный. Встретил Н. Тихонова и А. Прокофьева...

В 4.15 дня началось заседание Ленинградского исполнительного комитета... Огласили приказ об учреждении медали «За оборону Ленинграда» и список первых награжденных. Я получил медаль № 98 — в первой сотне! Огромное внутреннее удовлетворение — два года работы. От флота медали получили адмирал Трибуц и член Военного совета Смирнов.

В своей речи генерал-полковник Говоров сказал: «Худшее позади».

Церемония проходила просто, строго — несколько кратких слов. Хорошо сказал один кузнец: «Вернусь на завод и буду ковать то, от чего немцам жарко будет». От души говорил адмирал Трибуц. Выступил командующий Ленфронтом: «В 1941 году мы оставили немцев под Ленинградом; в 1942-м — не отдали им ни метра; 1943-й начали прорывом блокады и обязаны довести дело до победного конца».

Написал отчеты-впечатления для «Правды», «Известий» и «Ленинградской правды». Большая усталость, но когда писал — зажегся...

4 июня 1943 года.

...*В городе.* «Выдача медалей — это перед событиями...» Все ждут новых боев.

Сегодня, в 2 часа дня, в Пубалте и в штабе — вручают медали. С. К. тоже награждена, но женщины получают медали почему-то несколько позже.

У Курска уничтожено 162 самолета, а не 123. Взят в плен *десятки* немецких летчиков. Налеты нашей АДД на Киев и Рославль крупными силами. (Самолетов пятьсот? Прочел в «Красной звезде» об одной операции, в которой участвовало 450 советских самолетов.)

Из новостей. Небезызвестный нацист Дитрих (начальник отдела печати) заявил: «Ошибочно думать, что только наступление — признак силы. *Сила и в обороне.* В 1918 году Людендорф совершил ошибку, начав наступление...» *Заявление сенсационное!* Либо это камуфляж и дезинформация для обмана противников перед новым ударом на Востоке, либо подготовка общественного мнения Германии к обор[онительно]-пассивной фазе войны. Видимо, кое-что подсчитали, учли нашу авиацию, ПВО, наши ресурсы и т. д. Броситься в новую авантюру, когда на востоке — мощный СССР, а на западе — готовые к бою англо-американские армии и флоты, — опасно! Гитлер, видимо, хочет сманеврировать, выждать.

Грубо говоря:

1) СССР силен и дал ясно понять, что объектом игры — *ничьей* игры — не хочет быть и не будет.

2) Союзники, вероятно, хотели бы, чтобы мы увязли в драке, включая и Дальний Восток, а затем они, союзники, пришли бы на помощь: мы-де спасаем СССР.

3) СССР дрался два года (сделано исключительно много) и теперь может выждать. Мы хотели бы, чтобы союзники начали вторжение в Европу и этим внесли бы свою долю. Давно пора!

4) Гитлер спешно формирует последние резервные дивизии. Готовится к обороне Атлантического и Средиземноморского побережий.

Ленинград в общей системе — «важнейший узел обороны страны»... Такова формулировка на данном этапе. Нам это надо понять, учесть. Сущность же операций, видимо, не раскрывается даже штабам фронтов и армий. Выполнять свою задачу — вот наше дело.

Думаю, что после войны, после Ленинграда обычная мирная жизнь будет в первое время раздражать. И как бы мы ни стремились к миру, к покою, к комфорту — далеко не все в душе и в психике будет сразу уравновешено. Опять потянет к острым ощущениям, к движению, к высоким взлетам. Ну и пойдем в новые дела: в дальние плаванья, экспедиции и пр.

Днем объявили выпуск второго военного займа на двенадцать миллиардов рублей.

Надо еще раз просмотреть и отшлифовать сборник моих радиоречей (347 страниц) и отослать его в Ленинградское военное издательство...

Последние новости. 4 июня Синклер заявил, что Сицилия, Сардиния и Пантеллерия парализованы и суда союзников свободно идут по всему Средиземному морю. 2 июня их эскадра вышла из Гибралтара на восток. Это считается предвестием вторжения.

Вечером долго беседовали с С. К. о пьесе, о жизни. Работа нас как-то разлучает... Не хватает времени друг для друга.

5 июня 1943 года.

Солнечно... Работаю, диктую пьесу.

На Кубани Красная Армия прорывает немецкий фронт. Немцы признают «бреш», в которые брошены гранатеры, чтобы остановить русских.

Быстро идет подписка на заем. Страна миллиардов пятнадцать — семнадцать даст!

Из иностранной прессы.

Английский корреспондент в Москве Гарольд Кинг: «Немецкий план майского удара по Красной Армии провалился, как я узнал, вследствие воздушного наступления страшной силы, которое русские предприняли в первые две недели мая. Ударом с воздуха русские разбили половину бензохранилищ, предназначенных для немецкой авиации...»

(Мы, ленинградцы, особенно остро ощущаем, видим эту напряженную воздушную борьбу и несомненность нашего превосходства.)

Немецкая пресса и радио говорят о «европейской крепости», о том, что удар Англии и США разобьется об Атлантический вал: «Там эти страны найдут свою гибель, а это решит и участь России...» — «Германии — европейской крепости — нужен год спокойствия...» Идиоты! А кто им даст этот год? В Германии уже идет эвакуация заводов, но их везде разыщут, — у Гитлера ведь нет своего Урала, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока.

...Радио Ватикана выступает все резче против Гитлера.

Швеция направила посла к норвежскому правительству, находящемуся в Лондоне (!)...

Надо учесть, что сейчас, видимо, идет волна дезинформации... Мне думается, что противники путают друг друга.

С 5 до 8 вечера — совещание в 7-м отделе ПУ фронта о новых формах и темах агитации и пропаганды среди противника... Разволновался! Бить, бить, бить Гитлера!

Вечернее радио. Черчилль после заседания военного кабинета в Лондоне отправился в Гибралтар, оттуда в Тунис, где встретился с де Голлем и Жиро. Подвижный старикан!

6 июня 1943 года.

...Диктовал пьесу. Кончил второй акт... Бодрое состояние.

В английской прессе справка о потерях Англии в эту войну: несколько больше *пятисот тысяч человек*, из них более *ста тысяч пленных (!)*. Цифры эти *ничтожны* в сравнении с потерями СССР.

Написал план выступления: «Слово в день рождения А. С. Пушкина — 6 июня 1943 года». В 2 часа дня мы соберемся на квартире Пушкина (Мойка, 12).

Квартира Пушкина! Щемит сердце: стены и потолки в трещинах, штукатурка обвалилась. Мраморный бюст поэта стоит там, где он умер. Маленькие комнатки не вмещают всех пришедших. Входная дверь — настезь. Люди толпятся на лестнице... Невольная траурная тишина.

Митинг памяти Пушкина открыт... Выступили Н. Тихонов, я и В. Инбер.

Из морских новостей. Наши подводные лодки вышли в море. Новых мин в этом году меньше, но немецких катеров и сторожевиков больше. Белые ночи не мешают действиям моряков.

Меня приглашают приехать на воскресенье в Токсово; там находится лучший батальон разведчиков. В их функции входят радиоразведка, расшифровка немецких сообщений, радиоперехваты, пеленги и пр. Мы контролируем много оперативных немецких морских сообщений благодаря четкости их работы. Это много дает...

7 июня 1943 года.

Дождливо... Зацвели каштаны, акация, бузина. Пышная растительность! А может быть, она мне кажется такой после зимы, после усугубленных впечатлений двух осадных лет.

Вчера под Ленинградом сбито 27 немецких самолетов.
В сводке за неделю: сбито 752 немецких самолета!
Пауза на фронтах пока все еще длится...

Из последних допросов пленных на Ленинградском фронте.

«...Продержаться это лето, может быть, кое-где наступать, а потом начать переговоры и к зиме — мир». (Таковы основные настроения и желания немецкой армии.)

«...Я всегда следил за политикой, беседовал в пивной с друзьями. Что вам сказать? Война, конечно, нами проиграна. *Что забираем — отдаем.* Не смогли Россию поставить на колени. Как же теперь будет с Англией и с США? Раньше мы не верили во второй фронт, усмехались, а теперь знаем, что дело только в сроках...»

Интереснейшие показания.

Чем больше вдумываешься, тем яснее колоссальное значение Сталинграда (хотя тема Ленинграда ближе моему сердцу и душе). Нельзя преуменьшать и победу союзников в Тунисе. Превосходство демократической коалиции над «осью» — уже бесспорно!..

Был на кинохронике. Меня снимали для киножурнала (прочел отрывок из речи о Ленинграде). Спят юпитера... Объектив, люди вокруг — чувствуешь стесненность...

8 июня 1943 года.

Линкор «Марат» переименован в «Петропавловск», «Парижская коммуна» — в «Севастополь»¹...

Черноморский флот базируется на Поти и Туапсе. Напряженные воздушные бои, отдельные морские операции.

На Северном флоте — конвоирование караванов с грузами; некоторые корабли ходят в Англию и в Канаду.

Задание обкома ВКП(б): написать в специальный выпуск для партизан статью об изменнике, бывшем генерале Власове... Я его трахну!..

9 июня 1943 года.

Написал статью: «Власова надо убить!» (кратко о нем — обвинение — вывод — приговор).

Диктую третий акт пьесы. (Временами выстрелы тяжелых орудий... Где-то близко разрывы, вздрагивает наш домик.)

¹ Линкорам были возвращены их исторические названия.

...К 11 часам поехали с С. К. к Янету¹ и Пельцер². Янету сегодня пятьдесят лет. «Ну, как в пятьдесят?» — «А, знаете, ничего, лучше, чем в тридцать пять...» Все веселы... Тосты и всякая милая ерунда... Вдруг — проверка документов. Милиционер сначала ругал нас за «плохое затемнение» и «неположенный шум»... Потом выпил рюмку водки и успокоился. Дружно с ним поговорили и расстались...

Домой вернулись под утро.

10 июня 1943 года.

Для настоящего момента характерен все увеличивающийся масштаб воздушных операций: у немцев на Кубани до двух тысяч самолетов. Мы со своей авиацией — там же — подавили удар пяти немецких дивизий...

Приехавшие из Москвы корреспонденты «Красной звезды» рассказывают, что у нас идет сосредоточение сил на Воронежском, Юго-Западном и Центральном фронтах. Там много техники, гвардейские корпуса, авиация.

Налеты на Москву немцам не удаются — она накрепко защищена зонами ПВО.

Рузвельт выступил с заявлением о готовности США к химической войне.

В 8 вечера в ЛССП вручали орден Отечественной войны первой степени Н. Тихонову. Было просто, душевно... Хороший ужин, — с наслаждением ели салат, мясо... Дружеская беседа с В. Инбер, В. Саяновым и А. Прокофьевым. Познакомился с женой Тихонова — милая, своеобразная женщина. Рассказывала мне об осени 1941 года: «Я отказалась эвакуироваться, знала, что Ленинград немцам не взять».

Заем дал уже двадцать миллиардов рублей.

11 июня 1943 года.

(Чем будет отмечен день 22 июня?)

Солнечно, лето в расцвете. В саду распустились лиловые цветы...

Количество немецких эшелонов под Ленинградом увеличивается; подтянуто триста тяжелых танков; активизируется деятель-

¹ Актер и режиссер Театра музыкальной комедии.

² Балетмейстер и солистка Театра музыкальной комедии.

ность в портах противника (на Финском заливе); обнаружены вражеские десантные суда. Противник стремится разбомбить наши базы и коммуникации, но у нас преимущество в воздухе, прочная оборона, больше артиллерии.

Быть начеку! Не прозевать!..

В. Пронин вернулся с Ладоги в Ленинград и едет работать в партизанский отряд. Молодец!..

12 июня 1943 года.

Солнечно. Утром короткая тревога.

Вся жизнь вошла в общий ритм войны и работы. Быт совсем отнесен: есть военная форма, паек — и все в порядке. Нет забот о хозяйстве, об одежде и пр.

Диктую... Кажется, одолел в третьем акте трудное звено, — там был уход в философию вообще, а нужно, видимо, большее сцепление с действием.

Диктовал до 6.30 дня. Закончил бы работу, но сорвал вызов в лекторий. Надо там выступить. Закончу завтра, и экземпляр пьесы будет «на столе». Затем, до четверга, последние выверки и шлифовка.

Выступил в лектории. Рассказал ряд эпизодов из истории Балтийского флота: о Маркине, Железнякове, Папанине.

Потом шли с С. К. по набережной Невы, по Кировскому проспекту, а в это время передавали по радио мою речь о Пушкине и звучали мои слова из радиорупоров на пустынных улицах Ленинграда...

По радио: Рузвельт предлагает Италии выйти из войны...

*13 июня 1943 года.
Воскресенье.*

Диктовал пьесу с 9 утра. К 11 кончил. В финале есть перегруз. Надо отжать... Ночью пришло в голову название пьесы (в плане моих прежних названий) — «Устен Ленинграда». В нем есть и торжественность, и масштаб, и история.

Английская авиация после более чем двухнедельной паузы снова начала налеты на Германию.

Массированные налеты нашей авиации по немецким аэродромам. Сброшено шестьсот тонн бомб, — более ста пожаров.

...В час дня поехал по Токсовской дороге в Медвежку — в разведбатальон КБФ. Радужная встреча. Тут и командиры, и радио-разведчики. Среди них — капитан, участник одесской обороны.

Из его рассказа:

«Одесса дралась хорошо. Работали в трудных условиях. Город остался без воды. Мы жили на шампанском и нарзане, но хватило не надолго. «Лондонская гостиница» разбита, как и весь центр города. Тяжело было уходить. Все пришлось взрывать... В катакомбах оставили запасы для партизан и подпольщиков».

Народ в батальоне бывалый, острый. Просмотрел у них некоторые материалы... Различные прогнозы в иностранной прессе... Статья о неминуемом самоубийстве Гитлера...

Сделал два выступления для матросов разведбатальона и в 8.30 вечера — доклад в ДКАФе на тему об истории русского флота. Потом там же слушал Берлин — пожалуй, впервые за два года. Странное ощущение...

14 июня 1943 года.

(День Объединенных наций.)

Мысли о будущем. Ход событий покажет — прочны ли и длительны ли наши связи с Англией и США; будут ли они нас «мягко» зажимать, стремясь так или иначе заблокировать СССР, или будут найдены компромиссные решения... При всех обстоятельствах СССР необходимы партнеры для «равновесия» в будущем. Китай? Или, может быть, всплывет тема Германии?

...Вечером пришел В. Пронин — уже в армейской форме, которая ему очень к лицу. Он отправляется через Хвойную на партизанскую базу в город В. Бодр, подводит итоги двух лет своей службы в КБФ... Я чувствовал во время беседы его взволнованность и сам волновался, — провожаю человека на большое дело! Сидим и слов не хватает... Просил его писать для «Правды» и мне. Расцеловались...

15 июня 1943 года.

Мысли о послевоенном периоде.

Какова будет естественная реакция на нынешнее сверхнапряжение? У Германии, видимо, это вызовет общий кризис: экономический и духовный. Германия, дважды разбитая за тридцать лет, может захиреть, если англосаксы ее опять не подпитают двадцатью — тридцатью миллиардами, хотя бы для того, чтобы снова

толкнуть ее против нас. Но мне думается, что на этот раз мы можем освобожденной от Гитлера Германии.

Искалеченная Гитлером Франция будет упорно добиваться своего места в ряду великих держав.

СССР (хотя мы и понесли очень крупные потери) быстро восстановит силы и шагнет вперед — к высшим нормам жизни, к новым экономическим и культурным успехам, в океан мировой политической борьбы.

...Приятная новость: на острове Сескар любители-моряки поставили «Раскинулось море широко».

Я бы хотел написать новую пьесу — просто о людях, о тайнах их духа, мыслей (без «военной установки»). Современный человек — существо сложное, — он пережил за несколько десятилетий столько передраг, переворотов, измен и войн. Он был религиозен, был окопником (1914—1917 годы), был героем Октября, героем Гражданской войны, атеистом, интернационалистом, немного нэповцем, героем социалистического строительства и, наконец, — героем нынешней Отечественной войны. Сколько наслоений, какая эволюция у людей за сорок — пятьдесят лет! Какая стойкость и вера в грядущий коммунизм!

Я чувствую, что работа над пьесой (хотя ее уже кромсают) разбудила во мне какие-то новые творческие силы...

16 июня 1943 года.

В телеграмме Рузвельта — к годовщине советско-американского договора — говорится о будущих *совместных* битвах.

Днем — внезапный сильный дождь, небольшой град...

Перед читкой приходит внутреннее спокойствие и собранность.

Написал радиоречь к немецким солдатам о 22 июня, о России, о Гитлере и о советах Фридриха II, Бисмарка, Мольтке и др. не воевать с Россией.

Действия наших подводных лодок на Балтийском море строго засекречены. Сейчас в море лодки Осипова и Кузьмина. Они очень осторожны, ничего не сообщают. Из шведских источников известно, что потоплены два немецких СКР¹ и один транспорт. Движение немецких транспортов по Финскому заливу сведено к минимуму.

О Германии (по опросам пленных и по захваченным письмам).

¹ Сторожевой корабль.

Тотальная мобилизация в марте 1943 года охватила мужчин с 15 до 65 лет и женщин от 17 до 45 лет (бездетных или с одним ребенком старше 6 лет). Предприятия безжалостно «прочесаны».

«...Закрыты тысячи кафе, пивных, ресторанов, парикмахерских, магазинов, чтобы продавщицы не торчали, как куклы, — все равно нечего продавать... С нас хотят содрать не только кожу, но получить также и кости...» (Из письма к солдату.)

В немецких сберкассах конфискуют деньги убитых солдат и офицеров, если нет завещаний. Семьи фронтовиков с тяжелым сердцем просят солдат прислать такие завещания...

«...Все ждут со дня на день, что снова развернется ад». (Письмо с фронта.) — «...Мы получаем сейчас людей, которые даже не знают, как взяться за винтовку». (Из письма офицера 269-го жандармского батальона, Померания.) — «...Сейчас мобилизуют всех, у кого есть ноги». — «...Мы никогда не сможем заткнуть все бреши в России. Самое тяжелое впереди». — «...По всей стране мука теперь черная, хлеб — вонючий». — «...Малыши просят хлеба, но они получают свою норму, — точка... Никакие мольбы и просьбы не помогут». — «...В неделю мы получаем 2 килограмма картофеля и 1200 граммов хлеба. Мы сильно похудели». — «...Не умываюсь, нет мыла... Что ты делаешь со старыми носками? Не выбрасывай их. Сейчас все ценно». (Мать — сыну на фронт.) Письма, найденные у немцев, — горькие, тяжкие, но пассивные.

«...Бомбардировки Томми¹ все сметают: церкви, больницы, рабочие жилые кварталы. Поверь, в Западной Германии все выглядит жутко, — пространство без народа»...

17 июня 1943 года.

...Условились с членом Военного совета созвать в ближайшее время совещание писателей, чтобы подытожить работу с октября 1942 года.

Видел товарищей с бригады торпедных катеров. Они активно действуют по закупке баз противника: минируют фарватеры к Котке, Нарве и пр. От Биорке противника как будто отвалили. За двенадцать дней мая поставили столько мин, сколько ставили за всю кампанию 1942 года.

В 2 часа 30 минут поехал с С. К. в Театр КБФ на общественную читку пьесы. Вся труппа, представители прессы, представители ленинградских театров, Тихонов, Саянов, Инбер и почти вся группа писателей-балтийцев. Читал три часа тридцать минут (предыдущая читка — четыре часа с минутами). Пьеса значительно со-

¹ Так в Германии называли англичан.

кращена. Ее приняли глубоко, взволнованно. Записал ряд отзывов. Тихонов: «Это сага о моряках».

Во время чтения начался жестокий артобстрел, но я так был поглощен, что не слышал его. Слушавшие тоже не обращали внимания.

Вернулся домой усталый. Прочел газеты, посидел у окна. Чистое северное небо, светло до полуночи... Долгая беседа с С. К...

18 июня 1943 года.

...Написал листовку к 58-й немецкой пехотной дивизии. Она недавно пришла к нам с Демянского участка...

Написал статью для немецких солдат: «*Куда же идут немцы?*»

Принесли мою листовку о «*Великом стратеге Гитлере*» с рисунком в три краски. (Медленно издают — много экземпляров.)

Из рассказа воспитательницы детдома:

«В Ленинграде с детьми происходят серьезные перемены. Лозунг: «Мсти, уничтожай врага!» — они воспринимают обобщенно, примитивно. Дети стали грубее, жестче, критикуют взрослых, следят за событиями... В детдоме жил десятилетний мальчик. Отец убит на фронте. Мать осталась одна, — отдала сына в детдом, который готовился к эвакуации... Мальчик не хотел уезжать. Убежал к матери (а у нее уже новый друг). Сын стучал, стучал, но мать не открывает. Мальчик услышал голоса... «Мама, открой, ты же дома...» Час, два стучал, молил, но мать не решилась его впустить... Мальчик вернулся в детдом, сел поодаль, подпер голову руками и только шептал: «Папа... Папа... Папа...» Какой след останется на душе у этого человечка? Как он будет глядеть на людей, на семью?..

19 июня 1943 года.

Солнце, облачно, прохладно, как вообще последние дни.

Вчера над Ленинградом уничтожено 50 немецких самолетов.

Оживленные отклики на мою читку в Театре КБФ.

Написал еще листовки «*Фюрер обещает*», «*Черный рок над вождями Германии*» (от Арминия до Гитлера). Любопытная коллекция роковых концов. Надо эту тему разработать еще шире. Написал третью листовку — «*Достижения фюрера*»...

Из быта. «...Жили мы с сестрой вдвоем — мужей похоронили давно. Жили душа в душу. В 1941 году нас одолел голод. Взяла я

как-то по карточкам хлеб и съела по дороге паек сестры. Вернувшись домой, сказала, будто вырвали его у меня из рук, утащили. Сестра утешала меня, просила не огорчаться. Через месяц она умерла... С тех пор я не знаю покоя... Все хожу на могилу — молю: «Прости ты меня, грешную».

Пока тихо. Вечером зашли Успенский и Чуковский — хорошо говорили о пьесе.

*20 июня 1943 года.
Воскресенье.*

Солнечно, по-воскресному тихо...

Работал на огороде. Очень приятно. Все растет, прет вверх: и ростки картошки, и тыква, и морковь, и салат, и редька, и фасоль.

Написал статью для «КБФ» — «Мысли в день 22 июня» — о черной странице в истории Германии, о постоянных срывах ее походов на Восток. Написал статью к 22 июня и в «Ленинградскую правду».

Получил от А. Фадеева телеграмму: «Шли пьесу. Буду твоим полпредом в Москве. Крепко жму руку»...

Днем смотрел на студии кинохронику. Мое выступление записано и снято четко. Странно видеть себя на экране — «чужой дядя»... Самоощущение совсем иное.

Вечером беседовал с соседом — участковым надзирателем милиции И. Обертышевым.

— Как дела?

— Трудно... Управдомов у нас мало — один на три дома. Скоро и этих в армию заберут. Дворники тоже новые — идут на эту работу из-за карточки первой категории. Среди них есть девицы со средним образованием. Неопытные это люди. Милиция у нас полнена тамбовскими ребятами — толковые. С девушками — хуже: у них и револьвер отнимут и побить их могут, — бывали случаи. Ставим их в караул, устраиваем писарями, регулировщицами. Я вам еще многое расскажу, у меня все записано...

И этот лик города мне интересен.

Очень устал, даже не мог слушать радио — заснул. Ночью разбудили две сильные вспышки зенитного огня — где-то бродит одинокий самолет-разведчик... Фашистская сволочь!

21 июня 1943 года.

Получил серию своих листовок и других работ из 7-го отдела ПУ фронта. Выпустили целую газету для звукопередач.

Ну, завтра 22 июня. В 1940 году в этот день Гитлер встречал в Компьенском лесу французских парламентариев... В этот же день в 1941-м он ринулся на Россию.

Итоги подводить еще рано, всего не охватить, но общий *внутренний* итог огромный: страна наша закалилась, сдала всемирный экзамен, открыла в себе самой неведомые силы.

Ленинград! Гордый, упорный, дисциплинированный, творческий... В нашем городе многое сделано. Город отбил атаки тридцати двух пехотных дивизий, четырех мехдивизий, четырех танковых, почти ежедневные налеты авиации... Это триста тысяч немецких кадровых солдат; более тысячи танков, четыре с половиною тысячи минометов, шесть тысяч орудий! Это более тысячи самолетов!

Солдаты, моряки, ополченцы, чекисты и рабочие Ленинграда устояли! Большую роль сыграли наша артиллерия и ВВС¹.

В конце 1942 года фашисты — готовя штурм Ленинграда — подтянули из Крыма и с других фронтов более восьми дивизий. Удар Ленинградского и Волховского фронтов *сорвал* и этот план Гитлера... В результате разбитые дивизии противника были отведены на переформирование.

За два года Балтийский флот уничтожил много боевых кораблей противника. На подступах к городу убито 470 000 фашистов². Гитлер трижды обновлял свою авиацию под Ленинградом (по данным штаба Ленинградского фронта).

Полезно вспомнить, что в зиму 1941/42 года эту борьбу вели истощенные от голода люди. И все-таки — выдержали!

Вечером пришли представители Театра КБФ. Они вручили мне договор, деньги... От денег я отказался — это мой подарок городу, флоту.

Посидел у окна. Полночь, тишина. На севере розовеет небо. Вспомнил, как 22 июня 1941 года мы с С. К. мчались на первом попавшемся грузовике из Переделкино³ в Москву.

¹ Военно-воздушные силы.

² «Ленинградская правда», 22 июня 1943 года. (Прим. автора.)

³ Дачный поселок писателей под Москвой.

22 июня 1943 года.
Два года войны (730 суток!).

День летнего солнцестояния. В Ленинграде он длится — 18 часов 52 минуты.

В 6 утра слушал сообщение Совинформбюро: «Два года войны» — деловой, сжатый, краткий обзор событий... Красная Армия — сила могучая!

В 9 утра снова слушал сообщение Совинформбюро. Констатация изменения обстановки; четкость формулировок.

Существеннейшая часть — последняя: СССР сыграл огромную, решающую роль в войне; теперь многое зависит от того, как союзники используют (создавшуюся) обстановку... Указано, что Красная Армия горит желанием добить фашистского зверя. Дано ясно понять, что с созданием второго фронта победа может быть достигнута значительно скорее и с меньшими жертвами.

В третий раз слушаю сообщение Совинформбюро. Глубже понимаю обстановку. Не случайно Черчилль твердит о победе в 1944—1945 годах (!!). Он готов ждать! Пусть, мол, Россия действует, пусть Гитлер атакует на Востоке.

Англия можно ждала... Англия хочет прийти к финишу со свежими силами. Англия учитывает и перевыборы в США в 1944 году и пр. и пр.

Россия сделала больше, чем все союзники, вместе взятые. Чего же они хотят на самом деле? Уничтожения фашизма или «комбинаций», затяжек?..

Документ вызовет огромный вал откликов.

...Почему я так остро реагирую на *подтекст* сообщения? В последние дни в английской прессе появились статьи, обзоры с вариантами вторжения: 1) в этом году, 2) в будущем году вместе с генеральным наступлением Красной Армии, 3) весной 1945-го (?). Тут что-то «зарыто».

В 11 утра воздушная тревога, зенитный огонь. Написал письма в «Красную звезду», Сельвинскому и Фадееву (отклик на его телеграмму).

Написал листовку «Проблема германской семьи» на материале письма, взятого в штабе 227-й немецкой пехотной дивизии — вопль к «фюреру» ефрейтора Креера: «Мне изменила жена, гибнет семья... Поймите, я теряю веру в родину, в победу...» и т. д.

Днем большая беседа о пьесе с членом Военного совета. Много хорошего, приветствует пьесу и т. д., но боится перегрузки отрицательными фигурами. (*Князь?! Без него пьеса будет серее, скучнее!*)

Я молча слушал, записывал... Потом ответил:

— Мне больно видеть эти ведомственные опасения, подсчеты. Многое забывается, — забыта и осень 1941-го. В пьесе все проверено, взято из жизни.

К вечеру свалился, едва прослушав «Последние известия».

В этом месяце дневник веду не так подробно — устаю. Хочется полного выключения...

23 июня 1943 года.

...Телеграмма Рузвельта. Масса американских приветствий к 22 июня...

Речь С. Криппса — о взаимном *недоверии* Англии и России — в прошлом; об улучшении отношений — ныне. В Лондоне — вежливые митинги, посвященные англо-советской дружбе (!).

Был в Пубалте, в 1-м отделе. Ознакомился с последними данными по обстановке на Балтике...

Из рассказа работника Пубалта:

«Пишу доклад. Командующий требует сократить, член Военного совета — расширить, а начальник Пубалта — углубить. Было 100 страниц, стало — 40. Будет 80, а потом опять: «Сокращай...» Я человек маленький — пишу...»

По радио. Во МХАТе состоялась премьера А. Крона — «Глубокая разведка». Публика тепло приняла спектакль... Рад за Крона.

24 июня 1943 года.

С утра — методический обстрел. «Это они или мы?» — «Они». Вой снарядов, сильные лопающиеся звуки.

По радио — надоевшее: «Район подвергается обстрелу. Движение прекратить...»

Написал две листовки: «*Военное положение Германии к июлю 1943 года*», «*Что происходит под Ленинградом*» (два документальных цифровых обзора) и горячую речь к немецким солдатам о Гитлере (для звукопередачи).

В городе кто-то распространил слух о том, что медаль «За оборону Ленинграда» будут давать только военным и «избранным». Срочно пишу статью в «Ленинградскую правду» — о вручении медалей в самом ближайшем будущем всему сплоченному коллективу ленинградцев.

...Получил срочное задание Военного совета фронта (от А. А. Жданова) написать листовку к финнам (о положении в Финляндии и о новом снижении хлебных норм на 20 процентов). Видимо, Финляндия не поддается на уговоры и не идет в новое наступление, за что Гитлер и урезал ей паек.

Работу кончил к 11 вечера. Устаю все больше. Что со мной?..

25 июня 1943 года.

Написал для 7-го отдела Ленфронта листовки: 1) «*Песнь о Нибелунгах*» — очерк, связывающий немецкий эпос о походах на Восток с современностью и 2) «*Для памяти*» — список стран «оси» и рядом для сравнения длинный перечень Объединенных наций, численность их населения и т. д.

Центральные газеты опубликовали документы Чрезвычайной комиссии по определению немецких зверств, убийтков и пр. Передовые статьи призывают народ к ответу делом!

В промышленных кругах Германии господствует мнение, что война проиграна, пора заключать мир и готовиться к новой, третьей войне (!).

...У меня душевная усталость (реакция после сдачи и обсуждения пьесы?). Пытаюсь подытожить все прожитое — это очень трудно. Временами мне кажется, что война и притупляет и вместе с тем утончает чувствительность... Раньше, еще год назад, я до слез волновался, слушая по радио лестные отзывы союзников о России. Сейчас — холод и нетерпеливое: «Довольно красивых фраз!» Их приторные слова: «Русский солдат легендарен!» — уже надоели. Сами знаем!

26 июня 1943 года.

Передовые статьи наших центральных газет призывают к наступлению. Промышленность должна дать новые образцы вооружения, определить противника. (Люблю читать такие статьи.)

Вечер... За окном — орудийные выстрелы. В «Октябре» холодно раскритиковали книгу стихов о Ленинграде... Далекий тыловой критик. Что ему до нашей жизни?

На душе тяжело, — мрак... Мне трудно снова переделывать пьесу, трудно отказаться от любимых образов...

И во сне — навязчивая тема войны...

27 июня 1943 года.
Воскресенье.

Облачно, временами солнце...

Написал две листовки: «Обещания Гитлера» и «О тотальной мобилизации»...

Обзор «Правды» отмечает нарастающий разлад в европейском лагере Гитлера. В 1942 году на Востоке было до шестидесяти пяти дивизий вассалов. В 1943-м Гитлер потребовал еще сто двадцать, но реально он имеет только тридцать.

В Риме выступил фашистский идеолог Джентиле: «Возможно, что даже стены и арки, свидетельствующие о величии Рима, рухнут».

Приветствие Черчилля Береговому флоту¹ — призыв быть на высоте английских морских традиций в связи с наступательным духом британской стратегии (!!).

Мы все сосредоточенно ждем. Ждет весь мир! Воевать, *стоя на месте*, нельзя!

Пасмурный, холодный, ветреный вечер... Упорно отсыпаюсь, глотаю порошки, надо перебороть усталость...

Ночью из Москвы вернулся Крон, будет у нас завтра в 2 часа дня.

28 июня 1943 года.

Чувствую себя несколько лучше.

Наметили с С. К. с 1 июля отправиться на форт «П». Быть на переднем крае на случай событий, пожить среди матросов.

Получил хорошее письмо и фото от Иоганна Альтмана (с фронта)... Письмо душевное и романтическое.

Сообщили, что отменено ношение противогазов!..

Ленинградскому фронту пора готовиться к сильному удару во взаимодействии с другими фронтами. Это поможет вывести Финляндию из войны, продвинуться в Прибалтику и создать угрозу Восточной Пруссии...

В 4 часа дня был в ПУ фронта. Прочел бюллетени ПУРа, обзор деятельности 7-х отделов ряда фронтов.

Мои тексты идут *все*...

¹ Береговой (прибрежный) флот включает сторожевые корабли, тральщики, транспорты, десантные и прочие плавучие средства.

29 июня 1943 года.

Ответил Дзигану на его призыв: «Пьесу, сценарий!» Мне его уход в ВТО, где «какой-то театр», не нравится. Что это за *театр*, худрук которого мечтает опять уйти в *кино*? «Не в ВТО¹ нужно идти, а в жизнь» — вот конец моего письма.

Обзор по главным фронтам.

Восточный фронт. Стабильно. Концентрация войск Красной Армии, видимо, в основном закончена. Судя по всему, у нас есть перевес.

Южно-Европейский фланг. Положение явно выигрышное для союзников: прямой путь от Гибралтара до Суэца, двойное и тройное превосходство в воздухе и на море. Наличие шести-семи свободных армий.

...У Италии осталось три линкора и десять — двенадцать крейсеров. Авиация уже не способна к сопротивлению. Дело союзников вывести ее из войны. Это коренным образом повлияло бы на всю балканскую ситуацию и на Турцию, которая продолжает «уточнять» свои отношения с Англией и США...

Северный фланг. Гитлер добился здесь известной прочности. По-прежнему Финляндия в руках у Гитлера...

Тихоокеанский фронт. Япония пока отказывается от требований Гитлера начать удар против СССР. Японская армия терпит неудачи в Китае: разгром 10-й японской дивизии. В Китае на старте еще несколько корпусов. Союзникижимают на Японию с Алеутского фланга (Атту, Кыска) и с южного (Новая Гвинея, острова). Таким образом, на данном этапе осложнения с СССР для Японии нежелательны.

Обзор основных фронтов показывает, что обстановка благоприятствует Объединенным нациям. К этому надо добавить *Атлантический морской театр*, где у союзников — явный успех в борьбе с немецким подводным флотом... Если бы удар Красной Армии, — готовой к сражениям, — был поддержан мощным ударом союзников, Гитлер был бы разбит *в кратчайший срок!* Может ли Германия сопротивляться на двух фронтах? Вообще — да, но война на *трех-четырёх* направлениях ей не под силу. Она может еще долго драться, но военный перевес демократической коалиции неоспорим. Поэтому-то Германия лихорадочно — дипломатическими средствами — ищет лазеек и выходов, вплоть до неоднократных предложений сепаратного мира то союзникам, то нам...

Англия и США до сих пор держатся позиции *безоговорочной капитуляции* фашистского блока.

¹ Всероссийское театральное общество.

(Вот тут я и задумываюсь: пойдут ли Англия и США до конца, хотя ли они *полного* разгрома фашизма? Видимо, этого-то они и боятся, и если будут продолжать борьбу, то не доводя дело до слова *системы* фашистской Германии и других стран «оси». Их бомбежки вместо второго фронта тоже *полумеры*.)

В Западной Европе фашисты изменили тактику: предлагают создание национальных правительств (включая Прибалтику?!), экономическое сотрудничество. Расовая же теория остается только для «внутреннего потребления».

Сильнейшие удары наносят Германии оккупированные ею европейские страны: это и национально-освободительное движение Франции (подготовка вооруженного восстания), и партизаны Югославии, Албании и Греции, координирующие свои военные действия с нами и с союзниками... Немцы стали задумываться, сомневаться, колебаться. Это фактор серьезнейший — враг ослаблен, подточен.

...В «Ленинградской правде» сегодня все-таки напечатан мой очерк «Рабочие Кронштадта» — незначительные сокращения и одна опечатка. Это еще ничего! В «Комсомольской правде» — заметка об общественной читке моей пьесы в Ленинграде...

30 июня 1943 года.

Из допросов пленных.

«...Я работал в Германии. У Круппа рабочие получали двести граммов хлеба, немного маргарина, эрзац-колбасу и три картофелины; работали по двенадцати часов в день, часто бастовали. Жили в бараках, под надзором. Было тяжело. Однажды вспыхнула драка с итальянскими рабочими. Дрались жестоко. В другой раз бросили полицейского в котел с супом и во время суматохи украли пятьдесят кило хлеба, потом были обыски, несколько человек выслали обратно в Испанию. Во время воздушных тревог полицейские стояли с автоматами у станков и не отпускали нас: «Arbeiten!»¹ (Из допроса пленного испанца Рагоса, 250-я испанская дивизия.)

«...О России мы ничего не знали, в школах нам о ней не говорили. Нам сказали, что Россия сосредоточила свои войска летом 1941 года на германской границе, угрожая нам, и фюрер объявил войну. Мне все равно, как кончится война: победит Германия — надо работать; победите вы — надо работать. (Да, психология!) А сейчас надо выполнять свой солдатский долг...» (Даншевиц, прусак, 23 года, батрак.)

¹ «Работать!» (нем.)

«...Русские хорошо отзываются о своем правительстве и о Красной Армии. (Научились у нас по-испански и объясняют нам...) Я видел, что пленные ходят в тряпках и подбирают обро- ненный обозный навоз. Одна русская, когда зашел разговор о штурме Ленинграда, показала кукиш: «Ленинграда немцам не взять...» (Э. Б. Восес, Испанская дивизия.)

Суммировать весь этот материал трудно. Внутреннее состояние немецкой армии, конечно, ухудшается, но оно не бедственно. Не- мецкие солдаты еще держатся, даже раненые, даже в плену. Они инстинктивно чувят, что *поражение* будет для Германии нац[иона- льной] катастрофой, — ведь так или иначе страна на длительный срок выйдет из ряда великих держав. Кроме того, боятся ответст- венности за все содеянное ими в СССР...

1 июля 1943 года.

С утра предотъездная горячка. С.К. торопит...

Звонит Крон. Прочел «У стен Ленинграда». Поздравляет: «Пье- са взяла, взволновала... Не успел и пометок сделать...» Позже при- слал письмо: «Вещь большая, заражающая своим темпераментом, беспокойно-ищущей мыслью, мужественной интонацией, смело- стью. Что это по жанру? Это трагическая оратория; разрешенный сценическими средствами *монолог*, где все персонажи — различ- ные модификации автора, Вишневого. Это ваш разговор с са- мим собой вслух, столь же для себя, сколь и для народа. Князь ве- ликолепен. Сибирцев очень хорош, но слишком ощущается интеллигентом, пожалуй, даже дворянином, пусть коммунистом. Ряд великолепных сцен: немцы, разоблачение предателей и пр. За сценическую судьбу пьесы боюсь...»

Это верно... «Постановочные» законы и их «так надо» я знаю, они у меня давно поперек горла...

Пора ехать...

Несемся на нашем «харлее»¹... Лахта, Лисий Нос, Сестрорецк. Пустынно. Нависшее серое небо... Три контрольно-пропускных пункта. Напротив, через залив — Петергоф, там все еще немцы. Поезда ходят по Сестрорецкой ветке только вечером.

К часу дня в Дубровке. В речном протоке спрятана шлюпка. Восемь матросов ждут С.К. и меня.

«Весла разобрать... На воду!» — вышли в залив. Низкой темной полосой — Кронштадт. Выситя купол Морского собора... Поста- вили паруса, покачивает. Виден финский песчаный берег. Финны сидят тихо. Наши форты их отучили брыкаться: сожгли поезд с

¹ Марка мотоцикла.

боезапасом, потопили даже рыбацьи шлюпки, и вообще держат их в «страхе божьем».

...Сегодня на форту «П» радостный день — в Кронштадте выдают ордена девятнадцати товарищам и в их числе замполиту Суворову.

Здесь я был зимой, в начале 1940 года (война с белофиннами). Узнал некоторых товарищей, — тут есть командиры, бессленно прослужившие уже десять лет (!). Форт — это глыба бетона и железа, немного дерна, крошечный садик.

Обошел батареи, был на сигнально-наблюдательном пункте. Как раз шла перепалка с противником — на вражеском берегу видны разрывы мин, дым, пыль... В стереотрубу видны их дзоты.

На КП посмотрел карту, пункты, куда форты должны давать СО (сосредоточенный огонь). Осмотрел американский звукоуловитель и прожектора. Весь форт с осени 1941 года изрыт дзотами (для круговой обороны). Смотрел места попадания неприятельских снарядов — отколот лишь тонкий слой бетона... Матросов для смены впечатлений иногда отправляют работать на берег: в лес и на огород. Форт имеет береговые участки в Дубровке, Тарховке (подсобные хозяйства).

Белая ночь... Артиллерийская дуэль... На заливе караван в дым-завесах. С.К. наблюдает для зарисовок. Дребезжат стекла. Все это уже быт — два года!

В вечернем воздухе полоса финского берега. Гора Пухтола. Мы здесь крепко поработали в войну с белофиннами (1939—1940). Но тогда мы не представляли себе всей подоплеки событий, знали одно — отодвинуть опасность от Ленинграда. Мы не знали, что Ленинград был *первой* целью Гитлера. Здесь, по его расчетам, должно было взвиться в 1941 году немецкое знамя... Гитлер планировал первый бросок от финской границы (линии Маннергейма) с дистанции в 35 километров. Но линия Маннергейма нами была сломана в 1940-м, и Гитлеру пришлось изменить свой план.

...Глядишь на Кронштадт, на залив. На душе просто, гордо. Вот Кронштадт, о который разбились *все* попытки *всех* врагов.

2 июля 1943 года.

1 час 10 минут дня. По радио передают мою статью «Сила Ленинграда». Слушаем...

Зашел на сигнально-наблюдательный пост. Видимость средняя, но в стереотрубу хорошо различимы и петергофский и финский участки. Временами на берегу — в «мертвом лесу» — рвутся мины; видны дзоты финнов (сигнальщики показывают мне места

их замаскированных батарей), вьется дымок; изредка — автомашины. В прошлом году финны были храбрее, чувствовали себя как дома и даже днем ходили купаться. Их *отучили* шрапнельным огнем...

К концу дня пошли с начштаба Горюновым на шлюпке — глушить рыбу. (По совести говоря — занятие запрещенное, да как в такое голодное время отказаться от свежей рыбы?) Рыбы всплывали десятками: щуки, окуни, судаки. Мы вошли в азарт и, невзирая на близость финского берега, занимались рыбной ловлей до вечера. Стайки чашек кружили рядом, клевали всплывших окуней. На волнах мягко покачивало... Хорошо! (А матросам — чудная уха на ужин.)

Вечером в кают-компании, — за товарищеским «чаем» в честь новых орденосцев, — командир дивизиона рассказывал мне о делах на батареях форта... Люди боевые. Большинство — кадровые. 52 процента всего личного состава — коммунисты и комсомольцы.

4 июля 1943 года.

С 10 часов утра — доклады. Слушают хорошо.

Днем стреляли из тяжелых орудий по скоплению финнов.

...К вечеру опять был на сигнальном посту. Видимость отличная, но финский берег сегодня почти мертв. Кое-где дымок и ни единого финна...

5 июля 1943 года.

На лекции для командиров форта обрисовал развитие Германии с XIX века... Затем о ходе войны за сорок шесть месяцев (1939—1943). Слушали внимательно. Много вопросов.

Днем — стрельба по финской батарее.

Зимой 1941/42 года на форту опухали от недоедания, но службу несли исправно; ходили в дозоры на лед; пытались отвлечься от чувства голода чем могли... У одного командира в январе родила жена. Товарищи мужа отдавали ей часть своего скудного пайка. Командир отправлялся в Ленинград к семье пешком, так как железнодорожное сообщение было прекращено. Шел — с утра и до вечера. Жену и ребенка удалось подкормить и летом 1942 года эвакуировать.

Вспомнил: мне недавно на кинохронике предложили посмотреть фильм «Дистрофия». Я *отказался*. Когда-нибудь потом, попозже...

Вечером ужинали с С.К., замполитом и начштаба (рыба, хлеб, масло, чай и по три стопки разбавленного водой спирта). Беседовали о прошлом, о будущем, о сроках войны.

С.К. говорит:

— Минимум год. Еще будем зимовать в Ленинграде.

Я:

— Ближайшие два-три месяца определяют силы и намерения сторон. Союзники будут вынуждены так или иначе вскрыть свою позицию. Но кажется, они по-прежнему не торопятся... Черчилль каждое лето произносит скользкие речи: то о золотых полях Украины — 1941 год; то о том, что «Россия удивит немцев», — 1942 год; то о том, что неизбежны великие столкновения на Востоке, — 1943 год... А второго фронта нет...

6 июля 1943 года.

6 утра, по радио. Немецкая армия 5 июля начала наступление на Центральном и Южном фронтах. Уничтожено 586 немецких танков, 203 самолета.

Что это? Проба сил или «решающее наступление»? (Черчилль, вероятно, доволен...)

Англичане произвели разведывательный десант на остров Крит.

В авиационной катастрофе над Средиземным морем погиб генерал Сикорский... (Видимо, он мешал Андерсу? Какой сервис!)

В 12 часов: упорные бои на курско-орловском и белгородском направлениях...

Штиль... Сплошь серебристо-серые тона. Форт бьет по финским батареям.

Проводил С.К., — она ушла на катере «СК-4»¹ в Кронштадт. Будет там рисовать «Петропавловск» и постановки дымзавес.

Опять стреляем по финскому берегу.

...За ужином — оживленно. Все обсуждают последнюю сводку. (Генеральное наступление Гитлера?)

Вечером рассказывал замполиту о литературной жизни, о некоторых писателях, которые ему интересны.

¹ Сторожевой катер.

Из подсобного хозяйства привезли землянику. Съел блюдечко.
До чего хороша — два года не ел!

Крепкий сон.

7 июля 1943 года.

Сегодня шесть лет войны в Китае, — упорное сопротивление.

В 6 утра, по радио. На орловско-курском направлении наши части *прочно держат оборону*. На белгородском — противник после отчаянных боев взял лишь два населенных пункта...

Во время обеда — сильный взрыв. В кают-компании задребезжали стекла. Оказалось, что в двадцати кабельтовых¹ тральщик подорвал мину. Как ощутим подводный взрыв!..

После обеда опять пошел на сигнально-наблюдательный пункт... Северные форты (в том числе форт «П») и батареи Кронштадта ведут огонь по противнику. Видны залповые разрывы шрапнелей. Стоит тяжелый грохот и гул. Стрелял и Лисий Нос.

...Стрельба продолжалась часа полтора.

Отличное самочувствие: я несколько отдохнул, спал эти дни, принял ванну (на форту быт отлично налажен). Приятна и некоторая перемена в пище. А главное: выключился из работы над пьесой (которая отняла у меня столько душевных сил) и нахожусь в родной семье боевых балтийцев.

Рассказ сигнальщика:

«Наш форт принял боевое крещение вечером 30 августа 1941 года. Крепко от нас досталось подошедшим к границе финнам. Потом отбивали сентябрьские налеты. Весной 1942 года подержали огнем Н-скую армию, получили от них благодарность. Сообща разбили финнов в дым! Ну, и они нам 1 мая отомстили — жестокая была артиллерийская дуэль. Но главное — июньские воздушные минные постановки на заливе с «хейнкелей» и «юнкерсов». Они продолжались две недели: ежедневные звездные налеты с 12 ночи до 3 утра. Противник появлялся с разных направлений и забрасывал минами *на парашютах* плесы и фарватеры. До 25—30 процентов мин рвалось сразу. Наши пулеметчики изловчились бить по парашютам, ускоряя этим падение мин и вызывая таким образом взрывы, от которых детонировали и другие мины, уже находившиеся на глубине. Бывали ночи, когда налетало до семидесяти самолетов.

¹ Морская мера длины, равная 185,2 метра.

Нами были подобраны на воде алюминиевые футляры мин с обозначением завода, марки, даты и пр. Мины были мощные (до *шестисот* килограммов) — магнитные и магнитно-акустические».

(Как раз в эти дни с 1 по 15 июня 1942-го там находилась С.К. Это было и ее «боевым крещением».)

Капитан Завалишин — агитатор 1-го зенитного полка — попросил у меня консультацию. Сделал ему почти доклад об обстановке. У него возник ряд вопросов:

— Как СССР поступит в отношении Германии? У народа на сердце — месть.

Я:

— Это все так, но вряд ли надо после победы восстановить против нас *весь* восьмидесятимиллионный германский народ, тем самым навязывая себе новую войну через двадцать — двадцать пять лет, а то и раньше. История с Гитлером может повториться в новом издании. Он ведь был вскормлен и поощрен чемберленами и пр.

Завалишин:

— Не поймут краснофлотцы сразу... Они могут ответить: «Фашисты убивали наших детей».

Я:

— Надо суметь объяснить им, если это до сих пор не сделано, в чем заключаются *государственные* интересы.

Завалишин:

— Да... А все же некоторые командиры считают, что с пленными церемониться нечего...

Я:

— А мне думается, что полезнее в среде пленных приобретать демократически настроенных *антифашистов, друзей*. В будущем Германия должна стать нейтральной, а еще лучше — дружественной.

Завалишин:

— А если не удастся? Мы и так были слишком добрыми себе на беду.

Я:

— Нас страшит наша мощь, укрепл[енные] границы, возможный блок со славянскими государствами, несмотря на то, что это-то капиталисты будут всячески мешать.

8 июля 1943 года.

В 6 часов утра. Упорные оборонительные бои на орловско-курском и белгородском направлениях. Крупные потери противника. Сообщается, что немцы ввели в бой до тридцати танковых, мото-

и пехотных дивизий с целью взять Курск и срезать Курский выступ (а может быть, и окружить *нашу* Курскую группировку?). За три дня противник успеха не имел, потерял 1539 танков, 649 самолетов и до 30 000 солдат и офицеров. Масштабно! Немцы подтянули авиацию на орловско-курское и белгородское направления и с запада и с Балкан.

OKW, видя неуспех генерального наступления, 7 июля сообщило о... *наступлении Красной Армии* и о том, что немцы удерживают позиции, не вводя в дело основную массу танковых дивизий (!). Весьма примечательный оборот дела!

Временами канонада. Готовлюсь к большому выступлению. Погода очень плохая, дождь, небо все обложено. Вой ветра...

На Волховском фронте выступали делегаты Ленинграда, призывая к новым усилиям в борьбе за город...

9 июля 1943 года.

Сегодня солнечно...

На форту ознакомился с рядом закрытых документов: сводки, донесения, радиоперехваты и пр...

Жарко... Сегодня послали в Кронштадт катер за С.К.

Пролетают самолеты: и наши, и противника. Фашистских «визитеров» форт встречает залпами зенитного огня. Любо смотреть, когда они, дымя хвостами, «ныряют» в волны Балтики. «Им уже не вынырнуть!» — смеются краснофлотцы.

Все эти дни немецкие батареи (из Петергофа) обстреливают Кронштадт. Над ним — дымы, доносится смешанный гул канонады и взрывов. Кто бы мог себе представить, что в Петергофе, в Стрельне будут военно-морские базы фашистов?..

Противник подтянул к Ленинграду новые осадные орудия. В районе Пулкова при разрывах тяжелых снарядов — воронки в двенадцать метров диаметром и пять метров глубины. Под Ленинградом у противника пятнадцать аэродромов на южном и семь — на северном направлении. В мае немцы перебросили к Полоцку двести тринадцать макетов самолетов для устройства *ложных* аэродромов (вовремя обнаружили!). Обстановка у нас накаляется...

...В 7.30 вечера — в клубе, где собралось двести восемьдесят человек (все свободные от вахт). Провел с ними беседу о военной и военно-морской русской традиции. Говорил с увлечением, — внимание бойцов, ощущение переднего края, гул артиллерийских выстрелов — все настраивало подъемно, светло. Тему, как всегда, взял с историческим охватом. Слушали отлично...

К ночи вернулась С.К. Она рассказала мне о своей работе в Кронштадте. Когда она рисовала линкор «Петропавловск» — обстреливали бухту, но многие из немецких снарядов не рвались. Из-за старого флотского суеверия («женщина на корабле приносит несчастье») командир «Петропавловска» побоялся разрешить С.К. жить на корабле, но создал ей отличные условия работы. Над кораблем шефствует Узбекистан, регулярно снабжают команду продуктами. (С.К. угощали шербетом и миндалем, вкус которых нами давно забыт.) Потом С.К. зарисовывала дымзавесы (поставленные с берега и с катеров), маскировавшие выходы в море подводных лодок и других кораблей. В Кронштадте два соединения катеров-дымзавесчиков с разветвленной службой. Завесы ставят быстро: простые, двойные, тройные — серые, розовые, желтые; закрывают ими объекты, пожары, караваны и т. п. Работы хватает! С.К. привезла много этюдов. Недовольна тем, что послали за ней раньше условленного срока.

В «Красной звезде» — много статей об офицерской этике, о дисциплине, о взаимных приветствиях, о внешнем виде командира и т. д... В «Агитаторе Военно-Морского Флота» статья о некоторых старых русских орденах («Александра Невского», «Геоργия» и др.). В частности, о Георгиевских крестах и о том, что *старые матросы и солдаты теперь их снова носят...*

10 июля 1943 года.

6 часов утра. Бои на Центральном и Южном фронтах продолжаются... Судя по цифровым данным, темпы и напряжение несколько спадают (!)...

Американская пресса считает, что удары союзной авиации по Руру и др. не смогли подорвать мощь немецкой армии, Гитлер *начал большое наступление на Востоке*. Поэтому создалась благоприятная ситуация для *открытия второго фронта на Западе*.

Истребительный авиакорпус, защищающий Ленинград, преобразован в гвардейский. Корпус уничтожил 812 немецких самолетов. Стремлению немцев «взять Ленинград с воздуха, если не удастся подавить его с земли», было противопоставлено упорство и мужество ленинградских летчиков. 1-я германская воздушная эскадра генерала Келлера понесла огромные потери.

В 1943 году — преимущество у ленинградских летчиков... Неизмеримо выросла оперативно-тактическая выучка; бесперебойно обновляется материальная часть.

...В 7 вечера, радио из Москвы. «Штаб союзных войск в Северной Африке передает, что в 3 часа ночи началось вторжение английских, американских и канадских войск на остров Сицилию. Операция развивается планомерно». Начало второго фронта или очередная проба сил?..

11 июля 1943 года.

В 6 утра, по радио. Бои на курско-орловском и белгородском направлениях. Противник ведет «бесплодные атаки». На белгородском направлении наши контратаки. Потери противника растут (с 5 по 10 июля: 2338 танков и 1027 самолетов). Цифры, видимо, превышены...

«Правда» пишет, что эта битва будет вспоминаться народом наравне с боями за Ленинград, Москву и Сталинград.

В «Красной звезде»: *драться за каждый метр земли!*

На отдельных участках в воздухе — до пятисот немецких и советских самолетов. Тактика противника: всю мощь авиации на передний край, в помощь танкам.

В Москве — антифашистский митинг ученых.

Наши тылы все усиливают оборонную промышленность.

В 3 часа пошли с С.К. и замполитом на шестерке в Дубки. Надо сделать доклад корректировочным постам. Финны по нас не стреляли, так как боятся форта. Кроме того, попасть в идущую шлюпку с трех-четырёхкилометровой дистанции трудно...

Морской простор! На веслах — шестеро гребцов, потных, здоровых...

...Вокзал станции Курортная разбит... Идем к границе. Мы в восьмистах метрах от переднего края, временами слышна перестрелка.

Подымаемся на водонапорную башню курорта, — теперь это корректировочный пост форта и Н-ского стрелкового полка. Верх башни снесен снарядами. Все стены здания — в шрамах. На белом фасаде — из-под обвалившейся штукатурки — красные, как кровь, пятна кирпичей, вокруг — черные пороховые брызги. Остро и динамично. С.К., конечно, рисует... С пятидесятиметровой вышки виден финский передний край, проволочные заграждения, покалеченный лес, шоссе, несколько автомашин... Финнов не видно — они зарылись в землю.

Тишина... Парят стрижи, и на десятки километров — вершины сосен...

Смотрю по карте расположение финских батарей. На вышке — дежурный лейтенант и шесть краснофлотцев. Спустились с ними

под укрытие, собрали остальных. Беседа длилась часа два, — слушали жадно, много вопросов. Корректировочные посты — важнейшее звено в организме форта.

После доклада решили использовать возможность побродить по сосновому лесу — это ведь такая редкость! Посидели на свежей траве... Кругом заросли черники... Не вставая, пригоршнями рвали ее и наслаждались вкусом свежих ягод.

На душе от прикосновения к природе — удивительный покой! К разрушениям и опасностям, видимо, выработался *иммунитет*...

...Вечером дал замполиту консультацию на тему «Балтийский флот в Отечественной войне».

Ночью сильный огонь фортов по финскому берегу.

12 июля 1943 года.

Радио, в 6 утра. Атаки противника на курско-орловском направлении провалились. Упорные бои на белгородском направлении... Утром 5 июля немецким войскам был зачитан приказ Гитлера: «Армия идет в наступление, которому суждено решить исход войны». Не вышло!

В 12.15 радиообзор центральных газет. Об операции союзников на Сицилии: парашютисты были высажены вечером 9 июля; затем на транспортных самолетах и планерах были высажены войска, занявшие линию *позади* итальянской обороны. *Особого сопротивления не было.* Фронт высадки — 165 километров по южному берегу...

...Приказ: срочно выделить с форта людей в морскую пехоту. Видимо, дело идет к решительным боям и на Ленинградском фронте.

13 июля 1943 года.

Днем провожали в морскую пехоту группу бойцов. Вещички, гармоника, прощание, ленточки бескозырок на ветру. Уходили моряки с готовностью: «Будьте уверены!» (Не посраим, мол, честь форта)...

Вечером начштаба рассказывал мне о своей службе. Я подружился с этим умным, бывалым командиром. В прошлом он — инженер-электрик. В быту — тих, любит поговорить о рыбной ловле, о картошечке с укропом... Вглядеться бы получше в эту жизнь на островке! Сколько здесь разных людей! У каждого — *свое*... Но Пубалт торопит.

На Ленинградском фронте *ежедневно*, упорно уничтожают дзоты, НП¹, склады боезапаса, пулеметные точки и блиндажи противника.

14 июля 1943 года.

Ленинград по-прежнему обстреливается противником. Вместо подавленных нами батарей немедленно появляются новые. До сих пор!

Финны в последнее время усиленно занимаются оборонительными работами: боятся нашего удара. Время от времени сбрасывают ночью на парашютах свою агентуру. Недавно у Разлива задержали одну женщину-агента, двум другим удалось уйти...

15 июля 1943 года.

(Сегодня день Грюнвальдской битвы.)

Вчерашняя беседа с молодежью была простой и теплой. Рассказал им о молодости Ленина, об условиях, в которых до революции работала российская молодежь (в Питере и других городах), о комсомоле, об эпизодах из Гражданской войны и пр. Мне задавали вопросы: об истории форта и Кронштадта; кто такой Козьма Прутков и т. д. Я в свою очередь спрашивал их, как учеба, питание, что им пишут из дома, что знают о немцах.

Один из краснофлотцев:

— Я в Туле был, работал на оборонительных сооружениях. Видел там пленных, они говорят, что Гитлер хочет быть всемирным царем, всех обмануть хочет...

Я задаю вопрос:

— Что вы знаете о своем противнике, о Финляндии?

— Финляндия... это, где Маннергейм и Рюти... Ну, немецкие холуи... И озер там много... Говорят, на каждого жителя по два-три озера.

В общем ребята здоровые, толковые — главным образом из центральных областей, в подавляющем большинстве — комсомолы. Отвечают просто, без строевой натяжки.

— Есть дисциплинарное взыскание?

— Есть.

— За что?

— Установку прицела наоборот делал. Задумался...

О питании. Сейчас краснофлотцы получают 800 граммов хлеба, утром и вечером сладкий чай, нормальные обед и ужин. Впол-

¹ Наблюдательный пункт.

не достаточно. Я привел им нормы немецкого пайка — *гораздо ниже*.

Показали мне письма от родных; поговорили о чтении. Рекомендовал им ряд книг...

Расстались друзьями.

Час дня. Идем на шлюпке в Дубки. С выездом запоздали. Нас задержал начштаба, который не разрешал выпустить шлюпку — ветер до 17 метров в секунду. Потом несколько стихло... Идем на шестерке, под парусом. Ветерок 6 баллов — фордевинд¹. Накрапывает дождь...

Из Дубков на грузовике — в Тарховку. Тут «совхоз» форта. Побродил по саду («8-я линия, дом 51» — запомнил вывеску на даче). Все заросло травой. На клумбе цветет одинокая роза. Шумят сосны...

Обед накоротке: гороховый суп, надоевшая американская колбаса (в консервах), ее здесь все зовут «Улыбка Рузвельта», свежие огурцы (!), молоко и по блюдечку земляники. «Королевский обед». Кок и хозяйка довольны, и мы довольны...

Едем на грузовике дальше. Береговое шоссе... По мере приближения к городу — больше людей и машин. В Лахте военные части, контрольно-пропускной пункт. Быстро пролетели Старую и Новую деревни, Кировский проспект. Вот и Песочная! Дома...

Нас ждал «сюрприз»: неразорвавшийся снаряд в нашем садике.

Приятно видеть свою комнату. Все чисто, вымыто. Шкаф, книги.

На большом столе у окна — много корреспонденции: от Таирова, от московских редакций, от друзей-фронтовиков и пр. Лежат пачки газет и журналов.

Только собрался читать, но помешала радиопередача: оперативная сводка за 15 июля. Наши войска после контратак прорвали сильно укрепленную оборону противника под Орлом (в двух направлениях): с севера по фронту протяжением 40 и на глубину — 45 километров (!); с востока по фронту — 30 и на глубину — 20—25 километров... Таким образом, *в летний период*, среди бела дня, Красная Армия бьет морду фашистской армии, измотав ее в течение семи дней, и прорывает фронт противника, заходя во фланг его северной ударной группировке.

Радостное сообщение!

Думается, что на очереди удар во фланг по южной, белгородской группировке противника (от Купянска на Харьков)...

Кошмарный материал обвинительного заключения по делу о зверствах командования и гестапо 17-й немецкой армии в Красно-

¹ Ветер, дующий со стороны кормы, — попутный.

даре. Истребление 7000 советских граждан, описание их казни в герметически закрытой автокамере с газом, отработанным в дизель-моторе большого автофургона.

Примечателен этот *первый* открытый процесс по делу фашистских главарей и их пособников.

Читаю центральные газеты. В «Известиях» резкая редакционная статья по поводу стихотворения Сельвинского «Россия». Для Сельвинского это тяжелый удар — особенно в дни Отечественной войны.

Сразу нахлынуло много мыслей, впечатлений и забот. Психологически город труднее, чем передний край. Это несомненно. Литературные неприятности и мои и друзей для меня горше и тяжелее любых испытаний. Это, видимо, неистребимый рефлекс от мучительной поры литературной борьбы тридцатых годов — своего рода остаточные травмы...

16 июля 1943 года.

Наше наступление на Орловском участке фронта продолжается. Под ударами Красной Армии — уже сорок наиболее оснащенных дивизий противника.

В последние дни на Ленинградском фронте продолжалась активнейшая деятельность артиллерии и минометов...

...Звонили из Военного издательства. Моя рукопись — радиоречи и очерки за два года войны — очень понравилась. Хотят ее быстро издать. Но я хочу ее еще и еще редактировать, а как на это урвать время?

Был в Пубалте — дружеская, хорошая встреча. Сообщили всякие «разговорчики» о ненужности политаппарата, политработников. Чушь! Ерунда! Политаппарат у нас отличный! Дело в методах, в организации, в *новых* формах работы.

В канун событий этого месяца на совещании политработников флотов выступил нарком ВМФ товарищ Кузнецов: «Время дорого... Мы накануне крупных событий. Вам, балтийцы, надо забыть слова «мы не отдадим Ленинград», — пора думать о наступлении, о возвращении Нарвы, Таллина, Риги».

Отлично!..

Сегодня я получил предупреждение: быть готовым к участию в боевой операции. Ленфронт начинает!..

Еще новость: создается *Германский национальный комитет*... Видимо, обстановка позволяет начать консолидацию немецкой эмиграции и военнопленных.

17 июля 1943 года.

...Сейчас 10. 30 утра. Есть попадания в завод имени Макса Гельца (рядом с нами), в радиостанцию, почту и др.

Пишу листовку к немцам: «*Бойтесь окружения под Ленинградом — оно неизбежно*» (аналогия со Сталинградом; краткая информация о делах под Орлом).

Опять методический обстрел, сильные разрывы, близко... Снаряд попал в крышу бокового флигеля Пубалта. По улице грохочет тяжелая артиллерия — переброска войск. Сильный обстрел у Смольного, в центре и на нашем Васильевском острове...

18 июля 1943 года.
Воскресенье.

Солнечно...

Надо подготовить экземпляр пьесы¹ для Москвы. Если бы хватило времени еще поработать!..

...За короткий срок — с 5 по 18 июля — мировая обстановка вновь стремительно изменилась. Произошел крах, *небывалый крах гитлеровского наступления 1943 года* на Восточном фронте. Немцы за тринадцать дней израсходовали больше боезапаса, чем за все время их походов в Польшу и во Францию, — и *ничего* не добились... Вероятно, мы накануне одновременных ударов СССР, Англии и США *на южных направлениях* (судя по всем объективным показателям). На других участках фронтов, видимо, будут вспомогательные удары — сковывающие и демонстративные.

...Написал статью «Вперед, смельчаки-моряки!» (для всех многотиражек КБФ) о Дне флота, о 25 месяцах войны. Привел ряд фактов о стойкости и о подвигах моряков. Вот один из них: немцы вели группу израненных пленных моряков и на ходу дразнили голодных людей корками хлеба; скованные моряки набросились на конвой и кандалами убили конвоиров.

В 3 часа дня поехал на трамвае в город.

Кажется, что ничто не напоминает позавчерашнего обстрела. Город с нерушимыми адмиралтейским и петропавловским шпилями, соборами, дворцами — прекрасен! А ведь пережито две тысячи налетов!.. Приоткрыты ворота Летнего сада — там гуляют краснофлотцы. У «Иртыша»² стоят несколько девушек — с независимо ожидающим видом...

¹ «У стен Ленинграда».

² Вспомогательный военный корабль (одна из баз Подплава), стоявший у набережной Невы.

Сегодня в районах воскресник по благоустройству города. Вышло 64 000 человек. Уже собрано несколько миллионов штук кирпича, более тысячи тонн металла. Поправляют решетки, делают площадки для детских игр.

...Вечером собрались у С.К.: Крон, Азаров, замполит с форта «П», приехавший ко мне по поручению Камерного театра товарищ Оттен¹ и я. Ужин в складчину: хлеб (Азарова и Крона), американские консервы (Суворова), картофельный салат, три-четыре луковицы с нашего огорода, немного водки и вина (привез из Москвы Оттен).

Возбужденный разговор до 5 утра: о московских новостях, слухах, о Сибири, Барнауле, о друзьях, о Ленинграде и пр. и пр. Споры — в связи с моей пьесой — о национальном и националистическом...

Я развернуто говорил о том, что в войне мы остро познали себя с национальной стороны. Проснулись все чувства, мысли, инстинкты, воскресли старые боевые традиции... Надо видеть и понимать, что творится очень сложное *новое становление наций*. Россия, именно Россия, показала во всем своем величии всю силу своей *новой* организации, культуры, техники. И это фактически не только от 25 октября 1917 года, а из *всего тысячелетнего и более русского пути, практики, многонациональных внутренних связей* и т. д... Не надо сводить спор к тому, что «русское» — это и кнут, и Аракчеев, и реакция николаевской эпохи. Берите лучшее, главное — *историческую сущность* русского народа. Она в военных и духовных качествах, в невероятной выдержке, в порыве души народа, в его мечте, в его делах. Дайте нам сейчас выговориться, обрести радость и гордость: да, нас «150 миллионов»², мы — авангард мира, мы побеждаем фашизм!..

19 июля 1943 года.

По радио. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) об уборке урожая и заготовке продуктов. *Провести по-военному.*

В Краснодаре публично (в присутствии тридцатитысячной толпы) повешены предатели, работавшие в гестапо. Выразительно и *международно* поучительно.

Думаю, думаю... Нужно писать статьи к Дню флота, а мысли — о пьесе, да еще и о новой пьесе, которая как-то стихийно, смутно шевелится внутри... Вкапываться в людские недра!..

¹ Заведующий литературной частью Камерного театра.

² Видимо, ассоциация с поэмой В. Маяковского «150 000 000».

К вечеру пришел Пергамент, рассказал план спектакля «У стен Ленинграда». Ряд верных режиссерских мыслей и проектов... но пока без дерзости и ошеломлений. Чрезвычайно интересно видеть раскрытие своей пьесы и ее новый сценический путь. Пергамент берет главные узловые моменты пьесы, строит оптимистическую трагедию, выявляя силу, стойкость, упорство героев. В центре — Сибирцев (это правильно), а рядом — коллектив, мощные массовки. Я записал все соображения постановщика по ритму, темпу и художественному оформлению. Художник спектакля — С.К.

20 июля 1943 года.

На Орловском участке фронта концентрический удар... Новое продвижение на 6—10 километров... Немцы бросают в дело *резервные дивизии, предназначенные для Италии.*

К 22 июля (к Дню флота) надо дать очерки в «Правду»... С.К. пишет о дымзавесчиках.

В 11. 30 сел за рукопись пьесы. Надо в темпе сделать последнюю шлифовку, может быть, поработать и ночью, хотя от этого себя отучил... Мне бы еще несколько дней спокойной работы! Сделать во что бы то ни стало — послать в ЦК и в Комитет искусств.

ТАСС дает серьезный обзор от 14 июля (задержка материалов в пути?). В нем говорится, что энтузиазм иностранной прессы по поводу Сицилийской операции не должен заслонять сути дела: *Красная Армия сдерживает 235—240 дивизий Гитлера, а в Сицилии — только 8 (!) итальянских дивизий.*

Красная Армия — ключ ко всему положению на фронтах, Красная Армия заставляет Гитлера расходовать свыше половины своих военных и промышленных ресурсов плюс две трети авиации. Наличие русских войск в Сибири сковывает большое количество японских дивизий. Все это должно отрезвляюще действовать на союзников. В последних официальных заявлениях СССР по поводу хода войны — определенная нота разочарования. В Москву вызваны наши послы из США и Англии (Литвинов и Майский). Решение вопроса заключается не только в помощи России, а в быстром эффективном ударе Объединенных наций. Контроль над Сицилией дает возможность начать наступление на Южную Францию, Италию, а может быть, и на Югославию. Сицилия — лишь генеральная репетиция штурма континента. *Должны быть решены основные задачи: удар из Англии по Северной и Северо-Западной Европе!..*

21—22 июля 1943 года.

Пишу тезисы своего выступления в День флота. К 12. 30 вызван в Пубалт, а в 7 вечера — в горком комсомола. Когда работать над пьесой?..

В час дня получил предписание срочно отправиться в Н-скую морскую железнодорожную артиллерийскую бригаду — предстоит удар Ленинградского фронта. Есть!

Вместе с заместителем командира Н-ской морской железнодорожной артбригады еду на Охту в штаб бригады.

Беседа с начштаба. За шесть месяцев 1943-го выпущено снарядов больше, чем за весь 1942 год. Снаряды отличного качества...

Солнечно... Общий вид людей, дорог, полей стал лучше... Мчатся машины к линии фронта, а навстречу грузовики, переполненные загорелыми девушками с огородов (где идет прополка), с торфяных участков... Единая слитная картина.

Быстро прошли к переезду, затем километр к батарее капитана Лезотова, где я был в январе. Пока я остановлюсь у него. Лезотов показал мне свое хозяйство.

Противник тщетно пробует подавить батареи бригады. По одной из батарей дал двести пятьдесят снарядов, но многие не разорвались; повреждений не было.

...Смотрю на карту Синявинско-Мгинского узла противника — новая карта Генштаба по данным аэрофотосъемок и войсковой разведки. Хорошая — в январе таких не имели. Оборона противника на этом участке состоит из четырех пехотных дивизий; трех линий обороны, минных полей, засек и пр. Все сплошь насыщено пулеметами и минометами. Каждый фашистский полк имеет свою железнодорожную ветку, построенную на костях русских военнопленных и местного населения. Ряд новых грунтовых дорог. Много складов, укрытых стоянок транспорта и т. д. Это все — мишени для нашей артиллерии и авиации.

Вступаем в состязание с немецкой батареей, которая бьет по нашей... Координаты, данные.

— По батарее противника осколочно-фугасным... Прицел триста тридцать. Восемь снарядов, заряд беспламенный... Беглый огонь!

Торопливый ответный повтор по телефону.

— Не торопитесь, ну вас в болото!

Начинается стрельба... Противник скоро умолк, но через пятнадцать минут обстрел возобновляется... По телефону тут же рапорт:

— Дали восемь — Ольга-Федор (осколочно-фугасные) ...

Потом опять стреляет противник.

— Дать десять!.. Пер-вое к бою! Угломер — двадцать один ноль шесть. Прицел триста тридцать. Шкалою три. Назад два, вперед один, снаряд на установку, огонь!

Приготовились в полторы минуты. Огонь... Беспламенный порох дает слабую вспышку. Вздрагивает от выстрелов землянка.

— Прицел на два, два снаряда, беглый огонь! «Дробь»!

Но противник снова отвечает — два разрыва рядом. Значит, мы его не подавили. Может быть, координаты неточны? Сейчас он бьет по нашему соседу, полное накрытие: снаряд в площадку, под площадку, рядом... Бегут санитары...

Так проходит ночь. Наступление начнется в 4 утра — огонь армейской полевой артиллерии; в 4. 30 — наш. Все готово, люди не спят. Временами опять стреляем, — звукометрическая станция делает засечки разрывов.

В 3. 15 утра собрание.

— К бою ордена и медали надеть!

Короткая информация:

— Товарищи! Ленфронт переходит к активным действиям. Пришло время и нам принять участие в общем наступлении, которое идет на орловско-курском и других направлениях. Наша задача — подавить узлы сопротивления противника... (Все деловито, коротко.)

Иду с КП на огневую позицию. Расчеты на «товсь».

4 часа 30 минут. Начался огонь морской артиллерии. Лязгают замки и досылатели. Замки поглощают снаряды и длинные белые заряды. Желтое пламя, вихрь порохового дыма и газов. Обычная картина...

На наблюдательной вышке. Утренний лесной болотистый пейзаж; красноватое солнце всходит над лесом. Гул, нарастающий гул, особенно в сторону Шлиссельбургского участка. (Зимой все это было несколько острее, новее, и зимний пейзаж был строже.)

Час за часом идет обработка немецкой обороны. Наша задача: разбить штаб 28-й легкопехотной немецкой дивизии и их батареи.

Когда стрельба закончилась (выпустили сто девяносто пять снарядов), принесли полубелый хлеб, масло, сладкий чай. Хорошо!

Некоторая пауза — можно и поспать...

Днем — методический огонь. Готовимся к новому этапу наступления.

По радио: «Наши части в 16 километрах от Орла».

Батарея Лезотова вызвала три взрыва и пожары. Противник ставит дымовые завесы. Зенитный огонь немцев подавлен, — наша авиация бомбит их оборону с высоты 300—400 метров.

Вечереет... К ужину приехал начальник Пубалта. Сообщил, что передний край противника прорван.

Массированные налеты нашей авиации волнами — идут как на парад! В небе ни одного немецкого самолета. Как изменилась картина по сравнению с 1942 годом!

На передний край, к Неве!

Еду на маленькой дрезине «пионер». Ее ведет низкорослый краснофлотец Смирнов, который весело рассказывает о себе, отвечая на мои расспросы. Я именую его «начальником поезда». Дрезинка легкая, ее могут перенести с места на место два человека. Баллончик с горючим и какой-то чихающий моторчик.

...К вечеру мы бодро примчались к Неве. Нас встретил краснофлотец с поста «Роза». Эта «Роза» — вышка на огромной ели, с которой просматривается глубина немецкого расположения. Под вышкой бревенчатый сруб — тут живут краснофлотцы. Где-то в лесу пиликает гармошка, ноют комары, — расейское, неистребимое... Вспомнилась моя «Война»...

...Иду на передний край. Гати через болота, местами грязь, развороченная снарядами земля. Как все это знакомо! Да, война чудовищно уродлива! Выжженные поляны, сплошные порубки, варварски вырезанная кора сосен и елей — это товарищи шоферы строили себе навесы... Отхожие места, лом, разбитые дороги, по которым трудно пробраться... На карте, вероятно, все это выглядит красиво: доты, дзоты, дороги, сектора, номера. Почему же здесь не навести хоть элементарный порядок? Валяются куски сбитого еще в 1941-м советского бомбардировщика. Почему не убрать, не сдать на лом? Нет заботливого глаза, хозяйской «эстетической» руки. А ведь все можно было бы осилить, ведь два года тут сидят. Но никому дела нет... Отшвырнул пустую банку из-под консервов, валяется тут...

Сумерки... Шагаю дальше. Сырой могильный дух. Кое-где стенки окопов уже обвалились. Над нами бесконечное темнеющее небо. Сосны простирают к небу обуглившиеся ветви-руки. Покалеченные деревья — «мертвый» лес... Я видел его дважды, трижды, четырежды в моей жизни. Я описал его в моей «Войне» и в этих дневниках... Давление всех повторов, пожалуй, уже чрезмерно. «Мертвый» лес, потрясший меня, я увидел тебя впервые в мае 1915 года вдоль шоссе за Ломжей...

Наконец выбрались из окопов. Вот и берег Невы — передний край... Дзоты, огневые точки. Здесь морской пулеметный батальон УРа. Изредка видишь группы красноармейцев. Один из них кричит моему провожатому: «Подплав, как дела?»

Лейтенант Веденькин — долговязый человек в кургузом бушлате — рапортует мне. Показывает свое хозяйство.

Берег, занятый немцами, близко (не более 800 метров). Ясно виден поворот Невы, роща, устье Мойки, совершенно разрушенное село Анненское: домов нет — сгорели, торчат одни кирпичные трубы; руины церкви и школы.

Наблюдатели и разведчики знают тут все устройство оборонительной системы противника.

— Вот там у них офицерский КП... А в подвале — пулемет. В амбразуру видно, как они копошатся.

— Вчера шли по берегу два «тигра». Мы их подбили.

Через Неву стремительно чиркают трассирующие пули. И вновь неистребимые жадность и любопытство охватывают меня. Но уже темнеет, и разглядеть то, что мне нужно, трудно. Левее, в лесу, все время бьет артиллерия.

Совсем стемнело... Разводить огонь нельзя. Пью сырую воду, жую хлеб с куском давно опротивевшей пресной американской колбасы (консервы) и беседую с командиром роты пулеметчиков. Он из тех бойцов, которые дрались на пяточке, дрались яростно, смело... Их было сто семьдесят автоматчиков — в живых осталось семь человек.

23 июля 1943 года.

Занял место для наблюдения в дзоте на берегу. Влево от него открывается широкая панорама. Видимость средняя. Наблюдаю с раннего утра. За все время — ни единой живой души: все в земле, все укрыто. Наша артиллерия, «илы» и «катюши» обрабатывают лес у села Анненского. Черные клубы дыма, клочья взлетающей земли. Мне кажется, что для пролома тройной линии обороны этот огонь и заходы небольших групп «илов» недостаточны.

Все время строчат немецкие пулеметы. Очевидно, огневые точки не подавлены. Вчера наши разведчики проникли до руин церкви села Анненского.

Нахожусь на перед[овом] корректировочном посту. «Илы», заходя над участками противника, сначала разряжают ресы, которые с дымком вылетают из-под плоскостей, потом доносится звук, похожий на звериное чиханье, после чего «илы» идут в пике и из-под плоскостей бьет пламя автоматических пушек. Все это длится несколько секунд. У немцев одиночная бесцельная стрельба по самолетам. Бьют со скрипучим ревом «катюши», а в лесу, за Невой, — гулкие частые разрывы наших реактивных снарядов. Доносится рев шестиствольных немецких минометов, их залпы

ложатся за лесом, частые разрывы, дыма не видно. Время от времени шелкают пули — по любопытным, высунувшимся из окопов.

3 часа дня. Не отрываясь от бинокля, обшариваю весь участок немецкого берега. На солнце резко выделяются скелеты зданий. Кое-где видны холмики — огневые точки...

Со второй половины дня пулеметная стрельба в лесу стала отчетливей; потом она опять заглохла. Сейчас хорошо различимы звуки и наших и немецких пулеметов.

Пошел по окопам на левый фланг. Там пункт Ладожской военной флотилии — для координации действий десанта и артиллерийского обеспечения... Поговорил с бойцами. Хорошие ребята!

Час за часом продолжается обстрел, заходы «илов».

К вечеру мне передали телефонограмму с вызовом в Ленинград: надо выступать в День флота, а я хотел бы остаться здесь...

24 июля 1943 года.

Утром написал листовку для политотдела бригады: «*Каким должен быть образцовый гвардии сержант*»; дал заметку в газету бригады.

На трамвае № 12 еду с Охтинского кольца в город. Молчаливые пассажиры — преимущественно женщины. Вагон идет по Рождественским, петляет и выходит, мимо Греческой церкви, к Невскому.

Саперы и моряки строят новые дзоты: один у руин Знаменской церкви, другой — около Аничкова дворца.

Серость, хмурость, пустынность Невского проспекта вызывают во мне щемящее чувство боли...

Приезжие говорят: «Ваш город цел...», — но когда они внимательно вглядываются, то постепенно, различая дома живые от мертвых, начинают понимать меру разрушений и бедствий...

У себя в Пубалте... Зашел во 2-й отдел. Узнал некоторые подробности: наступление разработано на широком фронте «демонстративными» (ложными) ударами. Наш удар 22-го — один из таких, поэтому продвижение пехоты было ограничено, но действия артиллерии свою роль сыграли и пользу принесли. Главные наши силы — ударные и танковые дивизии — наготове, ждут приказа...

Сейчас, когда я пишу эти строки, кипит артиллерийский огонь на южных окраинах Ленинграда. Говорят, что наши с утра наступают на участке Урицка...

Бесперывные артобстрелы... Немцы злобствуют и бьют час за часом, по площадям. Снаряд попал в трамвай на Литейном мосту — много жертв.

А в городе, несмотря ни на что, своя упорная жизнь. Люди работают, ухаживают за огородами. Наличие собственных овощей уже несколько подкрепило их здоровье...

В народе говорят: «15 сентября — мир». Откуда эти слухи? Отчасти из немецких листовок... Гитлер усиливает свою пропаганду, но и это уже ему не сможет помочь... Фашисты! Вон с нашей земли ко всем чертям!..

Принялся за дела. Написал в «Ленинградскую правду» очерк о батарее Лезотова... В Москву не успел отправить материал.

В 7 часов должен был ехать в ДКФ на большой флотский вечер, но из-за сильного обстрела его отменили.

Пубалт вручил мне посылку-подарок: водка, вино, печенье, конфеты, протухшая колбаса, масло... Посидели с С.К., выпили по два-три стаканчика. (Грохот — разрывы...) Делюсь с ней впечатлениями.

Мысленно я еще на батарее, на Неве и... в будущем.

Радио выстукивает тревогу: «Район подвергается артобстрелу», — а хочется послушать последние известия. Неожиданно — пауза, после которой включается радиопередача: приказ Сталина, сжатый, фактографический. Это ответ на вопли и призывы Гитлера к «последнему, решающему наступлению». Гитлер хочет развязки, он ее получит!

5 июля противник бросил в наступление — с целью окружить наши армии на Курском выступе — тридцать восемь дивизий... 23 июля Красная Армия подводит итог: убито более 70 000 немецких солдат и офицеров, уничтожено и подбито 2900 танков, 1392 самолета... Фронт немцев прорван. План их летнего наступления нужно считать полностью провалившимся.

Быстрота и решительность нашей операции, ее итог будут иметь *огромные* последствия. Ну а что же союзники? Вновь и вновь задаю себе вопрос: в чем (для нас) заключается проблема второго фронта? Думаю, что это стремление сберечь силы и кровь народа, это желание ясности и мира, это желание *выяснить толком, возможен ли серьезный компромисс с Англией, США и другими странами, а этих «других» — уйма.* (Без компромисса мы завтра опять должны будем запрячься в ярмо третьей мировой войны.) Но пока ответов нет, союзники уклончивы, неторопливы...

25 июля 1943 года.

Получил письмо от И. Альтмана — прислал армейскую газету с моей статьей «Наша Россия»...

Готовлюсь к докладу в Московском районе. Там будет до тысячи человек молодежи.

Днем солнечно, время от времени обстрел нашего района.

В 6 часов поехали с С.К. в Московский район. Июльское солнце, чисто подметенные улицы, редкие прохожие. Как вкопанные стоят девушки-милиционеры в *белых* перчатках — а кругом пустые дома с зияющими дырами окон. Широкий проспект, где в сторону Пулковских высот начинал расширяться новый Ленинград. Асфальт, красивое здание какого-то торгового центра, Дом культуры.

В фойе праздничная толпа, танцуют (главным образом девушки)...

Московский район примыкает (вплотную) к переднему краю. Район работоспособный: открыли свои торфоразработки, посадили 235 га картофеля — и этим обеспечили на зиму жителей питанием и топливом. Ведут хозяйство упорно, восстановили «Электросилу», уже начали выпуск агрегатов. Это безусловное достижение: ценнейший завод работает у *самых окопов*.

Зал переполнен. В открытые окна врывается гул орудий. Доклад сделал горячо — стряхнул усталость и горечь окопно-болотных эмоций. Зал реагировал живо. Много еще сил и здоровья у ленинградцев!

Начался сильнейший обстрел, но он не прервал доклада. Когда я кончил, все кинулись... танцевать. Снаряды ложились *в двухстах метрах*, а девушки, в праздничных платьях, беззаботно выделяли всякие па!..

В связи с Днем флота надо еще кое-что записать...

Война доказала, что система воспитания и обучения в Военно-Морском Флоте была прочной, правильной. Люди у нас стойкие, смелые. Тип советского моряка выявляется все яснее. Наша морская техника совершенствуется (но впереди крупнейшая задача: пересмотр судостроительной программы, конечно, после войны).

Противник, имея на Балтике в начале войны абсолютное превосходство, не сумел, не смог справиться с нашим Балтийским флотом...

Русские моряки показали себя достойными традиций России и ее исторических задач...

Вечером у С.К.

Пришел Оттен... По дороге к нам он видел, как осколком убило женщину... Разговор невольно сводился к последним жестоким обстрелам (которые длятся уже десять дней подряд) и к нашему сложному быту.

«Странный быт. На премьере «Принцессы цирка» я видел, как балерине Пельцер поднесли пятнадцать корзин с цветами и овощами. И тут же — дежурный МПВО кричал аплодирующей публи-

ке: «Граждане, вы подвергаетесь артобстрелу, давайте кончать! Всем — в бомбоубежище!» В трамвае мне сказал худой старичок: «Нет, умирать нельзя, надо же посмотреть, чем все кончится... Нельзя умирать».

Город ваш фантазмагоричен: и фронт и тыл. Так спокойно работать в условиях почти непрерывного обстрела — это за пределами человеческих возможностей. Вы все работаете из последних сил, *не понимая этого*. Вы либо герои, либо ненормальные».

Нам неприятны эти разговоры. Не надо нас сбивать с привычного ленинградского ритма. Он существует — следовательно, он возможен. Лично у меня еще нет «бокового» взгляда на Ленинград, нет и дистанции. Суммирую все потом.

Усталость... Ночью снова отчаянный обстрел, заснуть смог только под утро. Бьют по нашему кварталу, разрывы у домов № 4, 6 — рядом! Это, видимо, метят по штабу и Политуправлению.

27 июля 1943 года.

Наступление на Орел продолжается...

Днем был в городе. Прошелся по Невскому. Июльское солнце, размякший от жары асфальт... Прилично одетые девушки — выжили! Стучат себе каблучками, независимые, бодрые. Это матери будущего поколения...

В городе площадь Финляндского вокзала называют «Долиной смерти»; Литейный мост — «Чертов мост». Эти районы чаще других подвергаются обстрелам. Ряд попаданий в Военно-медицинскую академию. Один хирург был убит во время операции, а больной — жив! Обстрелы стали центральной темой разговоров, так как город подвергается ежедневному методическому, а порой и шквальному обстрелу. Так не бывало с осени 1941 года.

Ночью очень близкий разрыв, град осколков по саду и по крыше домика. Затем воздушная тревога, гул самолетов, зенитный огонь. Осветительные немецкие ракеты гроздьями взлетают за заводом имени Макса Гельца, освещая всю улицу неестественным тревожным желтым светом. Сильный зенитный огонь. Транссирующие голубые пули бьют по ракетам. Самолетов много — сбрасывают бомбу за бомбой... Все это эффектно, но здорово мешает спать.

...Телефонный звонок — Нина Кравец¹:

¹ Друг семьи Вишневых.

— Как у вас? Наш район весь освещен ракетами.

— И у нас то же самое.

Видимо, перед крупным налетом немцы решили высветить весь город. Это для нас новый сюрприз. В стенку стучит С.К.:

— Отчего так светло? Что происходит?

Советую ей не волноваться, попробовать уснуть (кстати, она редко пугается). Иду к ней... Кажется, что все движется: тени бегут и бегут. Ракеты быстро догорают. Сильнейший огонь зениток, и наконец — отбой.

Ни в одну войну у меня не было такой спокойной реакции на опасность. Вероятно, стал более философски относиться к происходящему. Порой это уже привычка, волевое выключение, отрешенность. Тут безусловно и сознательная установка и инстинктивная «самооборона». Если реагировать на все эти две тысячи налетов, на все эти тысячи — или сколько их там? — обстрелов, не хватило бы нервов. Видимо, в этом одно из объяснений выдержки всех ленинградцев...

29 июля 1943 года.

Солнечно... Временами обстрел. Противник выматывает город. Не вымотать!

Масштабы наступления немцев:

1941 год — активный фронт более 3000 километров;

1942 год — активный фронт до 600 километров;

1943 год — активный фронт 200 километров (а основной удар танков — *на 35—40 километрах!*).

Так идет вниз кривая немецких наступательных возможностей. Немцы рассчитывали, что сужение фронта позволит огромной концентрацией модернизированной техники («тигры», «фердинанды») сломить любое сопротивление Красной Армии и прорвать любую глубину нашей обороны, а затем выйти на оперативные просторы, вероятно, к Рязани, Мурому... Просчет полнейший!

...Летние планы немцев на 1943 год полностью сбиты. Поражение пятисоттысячной немецкой армии на Курском выступе изменило и всю европейскую обстановку... Наконец мы видим некоторое совпадение ударов Красной Армии с ударами союзников.

Но это еще не второй фронт, — Сицилия лишь начало, пролог битвы за Европу.

...Разговорился на улице со старым питерским дворником:

«Я всегда сыт. Лучше всего жил в первый год войны — на покойниках зарабатывал. Могилки рыл — хорошо платили. Покой-

ники кончились — это к 1943-му... Умом пораскинул. Стал эвакуированных к вокзалу возить, конечно тележку приобрел. Опять же сыт. Потом кончились эти эвакуированные. Дома стали ломать. Я тут тоже руку приложил — дрова есть, и опять же сыт. Теперь вот огород завел — у меня пятьсот кочанов одной капусты. Пока хватит... А дальше? В столовую одну дворником зовут, опять же сыт буду... Но не ворую, — я по-честному...»

Рассказывает с хитрецей — старый дошлый тип, все видел...

30 июля 1943 года.

Солнечно, тихо...

Работаю над пьесой. Как ее встретят в Москве, какая судьба ждет ее? Ведь столько труда вложено. Но, видимо, надо брать поправку на время, на условия работы и на требования начальства...

Брожу по саду... Все мелочи — прочь! Думать еще напряженнее о современных людях, о России и, может быть, написать *новую* пьесу...

...Хотя наступление на Мгу и не получило успешного развития, но наши, однако, вплотную подошли к Синявинским ключевым высотам... Говорят, что скоро грянет удар *всей* (включая и Балтийский флот) артиллерии Ленинградского фронта по находящимся в Урицке осадным батареям противника, обстреливающим Ленинград. Давно пора!..

1 августа 1943 года.
Воскресенье.

Сегодня двадцать девять лет со дня объявления Первой мировой войны. Двадцать девять лет моей военной службы...

Несколько *последних* поправок к пьесе... На репетициях я, конечно, увижу еще ряд недостающих деталей.

Ровное светлое настроение. Ясность в служебных делах — боевая готовность — и ясность литературного плана:

1. «У стен Ленинграда» — издание, постановка;
2. Книга «Крепость Кронштадт» — издание;
3. Сборник очерков и речей — издание;
4. Текущая работа (газеты, выступления, радиоречи и пр.);
5. Новая пьеса.

Вперед!

Под Орлом новый рывок наших войск... Вот бы к 8 августа — «черному дню немецкой армии» в 1918 году¹ — взять Орел...

2 августа 1943 года.

В 5 утра — разрыв снарядов, звон битого стекла. Это — немецкое «с добрым утром».

По радио. Налет американских бомбардировщиков на Плоешти, откуда Гитлер получает 35 процентов горючего (высококачественный бензин!).

Союзники объявили, что, поскольку с 25 июля и до сих пор итальянцы не приняли решения о заключении сепаратного мира, удары по Италии будут наноситься с возрастающей силой.

С утра написал три листовки к немецким солдатам... Днем еще три...
Время от времени залпы, свист немецких снарядов.

Написал еще листовку «*Говорит Гитлер*» (обработал два его выступления)...

Вечером звонок из Москвы: редактор «Красного флота» Мусьяков просит отклик на злодеяния фашистов, которые клеймят наших пленных каленым железом. Вопиющее сообщение!..

3 августа 1943 года.

Солнечно... После дождя сад и огород — еще пышнее... Тыква раскинула во все стороны свои огромные листья и побеги. Мак облетел, а семенные чашечки стали темно-зелеными.

Огород для нас огромное подспорье: несколько листьев капусты, репка, две-три морковки, одна-две свеклы — и обед готов.

Балтийские летчики 1 августа атаковали в Финском заливе караван неприятельских судов. Потоплено два транспорта — 11 000 тонн, два сторожевых катера и один тральщик.

Подплав готовится к осенней кампании...

Работая над листовками, пользуюсь немецкой энциклопедией и туристскими справочниками. И сама тема, и материал, и работа — острые. Драка серьезная! Тошно будет Гитлеру!

Из рассказов соседа Обертышева:

«Мы теперь по чердакам ходим, ищем шпионов-корректировщиков. А ведь плохо они действуют — немец метит по кораблям,

¹ 8 августа 1918 года англо-французские войска, перейдя в наступление в районе Амьена, нанесли германской армии тяжелое поражение.

по штабу флота, по заводам, а достается гражданскому населению. Отогнать бы их подальше, хоть за Пушкин...»

4 августа 1943 года.

В 10 часов утра — на партбюро... Выборы нового бюро...

Вечером — на партсобрании... Ряд выступлений о практике работы на местах, о необходимости большей инициативы и т. п. и т. п.

Я коснулся вопроса о работе с офицерством...

Мое выступление вызвало острейшие отклики. Офицерская тема в сущности была центральной на партсобрании. Член Военного совета предложил продолжить собрание (для дальнейшего обсуждения) 6 августа в 2 часа дня.

Меня избрали в партийное бюро...

5 августа 1943 года.

Наши войска ворвались в Орел!

Еду на творческую дискуссию в ЛССП...

Душно, к грозе... И город и мы, ленинградцы, непрерывно эволюционируем, ибо эволюционирует война, и это непрерывное ощущение движения неизмеримо острее, чем до войны. Меняются люди, облик города, субъективное отношение к пейзажу. Обостренность чувств уступает место ощущениям более прочным, более тяжеловесным, что ли. Нервные романтические взлеты 1941—1942 годов заменяются тяжелой уверенной поступью. Дорога дальняя, трудная. Надо собрать и рассчитать силы...

В ЛССП виделся с Тихоновым, Лихаревым и другими писателями...

Во время совещания, часов в семь, — опять обстрел города.

Просмотрел в союзе № 7 журнала «Ленинград» (к 240-летию города). Там и мой очерк.

Получил в подарок сборник — поэты о России. Хорошо издан, для осажденного Ленинграда — просто отлично. Горком рекомендовал взять курс на солидные, высококачественные издания.

Во время докладов Инбер и Саянова началась гроза. Из окон видна темная Нева с рябью от налетающих шквалов. Стоят замуфлированные корабли... Удары грома. (Хороши стихи Анны Ахматовой в № 7 «Ленинграда» о звуках грома и артиллерийской стрельбы.)

...Вера Инбер делает литературный обзор. С вежливой, милой, но язвительной улыбкой щиплет ряд поэтов, вонзает «ножик» под ребро Ольге Берггольц за ее минор, тоску, «устаревшую» тему блокады и т. д.

В. Саянов:

— Оборона Ленинграда особая: не немцы наступают, а мы, — мы их бьем, выматываем, терзаем...

В некоторых выступлениях нет ни силы, ни правды! Чириканые о форме, «шепотом» о событиях, истины о том, что надо, мол, трудиться (сейчас ведь весь народ трудится не покладая рук!)...

Нечего записывать!

В докладе о драматургии — только перечень пьес и пересказ содержания.

...Дома — в десятом часу вечера. Лежат газеты, письмо от А. Штейна.

Включил радио: «Сегодня, 5 августа, между 11—11.30 вечера будет передано важное сообщение». Догадки...

С.К.:

— Война с Японией? Что-либо в отношениях с союзниками? Мир с Финляндией?

Я:

— Подождем полчаса...

...Тишина... Тикают часы. Закрыты затемненные окна. Репродуктор пока молчит. Отд[ельные] шорохи. Капли дождя... Лампа прикрыта газетами; чуть пробивается ее желтоватый свет. Ждем... Что входит, что нового войдет в судьбу нашу? В репродукторе — шум, фон.

11.16. Снова все затихло. Пауза. Опять метроном¹... Почему не позывные? Неужели помешает очередной обстрел?

Включение! «Слушайте нашу радиопередачу...» — и полное молчание. Затем — тиканье метронома. Текут минута за минутой. Опять молчание.

11.35. Опять метроном.

11.36. Позывные Москвы!

11.40. *«Внимание! Слушайте, говорит Москва! Работают радиостанции на волнах...»*

Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта при содействии Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом *Орел*. Сегодня же войска Степного и Воро-

¹ В Ленинграде во время артиллерийских обстрелов и воздушных налетов в радиосеть включался метроном.

**В.В. Вишневский среди разведчиков батальона морской пехоты
на Ленинградском фронте. Январь 1943 г.**

В Шлиссельбурге. Январь 1943 г.

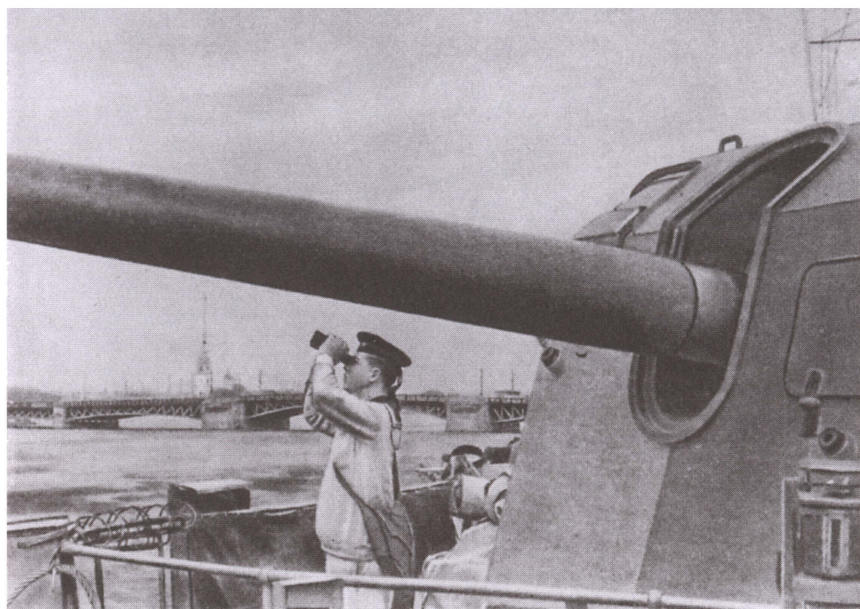

Блокада прорвана. Встреча воинов Ленинградского и Волховского фронтов.
Январь 1943 г.

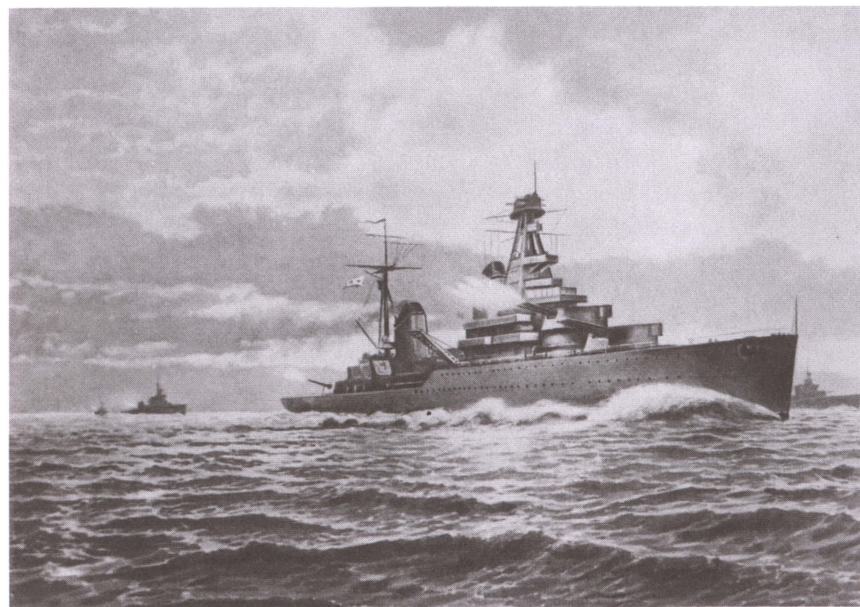
Блокада прорвана! Идут машины в Ленинград и из Ленинграда. Январь 1943 г.
Шоссе Шлиссельбург—Волхов
(надпись В.В. Вишневого на обороте фотографии)

На вахте — балтийские моряки

Корабли Балтийского флота ведут огонь по врагу

В.В. Вишневский. Ленинград, 1943 г.

**В.В. Вишневский, Н.С. Тихонов и А.А. Прокофьев (справа налево)
после награждения в Смольном медалями «За оборону Ленинграда».
3 июня 1943 г.**

У фронтового костра. Январь 1944 г.

Наступление войск 2-й ударной армии. Январь 1944 г.

Пленные немцы на улицах Ленинграда. Январь 1944 г.

Ленинградский салют. 27 января 1944 г.

Афиша премьеры спектакля В.В. Вишневского «У стен Ленинграда». Апрель 1944 г.

В.В. Вишневский у развалин дома И.Е. Репина в усадьбе «Пенаты». 18 июня 1944 г.

**В.В. Вишнеvский и К.М. Симонов на командном пункте во время штурма
Выборга. 20 июня 1944 г.**

Наши воины на окраине Гатчины.

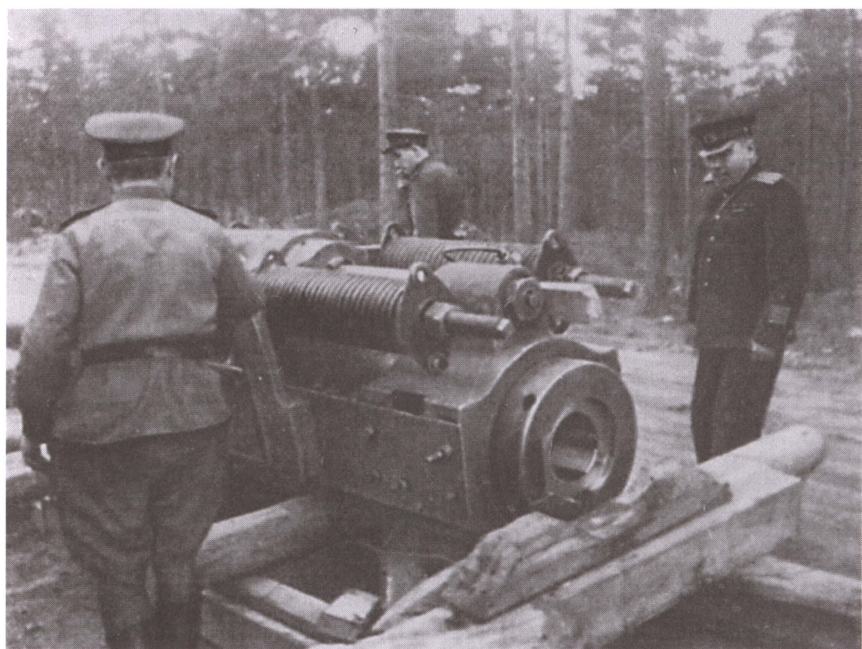

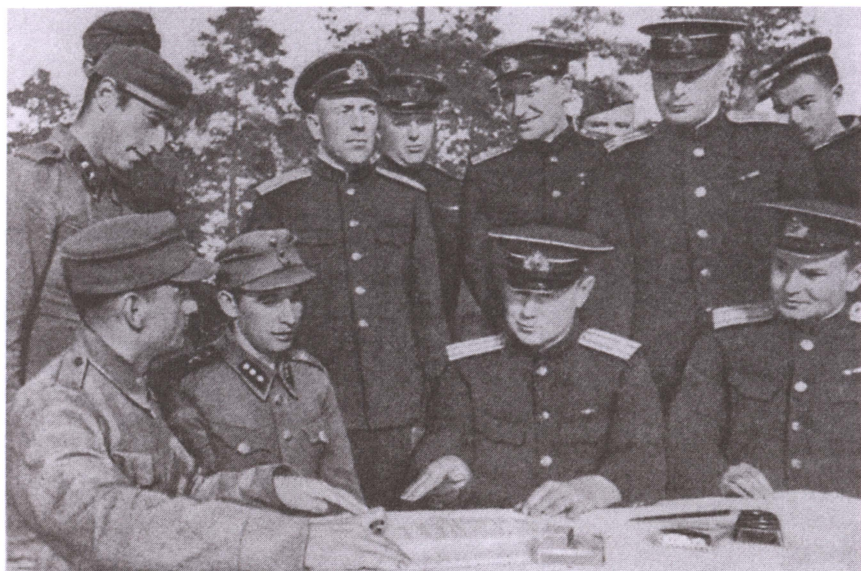

С.К. Вишневецкая, В.В. Вишневецкий и Л. Ганичев на Карельском перешейке.
Июнь 1944 г.

В.В. Вишнеvский на выборгском направлении. Лето 1944 г.

Подписание акта о капитуляции финских островных гарнизонов.
Остров Гогланд, 1944 г.

Высадка морского десанта на острове Тютерс. 1944 г.

Петергофский дворец и Большой каскад после освобождения города от фашистских оккупантов. 1944 г.

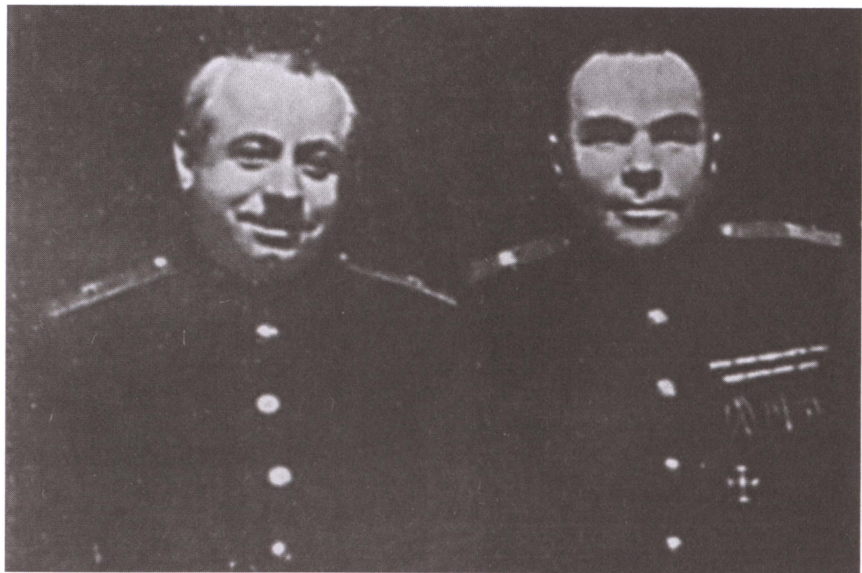

Коней Клодта извлекают из укрытия. 30 апреля 1945 г.

Дружеский шарж.
Кукрыниксы. 1944 г.

И.Д. Папанин
и В.В. Вишневский. 1945 г.

Вручение Ленинграду ордена Ленина. 27 января 1945 г.

Командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н.Э. Берзарин, В.В. Вишневский, И. Золин, член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Боков (справа налево) у здания Рейхстага. 3 мая 1945 г.

В.В. Вишнеvский (во втором ряду третий справа) среди советских офицеров в Берлине у здания Рейхстага.
3 мая 1945 г.

нежского фронтов сломили сопротивление противника и овладели городом *Белгород*.

...Отличившимся в боях дивизиям присваивается наименование Орловских и Белгородских. В 24 часа в Москве будет салют в честь наших доблестных войск: двенадцать артиллерийских залпов из ста двадцати орудий!

Записал тут же, на слух. Конечно, все не запомнить. Завтра прочтем в газете. *Первый салют Москвы — победителям!* Блестящая победа...

6 августа 1943 года.

Наступление Красной Армии продолжается...

Итак, попытка Гитлера и генерал-полковника Моделя (танковая армия) удержать плацдарм Орловского выступления для будущих ударов *в сердце России* — сорвана...

В 4.15 поехал на трамвае в город на вечернее заседание в ЛССП. Выступил с речью о некоторых задачах писателей...

Вернулся домой. С.К. говорит, что днем был сильнейший обстрел Петроградской стороны (несколько снарядов — в Ботанический сад и др.). Явно метят по штабу флота.

Вечернее радио о битве на орловско-курско-белгородском направлении... Так было *ликвидировано* летнее «наступление» немцев. Их надежды на благоприятный поворот в ходе войны рухнули. Орловская победа окончательно сняла опасность для Москвы. Теперь война *устремится не на Восток, а на Запад*. Вот что главное! Думаю, что нового удара Гитлера не должно быть и не будет.

Написал короткую статью-отклик на Орловскую победу...

7 августа 1943 года.

В 10 утра пошел в горком комсомола. На Кировском — следы вчерашнего обстрела: воронки, верхушки деревьев срезаны снарядами. Дворники подметают мусор, битое стекло. Лица прохожих невозмутимо спокойны, просты. За решеткой госпитального сада столпились раненые. Долго-долго смотрят на прохожих... Стосковались, видно, бойцы.

...В горкоме комсомола меня ждали: «Рады вас видеть». Побеседовали...

Вспомнили митинг молодежи во дворце Урицкого 14 сентября 1941 года.

— Товарищ Вишневский, а вы знаете, что после этого митинга около пятисот тысяч человек ушло на фронт добровольцами? Запись была колоссальная — *почти все* комсомольцы города. Всего за июнь — сентябрь 1941 года Ленинград дал семьсот тысяч добровольцев из молодежи.

Просмотрел чистые экземпляры пьесы для ЦК, Комитета искусств и Ленинградского горкома. У меня отношение к ней уже объективное. Холодно перечитываю, вижу все недостатки. Хочется писать другое, новое.

Был парторг ЦК с завода имени Макса Гельца:

— Мы данное вам обещание сдержали: июльский план выполнен на сто шесть процентов. Просим и вас сдержать обещание: опять побывать на заводе, выступить.

— Буду!

Завод улучшил поточную систему, ввел новые технические приспособления, подтянул трудовую дисциплину. Прежде станки запускались в течение двадцати минут, а сейчас на это уходит одна-две минуты. Пулеметы по качеству всё лучше. На днях делегаты завода едут на фронт проверить свою продукцию в деле...

В «Правде» от 6 августа большая статья о втором фронте. Тон решительный, требовательный. Ироническое упоминание о том, что в Северной Африке союзники имели дело с четырьмя немецкими дивизиями, в Сицилии — с двумя, тогда как Красная Армия третий год воюет с двумястами сорока дивизиями противника. Обязательство союзников об открытии второго фронта в 1942 году не выполнено, фронт не открыт и к весне 1943 года. Указанный Черчиллем девятимесячный срок с января 1943 года подходит к концу (листопад скоро начнется), а второго фронта не видать.

Московский радиообзор. О забастовках в Венгрии и Греции. В Венгрии и Румынии антифашистские демонстрации с требованием мира...

Наступление на Брянск и Харьков развивается.

8 августа 1943 года.

Послал пьесу в Смольный и в Военный совет КБФ.

В 11 утра. Английское радио «ВВС»¹ приветствует Орловскую победу: «Мы опять можем послать поздравление России». Ох, как надоели нам эти приветствия!.. Нам нужны их дела!

¹ British Broadcasting Corporation — Британская радиовещательная корпорация (Би-би-си).

Когда страна приступит к созданию Большого флота? Как фатально нам с флотом не везет!.. Попытки создать новый флот были прерваны войной 1914—1918-го; разруха, прекращение судостроения в Гражданскую войну. Новые попытки создать флот — и опять война 1941 года. Теперь создадим! История ставит нас лицом к лицу с морскими державами. Это должно дать толчок. Работа уже идет, конструкторы думают... Хотя говорят, что в Генеральном штабе есть противники флота: «Моряки только красивую форму носят...» Эх!

Днем — огневой налет на Петроградскую сторону, Васильевский остров. Жертвы...

Был замполит Суворов. Рассказывал, что, когда наши «катюши» били по одному из участков, финны кричали: «Бейте подальше, там немцы» (?)...

В 11 вечера, по радио. Наши войска в 17—25 километрах от Харькова. Взят Богодухов. На брянском направлении наше наступление успешно развивается...

9 августа 1943 года.

Написал письмо Тарасенкову: о значении писателей в низовой печати, о своей работе, о событиях.

Наконец пришло письмо от Пронина. Несмотря на то, что он лишь кандидат партии, его назначили комиссаром партизанского отряда...

Письмо боевое, бодрое. Просит рекомендацию в партию. Немедленно пошлю.

Огневой налет — лопающиеся звуки, свисты, грохочущие тяжкие разрывы — снаряд за снарядом! Близко... Немцы бьют 8-дюймовыми!

Вчера на Садовой снаряд попал в толпу. Санитарные автомобили подбирали *куски тел*... На улице — лужи крови, обрывки платьев, чья-то уцелевшая шляпа...

Па рынке картофель стоит 250—300 рублей кило, морковь и огурцы — по 200, ягоды — 450. Небольшая кучка сыроежек — 120 рублей...

10 августа 1943 года.

В 12 часов был в Военном издательстве... Начальник издательства полковник Цветков — страстный коллекционер автографов,

рисунков и эпиграмм. У него есть письма Шалапина, Горького и др. Рассказывает, увлекается. Развернул передо мной папки с автографами, собранными им в период обороны Ленинграда: тут и Библин, и Орбели, и Тихонов, и Яр-Кравченко. Разные зарисовки, высказывания, театральные акварели Рудакова, рисунки тушью Серова, Павлова, Верейского; эпиграммы Саши Прокофьева... Запись В. Шишкова в декабре 1941 года — о мраке дней. Тут же театральные списки премьер в дни осады и автографы исполнителей. Все это в будущем представит интерес. По просьбе Цветкова я сделал запись в его альбоме — на память о Ленинграде, о его обороне...

От этой беседы пахнуло чем-то неожиданным, штатским.

Часа два поработал в международном кабинете Дома партийного актива. Прочел очередные бюллетени с 27 июля по 7 августа...

В 6 дня сделал доклад на заводе имени Макса Гельца. Встретились как старые знакомые. Много народа, слушали хорошо...

11 августа 1943 года.

Жду отзывов о моей пьесе из Смольного и из Военного совета. Дискуссионные моменты неизбежны. Вспоминаю прошлые работы... Да, *habent sua fata libelli*¹. Надо определить дела с пьесой и идти дальше!

Днем из поездки на Среднюю Рогатку и в Колпино вернулась С.К.:

— Мы видели места боев, руины, разбитое, замаскированное сетями шоссе. Были в окопах. Я до конца поняла, как оформлять твою пьесу... (С.К. поразила пустынность фронта.) Все в земле. Зарисовки в Колпино запрещены. На Средней Рогатке удалось порисовать. Потом поехали дальше. Мы так увлеклись, что чуть не попали к немцам. Спасибо постовому красноармейцу — окликнул, остановил...

...Приехала Нина Кравец с командиром Н-ской стрелковой дивизии генерал-майором Синкевичем. Он после мгинских боев отвел дивизию на переформирование. Это вояка, в армии с 1918 года, бритый, в пилотке, выпуклые серые глаза, нервозный, сдержанный, чуть «под мухой».

Из его рассказа:

«Идем по торфяным топям. Саперы у меня — орлы, но и они построить мостки не смогли. Сроду не видел я таких топей. Все черно — торф, вода. Посидели, покурили... Бойцы говорят: «Не

¹ Книги имеют свою судьбу (*лат.*).

шутить идем, помирать идем». Авиация двенадцать дней долбила фашистов. Те, конечно, изготовились. Артиллерия нам дала огонь, а потом — поддержку. Рванули мои!.. Немцев положили много... Вот, прочтите письмо одного моего бойца...»

Я прочел это сжатое письмо раненого к своему командиру (снял копию)... Оно написано народным языком, дышит пылом боя и неукротимой злобой к врагу...

Вечером, по радио. Наши войска в 12 километрах от Харькова. Перерезана железная дорога Харьков — Полтава.

12 августа 1943 года.

Работать! Написал листовку: «5 июня — 5 июля — 5 августа 1943 года». (Геббельс и Шпеер обнародовали 5 июня грандиозные цифры выпуска военной продукции после «тотальной мобилизации»; 5 июля — наступление немцев на Орел — Курск; 5 августа — разгром наступления.)

Получил сообщение из Москвы от 3 августа, что «Раскинулось море широко» разрешено к постановке всюду (на это потребовалось девять месяцев!)...

В 11 вечера, по радио. Наступление на брянском направлении продолжается. Взят город Чугуев — у Харькова.

Гаулейтер и заместитель Э. Кох: «Я выжму из Украины последнее, чтобы обеспечить вас и ваши семьи» (декабрь 1942 года, из его письма к армии).

Старая тема Украины! Для фашистов — это *политический и территориальный центр войны*: это 40 000 000 населения; это чернозем, хлеб, скот, порты, руда, уголь... Ясно, что главные операции там, на Юге.

13 августа 1943 года.

Ветрено, дождливо... Уже осень?

Неясное холодноватое сообщение ТАСС о том, что в Канаде на совещании Рузвельта и Черчилля глава советского правительства и другие советские представители присутствовать не будут (?).

Сегодня дал Оттену письма для передачи в ЦК, Комитету искусств, в «Правду», адмиралу Исакову, Рогову, Фадееву, журналу «Знамя» и пьесе для Таирова. Ну, «У стен Ленинграда» двинулось в Москву...

Написал ко Дню авиации очерк «Летчики Балтики»...

В газетах вопиющие материалы о фашистских зверствах. Одно-го старика за отказ от работы приговорили к повешению. Убили семилетнюю девочку за слова «наши придут», подслушанные ею у взрослых... Бешенство подкатывает к сердцу! Чем ответить, как отплатить этим фашистским скотам?!

Радио, в 11 вечера. Наши войска взяли Большую Даниловку (в полутора километрах от Харькова). Бои в шести километрах от Карачева. Взят Спас-Деменск (смелый обходный удар на болотистой местности). Натиск Красной Армии усиливается.

Где же будет главный удар? А союзники второй месяц доламы-вают две немецкие дивизии и итальянские части в Сицилии...

14 августа 1943 года.

В 11 утра, по радио. Активность английской авиации: налеты на железнодорожный узел Рима, на Северную Италию, на Берлин. Американская авиация совершила налет на Курильские острова.

Черчилль все еще в США. Видимо, нужны новые решения: с Италией дело не вышло — психологический момент ими явно упущен, а прямая атака Италии — это верная зимняя кампания. Не логичнее ли — вместе с Красной Армией — нанести главный удар по Германии?

...Виделся с генерал-майором Филаретовым (член Военного совета ВВС КБФ). Он говорил, что у нас под Мгой был некоторый прорчет. Вся высота, вся местность были покрыты воронками от наших бомб («все всмятку»)... Но противник *глубоко зарылся в землю*, а наша наступавшая пехота попадала под их губительный огонь. Кроме того, ударить надо было основательнее.

Я:

— Возьмем Мгу до зимы?

Филаретов:

— Возьмем. А пока что мы сковываем двадцать три дивизии. (Хвалил прекрасные качества наших серийных самолетов.)

Обстановка.

События развиваются чрезвычайно быстро. Иностранные обозреватели не успевают делать прогнозы и обзоры. Ход войны в 1943 году определен действиями Красной Армии (я уже не раз об этом писал)...

В апреле—мае—июне шла война в воздухе. Это было прологом летних битв... Фронт сохранял прежние очертания, но мы ликвидировали ряд немецких «выступов» (демянский, ржевско-гжатско-вяземский и пр.). С юга немецкий фронт был прикрыт таманским плацдармом с их Голубой линией...

Теперь планы противника на 1943 год вскрыты, все кажется — просто! Но надо было эти планы *разгадать*, подготовить нашу оборону, подвести войска, технику.

...Противник (по оценке иностранной прессы) держал в треугольнике Москва — Курск — Брянск 100 дивизий, то есть около 50 процентов немецкой армии. Исключительно высок был процент танковых дивизий: на участках, подготовлявшихся к наступлению, Гитлер давал *на одну пехотную дивизию одну танковую*. За всю войну не было подобного соотношения. Во главе немецких войск был фельдмаршал фон Клюге, который в свое время справился с линией Мажино и называется «завоевателем Франции». Во главе танковых дивизий — генерал Гудериан, «старый знакомец». Таким образом, готовилась «битва техники».

...После десяти дней уже стало ясно, что немецкий удар на Орел — Курск провалился. Попытка Гитлера: взять в клещи, окружить и ликвидировать отборные советские дивизии на Курском выступе; выпрямить фронт; взять реванш за Сталинград; высвободить несколько десятков дивизий для маневра и вырваться на равнину, к Москве — *сорвалась!*

Это больше чем провал наступления, — это новый *срыв немецкой стратегии в целом*. Гитлер похож на фехтовальщика, который, сделав сильный выпад, потерял равновесие.

Битва 5 июля—5 августа была не только «битвой техники», но и «битвой тылов». Тут сказался упорный труд советского народа, его выдержка, терпение, его жертвы. Слились воедино усилия науки, промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Народ един!

...Кинжал, направленный в стратегическое сердце России, был выбит из рук Гитлера. *Война повернулась с Востока на Запад*. Вот отчего, по-моему, так особо отмечена Орловско-Белгородская победа.

...Вслед за нашим Орловским ударом последовал Харьковский. Темп развития операции еще стремительней. Мы имеем дело с глубоким прорывом немецкой обороны. Наши войска начали битву за Украину, за Донбасс. Это угроза для всей южной группы войск противника (Донбасс, Крым, Тамань).

Мы добились только первых успехов. Решающие битвы и победы еще впереди, но вся обстановка *коренным образом* изменилась. Гитлер скрывает от немцев суть событий. Германские радио и пресса лгут!

Но тут же вынужденные признания: «Советы имеют огромное количество танков прекрасного качества». — «Советы имеют многочисленную артиллерию высокого боевого уровня». — «Советы имеют мощную авиацию»...

15 августа 1943 года.
Воскресенье.

Сводка за 14 августа глуховатая. Немцы ли успели подбросить резервы? Замедлилось ли наше наступление? Или готовится что-то новое?

Вчера был в горкоме комсомола (с 6 до 10), выступал на вечере выпускников политических курсов. Много беседовал с молодежью. Там же был и Н. Тихонов.

С утра снова работаю для 7-го отдела Ленфронта. Уже написал пять иронич[еских] информационных листовок...

Сегодня День авиации. Третий раз за время войны он отмечается в боях. Война застала нашу авиацию в период перевооружения. Немецкие самолеты превосходили наши скоростью, маневренностью, интенсивностью огня. Все бои в 1941 году — это неравные упорные поединки, из которых — к чести наших летчиков — они все же не раз выходили победителями... Немцы рассчитывали смять нашу авиацию. Но это им не удалось.

...Страна напрягла все усилия. Конструкторы, геологи, металлурги, рабочие, летчики работали не покладая рук — выросла *новая авиация*. «Немой и глухой» индивидуальный бой истребителей сменился боем, в котором все летчики были обеспечены радиосвязью — с командованием и с соседями в строю.

В ВВС КБФ — 30 Героев Советского Союза и свыше 1500 орденосцев (считая техников и др.).

К вечеру — усталость. Был доктор Смагин. Нашел, что у меня опять повышено кровяное давление. Прописал какое-то лекарство.

Волнует ожидание: как отнесутся к пьесе в Москве, что скажут в Ленинграде?..

16 августа 1943 года.

Получил четыре экземпляра моих листовок, изданных 7-м отделом Ленфронта...

Читаю немецкие письма (это, может быть, одни из наиболее объективных документов, ибо на допросах пленные большей частью трусят, привирают, а фашистские обзоры тоже «подгоняются»).

...6 вечера. Мои дела проясняются. Звонил Пергамент: «Поздравляю, Военный совет разрешил пьесу к постановке. Начинаем репетиции, завтра буду у вас...»

17 августа 1943 года.

Солнечно, прохладно...

С утра — медленный методический обстрел города. Затем наш ответный огонь...

Получил от А. Фадеева номер «Интернациональной литературы» (английское издание) с моей статьей «Battle of Neva»¹.
(Внезапная усталость, слабость...)

...Был в городе. В Доме партактива просмотрел бюллетени за 9 августа. В ставке Гитлера было совещание руководства национал-социалистской партии и высшего командования — без вызова фронтовых главнокомандующих. Обсуждалась обстановка, создавшаяся после поражения на Востоке и итальянских событий. Иностранная пресса сообщает, что фашистский генералитет рекомендует отвести немецкие армии на линию Днепра, оставить Норвегию и т. д. Гитлер — против. Намечены военные планы на зиму 1943/44 года. «В ноябре будет готово *новое* немецкое оружие и будет нанесен решающий удар» (?). Геринг после совещания уехал в Гамбург, Риббентроп и Кейтель — в Рим для переговоров с итальянским правительством.

...Вечером обсудили с Пергаментом ход работы. Начало репетиций пьесы — 20 августа. Я говорил об образе спектакля, единстве архитектурно-стилевых решений, дал новую сцену для третьего акта. Беседовали дружно. Режиссеру всегда нужны доверие, помощь, свобода действий... У С.К. — хорошие замыслы. Ну, начинаем работу. В запасе два с половиной месяца...

В последние дни на Ленинградском фронте усилилась работа снайперов. Фронт блюдет традиции первого снайпера Ленинграда — товарища Смолячкова, юноши, рабочего с Выборгской стороны. Он был убит 15 января 1942 года. Его могила — у шоссе. На надгробной плите высечены слова: «Герой Советского Союза Федосий Артемьевич Смолячков». На могиле всегда цветы... В части, где служил герой, сохранили в списках его фамилию, и на поверках правофланговый отвечает:

— Смолячков пал смертью храбрых в борьбе за город Ленина!

Из показаний пленных.

«...Я верю в победу Германии. Мы на русской территории. После победы над Россией мы высадимся в Англии. Америку нам не победить. Будет заключен мир на основе раздела Британской империи между нами и США. Америка удовлетворится своей долей,

¹ «Битва на Неве» (англ.).

частью Африки и другими колониями, а в Европе будет господствовать Германия...» (Командир роты 19-й танковой дивизии П. Зонтаг; взят в плен 9 июля 1943 года.)

Интереснейшее показание среднего командира германской армии Зонтага. *Вот куда клонит фашистская пропаганда.* Кстати, это подтверждает некоторые мои предположения о тайных дипломатических комбинациях Гитлера, творящихся за спиной СССР.

«...Мы верили в успех летнего наступления. Нам говорили, что дойдем до определенного рубежа, воздвигнем Восточный вал и на этом кончим войну... 4 июля обер-штурм[фюрер] Герте сказал нам: «Надо взять две русские линии — перед нами одна, а вторая — в десяти километрах. За ней нет *ничего*. По окончании наступления каждый получит отпуск...» (Эсэсовец Пфениг из дивизии «Адольф Гитлер».)

«...Когда русские начали наступление на Орел, мы испугались: если они наступают летом, что же будет зимой?.. Русские листовки в основном правдивы: мы убедились, что описываемые факты соответствуют событиям». (Унтер-офицер Эрих Витнель, адвокат, член нац.-соц. партии.)

Больше листовок!

В 11 вечера, по радио. 7-я американская армия взяла Мессину. (Видно, немецкие и итальянские части отрезаны на восточном берегу.)

18 августа 1943 года.

Просыпаюсь рано... Из соседней комнаты тихие звуки радио — радиосообщениями мы живем. Ведь это почти единственная постоянная наша связь с миром. Первый вопрос: «Было что-нибудь новое? В 6 часов, в 7, в 7.45, в 8?»

Подымаю шторы затемнения. Ежедневный осенне-зимний ритуал — будто подъем флага на корабле. В голове планы новых листовок, которые я пишу с особой страстью, — *это моя снайперская работа, бомбовые вылеты.*

Дневник мой временами сжат, сух. Что ж? Пишу как могу, — в работах, иной раз очень усталый. Целиком отдаться записям немислимо. А рядом меж тем в ощущениях, в мыслях, в смутном движении души — какая-то вторая жизнь. Она все настойчивей: это моя прошлая жизнь в искусстве, в Москве. Какой бы она была, какой она должна была бы быть, если б не грянула война? *Мир литературы, искусства!* Широкий мир встреч, творческих связей, литературных дел. Этот мир — как внутренняя потеря. Я всячески, *тщетно* убеждаю себя, *что мне не до него.* Но все время

где-то в глубине души он живет, пронизывает мысли, делает все относительным. Знаешь ведь, что война временна, что есть и будет *иная жизнь*. Вот это ощущение надо понять и применить к другим... Раскрыть *их* внутренний мир. Как бы мы ни говорили о войне, о полной отдаче ей, — инстинкт твердит каждому *о жизни* — о прошлом и *о будущем*. Человек рисует перспективы, примеряет их к себе и себя к ним и одновременно несет военную службу, — как высший долг, с глубоким личным отношением к этому долгу. Временами тема Москвы для меня затухает, временами она нестерпимо остра. Но еще острее, крепче внутренняя установка: идти до конца с Ленинградом. Пусть здесь пока опять осадное томление, неудача Мгинской операции (оперативно-тактическая) — придет наш час, и опять тема Ленинграда зазвучит, как хотелось бы нам. А пока пусть празднуют Орел, Карачев — это отлично!..

Написал статью «Ленинградцы — бесстрашны» для «Ленинградской правды» к двухлетию обороны города.

Получил телеграмму от Таирова — благодарит за пьесу.

...*В 10.30 вечера, по радио.* Наступление Красной Армии продолжается. Наши части примерно в 30 километрах от Брянска. Под Харьковом наши опять продвинулись вперед, — взят город Змиев... Противник бросает резервы. (Очень хорошо — у Гитлера, по некоторым данным, было в июле от пятнадцати до двадцати дивизий в стратегическом резерве Восточного фронта в Польше. Все это уже с июля втягивается в русскую мясорубку, а впереди сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь!)

Дислокация немецкой армии на август 1943 года.

На Восточном фронте	211	немецких дивизий
Во Франции	35	» »
На Балканах	10	» »
В Норвегии	10	» »
В Германии и Австрии	20	» »
В Польше	15—16	» »

Паек в Германии (показания пленного ефрейтора Ланге, 220-й пехотный полк): 250 граммов хлеба, четверть литра обезжиренного молока — в день; 200 граммов мяса, 200 сахару, 100 маргарина — в неделю; 100 граммов риса и 100 пудинговой или картофельной муки — один раз в месяц.

Из военных анекдотов.

Фриц:

— Как бы ты хотел воевать?

Ганс:

— Я хотел бы остаться немецким солдатом, иметь русское командование, английское вооружение и американский паек.

Подводникам КБФ все труднее. Современная борьба с подлодками — жестока. Погиб Герой Советского Союза Осипов и его лодка. Очень обидно, горько...

20 августа 1943 года.

Сыро, туман...

В «Ленинградской правде» мой очерк-статья «Ленинградцы — бесстрашны». Два года обороны Ленинграда. *Два года!* Вперед!..

Мысли о новой пьесе... Думаю, думаю... А усталость большая, — и тут порошками не помочь!..

Написал листовку «*Новый план Гитлера*». Дал их уже несколько десятков. Тираж — тридцать тысяч. Видимо, больше одного миллиона моих листовок — у немцев. Как хотелось бы знать реакцию на них!

Из редакции журнала «Звезда» сообщили по телефону: «В горьке прочли твою пьесу. Одобрят... Печатать, говорят, надо».

В кронштадтской библиотеке появляются старые абоненты. Опять начинают читать! Большой спрос на Льва Толстого. Надо будет изучить в Публичной библиотеке и в других кривую читательских интересов с 22 июня 1941 года.

Интересная тема!..

21 августа 1943 года.

Солнечно... По-осеннему прозрачное небо. Чувствую себя несколько лучше. Принимаю порошки, но главное — несколько больше сплю.

Написал итоговую листовку к немцам «*Два потерянных года*» — об их бесплодном сидении под Ленинградом, об их потерях, о жизни города и о том, что Ленинград устроит им «котел». Будьте покойны!

Написал еще листовку «*Что знают немецкие наблюдатели и радисты*». Косвенно затронул тему железнодорожных доставок в Ленинград: дал «аппетитное» описание русских и американских про-

дуктов, дал детали уверенного городского быта. Пусть это подействует на немецких окопников.

Написал вариант статьи о Ленинграде для «Смены»¹. Чем больше углубляюсь в эту тему, тем острее понимаю, какое пламя нравственной мощи у города, у советских людей.

Днем немного побродил. Начался дождь... Пролетают наши самолеты. Несколько артиллерийских залпов по городу. Обычно...

Вернулся и снова засел за листовки: «Что такое война?»; «Страдание и обдумывание»; «Одно размышление» (о Гитлере и его историко-философских просчетах, о его невежестве) ...

Положение под Харьковом и Брянском как будто видоизменилось: немецкие контратаки, упорные бои...

22 августа 1943 года.

Из радиорупора в 9 утра: «Военное счастье отвернулось от немцев, но враг может прибегнуть к последнему средству — к химии».

Полезно подготовить листовки, предупреждающие немцев о том, что повлечет за собой подобная мера.

Начальник Политуправления Ленфронта генерал-майор Хвостов снова объявил мне благодарность за работу для 7-го отдела (листовки)...

11 утра, по радио. Американские и канадские войска заняли остров Кыска. Японцы эвакуировались...

Вечер. Сделал еще три листовки. Полюбил я это дело! Писал о последней сводке Совинформбюро: «Хочешь ли ты, немецкий солдат, попасть в такую же сводку безымянной мертвой единицей?» и о границе для «Памятника победы», который был заказан Гитлером в Швеции, но не затребован ввиду несостоявшейся победы, и третью — «О логике Гитлера» — рассуждения с убийственными цифровыми данными о том, к чему приводит его лозунг «Продержаться!».

В 11 вечера, по радио. Наши части под Харьковом заняли 30 селений, продвинулись на 4—6 километров. Упорная борьба!..

23 августа 1943 года.

Правительственное постановление (в «Правде» — на четырех полосах) о восстановлении освобожденных районов. По сути, это

¹ Газета Ленинградского областного и городского комитетов ВЛКСМ.

документ о реконструкции Украины, Белоруссии и т. д. Уверенность, перспективность!..

В 6 часов дня кончил редактуру и новые главы «Кронштадта». Неужели я к этой рукописи больше не вернусь?

В 8 вечера — на партбюро. Товарищи из разведотдела сообщают о взятии Харькова Красной Армией! Смотрим по карте. Да, это широкая дорога на Украину. Видимо, удар будет на Полтаву — Кременчуг. Надо отрезать Донбасс и таманские группировки немцев.

В 8.30 — московское радио: сообщение о взятии Харькова штурмом!..

Москва салютует залпами из двухсот двадцати четырех орудий!

Вечер... Тепло, темно. Кончились белые ночи... Окна открыты. По радио — большой концерт из Москвы: Паторжинский, Литвиненко-Вольгемут, Флиер, Козловский... Затем военный оркестр играет старинные вальсы. Столица — и с ней все — празднуют победу на Украине.

Скоро ли ты, Ленинград милый, будешь праздновать час освобождения? Скоро ли будут залпы за Псков, за Таллин, за Ригу?

24 августа 1943 года.

В 12 поехал в город. Остановился у Артиллерийского музея, — осмотрел трофейного «тигра». Массивное сооружение! Танк пробит нашими бронебойными снарядами, сторел и внутри. Управление — штурвальное, облегченное; два мотора: дизельный и обыкновенный. «Тигра» облепили ребятишки, залезли в танк и что-то азартом друг другу объясняют.

Был в Ленгослитиздате — сдал «Кронштадт»... Наметили формат книги: небольшой — для удобства ношения в кармане...

...Вчера беседовал с начальником Пубалта: «Нужно к 25-летию комсомола сделать сборник».

Хороший вечер. Прошлись с С.К. до Новой Деревни. Закатное небо. Я ей рассказывал о новостях... Да, теперь вопрос *только о сроках!* Немцы пишут, что сейчас середина четвертого акта, а пятый акт их трагедии еще не написан ни одним поэтом... — Напишем!!

25 августа 1943 года.

Тихо... Видимо, артиллерийская группировка немцев у Стрельны — Урицка выведена нами из строя, а может быть, меняет позиции.

Написал две листовки: о партизанах СССР и о «Sondermeldungen» ОКВ; в 1941 году их было 69, в 1942-м — 25 и в 1943-м — два (!) — одно о сталинградской беде, другое о вновь потерянном ими Харькове.

26 августа 1943 года.

По радио. Товарищ Конев получил звание генерала армии. *Степной фронт* — обязывающее название.

Из радиохроники. В Ленинград привезли вагон с *парфюмерией*, в том числе духи «Фантазия». (Духи везут в Ленинград?!)

В радиопередачах подчеркивается восстанавливающийся ритм обычной жизни: спортивные соревнования, выпуск детских игрушек и т. д.

Усталость... Порошки не помогают...

27 августа 1943 года.

Людская усталость, раздраженность... Тема разрушений, фашистских зверств и убийств. Пресса, радио, воздух — все пропитано этим. Мы политизированы до предела. Мозг автоматически работает в одном направлении. Сегодня я перечитывал корректуру третьего номера журнала «Звезда»... Мы все говорим только о войне; мы не умеем, не можем еще оглядеться, стать над мировой схваткой (хотя инстинктивное, человеческое тлеет внутри и порой вспыхивает пламенем). Мы год за годом идем сквозь беды, потери, огонь, руины. Безусловно, души, навыки, мысли от этого сильно видоизменяются. Много нам предстоит изучить, понять!..

Адмирал Исаков в частной беседе с А. П. Александровым высказал следующие соображения:

— Как идет война?.. Она уже идет в значительной мере между США и Англией. Это старый спор за главенство в капиталистическом мире. В спорах вокруг Дарлана, де Голля, Жиро и пр. — это сказалось ясно. Есть сведения, что американцы уже не хотят торопиться (например, в Италии), они боятся неизбежного сокращения своей грандиозной военной промышленности, которое повлечет за собой экономический кризис. США, регулируя поставки сырья, тормозят даже Англию, развертывая свою промышленную мощь. Германию они уже считают скинутой со счетов... Нас? С нами считаются. (Любопытный аспект!)

В 6.30 дня поехал на 5-ю ГЭС — отвоёванное энергетическое сердце Ленинграда. Станция — на правом берегу Невы. Напротив завод «Большевик» — бывший Обуховский, еще сохранивший старые корпуса. Дымит, стучит.

5-я ГЭС к 16 августа была основательно отремонтирована и подготовлена к зиме. Есть запас торфа на всю зиму. 17 августа немцы с колпинского направления начали новый обстрел ГЭС, выпустили сто восемьдесят снарядов, из которых девять попали в главное здание. К счастью, серьезных повреждений не было, но отдельные участки, кабели и пр. порваны. Снова зияют дыры в крыше, в стенах. Верхний «фонарь» ГЭС разбит.

Главный инженер провел меня по всей станции: побывал у турбин, на пульте управления, в кочегарке, видел котел № 3, который спас Ленинград в начале 1942 года, *дав городу ток*. Этот котел переоборудовали почти умиравшие от истощения инженеры и техники... Грузчики на ГЭС почти все вымерли. Выручили резервы железнодорожников, — тоже падали с ног, но работали. Станция неоднократно подвергалась налетам бомбардировочной авиации. Бомбы — в тонну и в пятьсот килограммов — ложились близко, но большей частью *мимо*. Сейчас на ГЭС работают до тысячи четырехсот человек. Многие награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Сделал рабочим доклад о военном и политическом положении СССР. Задавали много вопросов: «Каковы позиции Турции и Испании?» — «Будет ли второй фронт?» и т. д. Напряженный интерес к событиям. Люди жадно ловят всякий новый факт. Нужен такт в отборе материала и правильная ориентировка людей.

...Приехал Всеволод Азаров. Он с увлечением поработал на бригаде подводных лодок.

28 августа 1943 года.

Прорыв немецкой обороны южнее Брянска. Взят Севск. Наши, очевидно, выходят на магистраль Брянск—Бахмач. Потери немцев крупные...

В последние дни в Кронштадте наблюдали массированные удары нашей авиации по Стрельнинско-Петергофскому участку. Работа морской авиации, самолеты Голованова¹ и КБФ. Били два дня и три ночи. Почва и в Кронштадте содрогалась. Над немецкими позициями все время висело до сорока осветительных ракет, и бомбы, бомбы... Это был жестокий удар и по немецким артиллерийским позициям, и по складам, и по дорогам. Дымы пожаров...

¹ Командующий авиацией дальнего действия.

Немецкой авиации не было, появились лишь финские «брустеры», — сбили семь штук... И артиллерия Кронштадта дала жару!

Узнал некоторые подробности об Осипове. Уходя в море, он крикнул: «Скажите моему отцу, что у него *был* сын Женька!» Предчувствовал? Еще о двух подлодках нет известий. Финский залив густо перегорожен сетями¹. Научились, проклятые!..

Написал для книги «Кронштадт» добавочную часть — «Иван Грозный на Балтике» (для первой главы). Чувствую, что тема непрерывно разрастается, не могу остановиться... Издательство шутит: «Всеволод Витальевич, когда же будем печатать?»

Я, как и все, абсолютно в динамике событий. Вчера на 5-й ГЭС говорил с таким подъемом, который и у меня бывает редко. Юмористические сравнения приходили сами собой. Аудитория грохотала. Потом затихала, слушая новые факты, прогнозы. Мне кажется, что *все рвется в будущее. У всех инстинктивное ощущение завершенности основной фазы войны...*

Вечером собрались — С.К., я, Крон, Азаров, Макогоненко, Ольга Берггольц и Рита². Отметим тринадцать лет нашей жизни с С.К.

Мы заметно отвыкли от гостей, вечеринок, — мы живем войной...

Всю ночь слушали рассказы двух ленинградцев, вернувшихся из Москвы. (Я беру поправку на обычный писательский «скепсис».)

Как всегда, разговор свелся к литературе... Настоящая литература — это всегда душа, сердце *одного*, вместившее в себя *мир*. У нас путают «напечатанное» с литературой. Может быть, после войны во многом разберутся, если не помешает угроза новой агрессии. Это опять превратило бы нашу жизнь в напряженную подготовку к обороне и, следовательно, вновь отодвинуло бы возможность нормального развития страны, искусства, литературы. Люди ведь все время в потоке событий... Мы ведь еще не вкушали чистой сладости мира, расцвета душ, умов, устремленных *только к высшим задачам культуры и эстетики*. Полжизни мы прожили в шинели, с котелком за плечами, в походах.

...Проводив гостей, прошлись с С.К. по ночному Ленинграду. Нам было хорошо... Тринадцать лет!

¹ Стальные сети против подводных лодок.

² М.А. Файбушевич — актриса.

29 августа 1943 года.

В сводке: успешное наступление в Донбассе.

Отослал в партизанский отряд партийную рекомендацию В. Пронину.

На Балтике ряд успехов: штурмовики (Карасев и др.) на днях потопили канонерскую лодку, сторожевой катер и два сторожевых корабля противника. Был налет на немецкую базу торпедных катеров. Четыре из них уничтожено плюс баржа; разрушен пирс. На днях наши торпедные катера совершили ночной дерзкий налет на немецкий сторожевой корабль (600 тонн) и сопровождавшие его катера. Атаку провели Герой Советского Союза капитан-лейтенант Гуманенко и лейтенант Жильцов. Все три немецких корабля утоплены. Мотористы хлопали в ладоши в знак приветия, одобрения. Катера Гуманенко вернулись на базу, — встреча, поросянок¹, банкет... И где только достают этих поросят?

...Огромная усталость, вероятно от чтения. Не смог даже толком прослушать «Последние известия». Свалился... Спать!

30 августа 1943 года.

Отличная сводка. Вновь прорван немецкий фронт к западу и югу от Харькова. Взят Люботин. Развитие прорыва и к югу от Брянска. Успешное наступление в Донбассе.

Написал *еще одну часть* для первой главы «Кронштадта» — о торговле и территориальном размахе Новгорода с XII по XVI век... Страшно захотелось — в будущем, в молчании северного лета — пройти по новгородским путям, по Волхову, Ладоге, Неве...

Очень устаю, днем слабость... Но надо работать. Написал радиоречь к немецким матросам «Четыре года войны». Писал в Пубалте.

По радио. Взят Таганрог...

31 августа 1943 года.

Сiju без жиров, без сахара. Мало мяса... Видимо, поэтому опять усталость, слабость. Как это меня мучит!

Николай Тихонов на днях свалился в обмороке.

¹ На флоте создалась традиция преподносить поросят подводникам и торпедникам, вернувшимся из похода с победой.

Дали новое обмундирование: фуражку, брюки, шинель, белье, ботинки и т. д. Хорошо надеть все свежее, чистое.

Днем в Пубалте. Представил план сборника о комсомоле. Кроме того, мне поручили быть редактором сборника о балтийцах — Героях Советского Союза. Сделаю и это.

Публичная библиотека прислала мне материалы на тему об офицерстве. Удивительно внимательные работники! Все мои просьбы выполняют безотказно.

К вечеру — приказ о прорыве немецкой обороны на смоленском направлении и о взятии Ельни (75—80 километров от Смоленска!)...

Только что по радио: «Товарищи! Сегодня, 31 августа, будет передано новое важное сообщение. Слушайте наши передачи!» Да, туго немцам приходится в четвертую годовщину Второй мировой войны!...

Взяты Глухов и Рылск, войска Центрального фронта генерала армии Рокоссовского вступили в Северную Украину... Салют Москвы!

Сейчас прорван немецкий фронт в пяти направлениях: смоленском, брянском, глуховско-киевском, харьковском и мариупольско-сталинском. Красная Армия ускоряет темпы!..

1 сентября 1943 года.

...Американское радио («New York Mirror»¹). Сталин дал согласие на встречу с Рузвельтом и Черчиллем. Уоллес отправится в Россию — он будет участвовать в подготовке Конференции «трех».

Начпубалта утвердил мой план комсомольского сборника. Вызовом к 5 сентября А. Тарасенкова, — он им займется.

Написал три листовки... Вышли мои листовки — о Южном фронте, о технике СССР, о Сицилии (еще 90 000 экземпляров!).

Мысли о жизни. Ощущение усталости и стиснутости от блокады, от какого-то сужения размаха моего творчества продолжается. Конечно, у нас нет и в помине московского бурления, непрерывного притока международных новостей, интересов, нет стольких встреч, как бывало.

Надо сломать блокаду до конца, а мы запаздываем. Ампутация таганрогского приморского немецкого фланга учит нас проделать то же самое и под Ленинградом. Надо же наконец, несмотря на со-

¹ «Нью-Йорк Миррор» — американская газета.

зданную за два года невиданную уплотненность немецкой обороны, разгромить противника.

Из быта. Зимой, после первого прорыва блокады, мальчик девяти лет спросил:

— Мамочка, значит, весной мы поедem в Петергоф, домой?

— Нет, милый...

— А почему — нет?

— Там все разрушено.

Мальчик задумался, потом сказал:

— Они, наверно, дворец и фонтаны разрушили, а наш домик цел. Зачем им наш домик?

Мать объяснила сыну, что в Петергофе камня на камне не осталось... Мальчик затих, ушел... Вечером он показал матери два своих рисунка. На одном из них — на ярко-голубом фоне поразительно точно был нарисован дом, где мальчик родился и жил до войны. На другом — на сером фоне — развалины того же дома, торчащие голые трубы, груда кирпичей и сломанные деревья. Удивительно не по-детски тоскливый и сильный рисунок...

Малыш прижался к материнскому плечу и разрыдался:

— Мама, зачем люди делают войну?..

2 сентября 1943 года.

Солнечно... В саду уже опадают желтые листья. Маки на огороде сорваны — блекнут стебли. Побродил по саду... Чувствую себя неважно — опять неприятные приступы слабости.

С.К. поехала в Шлиссельбург зарисовать места боев и крепость Орешек...

Написал листовку «*Правда о Таганроге*». Обдумываю другую: «*Твое будущее*»...

Днем прошелся по городу. Изумительный осенний солнечный день... Нева, как всегда, несказанно прекрасна. Летний сад — разбиты верхние окна в Домике Петра. На гранитных колоннах ограды стершиеся, почти истлевшие от дождей и ветров воззвания 1941 года. Они уже в прошлом, в истории... Еще немного, и они исчезнут. Некоторые из них, может быть, сохранятся в музеях.

Щемит сердце: пустыньность, разрушения... И, контрастом, сверкающее солнце. Увидел с Надеждинской вершины деревьев сада и светло-желтый фасад дома, где я жил с 1908 года. Вспомнил свой побег на войну; дела гвардейцев в 1916-м: удар 15 июля на Стоходе, атаку нашего, «железного» 4-го батальона лейб-гвардии Егерского полка... Какая старина!

На улице ко мне подошел ребенок со старой игрушкой в руках. Серьезно на меня посмотрел и что-то очень тихо пробормотал. Я не понял, переспросил.

— Дай рубль.

— Зачем?

— Маме на хлеб.

Так же серьезно взял деньги и, зажав в ручонках игрушку и мои рубли, пошел дальше...

У кассы кинотеатра большая очередь. Идет фильм «Воздушный извозчик».

За решеткой сада Мариинской больницы толпятся раненые. Что-то весело кричат проходящим мимо женщинам...

Вечером, по радио. Взяты Сумы... Успешное наступление на смоленском направлении; продвижение по Северной Украине: взят Кролевец. В Донбассе взяты Лисичанск и Ворошиловск... На берег Азовского моря вышли наши авангарды. Есть сведения о взятии Мариуполя. Успехи крупные!..

3 сентября 1943 года.

Около 10.30 утра опять начался сильный обстрел города.

Вернулась С.К. Была в Шлиссельбурге, Орешке, на 8-й ГЭС. Масса впечатлений; интересные зарисовки...

Методический обстрел района, близкие разрывы. Через несколько секунд — падение осколков, слышен их стук по крыше, по тротуару. Еще один удар — земля вздрогнула; еще несколько... Каждые десять—пятнадцать секунд разрывы!..

Опять обстрел, близкие разрывы, домик шатается. В воздухе — наши самолеты (?). Все затихло... Опять началось! Последние обстрелы ленинградцам уже невтерпеж — устали... Бесперывный огонь до 6 вечера.

К концу дня — в 7-м отделе Пубалта. Узнал, что сегодня, в 5 утра, армии союзников при поддержке флота и авиации вступили на континент Европы!¹ Так Англия отметила четвертую годовщину со дня объявления Гитлером войны.

Новый массированный налет на Берлин. Панические настроения... Слухи... Германское информационное бюро доказывает, что «Берлин не географический центр (!) Германской империи» и т. д.

¹ В Италии.

«Даже если весь Берлин будет в руинах, у нас остается вся европейская промышленность...»

Да, плохи дела у министерства пропаганды!..

Сегодня, во время обстрела, все основательно прятались под укрытия и т. п. Это нечто новое для Ленинграда.

Захватил часового: он отошел от ворот штаба КБФ в глубину двора, к углу здания, поближе к убежищу. Я спросил его:

— Ваш пост у ворот? Молодой краснофлотец виновато ответил:

— Так точно.

Отчитал его и послал обратно на пост...

4 сентября 1943 года.

Приехал А. Тарасенков... Ознакомил Толю с планом сборника и с предстоящей работой.

Написал статью для «КБФ» о налетах на Гамбург и Берлин. (Отослал.)

Был в Доме партактива. Прочел бюллетени по 24 августа. Поток иностранной информации...

Вернувшись, написал четвертую листовку — о бомбежках Германии, исходя из следующих данных:

Авиацией Англии и отчасти США сброшено на Германию:

В 1940	году	(за 6 месяцев)	5250	тонн
В 1941	»	23 000	»
В 1942	»	37 000	»
В 1943	»	(за 6 месяцев)	54 000	»

О налетах Германии на Англию:

В 1940	году	сброшено	35 900	тонн
В 1941	»	»	21 800	»
В 1942	»	»	2800	»
В 1943	»	(за 6 месяцев)		1500	»(!)

Явное ослабление германской авиации, а главное — отвлечение ее воздушных сил на Восток. Да, Англию мы спасли...

В «Литературе и искусстве» первая информация о моей новой пьесе; хорошая статья Дрейдена о «Раскинулось море широко». Видимо, пьеса вошла в историю театра периода Отечественной войны.

Вечером, по радио, народная артистка Мичурина-Самойлова читала мою статью об Украине. Несколько замедленно и аффективно...

Важное сообщение по радио. Крупное общее продвижение в Донбассе, взяты Дебальцево, Горловка и другие пункты. Движение и на Конотоп. Под Харьковом взята Мерефа. (Вспомнился мой украинский цикл¹.) Сводка повторялась непрерывно, чередуясь с бравурной музыкой...

5 сентября 1943 года.

Работаю над материалами 7-го отдела. В германской армии распространяют новый документ: исследование о России и ее истории (!). Германское командование подчеркивает, что победа невозможна без привлечения на свою сторону народов оккупированных стран и районов, в первую очередь — русских... Поэтому необходимо знать их нравы и национальные традиции. «Документ» является таким смехотворным образцом фашистской тупости, что я считаю полезным вписать его в дневник (для истории).

Фашисты делят существование России на четыре периода:

1) Германцы создают русское государство (варяжская теория). Русские — это смелые люди и под руководством умных «фюреров» прекрасно дерутся и любят свои дома и землю.

2) Монгольский период. Здесь русские показали свою способность долго терпеть, но потом реагировать (!), протестовать. Монгольское иго было свергнуто коварством русских и их жестокостью. (Ну и ну!!)

3) Империя Петра Великого. Это был величайший деятель, сформировавшийся под влиянием немцев, европейских поездок, культуры Европы. Отсюда его успехи. Создалось русское национальное государство — с сильно развитыми патриотическими чувствами, с которыми нам, немцам, надо и сейчас считаться. (Да, приходится!)

4) Ленин. Он умело использовал гнилость самодержавия и потерю традиций Петра Великого. Большевизм пришел, в этом смысле, закономерно, но привил России абсолютно чуждые ей и Европе идеи анархии, отрицания собственности и т. д. Вот почему большевизм обречен, и с помощью Европы Россия его сбросит. (Ха-ха!)

Надо считаться с настроениями русского народа. У русских чрезвычайно болезненно развито национальное чувство. Большевики это используют, а немецкие солдаты не считаются с чувст-

¹ Вс. Вишневский имеет в виду ряд рассказов из своего цикла «Матросы».

вами русских: русские, например, не выносят телесных наказаний (!). Нельзя давать русским повода для пропаганды отрицательных явлений у нас, неуважения к нам и пр.

Поздно, Геббельс, поздно! Понять противника — значит победить! Мы поняли вас в 1941 году! Вы пытаетесь понять нас в 1943-м. И поздно, и ума не хватает.

Россия сделала грандиозное дело. Его, может быть, можно сравнить в ист[орико]-культурном мировом плане с подвигом Греции, остановившей и разгромившей персов.

...Утром в московских радиопередачах о том, что будут восстановлены патриаршество и Синод...

В «Правде» от 5 сентября 1943 года заметка: «Новая пьеса Всеволода Вишневского», — сообщение о работе Театра КБФ, о режиссере А. В. Пергаменте и художнике С.К. Вишневецкой...

6 сентября 1943 года.

Солнечно, тихо...

Написал две статьи для «КБФ» и листовку... Просьбы дать статьи: на радио, от комсомола и т. д. Не успеваешь все сделать...

В 11 вечера, по радио. Крупные успехи в Донбассе. Взяты Макеевка, Краматорск, Славянск. Еще несколько дней — и весь Донбасс будет освобожден! Взят Конотоп, идет преследование разбитых немецких частей — к Бахмачу. *Киевское направление!..*

7 сентября 1943 года.

Осень — по утрам очень холодно...

Написал листовку «Что произошло на Юге» (сжатый обзор побед Красной Армии на Украине и в Донбассе)...

Работая, уясняешь и себе сущность операций на Юго-Западном и Южном фронтах.

Был Тарасенков:

— Прочел твою пьесу. Поздравляю. Это какой-то новый Вишневский. Не романтик, а реалист, умудренный войной... Да — это наше, пережитое.

...Написал еще пять листовок: «Известно ли вам?» (обзор военных и экономических бед Германии); «Обещания Гитлера» (кто за них будет расплачиваться); «Положение в Германии» (сентябрьский обзор); «Размышления у карты Восточного фронта» (направил мысли немцев на вероятные охваты и окружения их на Севере и

Юге) и «Знаете ли вы?» (некоторые политические и военные новости)...

Прошелся по городу... Последние события, победы, цикл восстановительных государственных мероприятий меняют и мое восприятие города. Ловлю себя на ощущениях нормализации жизни. Немцы — это уже *только помеха*. Все внутренне вырешено! Народ уже проектирует *будущее*.

Вечером написал новую радиоречь — обзор для немецких моряков об итогах четырех лет войны на море. Первая моя речь к ним уже пошла в дело...

8 сентября 1943 года.

Сегодня должен подготовить черновик очерка о молодежи Ленинграда. Тема меня волнует. Взять ее надо в национально-историческом и морально-партийном плане, широко.

Радио, в 7.20 вечера. Войска Южного и Юго-Западного фронтов освободили Донецкий бассейн и взяли областной город Сталино... Таким образом, Красная Армия отбила и вернула Родине важнейшую угольную и промышленную область страны! В Москве, в 8 вечера, — салют! Двадцать залпов из двухсот двадцати четырех орудий...

В 9 вечера звонок из Пубалта:

— Товарищ Вишневский, Италия безоговорочно капитулировала!

Это колоссальная новость! Это может быть фронтом по реке По. (Прочсть Энгельса: «По и Рейн».)

Написал статью о Донбассе для «Ленинградской правды», для «КБФ» и короткую заметку в «На страже Родины».

Возбужденность... Выход Италии из войны может повлечь крах Германии в 1943 году, если, конечно, союзники *не прохлопают* открывающиеся возможности. Стратегическое окружение Гитлера начинает перерастать в оперативное. Теперь нервы у фашистов, пожалуй, сладут!

9 сентября 1943 года.

В 11. 30 утра, по радио. Италия капитулировала, она приняла все условия СССР, Англии и США. Итальянский флот идет сдаваться в английские и *русские* порты. Итальянская армия прекращает военные действия против союзников, но «будет реагировать на враждебные действия с каких-либо *других* направлений...», то есть

со стороны Германии. Все итальянцы, борющиеся против фашистского агрессора, получают помощь от Объединенных наций.

Ура! Вот так, в одно прекрасное утро мы узнаем о разгроме гитлеровской Германии.

В 1918 году разгром немцев начался в сентябре с выхода из строя Болгарии, в октябре — Австро-Венгрии, затем 8—9 ноября 1918 года — Германии. Но, конечно, повторений и аналогий не будет — борьба сложнее...

Вечером, по радио. Взят Бахмач — важнейший железнодорожный узел и решающий опорный пункт немцев на киевском направлении. Салют Москвы!

Идет явный охват левого фланга немецкого Южного фронта — на Прилуки—Черкассы.

Немцы все определеннее говорят о «сокращении Восточного фронта».

Освобождение Донбасса — событие огромной важности: там более 50 процентов добычи советского угля; крупнейшие металлургические заводы... Уже полным ходом идет восстановление шахт, создание угольных комбинатов, подвоз оборудования и пр.

На днях командир Н-ской дивизии говорил мне, что в июне 1941 года было много сигналов о немецкой подготовке к нападению на наши границы. Но Н-ский особый округ тормозил наши контрмеры: «Зачем панику разводите?» — «Не эвакуировать семьи!» — «Зачем минные поля?» и т. д.

Невольно, убеждаясь все больше и больше в нашей необыкновенной мощи, вопрошаешь: как могли мы так просчитаться?..

10 сентября 1943 года.

Все время мысли о событиях в Италии и в Европе. Сейчас там, наверно, как в перебудораженном муравейнике...

В 9 вечера, радио Стокгольма: «Итальянские войска с развернутыми знаменами и с музыкой переходят на сторону союзников. Италия объявила войну Германии. Бой в Генуе, Милане и под Римом. Немцы безжалостно бомбят «открытый город»...

Турция в неловком положении: она рассчитывала поживиться за счет Италии, а Италия теперь — «уважаемый союзник».

Вечерняя сводка: взяты Мариуполь, Волноваха, Барвенково, Чаплино.

Приказ Сталина о подвиге гвардии рядового Матросова.

11 сентября 1943 года.

Серый денек...

Читаю «Дневник писателя» Достоевского. Много глубокого, но есть нечто религиозно-мессианское — о России... Все сложнее и вместе с тем, пожалуй, грубее.

В Италии разгораятся новые события: немецкие войска заняли Геную, Специю, Болонью, Рим (!), центральный вокзал в Милане и т. д. Десанты союзников в Неаполе; 5-я американская армия дерется с немцами, 8-я английская — распространяется по югу Италии. Страна таким образом становится полем боя. Кто знает подоплеку событий, истинную роль римского правительства, закулисную игру? Срываются ли планы союзников или они предвидели наступление немецких войск? Во всяком случае — *драка на Европейском континенте началась.*

Вернул в Ленинградскую публичную библиотеку сорок прочитанных мною книг...

12 сентября 1943 года.

Немцы заняли Милан. Оказывается, под Римом капитулировали две танковых и пять пехотных итальянских дивизий, открыв немцам путь в столицу Италии. Пока там итальянский гарнизон и полиция, но общий контроль — *немцев.* Район Таранто занят англичанами. (Ну и каша!)

Из иностранной информации.

10 сентября по радио выступил Гитлер. Говорил шестнадцать минут. Главные положения: «Теперь я могу быть откровенным с собой и с соотечественниками. Крушение Италии подготавливалось теми элементами, которые возражали в 1939 году против вступления Италии в войну... Муссолини величайший человек Италии, мой лучший друг... И что бы ни случилось, я остаюсь ему верен... Бадолье же и прочие — изменники и предатели. За пятнадцать минут до капитуляции итальянский посол меня уверял, что Италия будет нам верна. Но мы приняли меры заблаговременно. Изменники ответят. Я горд тем, что в такую трудную минуту являюсь фюрером!..»

Ни слова о России! Никаких обещаний, прогнозов... Мне кажется, что эта речь — напоминание: «Я еще здесь, *держитесь, вассалы,* либо я с вами разделаюсь». Да, не прежние для Гитлера времена...

13 сентября 1943 года.

Авиация и торпедные катера Балтийского флота с 8 августа по 8 сентября потопили двадцать три транспорта, тральщики и прочие корабли противника. Это отмечалось в сводках...

В 4 часа пошел в 7-й отдел. Работал над материалами о германской армии, читал бюллетени ПУРа. Прочел книгу «Wer ist Hitler»¹. Очень интересное московское издание на немецком языке: биография Гитлера и его разоблачение. Ряд фото: Гитлер — полицейский тайный агент (в 1912 году) и др.

Написал призыв к германским морякам на Балтийском море плюс описание новой обстановки: потери Гитлером итальянского флота и т. д.

Военно-морская цензура в Москве «возжелала» опять прочесть мой «Кронштадт». Напрасная трата времени...

14 сентября 1943 года.

Листья на каштанах пожелтели. Клены у Ботанического сада ярко-красные. *Листопад*... Не случайно английские рабочие посылают мистеру Черчиллю письма, в которых — ни слова и только вложены желтые осенние листья². Через две недели на Ла-Манше начнутся туманы и штормы. Время уходит!

Написал в «Ленинградскую правду» письмо о необходимости дать серию очерков о флотоводцах России: о Петре I, Апраксине, Ушакове, Лазареве, Нахимове, Макарове.

...Около 3 часов поехал с Тарасенковым в центр смотреть картину «Орловская битва»...

Показали кустарный фильм о борьбе с пожарной опасностью, затем «Орловскую битву». Но через десять минут включили свет: «Район подвергается обстрелу».

Вышли на улицу. Мягкий облачный день. Осенне... Свист снарядов. Невский быстро пустеет, люди в испуге спешат под укрытия. Когда мы шли по Каналу Грибоедова, заметили в небе разрывы тяжелой шрапнели. Она рвалась примерно над Невой, ближе к Петроградской стороне. Три разрыва — когда мы переходили Кировский мост. За мостом валяются осколки... Часовые на постах...

¹ «Кто такой Гитлер» (нем.).

² В одной из своих речей Черчилль заявил, что второй фронт откроется до листопада, то есть до осени 1943 года.

Люди жмутся у киоска, в подворотнях. Кое-где порваны провода, битое стекло...

Внезапно все затихло.

Пришли домой — снова огневой налет. Снаряды свистят и разрываются один за другим... Дребезжат стекла, все вздрагивает... По два-три разрыва — сразу, близко. Злой обстрел!

Разыскал мои таллинские материалы: оригиналы статей для газеты «Советская Эстония», полосы «Боевой Балтийской» и т. д. Отобрал для комсомольского сборника.

С.К. только что вернулась с работы:

— На Петроградской стороне, в начале Кировского проспекта, три пожара. На проспекте ряд воронок, провода порваны, фасады побиты. С трудом добралась...

Сильное зарево пожара в направлении Эрисмановской больницы. То разгорается, то потухает... Неужели снаряд попал *в больницу*?

Люди говорят:

— Немец войска отводит, вот и бьет, — снаряды-то не увезти.

Из быта. Ленинградский детдом отправил в тыл сирот, маленьких детей...

Местные жители стали разбирать детей для усыновления... Усыновление происходило в исполкоме по акту, торжественно. Одной пятилетней девочке сказали:

— Вот твоя мама...

Девочка посмотрела серьезно:

— Это не моя мама. Моя мама убита в Ленинграде. (Сжалось сердце...)

Девочку взяла семья колхозника. Домик, огород, корова. Ребенок стал привыкать.

Когда через несколько дней воспитательница зашла ее навесить, девочка не вышла. Ее нашли в углу. Она забилась туда, сложила ручки и кричала: «Я не хочу в Ленинград, я не пойду!» Она боялась, что ее отвезут обратно, — ребенок привык к новым людям, которые подошли к нему человечески, ласково.

У детей при усыновлении меняют фамилию, и когда-нибудь уцелевшим родным, близким будет почти невозможно их разыскать.

Сегодня внимательно разглядывал город и вновь ощутил, как он изранен! Все больше и больше шрамов, брешей, дыр, ям, выбоин. У «Пикадилли» снарядом вырван целый кусок фасада — от подвала до второго этажа. Видны оголившиеся стены комнат, мебель. Снизу — заложено кирпичами, а выше — зияющие пробойны... Разбита вся садовая ограда у Аничкова дворца. В Михайлов-

ском саду вырваны куски решетки, и эти места безобразно защиты досками и проволокой. Разбиты все фасады, выходящие на площадь Жертв Революции... Везде, везде нужен ремонт, большой, дорогой, прочный.

Десятый час. Опять близкий разрыв снаряда. Методический обстрел! Зарево у Эрисмановской больницы меньше. Сижу в темноте — окно открыто; обдумываю то, что еще надо сделать: 1) статью о летчиках для Чуковского, 2) призыв к молодежи в оккупированных районах Ленинградской области, 3) листовки.

Из городского быта (рассказ С.К. о старике макетчике, который строит ей макет «У стен Ленинграда»):

«Маленького роста старичок, известный всем ленинградским работникам театра. Эвакуироваться отказался... Комната разделена пополам — синяя и багрово-красная. На стенах — портреты всех лучших артистов города, десятки рисунков, гравюр и т. д. «Обожаю, знаете ли, редкости... В голодную зиму я, дистрофик, отдал последние пятьсот граммов хлеба за этот альбом и много дней сидел без хлеба. Желаете посмотреть?.. А этот диван я соорудил два года». Огромный диван, по бокам тумбы с ящиками. Выдвигается электрическая плитка, буфетик, откидывается столик для «дружеских встреч», сбоку выдвигается шкафчик с хрустальными графинами и рюмками; тут же отделение для платья, для белья и т. д. «И у Рузвельта нет такого дивана, — гордо заявляет он. — А живу я в другой комнате...» — и ведет меня в маленькую кухню, в которой стоит что-то вроде операционного стола — заменяет кровать. Под ним — маленькие красные туфельки. «Это кто-нибудь забыл?» — «Нет, это мои». Ноги у него действительно как у ребенка. «Окно у меня было разбито, я сделал деревянную решетку, вставил осколки, теперь и красиво и надежно». В комнате холодно, пахнет клеем... Одинокий, занятый человек... Руки у него золотые, макеты делает блестяще».

Опять из быта. Наш, флотский, в Москве у него жена, отвык от нее: «Но люблю ее и буду преступником, если уйду к другой». В Ленинграде у него был настоящий роман, но он оборвал его. Теперь идут уже «психологические драмы»... Чем все это кончится — неясно. Но страсти глубокие...

Обо всем этом было бы интересно написать пьесу, повесть. Но умеем ли мы писать, глядя жизни прямо в лицо? Мы в плену собственных романтических представлений, вечного устремления ввысь. В плену молчаливо принятого всеми и оберегающего нас закона: «Сора из избы не выносить». Война объяснила всем, как важно *главное*, а не копошение в личной жизни. Но все, описанное мною выше, это о людях, которые сумели работать в осажден-

ном городе, сумели выдержать, устоять! Я знаю их. Изобразить бы этих людей со всеми их свойствами, достоинствами и недостатками... Вероятно, это дело будущего...

15 сентября 1943 года.

Солнечно... Деятельность нашей авиации.

В 11 утра, по радио. Бои в Италии: 8-я английская армия спешит на соединение с 5-й американской. Опять Монтгомери против Роммеля, ныне командующего немецкими войсками в Италии.

Немецкое сообщение: «Гитлеровские парашютисты и эсэсовцы освободили Муссолини». Какой жест!

Мобилизация в Швейцарии.

В последние дни какое-то нетерпение. Всякая весть с Юга и радует и задевает. Там наступают, а *мы?*.. Сам себя успокаиваю: придет и час Ленфронта! И с ожесточением сажусь писать листовки для 7-го отдела. Хоть так ударить по гитлеровцам!

...7.40 вечера. Москва передает важное сообщение: «После двухдневных ожесточенных боев взят Нежин (город и железнодорожный узел) — важнейший опорный пункт немцев на путях к Киеву...» Салют Москвы!..

В последние дни настойчиво сверлит мысль: что же означают все эти мировые события? Куда идет человечество? Но разве мыслимо все определить?! Где-то за пределом ближайших двадцати пяти лет обрываются и самые смелые прогнозы.

О влиянии войны на творчество, душу. Мне кажется, что моя душевная жизнь мною самим сознательно стиснута — все подчинил войне, определенной задаче. Уходить в стороны, отвлекаться, позволять себе фантазии, духовные «пиры», буйства мысли, иногда пассивное созерцание — то есть то, что составляет богатство внутренней писательской жизни, — пока нельзя. Вместе с тем — в определенном плане, в заданном плане — идет обогащение опыта, души. Порой даже пресыщение. Но, конечно, духовный мир в широком человеческом смысле — творящий, вольный, жадный — у всех на замке. Эта война — наш великий долг, а если и страсть (жажда победы), то мрачная, безрадостная. *Радость черпаешь только в чувстве будущего*, то есть в *созидании*. Порой я это почти физически чувствую... Я любил колесить по стране, наслаждаться ее неизмеримыми пространствами, ее многообразием. А сейчас нельзя куда-то помчаться, «окунуться в мир»; нет былого ощущения

пространства, полета. Не могу отделаться от ощущения блокады — сидит, проклятое! Но как мы потом рванем! Как надышимся ветрами морей и степей! Сколько будет написано, сделано!

Вечером, из репродуктора — московский концерт. Его заглушает гул самолетов... Вспышки — это бьет наша тяжелая артиллерия. Долгие громы канонады.

К полуночи, по радио: бои на киевском, мелитопольском и запорожском направлениях.

16 сентября 1943 года.

Дождливо, осенне. Падают листья...

В 10.30 пошел в Пубалт... Поработал. Взял последние бюллетени...

«Кронштадт» идет в Москву в ПУ ВМФ — с письмом издательства, в котором говорится: «Рукопись утверждена Ленинградским горкомом и сдана в набор. Просим как можно скорее дать свою визу».

Лениздат готовит издание «Слова о полку Игореве» — «Сказание о гибели земли Русской», которое надо, *по сути*, именовать «Сказание о величии земли Русской», ибо оно связано с Александром Невским, с Задонщиной и т. п.

Хорошо! У нас поднимают всю русскую историю. Надо ее очистить от всяких чуждых влияний, ограничений романовской династии и т. д. Брать все от истоков славянства до Ленина.

В 7.40 вечера, по радио. Штурмом взят Новороссийск... Награждение частей Северо-Кавказского фронта и кораблей Черноморского флота. Салют Москвы и Черноморского флота!

Шаг к Крыму!

Звонок из «Правды» — просьба дать отклик на взятие Новороссийска. Тут же сел писать... Вспомнил Новороссийск, Гражданскую войну, молодость — зажегся, написал...

Звонок из «Ленинградской правды»: та же просьба.

Еще сообщение по радио, но плохо слышно. Войска Центрального фронта форсировали реку Десну, взят Новгород-Северский. Видимо, наши прорвались в сторону Белоруссии, в сторону Гомеля (река Снов — не препятствие). Ломаем Восточный вал...

Все время звонки из газет и пр. Завтра в 19 часов в ДКФ — морской митинг о Новороссийске. Начпубалта поручил мне выступить...

17 сентября 1943 года.

Весь день пишу листовки для 7-го отдела Ленфронта. Подбираю новые материалы, факты; пишу с огромной внутренней устремленностью. Надо внушать немцам: «Война проиграна, фронт на две трети сломлен, остальное тоже доломаем и в том числе группу «Норд» под Ленинградом. *Бежать* до Восточной Пруссии зимой, под градом ударов трудно, да и это не спасение, ибо с Центрального фронта наши части войдут в Польшу и, освободив ее, закроют вам на Висле все пути отступления — отрежут ваши части. А сами пойдут дальше». Надо внушать беспокойство, тревогу, заставляя их думать о зиме, о тяжелых перспективах.

Залпом написал шесть листовок...

Поехал с С.К. на митинг.

Зал Революции (в Военно-морском училище) полон. Выступил Герой Советского Союза, командир торпедных катеров, капитан 3 ранга Осипов — сипловатый боевой малый:

— Что черноморцы — молодцы, это точно, но и у нас бригада торпедных катеров — будь здоров! Больше сорока кораблей противника уже потопили. Мелочь — транспорта, лайбы и прочее — не считаем.

Встретил летчика капитана М. (он отдыхал со мной в июле 1942 года во Всеволожском).

— Как живем?

— Ничего. Опять был ранен. Фрицы меня на «яке» подбили, но и я два их самолета сбил еще в феврале. Летаем над заливом как хотим. Теперь воздух наш.

Милый, тихий парень, кадровик и работяга. На груди — три ордена Красного Знамени. Хорошо говорил...

Выступил и я, взял аудиторию с места (весь я в последние дни взбудоражен): «Происходит нечто грандиозное, а наши сводки так деловито-скромны. Идет разгром Гитлера — один на один, без «вторых фронтов». И мы свои зубки показываем и врагам, и «друзьям»... Слышен аж треск гитлеровского фронта, взламываем его от Смоленска до Новороссийска». (Бурные отклики в зале.)

Дал и некоторые обобщения...

Радио. Взяты Брянск и Бежица, разгром *шести* немецких дивизий!

Потом редактор «КБФ» увез меня к себе в редакцию:

— Напиши отклик на Брянск — Бежица, хоть десяток строк!

— Согласен, поехали...

Написал что-то около полосы, а полоса у них 8—9 страниц на машинке. Прорвало — мысли о наступлении, о перспективах, о Балтфлоте, который пойдет вперед по первому приказу. За нами

долг: Усть-Луга, Нарва, Таллин, Ханко, Балтийский порт, Рига, Виндава, Либава, Паланга. До пограничного столба и, может быть, дальше. Пусть печатают. Бодро, взволнованно на душе... Вот русский медведь и дерет шкуру Гитлера! А не лазь в Россию!!

В газетах. Крупные награждения ряда наркоматов за строительство Северо-Печорской железной дороги (1847 километров), волжских дорог на правом берегу. Награждены интенданты Красной Армии за хорошую подготовку *зимнего обмундирования* (очевидно, на зиму 1943/44 года).

18 сентября 1943 года.

...По радио передают мою статью — политический обзор — «Небо России в зарницах» из «КБФ».

Написал предложение 7-му отделу осветить деятельность Гитлера и всего фашистского руководства с точки зрения *немецких законов*. Уголовный анализ дает неожиданный эффект...

Работа 7-х отделов Красной Армии и Флота приобретает все больший размах. Улучшается техника радиовещания, применяются всевозможные агитмины и агитснаряды... Методы становятся все гибче, формы разнообразнее. Хорошо!..

Два дня части Ленфронта вели наступление на Синявинские высоты... Рывок был сделан хорошо: высоты нами были захвачены. Но ураганным огнем и отчаянной контратакой немцы их снова отбили.

Настроение на Ленинградском фронте не радужное...

Тяжелейший участок фронта. Надо готовить удар еще основательнее.

В 11 вечера, по радио. Крупные продвижения на киевском направлении, взят Миргород; на запорожском и мелитопольском — взяты Ногайск и Верхний Токмак; на днепропетровском — Павлоград. Наши части в десяти километрах от Чернигова. (Записываю главное.)

19 сентября 1943 года.

По радио передали послание Рузвельта. Главное внимание — Тихому океану... О наступлении Красной Армии он говорит с огромным уважением и, может быть, с некоторым изумлением: сравнивает последние события с изгнанием Наполеона в 1812 году. (Это сравнение ставит, таким образом, и вопрос о выходе русских сил в Европу.) Рузвельт говорит, что события в Италии — не

второй фронт. Это реализация решений Касабланки, а реализация решений Квебека — впереди. В Квебеке разработаны конкретные и точные планы нанесения дальнейших равных или еще более чувствительных ударов по Германии и Японии, причем намечены даты и пункты новых высадок войск в Европе и других местах... (Сроки?! Вот главный вопрос, хотя ценны и приведенные высказывания.)

В Балтийском флоте наблюдаются приготовления к бол[ее] широким военным действиям, прежде всего нарастающая активность торпедных катеров и торпедной авиации КБФ. Почти каждый день — новые успехи. За август и начало сентября потоплено до тридцати транспортов и легких кораблей противника (это неоднократно отмечалось в сводках). Подводники не отстают: две лодки пришли с отличными результатами. *Что и где — засекречено*, и это правильно.

...Напряженно работают наши тральщики (пахари моря!). Сейчас они тралят не только ночью, но и днем, на глазах у немцев и финнов (у Тютерса). Береговые батареи острова обстреливают их, а моряки продолжают работать под прикрытием дымзавес.

Тральщик капитана 3 ранга Кимаева затрелил и уничтожил за один поход 18 мин. Немцы выпустили по кораблю 180 снарядов — ранено 17 человек.

В Кронштадте находится вице-адмирал Раль и капитан 1 ранга Святов. Ежегодно идут десантные учения (высадка на южный берег, практика взаимодействий и т. п.). Темнеет сейчас рано. Мне думается, что за ночь десантные группы и корабли могли бы пройти из Кронштадта и к Гогланду, и в Копорский залив, и в Лужскую губу, и в Нарвскую. Опыт новороссийского броска учит смелости — там ворвались прямо в неприятельский порт к пристаням, то есть сделали то, что мы с Н. Маркиным¹ сделали 9 и 10 сентября 1918 года в Казани.

Дела будут! Бить Гитлера без передышки, со всех направлений! Особенно там, где у него уязвимые места, — и на наших фронтах, и в Западной Европе, и в Южной, и в Северной.

Четыре итальянских дивизии сдались Югославской народной армии. Партизаны заняли Спалато и еще десять пунктов на Адриатике. (Может быть, уже установилась связь морем между союзниками и партизанами Югославии?)

¹ Комиссар Волжской военной флотилии, погибший в октябре 1918 года на канонерской лодке «Ваня-коммунист, № 5», на которой Вс. Вишневецкий нес службу в качестве пулеметчика.

В 8.30 вечера. Войска Калининского и Западного фронтов после четырехдневных ожесточенных боев прорвали «сильно укрепленную долговременную оборонительную полосу» противника, запиравшую «Смоленские ворота». Взяты Ярцево и Духовщина. Особо отличились 13 дивизий, 4 бригады, 3 полка и т. д. Следовательно, в прорыв пошло *несколько армий*. До Смоленска — 50—60 километров. На киевском направлении взяты Прилуки, Пирятин и др. До Киева — 100—70 километров...

Вести из Москвы. К. Симонов и другие писатели зовут меня в Москву... В Комитете искусств очень хорошо говорят о моей пьесе, тоже предлагают послать вызов. (Никуда я отсюда не могу уехать! Отгоним немцев — тогда дело другое.)

20 сентября 1943 года.

Отправил в «Звезду» роман В. Кетлинской¹ с положительным отзывом...

Сажу над сборником о комсомоле.

Из быта. Школа на Посадской. Все вновь покрашено белым и голубым. Дети хорошо одеты...

14 сентября; идут занятия. Кажется, что никто не в состоянии нарушить тишину этого детского мира. Как всегда, неожиданно начался обстрел. Детей успели увести только в вестибюль.

Разрыв снаряда! Плач... Учительницы успокаивают, ласкают детей: «Только не кричать, не плакать... Вы ведь ленинградцы». Второй снаряд (попал в класс) — пыль, грохот... Дети и воспитательницы жмутся под лестницей. Кто-то кричит: «Мама, мама!..» После обстрела ворвались матери. Зовут своих девочек: «Люся! Вера! Катя!..» Слезы, объятия... Все живы!..

В Сталинграде быстро восстанавливается жизнь: уже вернулось 250 000 жителей; обнаружено и уничтожено 1 063 000 немецких мин и т. д.

Вокруг моей статьи о традициях и преемственности нашей стратегии уже споры. Некоторые товарищи еще не привыкли к широким формулировкам, не хотят понять того, что наша стратегия органически вырастает из *всего* народного опыта России... У некоторых наивные трактовки. Попытаюсь разъяснить им суть дела.

¹ «В осаде».

21 сентября 1943 года.

Гитлер, видимо, рассчитывает укрепиться на Днестре, заставить Красную Армию задержаться, — уже начались осенние дожди.

У нас большие трудности на железных дорогах — надо перешивать колеи¹. Растяжка наших коммуникаций несомненна...

С.К. сегодня сдала макет. Есть технические трудности. Думают, как их устранить. Решение — отлично...

Прочел присланные мне с фронта немецкие августовские газеты и журналы: нервная статья Геббельса о воздушном терроре; о том, что хотят уничтожить даже субстанцию немецкой нации; о том, что пароль дня для немцев — дисциплина, выдержка и т. п.

В берлинских вечерних газетах много статей и очерков об американизации Африки: «Французские владения — это колония США. Американцы лезут всюду со своей администрацией, аэродромами, самолетами, грузовиками, фильмами, консервами...» и пр. (Похоже на действительность.) Глухие статьи о южной битве. Фото советского танка: «Stahlkoloss»²... Снимки Кронштадта с пегтергофского берега (передам их в Военный совет и в разведотдел).

Читаешь эти газеты, и дышит на тебя тот мир — западный. В нынешней привычной установке, в нашей психике: Германия — это *Германия Гитлера*, ненавистная, разбомбленная, ржавая, садистски злая, опасная и т. д. Мы по высшей необходимости почти абстрагируем образ врага. На данном этапе это нужно. Но объективная действительность, конечно, иная. Враг сложен, он дифференцируется. Отношение к Германии тоже сложное и будет эволюционировать по мере наступления Красной Армии и по мере изменения всей международной обстановки...

Я не могу не думать о тенденциях в области духа, экономики, организации.

Кончилась и эта тетрадь...

Вышел в сад. Холодное звездное небо...

22 сентября 1943 года.

(Два с четвертью года войны.)

В 11. 30 поехал в ЛССП... Ленинградским писателям предлагается пять путевок в дом отдыха (творчества) в Переделкино.

¹ Немецко-фашистские власти на оккупированных территориях СССР перешивали железнодорожные пути на общеевропейскую колею (1435 мм), вследствие чего приходилось восстанавливать прежнюю ширину колеи — 1524 мм.

² «Стальной колосс» (нем.).

Интересно, кто из ленинградцев поедет «отдыхать»?! Писателям разрешено иметь литсекретарей на правах служащих. Это новость.

Был на Каляевой. Эта квартира — связь со стариной, с прошлым. Другие связи оборвались — нет матери, нет отца... Отца я помню живым, иным не видел, не ощущаю. Я ни разу не посмотрел на фото — он на смертном одре.

Работал над сборником «Балтийцы — Герои Советского Союза». Проверил список — тридцать пять человек... Систематизировал его, разобрал все материалы. У нас в Пубалте и в наградном отделе так небрежны, что не имеют подробных биографий Героев Советского Союза! Нашел брошюры и газеты с необходимыми краткими характеристиками. Задание очень спешное: сдать к 30 сентября...

На рынке: картофель стоит 80 рублей килограмм (рекордно низкая цена за все время обороны Ленинграда); хлеб — 100 рублей (резкое снижение цен — было и по 700). Но растут в цене дрова (с топливом туго) и вещи: шуба, стоившая 8000, теперь — 18 000 рублей.

...Вернулся Николай Чуковский. Он был в авиационных частях на южном берегу. «Илы» в последнее время свирепствуют на заливе, поэтому немцы стали обстреливать наши аэродромы: бьют по КП и по рефугам¹... Чуковский говорил о подвигах летчиков. Выслушав его, я поймал себя на том, что почти не реагирую на его рассказ — все это уже стало нормой...

23 сентября 1943 года.

Первые заморозки... Минус 3 градуса.

Утром, по радио — обрывки речи Черчилля. Он говорит о том, что до конца года состоится встреча «трех»; что создается Средиземноморская комиссия с участием Франции: «Мы рассчитываем на голос Франции...» (Уступки США и Англии французам?)

Написал статью «Ответ товарищам читателям» по поводу примеров русской военной истории (плюс вариант этой же статьи «Ответ читателю», но коротко, без дискуссии).

Ленинградский горком ВКП(б) дал указание о том, чтобы двигать «У стен Ленинграда» по радио, в печать и в театры...

В беседах с людьми ощущаешь бодрость, понимание того, что война катится под гору... Все ждут с большим интересом встречи «трех».

¹ Укрытия.

— Рузвельт ведь больной, у него ноги парализованы, как же он в Москву полетит?

— Прилетит!..

Телеграмма от А. Фадеева. Он с некоторым запозданием мне сообщает: «Пьеса разрешена, отправлена в Камерный театр, печатается в «Знамени». Подробности письмом. Обнимаю».

В 8.40 вечера, по радио. Войсками Степного фронта взята Полтава... Салют Москвы! (Таким образом, группировка «СС» разбита.)

9. 45. Взята Унеча (Брянский фронт)... Салют Москвы! Думаю, что в ближайшие дни Красная Армия вступит в Белоруссию...

24 сентября 1943 года.

Английское радио: «Казачьи разъезды в ночь на 22 сентября напоили своих коней в Днепре...» (Это неплохо, но будет лучше: «...Напоили своих коней в Одере».)

«Фашистские власти запретили немцам въезд на Украину. Уже эвакуировалось 43 000 человек из администрации, «колонистов» и др...»

С 12 до 7 вечера писал очерк «Комсомол и флот» по черновикам и материалам... В очерке есть новые сильные эпизоды о действиях балтийцев-комсомольцев. Чего стоит мужество катерника, который дрался с оторванной ступней!

25 сентября 1943 года.

Отложил все дела и под влиянием мыслей и чувств вчерашнего вечера написал большой исторический очерк «Адмирал Петр». Это из единого ряда: Балтика — Петербург. Интересен факт перенесения праха Александра Невского Петром I в столицу 30 августа 1724 года (по завершении Северной войны и [после] прочих успехов).

Пасмурно... Днем огневой налет — разрывы тяжелых снарядов. В последние дни — частые короткие артобстрелы по городу.

Правлю вчерашний очерк. Опять сильный обстрел по всему городу. Звонит С.К. (из Театра КБФ):

— Как у вас?

Немецкое радио и пресса сообщают об отходе германской армии на «зимнюю линию обороны» (?).

Днем наше радио сообщило о выходе Красной Армии к Днепру — реке, соединяющей три советские республики: Россию,

Украину и Белоруссию. Наступление Красной Армии продолжается!

Со вчерашнего дня радиопередачи Москвы продолжены до часу ночи. По вечерам — музыка.

Важное сообщение. Штурмом взят Смоленск! Взят Рославль.

Новая волна чувств, ассоциаций, мыслей. Смоленская дорога! Путь наполеоновского отступления: Орша, Березина, Вильно.

Звонят из «Правды», из «Ленинградской правды» и других газет. Пишу статью с огромным душевным подъемом...

26 сентября 1943 года.

По ленинградскому радио передали мою статью «По старой Смоленской дороге»; позже ее передала и Москва.

Сдал Пубалту сборник «Балтийская молодежь». Отредактировал десять биографий Героев Советского Союза.

Из иностранной информации.

...Английское радио твердит о наших операциях, превосходящих по масштабам Сталинградскую, об огромных последствиях наступления Красной Армии, об ее искусстве и т. д. За всем этим не скрыть страха Англии перед Россией. Она не решается своими необстрелянными армиями штурмовать берег Ла-Манша, боится немецких дивизий (в воздухе и на море англичане действуют лучше). В Италии две союзные армии ковыряются против трех-четырех немецких дивизий (у Неаполя — Салерно), а мы бьем немцев как хотим! Мы стали самой мощной и опытной армией в мире. С этим придется Англии и США посчитаться.

...Вечером, как обычно, собрались у С.К.: Тарасенков с женой, Азаров, Крон. Приехал Суворов.

...Говорили о том, что за период блокады в Ленинграде выпущено до тысячи четырехсот врачей; что огородников в городе уже более четырехсот тысяч человек; что в оранжерее Ботанического сада уже вызрел виноград; что готовится восстановление ряда зданий. Кстати, за разрушение Академии художеств немцам будет представлен счет в 2 700 000 рублей (акт об этом я подписал на днях вместе с другими товарищами). Идут реставрационные и восстановительные работы на бульварах, у Лебяжьей канавки, у Кировского моста, на Международном проспекте и т. д. Этой осенью будет высажено двадцать две тысячи деревьев.

Суворов рассказывал о том, как два разведчика разведотдела штаба КБФ были заброшены в район Териок: они осмотрели финскую позицию, убили одного офицера и несколько солдат. Три

дня сидели в песке и ели овес. Все высмотрели и с нужными данными вернулись. Операция была осуществлена на катере с форта «П», а затем вплавь.

Усталость. И снова и снова раздумья... Сквозь броню военных забот, по мере приближения конца войны, все чаще пробивается вековечное — личное...

27 сентября 1943 года.

Серо... Днем дождь.

Редактирую материалы сборника, тороплю товарищей.

Работал в международном кабинете Дома партактива до 6 вечера. Что наиболее существенного в обстановке?

Продолжающееся наступление Красной Армии. Английская и американская пресса считает, что «у русских много шансов ликвидировать весь немецкий фронт в России».

...Со страниц английской и американской прессы не сходит вопрос об отношениях с СССР. Дискуссия очень *острая*, возбужденная. «Нью-Йорк Геральд Трибюн» указывает, что антисоветские тенденции в практике США ясны: задерживается пролонгация договора о военных поставках; вмешательство в англо-советский договор о Прибалтике; поддерживаются дипломатические отношения с Виши, с Хорти, с Франко, с Финляндией, хотя правительства этих трех стран посылают войска *против СССР*... «С Россией же необходимо урегулировать отношения — иначе политика противодействия усилению России к добру не приведет». «Нью-Йорк Таймс» отвергает эти нападки и критику, называет выступления, подобные приведенным выше, истеричными и небедительными...

(Англия и США хотят играть первую скрипку, оттягивают второй фронт, определяют характер новых европейских правительств. Это ведет к попыткам изоляции России. *Отчуждение между американцами — англичанами и русскими может привести к невиданной трагедии для всего мира.*)

Эллиот (видный английский обозреватель): «...Англо-американская воздушная и морская мощь сможет быстро справиться с угрозой миру в любой части света, за исключением внутренних районов великих континентов. Таким местом может быть Россия (!). Отсюда следует, что необходимо соглашение с Россией... *Русские заинтересованы не в завоеваниях, а в безопасности*... Для обеспечения мира мы нуждаемся в русских, а они нуждаются в нас».

Любопытнейшие разговоры... О Германии Гитлера уже не говорят.

28 сентября 1943 года.

В 6.30 дня за мной зашли С.К. и Пергамент; отправились в Театр КБФ смотреть прогон первого акта.

Есть волнующие куски... В целом решение реалистически простое, но пока без «откровений». Момент первого просмотра — острый, волнующий. Внутреннее борение созданных тобою образов и представлений с новыми, воплощенными театром, порой грубоватыми образами. Подожду прогона второго и третьего актов, — многое станет яснее.

Наступление Красной Армии идет в отличном темпе.

29 сентября 1943 года.

С утра за материалами альбома... Тороплю Тарасенкова и Азарова...

В 6.30 поехал в Дом флота проводить литературный комсомольский вечер. Сделал краткое (на 25 минут) вступительное слово о связи комсомола с флотом. Зал внимательный... Выступили Крон, Тарасенков, Чуковский, Азаров. К концу — в городе выключили свет — читали во тьме. Кто-то заботливо подсвечивал из первого ряда походным фонариком...

Из признаний. «После войны будем мы — армейские девушки — грустить... Знаем — все вернутся к законным женам; все установится по-прежнему. А сейчас нас просят: «Ну, приголубь, скажи ласковое слово... Ведь, может, завтра убьют меня». Смотришь на бойца, жаль его... Часто сама влюбишься, сердце отдашь».

Вечером по радио передали о взятии Кременчуга и Рудни.

30 сентября 1943 года.

Из иностранной информации.

Конгресс США принял большинством (360 голосов против 29) резолюцию о создании *соответствующей международной организации, располагающей достаточной властью для установления и сохранения справедливого и длительного мира среди всех наций.*

...Немецкая информация скупа: «Непрерывные тяжелые бои и новые крупные атаки русских». — «Планомерный (!) отход германской армии...»

Английское радио: «Никто уже не верит германской версии о *плановом* отходе. Быстрота и натиск русского наступления объясняются тем, что на их стороне больше сил, больше умения и высоко-

кий моральный дух... Русские окружают крупные фашистские соединения, на станциях остаются сотни, а иногда и тысячи немецких вагонов, груженных боеприпасами и военными материалами».

В последних выступлениях Черчилля — при всей их гладкости — крен в сторону США и реакционных элементов. Он оправдывает англо-американскую политику в отношении России (затяжку второго фронта и пр.). Мало того, Черчилль выдвинул план сохранения англо-американского военного союза и практику назначения начальников объединенных штабов и *после войны*. (Против кого?)

Речь Черчилля вызывает критику левой демократии: «Что же, миром надо править под присмотром англо-американских политических властей?»

Реакционные американские круги, как это видно из статей «New York Times», опасаются «...русских притязаний на стратегические границы, которые США не смогут признать».

Мы не устанавливаем американские границы, — пусть и янки не вмешиваются со своими «обсуждениями» границ СССР... Чужого нам не нужно.

...В американской армии идет чистка: коммунисты и левые переведены из строевых частей в тыловые (подобие концлагерей). В реакционной прессе восторги от Сталинграда сменились оргией выпадов и оскорблений по адресу СССР. Смертельно боятся дальнейших побед Красной Армии! Все усилия реакции — на срыв второго фронта, на косвенную поддержку Гитлера (он для них, в общем, «свой парень»)... Явное стремление предотвратить рост политического и военного могущества СССР. Требования пересмотра договоров «на новой основе» (!)... Есть во всем этом американском ажиотаже стремление «запросить цену», есть во всем этом и прямая связь с начавшейся там внутривнутриполитической предвыборной кампанией.

Но шантажировать СССР ни янки, ни англичане *не смогут*. Мы свое дело сделаем!..

1 октября 1943 года.

Взят важный узел железных дорог и шоссе — Кричев (на могилевском направлении). Авиация наша бомбит Витебск—Оршу—Могилев. С выходом Красной Армии к этим пунктам у немцев рухнет — частями, а потом и вся — двухпутная рокада, идущая вдоль всего фронта: Жмеринка — Казатин — Житомир — Коростень — Овруч — Калинковичи — Жлобин — Могилев — Орша — Витебск — Невель — Новосокольники — Дно — Красногвардейск. Они должны будут относить рокаду к западу на Львов — Ровно — Сарны—

Лунинец — Барановичи — Минск — Вильно — Двинск — Псков. Подсечение этих участков может привести к ликвидации всей северной группировки противника под Ленинградом...

Создан Комитет по делам архитектуры при СНК СССР. Будет внесено больше плановости в реконструкцию городов, в новые застройки. В постановлении отмечается: создать при совнаркомх союзных и автономных республик в Москве, Ленинграде и Киеве (!) управления по делам архитектуры.

Послал письмо А. Фадееву — о ленинградских литературных делах.

2 октября 1943 года.

Из немецких писем и документов.

«...Выспаться бы, вытянуть ноги. Может быть, через два-три года это и удастся (!!). Врачи на все плюют. Каждый должен сражаться, пока не свалится».

(Есть в этом нервная надрывность — насколько наши бойцы проще, крепче, здоровее.)

«Эти снобы по ту сторону Ла-Манша виновны во всем, и поэтому нужно рассчитаться с ними так, чтобы у них навсегда пропала охота быть возмутителями спокойствия».

«Под Харьковом было трудно. Гитлер выступил в Харькове сам. «Если мы сдадим Харьков — мы проиграем войну и потеряем Германию...» — говорил он. Я сам лично присутствовал и слышал речь фюрера». (Пленный Бибер, 6-я танковая дивизия.)

Написал радиоречь к немецким матросам на Балтийском море; написал листовку к финским морякам: «*Следуйте примеру итальянцев*» (итальянский флот перешел к союзникам, теперь охраняет караваны с продовольствием и топливом для Италии и т. д.).

...Написал сестре покойного Иоганна Зельцера¹. Спустя два года после его смерти вышел фильм по его (и А. Штейна) сценарию². Поздравил ее с хорошими отзывами.

Прочел в последние дни «Хмурое утро». Это торопливее «Сестер», установочно. Есть и прекрасные картины, но есть и скороговорка. В целом это от эпохи — нервно, по-русски широко, но классической силы и мудрости нет. Это еще не все о Революции.

¹ Ленинградский писатель, погибший в сентябре 1941 года.

² «Подлодка № 6».

Октябрьские непогоды, сырость... Идет завоз картошки, овощей. Складских помещений не хватает, так как лучшие подвалы заняты бомбоубежищами.

С октября паек во флоте увеличен. Это заметно и по моему пайку: на декаду не три банки консервов, а пять; дают сухой компот; хлеба до 800 граммов, часть белым...

4 октября 1943 года.

...Сильная канонада. Бьет наша артиллерия... Правлю биографии моих таллинских друзей — Кузнецова, Байсултанова, Кулашова. Погибли они все...

Усталость — до костей...

Если в 1942 году весной и летом мы, ленинградские писатели, люди искусства, потянулись друг к другу — ощутили, что мы живы, возрадовались, — то теперь опять стало угрюмее. Ждем не дождемся часа победы Ленинграда. У каждого накопилось что-то очень свое. Идти беседовать, расспрашивать — не хочется: все себя «зажали», и все понимают это. Каждый делает свое дело и больше пока ничего не надо. Анализы, итоги — после, после!

Вернулся в Москву Театр Революции — Бабанова, Штраух, Глизер. Слушаю это радиосообщение, невольно тепло улыбаюсь. Привет, друзья! Я подумал, что, очевидно, скоро зажгутся и плафоны Камерного театра, зашумит толпа у подъезда; вывесят традиционную афишу Камерного театра — белым по черному — «У стен Ленинграда».

5 октября 1943 года.

Французские войска очистили Корсику от немцев; взята Бастия. Англо-американские войска идут по Кампанской равнине к Риму...

(От 3 до 4 часов дня — опять канонада.)

...Мне прислали 7—8-й номер «Знамени» и письмо Е. Михайловой¹ о моей пьесе...

В номере «Британский союзник» от 26 сентября помещен полный текст речи Черчилля в парламенте (21 сентября)... Весьма существенны разделы речи о том, что нацистская тирания и прусский милитаризм (то есть армия, промышленность, система воспитания и пр.) должны быть вырваны с корнем, *полностью*

¹ Ответственный секретарь журнала «Знамя».

уничтожены. «Пока мы не достигнем этого, нет таких жертв, перед которыми мы остановились бы, нет пределов применения наших сил»(!).

...Но Черчилль тут же говорит о необходимости *«планомерной подготовки»* вторжения в Европу (сколько же лет они будут готовиться?), перечисляет все сложности и т. д. Он отвергает соблазн — «во имя политического единогласия или снискания кликов восторга, откуда бы они ни исходили», — открыть немедленно второй фронт.

6 октября 1943 года.

...Написал шесть листовок. Последняя — ироническая: «В недалеком будущем ОКВ сообщит: по плану произведена эвакуация из-под «незначительного» русского городка Ленинграда...»

У нас уже три предместных укрепления на правом берегу Днепра... Сейчас несомненно готовится новый удар Красной Армии. Предположение некоторых, что победа без помощи союзников невозможна, в общем *опровергнуто практикой.* Ближайшая задача — выбросить немцев за государственную границу...

Днем, по радио — речь посла СССР в США товарища Громыко. Ответная речь Рузвельта: все вежливо, «доброжелательно»...

Гарриман назначен послом США в Москву.

Черчилль принял товарища Шверника и делегацию советских профсоюзов (!)...

7 октября 1943 года.

Осенне-солнечно... Погромыхивает артиллерия...

Мне принесли бюллетени ПУРа, Ленфронта и «*Reveler Zeitung*» за сентябрь; ознакомился и с другими материалами...

Из немецкого радиоперехвата:

«США захватили базы в Южной Америке. Держат Исландию и Северную Ирландию и сильно вцепились в Африку. На Ближнем и Дальнем Востоке американские войска — от Австралии до Алеутских островов. Практически они вытесняют англичан отовсюду. Можно ставить вопрос так: против кого в действительности ведут войну США — против Германии или против Англии? Они стоят с оружием против нас (Германии), но ведут себя в английских владениях, как в оккупированных...»

На Украинском фронте: непрерывные дожди, грязь. Немцы, подтянув силы, еще удерживают линию Днепра.

На один из наших островов завезли продовольствие. Старшина, выдавая матросам продукты, сказал:

— Вот вам, по генеральному плану войны — до 24 июля 1944 года. И больше ни черта не получите — потом мир будет...

Из анекдотов войны.

Бог решил разобраться в делах народов и вызвал глав воюющих сторон.

— Почему вы воюете? — спросил он Гитлера.

— Нам нужно жизненное пространство.

— А вы?

— На нас напали, — ответил Сталин.

— А вы? — обратился бог к Черчиллю.

— А кто вам сказал, сэр, что мы воюем? — удивился Черчилль.

Вечером к С. К. зашли вернувшиеся из Москвы В. Инбер, ее дочь и И.Д. Страшун¹. Вера Инбер:

— Поездка была хорошей, деловой... В Москве на улицах войну почти не чувствуешь, не то что у нас в Ленинграде... В Союзе писателей как-то пусто. И. Эренбург устал; мешки под глазами, много работает... Фадеев улетел в Краснодар... Салюты! — я их видела все. Это замечательно, — световой ансамбль. Я жила в гостинице «Москва» на девятом этаже, оттуда все — как на ладони.

Вечером, по радио. Войска Калининского фронта прорвали немецкую оборону и заняли Невель. Рокадная железная дорога Ostfront'a² — перерезана. Новый клин! Угроза охвата Витебска — Полоцка, угроза Псковскому району! (Видимо, октябрь терять не будем.)

Немцы о Ленинграде.

«...Ленинград мы никогда не получим». (Ефрейтор Шредер, 170-я пехотная дивизия.)

«...Это крепость, которую нельзя взять. Здесь вперед не продвинешься. Если его не взяли в 1941 году, теперь уже не взять — город сильно укрепился... Мы сами ожидаем удара со стороны Ленинграда». (Лайбертс, 11-я пехотная дивизия.)

Вечерняя сводка. Наши войска после короткой паузы, подтянув тылы, возобновили наступление по всему фронту от Витебска до Тамани. На Волховском фронте нами взяты Кириши...

¹ Профессор, муж В.М. Инбер.

² Восточный фронт (нем.).

8 октября 1943 года.

На Смоленщину вслед за потоком войск возвращаются со своими стадами пастухи и доярки. Это символ возвращения жизни, труда...

На рынках продолжается падение цен (!): кило хлеба — 80 рублей, картофель отборный — 80, мелкий — 50 рублей килограмм...

Из настроений немецкой армии.

Поражение летом 1943 года произвело на немецкое офицерство более сильное впечатление, чем Сталинград. Тогда верили в реванш. Теперь, когда все рухнуло, говорят прямо, что надежд на благоприятный исход войны с Россией нет. «Люди гибнут напрасно».

Все больше скептических настроений: «Когда англо-американская авиация бомбит Германию, немцам (в тылу) говорят, что для союзников это проходит безнаказанно, потому что вся немецкая авиация — на Востоке. А здесь, на Восточном фронте, солдат убеждают в том, что у русских превосходство в воздухе, потому что вся наша авиация — на Западе».

Отношение к Гитлеру ухудшается. В немецкой армии появляются песни, высмеивающие его, много анекдотов и т. п. На стенах домов в Кельне появляются надписи: «Hitler, du toller Affe, wo ist deine geheime Waffe?»¹ и другие.

В офицерской среде рост самоубийств, пьянство...

К 9 вечера поехал в офицерский клуб на вечер отдыха офицеров Морской железнодорожной артиллерийской бригады. Выступил с сжатым обзором военно-политической обстановки. Встретил друзей: капитана 1 ранга Черокова с Ладоги и др. Ладожскую военную флотилию уже рассматривают как резерв, начинают ее «раздразнивать»: нужны люди на Днестре, а завтра — на Дунае, на Западной Двине...

Наблюдал за офицерами, — некоторым из них определенно не хватает воспитания... Нам преподавали многое, но не научили простым вещам: как войти, как поздороваться, как сесть за стол, как держать вилку и нож, и т. п. и т. п.

Видимо, хорошие манеры — это дело «завтрашнего дня». Все это откладывалось до определенного времени — это время придет после победы! Мы сила, сила невероятная — и простая и сложная!

«Нужны ли манеры, фраки, мундиры и т. д.?» — «Пожалуй, нужны... Ладно, и это освоим», — говорят офицеры с усмешкой...

¹ «Гитлер, бешеная обезьяна, где твоё секретное оружие?» (нем.)

...Во мне сталкиваются разные начала: давнее-давнее, с детства прививавшееся воспитание, и более позднее — от революции, от стихии. Сталкиваются и *синтезируются* — вот что любопытно. А было время, когда каждый из «прошлого», от интеллигенции, чувствовал себя виновным в самом факте принадлежности к «тем», к «тому» времени...

9 октября 1943 года.

Был Н. Воронов... Сказал, что напишет обо мне очерк для заграничной прессы и для «Огонька». Попросил данные моей биографии.

Днем прошелся к Новой Деревне. Золотистая осень... Мчатся грузовики, — смотришь, и уже нет прежнего ощущения сдавленности, блокадных тисков. Еще немного, и мы вырвемся на дороги к западу, к югу, к северу.

Вечером. Радиопередача с переправы на Днепре.

В 9.30. Закончена ликвидация всего немецкого плацдарма на Тамани!.. Салют! — 20 залпов из 224 орудий...

Прочел книгу «Героический Ленинград». Это только предварительная публицистическая суховатая проба. Разве этими статьями смогли мы передать пережитое, содеянное в Ленинграде?

10 октября 1943 года.

В «Ленинградской правде» напечатан мой очерк о Петре I.

В районе Киева противник ввел в дело воздушную эскадру — до двух тысяч самолето-вылетов в день. Но и это им не помогает. Правобережный плацдарм Красной Армии расширяется — снаряды противника уже *не достигают* Днепра!

Из иностранной информации.

Линию Днепра немцы именуют Линией родины. Приказ не отступать. Позади частей поставлены заградительные отряды СС. В Германии снова совещание ОКВ.

Налеты немецкой авиации на Лондон. Сброшено якобы тридцать тонн бомб.

В 8 вечера выступил по радио с речью «Комсомол и флот» (использовав свою статью)...

11 октября 1943 года.

Весь день работал. В час дня отослал шесть биографий Героев Советского Союза, хотел до отъезда в Кронштадт все закончить, но просят отредактировать, отшлифовать и другие... Работа была трудная, так как всё — «в два счета», а материалов — минимум. Надо написать в Военный совет КБФ о том, что у нас не знают даже балтийцев — Героев Советского Союза. Никто толком этим не занимается; нет автобиографий, а получить точные данные об убитых просто невозможно. Хорошо, что я многих из них лично знал.

Редакция «КБФ» послала своих корреспондентов на фронт. Ждут наступления.

12 октября 1943 года.

Артиллерийская стрельба. В четвертом часу дня засвистели немецкие снаряды: грохот, удары, опять звенят стекла...

Отнес в Пубалт все восемнадцать биографий (все же успел за ночь отредактировать) и мое предисловие к альбому.

Написал статью для газеты Н-ской морской железнодорожной артиллерийской бригады о пяти снайперах майора Гранина, убитых около тысячи гитлеровцев...

Еще раз смотрел макет С.К. Пролог и первый акт безусловно хороши и сильны. Это старина, город, Нева... Второй и третий акты надо еще раз посмотреть в правильном освещении. Мне бы хотелось еще лапидарней...

13 октября 1943 года.

Сегодня вечером уеду в Кронштадт.

Утром — на просмотре первого и второго актов «У стен Ленинграда»... Второй акт захватил сразу... Это широко, грубо, остро. С огромным напряжением всматривался, слушал, думал. Это моя душа звучит, ищет, мучится... Есть особая сила и прелесть в факте рождения спектакля. Уже завтра все будет по-другому, не будет новизны... Да, преемственность от Гражданской войны, от «Оптимистической» ясна — это сознательно и подсознательно. Хороша матросская масса — смелая, резкая... А матросский порыв, их клятва! Я хочу просто говорить об этом, как матрос, как зритель...

(И все же, конечно, пьеса романтическая. Жизнь жестче, грязнее, грубее, чем я ее вижу, и во сто раз грубее, чем я пишу.)

Был командир Н-ской стрелковой дивизии генерал-майор Синкевич. Опять дрались у Синявино; опять взяли и отдали высоту; опять с той и другой стороны артиллерийский огонь... Иллюзий строить нечего — еще возни с ними хватит!

По радио. Итальянский король объявил войну Германии; СССР, Англия и США признали Италию «совместно воюющей страной».

Ночь на 14 октября. В 9 вечера выехал с товарищами из Пубалта на Лисий Нос.

...Идем на катере в Кронштадт. В темноте кормового кубрика несколько человек рассказывают боевые эпизоды. Я дремлю, катер покачивает.

2 часа ночи. Кронштадт... Ленинградская пристань. Патрули... Приехали в Дом флота. Дежурная выдала ключи от номеров: — Здравствуйте, узнаю — вы были у нас и в финскую войну, и в 1941 году...

Вспомнились осенние дни 1941 года...

14 октября 1943 года.

Пока тихо.

Уборщица рассказывает мне о жизни Кронштадта, о своем житье-бытье:

— Нас предупредили о вашем приезде — мы вас ждали, протопили. Тепло ли вам? Живем понемногу, уже по пятьсот грамм хлеба получаем! Стираю белье, зарабатываю. Дочка у меня растет... Прибежит: «Мама, нет ли покушать?» Вот и приходится подрабатывать.

Показывает разъеденные щелоком руки с распухшими суставами. Вспоминает голодную зиму...

В 8 утра был в ОВР¹. Беседа с командирами... Сейчас ОВР — главное воюющее соединение... Тралят у Гютерса (одновременно выходят по сорок тральщиков). Противник от активных операций уклоняется. У всех очень бодрое настроение...

Вечернее радио. Штурмом взято Запорожье, идут бои в Мелитополье. В двух местах наши войска перерезали железную дорогу на Мелитополь... Гитлеровцы отброшены более чем на тысячу километров от волжских и кавказских рубежей.

¹ Охрана водного района — соединение из различного рода военных кораблей, обеспечивающих охрану и свободу плавания в определенном водном районе.

Ночной лунный Кронштадт, темнеет громада Морского собора... Старые места — давние дела...

15 октября 1943 года.

В Кронштадте пока тихо. Тише, чем в Ленинграде...

Выступил в Доме флота. Переполненный моряками зал. Говорил с подъемом... Ряд откликов, приглашений.

16 октября 1943 года.

Солнечно... С утра сильнейший обстрел Кронштадта. Наш ответ — по южному берегу.

Был в отделении «КБФ». Звонил С.К. — телефон не отвечает.

Днем — в штабе бригады морской пехоты. Она получает знамя, просят это событие отметить, дать статью о морских традициях... Взял историю бригады, надо изучить.

Вечером — на форт «Риф». Ночной Кронштадт, ехали лесом, мимо старого кладбища. Здесь похоронен И. Зельцер.

На форту познакомился с артиллеристами — полковником Терещенко, командирами дивизионов и др. Народ хороший, боевой. Узнал, что В. Суворов направлен на Сескар замполитом коменданта острова.

Под грохот канонады отметили 32-ю годовщину «Рифа». (Батареи фортов бьют по Петергофу.) Оживленно беседовали на темы дня. Вспыхнул разговор о будущем Германии. Мне было интересно послушать товарищей-офицеров. Большинство за крайние меры возмездия. Товарищ Терещенко рассказывал о письмах с Украины. Тяжко слушать. Потом отвлеклись, шутили, пели старые флотские песни. Наблюдал за людьми: очень прочные — это кадр! Думают о движении на запад, готовятся. Все время начеку: чуть выстрелы — ушки на макушке.

17 октября 1943 года.

В 10.30 утра — в бригаде морской пехоты. Выступил в их клубе (перед офицерами), говорил о ходе войны, остановился на некоторых задачах подготовки, о традициях. Слушали хорошо, но часто говорить на ту же тему мне уже как-то трудно...

Не успеваю все записывать...

18 октября 1943 года.

Был на телеграфе, послал С.К. телеграмму. Прошелся по городу. Он все такой же — старый, задумчивый Кронштадт... Памятники укрыты, обшиты досками, в щелях прорастает трава...

В 3.15 дня на катере — в Ораниенбаум. Внимательно всматриваюсь. «Марат» весь замаскирован под кирпичную стенку...

Осень стоит мягкая, солнечная. Видимость на заливе отличная. Вот Петергоф, — не верится, что там немцы... Гляжу на море, на природу вокруг — и человеческие дела кажутся такими преходящими!

В Ораниенбаумском порту стоит «Аврора». Вся изранена осколками. Ветер шевелит флаг и гюйс. Придет день — корабль опять займет свое место на Неве, — это будет хороший [военно]-м[орской] ист[орико]-рев[олюционный] музей.

Мимо парка, по береговому шоссе. Сосновый лес, море, злоеющая тишина... Бурые поля, иногда ярко-красный кустарник.

К вечеру прибыл в Н-ское соединение — выступил. Усталость...

19 октября 1943 года.

Встали рано. Бодро, дружно... Люблю фронтую, флотскую среду! Все осмотрел и поехал дальше, в Н-ский укрепленный сектор. Там встретил члена Военного совета генерал-майора Вербицкого, начальника тыла КБФ генерала Москаленко и командующего КМОРом¹ контр-адмирала Левченко. Побеседовали... Уже намечается ряд мероприятий по выдвигению баз и складов на запад.

— Мы еще вернемся — и вы, товарищ Вишневецкий, с нами — по старой дороге в Таллин.

Сделал в клубе доклад — на этот раз о методах пропаганды, о листовках и радиопередачах для немцев. Здесь в этом плане — широкое поле деятельности.

Вечером с М. И. Москаленко на машине — обратно в Ораниенбаум, затемно на катере — в Кронштадт. Ночная Балтика, ветер — в лицо... Очень хорошо!

Ужинали у контр-адмирала Левченко...

Прослушали вечернюю сводку. На витебском, могилевском и гомельском направлениях операции несколько замедлились. Ки-

¹ Кронштадтский морской оборонительный район.

евская группа наступает, взят Вышгород. Овладели Пятихатками. Упорнейшие бои за Мелитополь.

В Италии «неторопливые» действия 5-й американской и 8-й английской армий.

Ночью на катере — в Ленинград...

Поездкой доволен: кое-что посмотрел, выступал у моряков в нужное время.

20 октября 1943 года.

В Москве. Совещание трех министров иностранных дел. 16—17 октября был VI пленум Славянского комитета...

Идет передвижка войск по всему Ленфронту... Срочное обучение всех шоферов управлению иностранными машинами: немецкими, американскими и пр. «Если фронт двинется — на две-три недели всех заберем, возить нас будете...» (Мой шофер Смирнов сдал экзамен досрочно.)

Просмотрел текущие дела, корреспонденцию... Усталость...
Ночью — канонада.

21 октября, 1943 года.

Читаю Ленина, и прибавляются новые силы, светлеет на душе. Какая воля, какая энергия! Праздничная энергия!

Написал для ПУРККА листовку к Октябрьской годовщине. Работал весь день...

В 5.30 поехал в Дом партактива почитать свежие материалы...

22 октября 1943 года.

...В 3 часа дня — в Пубалте. Разведотдел штаба просит у них выступить. Сделаю доклад о русских адмиралах...

«Правда» прислала нам посылку: пакет с американским маслом, три коробки консервов, мешочек риса и пол-литра водки. Меня трогает это внимание...

В «Красной звезде» на днях напечатали очерк о Георгиевском кавалере казаке; в «Ленинградской правде» (от 21 октября) — очерк о Георгиевском кавалере, пехотинце Иване Беляеве, запросившем командование, может ли он носить Георгиевский крест 3-й степени, полученный в боях 1915 года. Ответ — положитель-

ный. Крест был прикреплен к его груди перед строем роты! (Сохранились ли дома мой Георгиевский крест и медали? Ленточки я, уезжая на фронт, захватил с собой.)

23 октября 1943 года.

Работаю над листовкой о мятежах в германском флоте.

В 5 часов поехали с С.К. в ЛССП на чтение сценария Ольги Берггольц и Ю. Макогоненко. Чтение длилось 2 часа 10 минут. Это лирико-бытовая психологическая повесть о голодной зиме 1941/42-го. Много верно наблюденного, тонкого, душевного, чистого. (В основе сценария: комсомольская тема — бытовые отряды.) Сумеет ли кино передать правду о Ленинграде, о его людях, об их душах?..

Ночью, радио. Взят *Мелитополь*, — прорван укрепленный район немцев, запиравший путь к Крыму и Нижнему Днепру.

Очень устал, плохо сплю. В последнее время все снится война.

24 октября 1943 года.
Воскресенье.

Народная армия Югославии насчитывает уже семнадцать дивизий плюс ряд мелких отрядов. Усиливается ее техническое оснащение. Для борьбы с Югославской армией назначен генерал Ромель. Шесть карательных походов немцев уже сорвались...

В 7 вечера, по радио: «Вчера Камерный театр вернулся в Москву». Рад!

К 8 поехали с С.К. в Радиокомитет. Дожливо... Во тьме — синие и белые пятна фар, красные огни.

У пульта — оживление. Репродукторы передают и Ленинград, и Москву. Еще раз проверил свой текст, подсократил его. Послушал рассказы товарищей.

— В доме отдыха в Парголово — тринадцать мужчин и тридцать женщин. Отдыхать так отдыхать! Патефон, танцы. Но из всех мужчин умеют танцевать только трое... Я оказался в числе трех. Образовалась живая очередь. Нам, танцорам, давали усиленное питание — добавочный стакан простокваши!! (Хохот.)

Как всегда, вспоминаю, какой замерзшей и грязной была эта комната зимой 1941/42-го; обросшие щетиной, голодные люди и упорное: «Говорит Ленинград...»

Выступил в 8.35. Говорил о молодежи Ленинграда и сам разволновался. Знаю, что слушают десятки тысяч — наши питерцы, семьи тех, о которых говорю, и те, о которых говорю. Выступление длилось 30 минут.

Домой шли пешком, под дождем, по лужам... Ни одной проверки... Мрак и кое-где пятна фонариков (у пешеходов) или узкие полосы света из плохо замаскированных окон... Над Невой — туман.

26 октября 1943 года.

Солнце сквозь тучи... Резкие выстрелы...

Немцы последнюю неделю сбрасывали листовки: «Мы, может быть, уйдем, но крепко хлопнем дверью». Посмотрим, кто кого хлопнет — теперь мы хлопаем немцев!

Несомненные признаки успешного хода Московской конференции трех министров. Сталин принял К. Хэлла и Гарримана...

У меня какое-то нервное, приподнятое состояние. Мысль рвется на просторы страны... Да, абсолютно, непререкаемо — идет Победа!

На правом берегу Днепра — вторжение наших танковых корпусов на немецкие тылы. Рушится вся система немецкой обороны Крыма и Нижнего Днепра. Завтра-послезавтра возникнет николаевское направление. Красная Армия не теряет темпа, — движение вперед ускорится подобно лавине. В воздухе что-то праздничное, Октябрьское! Мы верим, знаем — наш народ всегда творит новое, хорошее. Иначе и быть не может! Газеты полны материалами о победах и — что трогает душу больше всего — о колоссальной восстановительной работе в освобожденных областях. Правительство, весь народ помогают освобожденным с истинной щедростью, заботливостью. Во всем — необыкновенная дальновидность партии...

27 октября 1943 года.

К полудню — сильная канонада...

В 4 часа дня — на заседание редколлегии «Звезды». Говорим о ленинградских писателях, их темах. Со многими не согласен... Внимаю, подаю реплики. Но... сейчас ни унции энергии на литературные споры! Это после войны!

К 6 вечера — в Дом Красной Армии. (Впервые с 1917 года приколос сегодня свои три истертые Георгиевские ленточки...) Я

люблю здесь бывать, люблю свои встречи с Армией, мою любовь и уважение к ней. Словом, люблю!

Побеседовал с начальником Дома... Начали в 6. 30. Немного мешало хождение запоздавших. Потом сразу взял аудиторию, и — говорю честно — это был мой «Большой день». Я рассказал молодому офицерству о России, о Балтике, о ее людях, об Октябре, о взлетах русской души. После полуторачасового доклада мне говорили теплые, дорогие моему сердцу слова. Мне было хорошо от людей, от времени, от силы, которая переполняет нас всех; от того, что мы — *мы!* Это иначе не объяснишь... Да, я временами взлетал и аудитория взлетала, — это восторг бытия, воображения, надежд... Я говорил открыто, прямо, брал широко и жил каждой секундой этой речи, этой встречи. Я хотел праздника! Я вспоминал праздники юности, дни вручения Георгиевских наград в 1915 и 1916 годах, сравнивал и был счастлив от сравнения... Страшная внутренняя устремленность, восторг, видения будущего — передавались аудитории, волновали души людей... Когда-то мне, мальчишке, так говорили о жизни, о войне старые матросы и солдаты. Конечно, жестче, грубее, но семена запали...

28 октября 1943 года.

Был в Пубалте... Идут серьезные операции под Киевом: наши части обходят Киев с севера и с запада. Железная дорога Киев — Коростень нами перерезана...

У Гитлера затруднения с нефтью; со всей оккупированной им европейской территории он получает в год 9 000 000 тонн и 3 000 000 — синтетической немецкой нефти.

СССР имеет 35 000 000 тонн *своей* нефти, то есть у нас превосходство почти *тройное*.

На улицах на стенах домов нанесены голубые квадраты, на которых — белыми буквами: «Эта сторона улицы при обстрелах является наиболее опасной».

29 октября 1943 года.

Приветствие ЦК ВКП(б) — комсомолу. Теплое, деловое. Без особых «праздников», — война прежде всего.

Беседа с Всеволодом Азаровым о его пути, о его творчестве. Дал ряд товарищеских советов, может быть, и суровых. Весь день просидел над его рукописью — сборником стихов. Есть хорошие стихи. Но есть и абстрактные, условные... Написал письмо — подробный разбор. Пусть будет ему и трудно, но, может быть, он поймет

до конца, чего сейчас ждет народ, какие нужны слова, какой нужен стиль. Ведь кое-что он уже нашел. Видимо, сказывается глубокая усталость... Надо помочь...

30 октября 1943 года.

С утра — в Пубалте. Будем передавать четыре раза в месяц специальные флотские радиопередачи для войск противника...

Геббельс играет в правду — уже говорит о кризисе, но молчит об его *причинах*, об его корнях.

Союзники, как обычно, не спешат. Все напряженно ждут решений Московской конференции.

В Октябрьских призывах: «Да здравствуют доблестные англо-американские войска, ведущие борьбу в Италии!», «Привет англо-американским летчикам!», «Да здравствует победа англо-советско-американского блока!» — симптомы как будто благоприятные.

31 октября 1943 года.

Мысль забегает вперед — в духовное, культурное *будущее* России! Вижу его светлым... Сил у народа и партии уймища! И Гитлер, и все его европейские вассалы (а в 1941-м это была сила) не смогли *даже подломить эту силу*. Только дайте нам простор! Хлынут новые проекты, развернутся стройки; упорное соревнование с Англией и США...

Беседовал с разными людьми. «Будут товары, все будет?» — «Неужели все быстро восстановится?»

Я рассказываю о стремительности процесса возрождения, о колоссальной потенции нашего народа. Слушают внимательно. Я видел восстановление нашей страны с 1921 по 1941 год и абсолютно убежден именно в *стремительности* процесса восстановления освобожденных областей и районов. Товарищи из обкома мне говорили, что недавно освобожденный Демянский район уже дал льна *больше*, чем до войны. Уверен, что весной Донбасс, Днепропетровский, Днепродзержинский и Запорожский промышленные районы — оживут. Страна их подымет, наладит. Работать мы умеем!

Днем на просмотре третьего акта «У стен Ленинграда». Начало еще не найдено, некоторые затяжки... А затем — круче, острее... Все просто, верно, — это органика Балтики, это Ленинград. Меня потрясла сцена с ранеными (как всегда, забывал, что я автор)... Финал почти найден. Еще осталось доделать несколько штрихов. Театр сумел решить пьесу.

Вышли в город. Побродили... На улицах афиши «У стен Ленинграда». Тепловатый сырой день. У нас с С.К. смешиваются общие ощущения дня. И успех, и надежда на близость нормальной жизни вытесняют прежние ощущения блокадной сдавленности, «томления». Открываются просторы!..

1 ноября 1943 года.

Написал статью в газету летчиков Н-ского укрепленного сектора.

Заезжал командир Офицерского полка Ленфронта¹. Просит приехать и выступить на тему «Литература и война». Побеседуем — главным образом о войне. О литературе — потом...

Вечером в Пубалте. Зашел к Добролюбову, — он готовит Октябрьский доклад — пишет, курит, сипит трубка... Потом говорит мне:

— Шесть лет я не был в отпуску. Семья зовет, молит... А ехать нельзя, не время... Когда возьму отпуск — первое, что сделаю, две недели спать буду.

(У каждого свое, но каждый обязан идти до конца. Лишь порой прорывается что-то личное, которое прячешь сам от себя.)

Записал информацию о потерях противника на Балтийском море за июль — октябрь 1943 года (пригодится для листовок).

...Балтика свой счет увеличивает. Главные удары сейчас наносит балтийская авиация.

Вечером, по радио. Наши войска, преодолев сопротивление противника, прорвались через Турецкий вал в Крым. Пути отхода немцев из Крыма — по суше — отрезаны. Пленных до 6000 человек за два дня.

2 ноября 1943 года.

Тихо... У нас все еще длится пауза — подготовка.

В 11 утра слушал декларации СССР, США и Англии. Да, содержание их глубокое, обстоятельное, с учетом самых различных моментов: и военных, и политических, и экономических, и юридических, но еще далеко не полное и не завершающее. В тексте упомянуты «объединенный штаб», *подготовка новых военных операций*. Затем — ряд принципиальных соглашений о Европе, — в частности, намечен статус *демократической* Италии. Ряд соглашений на будущее: о неприменении вооруженных сил в других госу-

¹ Офицерский резерв, пополняющийся школами младших лейтенантов и выздоравливающими из госпиталей. (Прим. автора.)

дарствах без взаимной консультации; *об ограничении вооружений после войны* и пр.

Обязательно надо подробно ознакомиться с комментариями иностранной прессы. Обращает на себя внимание тот факт, что конкретные сообщения о Европе ограничены Италией и Австрией.

Из быта. Дети учатся... Один паренек (из заводских) за «аренду» учебников отдает другу свои неказистые игрушки.

— Зачем отдаешь?

— Я вырос, мне теперь книжки нужны.

Мальчонке самая пора играть, но он уже рабочий на заводе и пережил блокаду, ему не до игрушек!

В городе выдача праздничного пайка: 400 граммов риса, 300 — кондитерских изделий; творог, огурцы, сахар, чай, мыло, спички; 400 граммов мяса, 200 — масла; полтора литра пива, пол-литра водки, четверть литра вина; 250 граммов сухофруктов, 500 — компота, а детям — какао, сгущенное молоко, шоколад и орехи.

На расклеенных вчера по городу газетах это извещение (напечатанное внизу, в правом углу) *оборвано*. Каждый хочет точно запомнить, «что дают»...

3 ноября 1943 года.

...В немецкой прессе уже поговаривают об оборонительной линии Рига — Одесса; в английской — о линии Рига — Брест — Карпаты... Военная обстановка для Германии с каждым часом все труднее. Заменить кадры, создать новые ударные армии, возродить былую мощь немецкой армии Гитлер не сможет.

Английские генералы говорят, что русские воюют с таким стратегическим мастерством, которое немцам и не снилось. Мы теперь бесспорно имеем *все* преимущества и в резервах и в технике.

Немцы сейчас теряют Крым. Красная Армия получает новые стратегические базы и аэродромы...

После Днепра, форсированного с хода, что значит для нас Днестр?!

У нас идет непрерывная подготовка к зимним грандиозным наступательным операциям. Духом наступательного порыва проникнута вся Красная Армия, вся страна. Немцы передышки не получат!..

Политические результаты побед Красной Армии. Мир, как Фома неверующий, «вложил персты» — прошупал немецкую армию, бывшее пугало! Мир увидел, что Красная Армия крепче, опытнее, искуснее. Советское руководство, советский народ, со-

ветская система выдержали испытание огнем. Советские люди заняли свое место в первых рядах человечества.

Наступление Красной Армии определило и определяет международную дипломатическую деятельность. Заседания Конференции трех министров — не в Лондоне, а в *Москве!*..

Хлебные нормы в Европе: в Германии — 345 граммов в день, во Франции — 300, в Бельгии — 250, в Голландии — 257, в Норвегии — 260, в Греции — 220. (Маловато!)

В 6 дня — на заводе имени Макса Гельца...

Сделал доклад о XXVI годовщине Октябрьской революции. Собрались в Ленинском уголке. Полно! Очень внимательно слушали. Потом традиционный концерт и бал... Я после доклада ушел, — усталость...

4 ноября 1943 года.

Широчайшие мировые отклики на Московскую конференцию...

Немцы главным образом интересуются военной стороной соглашения. Есть сведения, что они продолжают переброску войск из Италии на Восточный фронт.

Иден будет вести переговоры в Каире с министром иностранных дел Турции — Менеменджиоглу. Турции пора быть активной.

Упорнейшие бои у Кривого Рога... Наши десанты у Керчи.

По английским данным, в Крыму находится пять немецких дивизий плюс двести тысяч раненых, больных и выздоравливающих солдат (вывести их уже не успеют).

(Весь день методический обстрел города.)

Ленинградская строительная промышленность в 1944 году будет доведена до довоенной мощности. Уже разрабатываются планы капитальных работ по восстановлению Ленинграда, Петергофа (!) и т. д. Силы МПВО теперь частично перебрасывают на строительно-ремонтные работы (смена трамвайных путей, ремонт набережных, школ и т. д.).

Вечером, по радио. Итоги летней кампании Красной Армии в 1943 году (!): за четыре месяца разбито *сто сорок четыре немецких дивизии...* Потери противника в технике — огромны. Результаты грандиозны! (К этому прибавить результаты зимней кампании 1942/43 года.)

В сводке: под Киевом взята дачная местность *Пуща-Водица*. Это уже почти Киев!

5 ноября 1943 года.

Пока тихо. С утра в Пубалте писал с увлечением очерк о торпедных катерах КБФ для «Ленинградской правды». Затем тут же написал статью для «Смены».

В 5.30 выступил на Октябрьском вечере Дзержинского района с коротким словом о Балтийском флоте. Вечер — официальный, скучноватый...

Отряд торпедных катеров КБФ при встрече с восемью немецкими тральщиками утопил пятерых и подорвал трех.

6 ноября 1943 года.

В газетах — карта фронта на 5 ноября. Внушительное продвижение!

Из откликов и заявлений.

Бурные изъявления чувств со стороны американцев и англичан: они очарованы приемом в Москве, духом России и т. п.

В Москве создана военная миссия — видимо, англо-американская — для постоянной связи с Верховным главнокомандованием СССР.

Союзники представили планы операций, разработанные в августе в Квебеке. «Русские с ними как будто согласились. Это должно закончить полемику о втором фронте». (Английская газета.)

Англия и США довольны тем, что СССР согласился вступить в Международную организацию. (Страх перед возможностью заключения СССР «самостоятельных» блоков?)

Союзники обещают не повторять ошибок Первой мировой войны — разобщения стран-победительниц и изоляции России.

«Вопросы о Польше и Прибалтике будут решены наилучшим образом» (!?).

Все ждут освобождения Киева...

В городе праздничная атмосфера. Очереди у магазинов, выдача водки, белого хлеба.

— С изюмом! Господи...

В 4.30 дня — важное сообщение... Ура! Взят Киев!

В штурме Киева участвовало: двадцать семь дивизий, три гвардейских танковых корпуса и другие части.

По-видимому, немцы попались на предпринятый нами Криво-рожский удар, — туда они бросили резервы, там они отчаянно контратаковали, там они пытались спасти марганец и железную руду, которые им все равно не удержать. А главный удар грянул под Киевом. После Киева, наверное, пойдем на Буковину и Румынию. А охват: Николаев — Херсон — Кривой Рог — Кировоград — Одесса будет отработан фланговым маневром Красной Армии. Потеря Киева символизирует потерю Гитлером «восточного жизненного пространства», потерю *Украины*, то есть проигрыш всей войны на Востоке!

...Да, наш народ сумел отметить праздник! Все личное растворяется... Грандиозный взлет России — СССР неизмерим!

Вспоминаю Октябрьские дни 1941 года, свою взвинченность, абсолютную веру в победу, выступление на Подплаве. В 1942 году в этот день — премьера в Музыкальной комедии¹. Завтра в этом же театре 100-й спектакль «Раскинулось море широко». (Прожит год!)

Думаю, что каждый должен оглядеться, подвести итоги, — разговор с самим собой. Выше творческую требовательность! Жестче — в глубины «я», в глубины духа, как бы трудно это ни было. От философского «равновесия» и духовного «покоя» меня всегда спасает мое нутро, мое боевое «я», моя революционная традиция. Сторонним наблюдателем, ироническим философом, циником или «вежливым» членом общества я никогда не стану. Моя душа не такова.

Впервые за всю войну ворота нашего дома украшаются флагами. Три женщины стучат молотками. В нашей квартире предпраздничная уборка. Ухожу на час, чтоб не мешать.

В Пубалте готовится банкет-бал (75 рублей с персоны) .

Звонок от генерал-лейтенанта Москаленко: «Пришлите, пожалуйста, за октябрьской посылкой». Отлично! — устроим и на Песочной банкет.

...Думаю о развитии военных событий. Мысли о том, что германские фронты будут нами разрезаны, не оставляют меня. На очереди безусловно вся группировка «Nord», с которой будем расправляться мы — *Ленфронт и КБФ*.

¹ 7 ноября 1942 года в Ленинградском театре музыкальной комедии состоялась премьера пьесы Вс. Вишневского, А. Крона и Вс. Азарова «Раскинулось море широко».

«Товарищи! Говорит Москва! Через несколько минут будем транслировать торжественное заседание Московского Совета...» Несколько минут длится пауза... Затем — «ур-ра!» Нервный, счастливый комок подкатил к горлу — Россия!

Пытаюсь записывать, но слышимость плохая. Речь И.В. Сталина сжатая. Очень краткий обзор военных действий. Высокая оценка трудового тыла... Использовать *все* возможности для ускорения *разгрома врага*. Конкретное нацеливание: освобождение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии (мне послышалось — и Молдавии) ...

Вечером были с С.К. у В. Инбер... Все радостно возбуждены, — разговоры, тосты... Сегодня у нас настоящий праздник! Вернулись домой в 4 утра.

7 ноября 1943 года.

Хороший солнечный день... Канонада — бьет наша артиллерия.

Получили телеграммы от «Правды», от многих московских друзей. Послали ответные...

Вечером — на 100-й спектакль «Раскинулось море широко». Играют с удивительным подъемом, легко и чисто. После второго акта — за кулисами короткий митинг. Приветствие директора театра; председатель Ленинградского комитета искусств зачитал приказ — благодарность театру, авторам и художнику. Мое ответное слово...

После спектакля поехали в гости. Собралась литературно-театральная компания. Бодро, «выключенно».

10 ноября 1943 года.

Если вдуматься в «ритмику» войны, в соотношение сил, в появление новых, разрушающих Германию факторов, станет ясным, что дело близится к развязке.

Гитлер, между прочим, упорствует не из простого расчета «затянуть войну», а из желания создать новую «героическую» легенду — пусть после нового *Zusammenbruch*'a¹ — для продолжения сопротивления фашистской Германии в любых вариантах... Он хочет остаться в истории Германии, в ее будущем.

Наша задача — я думал об этом и раньше — убить все «легенды» о Гитлере, хотя это, может быть, труднее, чем разбить его армию. Немецкий национальный комитет ведет свою последовательную тактику духовного разложения этой гитлеровской установки.

¹ Поражение (нем.).

Я хочу развить мысль, пришедшую мне в голову в ночь на 7 ноября: в канун нашего Октября, грянувшего еще во время Первой мировой войны, действовало не солдатское «долой войну», а исторически необходимое: «России нужна иная организация, более высокая...»

Россию нужно было сохранить, сберечь — так хотела история. Мы выполнили это веление — и в прошлом, и сейчас... Во что нам все обошлось — особая тема. Ее постараются раскрыть историки и писатели. Но, в общем, это естественно: все действия, решающие судьбы наций, дорого оплачивались. Рыдаем ли мы сегодня над жертвами России во время татарского ига? Очень ли мы убиваемся сегодня по поводу Смутного времени? Некий процент сил, жизней нужно отдавать в борьбе. Вспомним героев Гражданской войны. Это — как жертва! И Ленинград — в ряду этих жертв за будущее...

Из опросов военнопленных. Почти все читают советские листовки (их сотни тысяч), слушают наши радиопередачи. Снята с фронта особенно прислушивавшаяся к нашей пропаганде рота 212-й пехотной дивизии, состоявшая из эльзасцев. Читают сообщения о нормах питания военнопленных в СССР (моя листовка). Говорят, что «русские кормят пленных сытнее, чем в немецкой армии». (Сообщение 2-й роты, 58 пд, 25 мая 1943 года.)

«...Большое впечатление произвела листовка с картой зимнего наступления. Вот это правда».

«...При русских передачах появляются унтер-офицеры, фельдфебели и открывают огонь по рупорам. Созданы специальные команды для сбора и уничтожения советских листовок».

Листовки действуют вернее радиопропаганды. Они «вещнее», точнее; они влияют больше, чем устные заверения о хороших условиях в русском плену. Страх перед пленом, въевшийся в душу немецких солдат, постепенно слабеет...

Отмечают, что понравилась листовка «Почему молчит Гитлер?» (моя). Вызвала интерес и взволновала солдат листовка об Орловско-Курской битве (моя).

В финских окопах слушают «Лахти»¹ и англо-американские передачи. Порой на волне «Лахти» работает радио «Свободная Финляндия» и дает острые политические комментарии...

Некоторые стараются тайком слушать Москву по офицерским радиоприемникам, в землянках.

Мы можем сказать: кое-что сделано. Делать еще лучше, крепче!

Введен советский «Георгий» — орден Славы для рядового, сержантского состава и младших лейтенантов авиации: серебряная

¹ Финская радиостанция.

звезда на Георгиевской ленточке. Введена звезда-орден «Победа» — высшее военное отличие.

У союзников по-прежнему «смутные» бомбежки и медленное продвижение где-то в дождливых горах Южной и Средней Италии.

Получили приглашение на банкет в ЛССП. Не пойдём — хватит, погуляли!..

11 ноября 1943 года.

...В 7 вечера в Пубалте на совещании по итогам смотра художественной самодеятельности. В КБФ вовлечено в различные виды самодеятельности более пяти тысяч человек (!). Есть чему порадоваться: в войну, в блокаде, люди занимаются творчеством, дух их ясен и крепок, — искусство помогает трудиться и драться...

Приняты мои предложения о встречах 23 февраля и 1 мая 1944 года. Все время ставить новые цели, темы, издать художественно-методические пособия, обзоры и т. п. Обменяться опытом с городом, Ленфронтом, а в будущем — с Северным, Черноморским и другими флотами.

Вечером большая, хорошая, душевная беседа с С.К. Она говорит:

— Война дала мне новое самостоятельное мироощущение. Я очень поняла Ленинград, Балтику... От театра внутренне отошла, — тянет к живописи. Хочется еще больше дела, боевого дела... С тобой, Всеволод, мне все легко...

Дорогая моя... Живет, трудится, все сама делает... Все сама...

12 ноября 1943 года.

...Рузвельт и Черчилль одновременно выступили с речами.

В Вашингтоне из представителей сорока четырех наций создана Администрация по оказанию помощи и восстановлению Объединенных наций — ЮНРРА (очевидно: United Nations Relief and Rehabilitation Administration). Будет намечен план снабжения освобожденной Европы продовольствием, товарами, сырьем и прочим...

Черчилль: «Сейчас мы думаем о многом... Я сам руковожусь соображением, что кампания 1944 года в Европе будет самой суровой, а для западных союзников потребует наибольших жертв человеческих жизней по сравнению с тем, что было до сих пор...» (Из бюллетеней.)

Самое тяжелое позади, мистер Черчилль! Опять скользкие фразы... Неужели союзники собираются открыть второй фронт только в 1944 году? Вслед за восторгами Московской конференции — снова холод жизни... А мы ждем от них *дел*, и — в естественном представлении народа — *равных нашим*. Хотя, может быть, по своему типу, по историческому свойству и назначению англосаксы и не в силах приносить такие жертвы, как мы? Может быть, они слабее нас и, может быть, наша борьба — это знамение завтрашнего дня Европы и мира? И мы — душа этого мира! И не мы ли говорили о системе Англии и США как о системе разлагающегося капитализма? Очень и очень *думать об этом!* Непрестанно — *за рамки речей, прессы и т. д.*

2 часа дня. Первый снег... Все тропинки в саду белы.

Написал две листовки к немецким морякам об итогах подводной войны: за шесть последних месяцев утоплено сто пятьдесят немецких подводных лодок с новейшей техникой... Затем — еще листовку об атаке англичан на линкор «Тирпиц». Линкор выведен из строя.

Письмо от Николая Чуковского. Он пишет мне: «Интересно только то, что связано с фронтом» (?). Я ответил ему резко: «Неверно! Интересно все — и тыл; и мир женщин в тылу; и жизнь наших молодых национальных республик, может быть, впервые окончившихся в битву, в историю; и мир тихих плановиков, которые уже составляют планы на 1944—1964 годы! Что нужно стране? Сколько новых домов, сколько новых фруктовых деревьев? На человека, может быть, десять, пятнадцать, то есть два-три миллиарда русских вишен, яблонь, груш — чтобы даже Маяковский не был в долгу перед вишнями Японии¹... Сколько нужно дорог, санаториев, заводов? Ведь задачи народа огромны! Сколько нужно книг, чтоб в *каждой* семье была библиотека по вопросам мировой культуры, истории?..»

13 ноября 1943 года.

...7.10 вечера, по радио. Стремительным ударом кавалерийских, танковых и стрелковых дивизий взят Житомир!

Красная Армия, таким образом, в ста километрах от старой границы! Это наиболее западная точка продвижения Красной Армии, — мы у двадцать восьмого меридиана. Конница и танки вышли на оперативные просторы. Рокадная железная дорога немцев (через Коростень — на север) перерезана.

¹ Слова из стихотворения В. Маяковского «Разговор с фининспектором о поэзии»: «Я в долгу... перед вишнями Японии...»

Созданы 1-й и 2-й Прибалтийские фронты.

На Ленфронте идет непрерывная концентрация сил в направлении Стрельна — Лигово. Через Финский залив перебрасываются войска. Тянут на баржах самоходную артиллерию, «катюши» и т. д. Для действий Балтийского флота необходимо ликвидировать петергофский выступ немцев; открыть движение по Морскому каналу. Эти позиции дадут возможность флангового удара к Красногвардейску — главному узлу немцев под Ленинградом.

В декабре, видимо, встанут во весь рост проблемы Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Думается, что вот тут-то и придут в действие силы «политической войны».

14 ноября 1943 года.

Серо... Снег немного стаял...

С утра пишу: «Литература и война». Решаю и для себя, поскольку приходят сроки, основную тему своей жизни и творчества. Я беру общий исторический ход России — ее этапы, подъемы (Новгород, Москва, Петербург — Ленинград), ее кризисы — и пробую проследить отражение этих событий в литературе, роль советской литературы... Задача труднейшая, но я пробую ее и поставлю и решить, хотя бы для себя. Есть некоторые интересные штрихи: эпоха Петра нашла достойное отражение спустя сто лет (Пушкин — «Полтава» и «Медный всадник»); эпоха Отечественной войны 1812 года — спустя пятьдесят лет (Л. Толстой — «Война и мир»); эпоха 1917 года — быстрее, но тоже с дистанции.

Главный недостаток нашей литературы в неумении возвыситься до всемирного охвата, до горизонта Ленина... (Я смутно говорил об этом на 1-м съезде писателей в 1934 году.) Именно в этом главная проблема нашей литературы. Понять с высшей точки зрения международные процессы, новую фазу, ибо жизнь XIX—XX веков — это неумолимый, быстрый процесс объединения. Россия выступила со своими идеалами — мечтой о всемирной революции, Коминтерном. В эту концепцию жизнь внесла свои поправки.

Англия и США выступили с идеей Лиги наций — это сломано, рухнуло. Гитлер выступил с идеей «господства немецкой расы» — это сломано нами.

Сейчас, может быть, на время, нации ищут решений: международная организация, Конференция трех и т. д. Во всяком случае, мы в центре великого процесса объединения наций. В свете этих событий война 1914—1918 годов — только трагическая драка народов, совсем не понимавших, за что они льют кровь. Конечно, в современной войне и от советских бойцов многое скрыто, резу-

льтаты будут полностью ясны только потомкам тех, кто сражался. Но очень хорошо, что мы понимаем, за что воюем, и, восклицая: «СССР, Россия, Родина!» — мы знаем, что говорим нужнейшее для всех. Мы видим и чувствуем влияние наших идей, нашей системы даже в Англии и США, где еще недавно встречали только злобу, презрение и недоверие. Мы заронили критику, сомнения в душу Германии и заставили ее начать переоценку исторических явлений.

Литература должна все это понять и осветить...

Думаю о городе. Видимо, скоро немецкий фронт будет отеснен. Облик города окончательно изменится, и хочется запечатлеть снова и снова в памяти:

Традиционные невские ансамбли, прочерченные дулами зенитных орудий; закамуфлированные корабли; небо — в аэростатах заграждения.

Пустынность улиц, посеревшие афиши 1941 года, деревянные щиты у витрин, амбразуры, закрытый досками фальконетовский Петр — и только бронзовая длань его, простертая к просторам, к ветрам, вперед!

Закутанный в какой-то тряпично-деревянный шар золотой кораблик над Адмиралтейством.

Выбоины от снарядов перед Зимним дворцом, полуразрушенные деревянные трибуны, сбитые буквы лозунгов над ними.

Памятник Суворову — он невредим (!), хоть и стоит третий год открытый.

Огороды, зияющие окна, бреши зданий, фанеры и раскрашенные холсты, закрывавшие руины домов в 1942 году, изодранные и пробитые снова в 1943-м.

Мертвые стада автобусов и троллейбусов в снегу... Темные улицы, пятна голубых фар. Голос диктора из рупоров. Симфония Чайковского над ночным городом... Обстрелы. Стук метронома. Вспышки, вспышки на темном небе, свист и гул разрывающихся снарядов... И люди, во что-то закутанные, исхудалые, с темными впадинами глаз на восковых лицах — и с неукротимой волей **ЛЕНИНГРАДЦЕВ!**

Все впитать, запомнить до конца дней, передать тем, кто этого не знал, не видел, не пережил.

15 ноября 1943 года.

Оттепель... Ветер с моря.

На душе хорошо. Чую, что для Ленинграда опять открываются просторы...

В 2 часа дня — на правлении в ЛССП. Уже совсем другая атмосфера: два отчета — о восстановлении секции критиков и секции драматургов. Избраны бюро, прошли творческие совещания. Люди начинают осматриваться, приводить в порядок литературное хозяйство...

Вечером — поток мыслей о будущем, планы, фантазии... Сделать, например, сценарий: «Кругосветное путешествие», может быть, музыкальный, на сюжете драматически-бодром — встречи советских людей с иностранцами; этнографические и социальные мотивы...

16 ноября 1943 года.

Когда же начнется наступление Ленфронта?

Из иностранной прессы. Новые советские армии подтянуты к фронту. Ожидается непрерывное наступление русских. Немецкие армии на Юге попали в тяжелое положение. Немцы строят переправы на Южном Буге и Днестре. Идет срочная эвакуация всего гражданского немецкого населения из Восточной Польши.

Днем по поручению партийного бюро Пубалта знакомился с работой отдела партийного учета. С 9 утра до 12 ночи люди сидят в подвале, при электрическом свете. Работа требует кропотливого, внимательного отношения: в партийных делах все, до последней запятой, должно быть точно... Работают товарищи много: кропотливо восстанавливают подзапущенное в 1941—1942 годах хозяйство. Так и сидят все время в подвале. Успевают только радио послушать да прочесть газеты...

17 ноября 1943 года.

Дождливо, серо...

Отправил в «КБФ» статью о разрушениях в Петергофе (по снимку с самолета)...

Спектакль «У стен Ленинграда» вызревает, оформление подано на сцену, все проверено. Идут прогоны... 20 ноября посмотрю генеральную...

Московская конференция безусловно произвела в Берлине серьезное впечатление... За два часа до опубликования ее деклараций Берлин пророчил срыв Конференции и разногласия среди союзников. Теперь переменяли тон: «Возможны военные соглашения...» и т. д.

В иностранной прессе очень много статей о зимней кампании. Как всегда, обилие прогнозов, информация и дезинформация...

Шведской прессой положение Германии оценивается все мрачнее: «История дописывает последние страницы «Майн кампф». Они не похожи на первые...» — «Союзники не допустят повторения ошибок 1918—1919 годов в отношении контроля над Германией...»

По этому поводу американская пресса выступает с проектами и планами. Вот один из них. Над Германией устанавливается строгий контроль на неопределенное число лет... Германия целиком оккупируется союзными войсками, вводится военная администрация. (Идет уже обучение нескольких сот американских офицеров для определенных городов.) В Германии устанавливается порядок, затем подбирается верховная военно-гражданская администрация из немцев. Проводится *полное разоружение Германии. Никаких, даже «символических», немецких армий.* Сохранится только необходимая полиция (добавим от себя — с профильтрованными кадрами). Арестовываются все военные преступники — по спискам союзных правительств. Быстрый, беспощадный суд над ними, в первую очередь над Гитлером и его помощниками... Националистич[еские] организации и партии запрещаются...

Останутся ли союзники верны этому плану? Советская точка зрения еще не опубликована...

18 ноября 1943 года.

В стране новый трудовой подъем: военные заводы выносят решения о досрочном и сверхплановом окончании годовой программы...

Председатель Управления военной промышленностью США — Д. Нельсон — пишет по этому поводу:

«Наблюдая изумительные достижения военной промышленности России, я был удивлен глупостью германских руководителей, продолжающих борьбу против решительно превосходящих сил России, которые все время возрастают...» («Правда».)

Вечером, по радио. Взяты Речица и Коростень. Разрезаны Центральный и Южный немецкие фронты! Я этого ждал! Теперь перерезать бы еще одну рокаду через Сарны — Лунинец — Барановичи!..

19 ноября 1943 года.

Сегодня год великого наступления Красной Армии. В этот день в 1942 году наша артиллерия дала 689 000 орудийных залпов, смяв немецкую оборону...

Сегодня наши штурмовики утопили сторожевой корабль противника; летчик Кротевич на горящем «иле» врезался в тральщик противника и взорвал его; поврежден еще ряд кораблей...

В 5 часов смотрели с С.К. в Музыкальной комедии оперетту «Сорочинская ярмарка»...

Огромный зрительный зал. Здесь Александринский театр играл «Ревизора», здесь выступали Савина, Варламов, Давыдов.

В театре относительно тепло, но большинство зрителей — в пальто. Полный свет, оживленно, и почти полное ощущение нормы, несмотря на дневной сильнейший артобстрел.

В третьем акте — блестящий гопад с немислимыми пируэтами, коленцами и пр. Сделать бы так современную вещь — озорную, веселую, динамичную... Весь вечер только об этом и думается... «Заразная» штука театр...

20 ноября 1943 года.

Сводка. Нами оставлен Житомир (?). На черкасском направлении успешно форсирован Днепр.

Весь день правил и редактировал «Крепость Кронштадт». Надо книгу сделать еще лучше, чише, точнее.

В «Красном флоте» от 18 ноября подробный отчет о моей речи на офицерском собрании — о Балтике, литературе и пр. (отчет Е. Доби́на¹).

У С.К. последние треволнения перед премьерой... По ночам — монтировки, свет, обычные неполадки с рабочей силой и т. п...

Днем по городу провели большую партию пленных немцев...

21 ноября 1943 года.

Телеграмма из Клина: «Смертью героя погиб в районе Невеля Владимир Ставский. Горечь потери велика. Тарасенков».

Прощай, Володя, старый боец-коммунист, друг...

¹ Литературный критик, сотрудник газеты «Красный флот».

Из выступления комфлота адмирала Трибуца на последнем совещании командиров соединений. Адмирал говорил о том, что Ленфронт ждет приказа, — готов к наступательным операциям.

— Мы вернемся в свои базы в Прибалтике! Помешает лед — пойдем берегом.

Театру КБФ дано задание приготовить одиннадцать бригад для выступлений в ныне еще занятых Петергофе, Кингисеппе, Нарве и других городах. Я договорился с Пергаментом, что, вернувшись в Таллин, устроим большой митинг. Вспомним точно все, что мы там говорили в августе 1941 года, уходя и обещая вернуться.

В 9. 30 утра поехал на черновой просмотр спектакля «У стен Ленинграда» в Выборгский дом культуры... Спектакль вызревает — нужно еще три-четыре дня. Первые посторонние зрители дают хорошие отзывы. Были товарищи из Пубалта, Е. Добин и др.

Порой на репетициях я воспринимал спектакль острее. Старая моя мечта: спектакль *высшей* патетики и трагедийности. В «Оптимистической трагедии» был этот принцип. Он во мне. Я его не потеряю. Я буду искать высокой театральности, но работы 1942—1943 годов были мне очень полезны...

22 ноября 1943 года.

Весь день писал по просьбе ТАСС статью для газет Союза — «Беспримерный подвиг народа» (о военной промышленности, стройках и т. д.)...

Днем снова отправил рукопись «Крепость Кронштадт» в Ленгослитиздат, откуда ее пошлют на отзыв в Ленистпарт...

Вечером, по радио. Статья члена Военного совета Ленинградского фронта генерал-лейтенанта А.А. Кузнецова о задачах Ленфронта:

«...Враг будет цепляться за каждый метр, ибо он боится расплаты. Наша задача: всемерно подготовиться к боям; усилить штабную и партийно-политическую работу».

Ленфронт усиленно готовится. (Погода все же задерживает, так как войска Волховского фронта по болотам идти не могут. Но синоптики предсказывают устойчивые морозы на вторую половину декабря.)

23 ноября 1943 года.

Снег... С утра слышна артиллерийская канонада — идут местные операции.

Днем был в Военном совете, беседовал с адмиралом Трибуцем и контр-адмиралом Смирновым. Спрашивали о моих дальнейших литературных планах.

Говорили об обстановке. Операции идут на разных направлениях: бои у Гомеля и Речицы. По-видимому, части 1-го Украинского и Белорусского фронтов соединились. Серьезна немецкая операция — контрудар на киевском направлении. Немцы сообщают, что Житомир — «это только начало». Наши активные операции — у Кременчуга, Черкасс и в излучине Днепра. С косы против Очакова немцы нас несколько потеснили, — им нужен проход к Николаеву. У Керчи затихло, но у крымских берегов топим немецкие корабли — лихо!..

— Как союзники?

— А ну их! Немцы тянут резервы из Норвегии, Финляндии, Франции, а союзники Лерос¹ отдают. Силы у них, видите ли, там недостаточные.

— Что на Ленинградском фронте?

— Противник упорствует, но на всякий случай подчищает тылы, строит оборонительные рубежи — лужский и др.

— Как у нас, на Балтийском флоте?

— На «товсь»! Ждем приказа.

К 6 часам — в Выборгский дом культуры. Беседую с актерами. Пергамент вручил мне теплое письмо и небольшой подарок от труппы: чернильницу, пепельницу и два подсвечника — из патронов. Трогательно!

В зале — Военный совет, товарищи из горкома и несколько сот зрителей: девушки МПВО, моряки и пр.

В 7.05 начался спектакль (генеральная репетиция). Играли несколько связано. Волновались. Реакции в зрительном зале — непрерывные, особенно в третьем акте. В конце, на аплодисменты, давали одиннадцать раз занавес. Я пробовал (во время спектакля) объективно понять и оценить работу свою и театра... Подходили, жали руку. Председатель Ленинградского управления Комитета по делам искусств товарищ Загурский поздравил и пригласил к себе на обсуждение спектакля 24 ноября в 5 часов дня.

Все разошлись...

Совершенно неожиданно подбегает бледный Пергамент:

— Член Военного совета считает, что спектакль не вышел. И, как он сказал, «крепко не вышел»...

Едем домой с неприятным чувством удивления... Столько вложено сил!

¹ Остров в Эгейском море.

Поздно вечером звонок — контр-адмирал Смирнов: «Жду вас завтра для беседы...»

24 ноября 1943 года.

Продумываю спектакль. Некоторые актеры «не вытянули». Но в целом спектакль масштабный, острый, и никто в противном меня не убедит.

В 2 часа дня — беседа с начальником Пубалта. В 3. 30 совещание в Военном совете.

Основные замечания: явный перевес отрицательных персонажей, образ комиссара скатился к шаржу, чрезмерна и вообще сомнительна роль князя Белогорского, офицерам не хватает кадрового вида, массовкам — четкости. Словом, замечания — «служебно-строевые». По их мнению, трагические дни сентября 1941 года должны выглядеть на сцене обычно, «чисто»... Откровенный показ тягот, травм, трудностей и их преодоление режет глаз и ухо. Может быть, это с точки зрения 1943 года и понятно... Может быть, вполне понятно (?). Я молча все выслушал, записал...

В 5 часов — на третью беседу — в Ленинградское управление Комитета по делам искусств. Интересный и содержательный анализ пьесы и спектакля: об остроте и силе пьесы, образов; о смелых решениях режиссера и художника; о находках и т. д. Несколько критических замечаний: опять об отрицательных фигурах, о комиссаре, о Белогорском — бывшем белом офицере и т. д. Взял слово товарищ Загурский:

— Спектакль большого масштаба, общественного пафоса, романтической краски, выдумки, культуры. Волнует, испытываешь большое уважение к коллективу, создавшему этот спектакль...

Его прерывает телефонный звонок... Несколько удивленных реплик. Пауза... И Загурский смущенно говорит:

— Товарищ Вишневский, видимо, спектакль придется отложить, нужны значительные доработки...

Я не привожу всех подробностей. Точная запись этого дня и трех обсуждений останется в папке «О пьесе «У стен Ленинграда»¹.

Наплывают воспоминания прошлых премьер 1930—1933 годов: трудности, муки, бои, дискуссии. Сейчас я воспринимаю все это спокойнее, привычнее. Но больно, очень больно...

Усталость...

В Пубалте, на партсобрании. Некоторые, развивая темы задач дня, уже прорабатывают наш спектакль: «Пьесу не нужно было

¹ Хранится в архиве Вс. Вишневского.

ставить...» и т. п. Выслуживающиеся крикуны! Им дал отпор начальник Пубалта:

— А где вы были до этого? Пьеса три-четыре месяца лежала у нас. В ней было, есть и останется много хорошего. (Молчат... Людская мелочь!)

Вечером у С.К. Сидим усталые, разбираемся в потоке отзывов, замечаний, пожеланий, требований и т. д...

Напряженно думаю об общих задачах литературы, о трудностях работы писателя и о том, как практически решить мне судьбу данного спектакля. Его во что бы то ни стало надо довести до массового зрителя. Видимо, сейчас по обстановке нужен не философский спор, не трагический рисунок, а просто ударный, агитационный посыл. Я это понимаю, но мне казалось, что и на этот раз я писал «оптимистическую» трагедию...

Думаю весь вечер, ночь. Надо сохранить эту работу — первую большую пьесу об обороне Ленинграда, — пусть переделки, доработки... А этот вариант останется для будущего.

Не спится...

Читаю дневник Ширера (американского корреспондента в Германии в 1939—1940 годах). Очень интересная вещь, но отвлекаться не мог. Все время — вторым планом — мысли о спектакле. Работать, вперед! Никакие психологические, литературные и служебные «окружения» не смогут меня ослабить и не ослабят. И не то еще переживал!

Общественный шум вокруг спектакля большой. Было много звонков: «Говорят, интересный спектакль». — «Когда премьера?» и т. д. Шофер Пубалта сказал моему: «Комиссар в театре на «о» говорит, как наше начальство, — вот из-за этого-то и спектакль сняли...» (Чудак!)

Всякого рода слухи, отклики... А я думаю и думаю о пьесе.

25 ноября 1943 года.

С утра (скрепя сердце) написал план доделок и поправок к спектаклю. Надо, должен!

Днем беседовал с начпубалта товарищем Рыбаковым. Он:

— Переживаю, думаю... Говорил с комфлота, — спектакль решили *сохранить, выпустить*. Пойдите и вы нам навстречу.

Я сообщил ему о своем решении.

Был в партбюро, заявил протест против возмущившего меня выступления о пьесе (на партсобрании)...

Зашел во 2-й отдел. Хорошо поговорил с Добролюбовым:

— Всеволод Витальевич, садись, дорогой. Не завидую писательской жизни... Вот последние сводки, бюллетени. Читаешь их — вроде все немцы разложились! А они держатся, и даже перешли у Киева в наступление.

Просмотрел иностранные сводки о политико-моральном состоянии германской армии. Да, они не дают полной картины... Видимо, и пленные подыгрывают, говорят кое-что с перепугу. Надо брать их показания с поправкой.

Вечером, по радио. Английская авиация нещадно бомбит Берлин. Тревоги по десять часов подряд...

...Ночь... Работаю над текстом пьесы. Как быть с князем Белогорским? Ведь это подлинный факт из жизни: человек на фронте кровью, геройством вернул себе доверие народа.

26 ноября 1943 года.

Весь день работал... От некоторых, явно обостренных ситуаций, от некоторой резкости приходится отказаться. Я четко поставил себе задачу: флоту, городу, театрам страны дать боевой, заряжающий спектакль. Да, это необходимо! Победная тема 1943—1944 годов сейчас нужнее, чем анализ трагических дней осени 1941 года. Видимо, это действительно так. Об этой осени мы расскажем потом, после войны... Ввел *другого* комиссара, хоть и жаль мне расставаться с первым. *Заставил себя убраться из пьесы Белогорского*, так как кромсать этот образ не хочу...

Театр мобилизует трех машинисток для экстренной перепечатки пьесы...

27 ноября 1943 года.

Днем был у начпубалта и вручил ему экземпляр пьесы, перепечатанный за одну ночь. Товарищ Рыбаков еще раз подчеркнул, что он за выпуск спектакля и по-прежнему считает, что он нужен флоту: «Прочту экземпляр сегодня же — и затем доложу члену Военного совета».

Послал письмо в горком товарищу Маханову с кратким изложением своего взгляда на происшедшее: «Я написал пьесу на труднейшую тему: об одном из наиболее трагических моментов в истории этой войны — *об осени 1941 года под Ленинградом*. Я шел как разведчик этой темы. Пьесу я давал прочесть многим товарищам и в Москве и в Ленинграде. Получил хорошие отзывы и разрешение на пьесу от Комитета по делам искусств.

Эта вещь — часть моей души, часть моего сердца. Вы дали хороший отзыв, санкцию печатать пьесу в «Звезде»... Затем произошел внезапный поворот. Видимо, он вызван тем, что со сцены текст прозвучал острее и трагичнее, чем в чтении. А армии и флоту в канун решающего наступления Ленфронта нужен спектакль в несколько ином плане. Надо во всем разобраться по-человечески, внимательно».

Я написал и о том, что трудности (в общем, обычные в литературном деле) я преодолел, и твердо заявил, что спектакль будет, выйдет.

Скорее бы началось наступление на Ленинградском фронте!

Из обстановки. Вся мировая печать расценивает Житомирскую битву как решающее, «последнее сражение» на Востоке. Немцы стянули много танковых дивизий (в сводке указано — восемь, из которых четыре переброшены из Франции, Норвегии, *Италии (!)* и Греции). «На каждые два метра — танк, а русские изматывают немцев, заставив их наступать в невыгодных условиях».

Вечером поехали с С.К. в «Асторию» на проводы корреспондентов «Красного флота»...

Из быта летчиков. О будущем они не загадывают: «Разве об этом можно думать?» Иногда пьют, говорят, что это для «разрядки»...

Летчики ненавидят «ловчил» и трусов; чрезвычайно ценят точные статьи и очерки о них. Вырезают из газет, берегут. Любят правду. О себе говорят мало. Иногда, подвыпив, оживляются и рассказывают интереснейшие детали боев и своих психологических состояний.

28 ноября 1943 года.
Воскресенье.

Остались с С.К. в «Астории». Взяли наш старый номер — 115-й. На несколько часов — ощущение комфорта... Вспомнили свои приезды в Ленинград до войны, наши прогулки, отдых...

Опять налет на Берлин! Жестокие, систематические удары. Представляю все это живо; вспоминаю 1937 год и нашу поездку с А. Толстым и В. Ставским в Испанию через Берлин — Париж...

29 ноября 1943 года.

Тихо... С 11 утра до 6 вечера писал очерки в «Правду» и «Красный флот» о С.М. Кирове. Вновь и вновь чистое, полное человеческого благоговения чувство к Кирову. Какой удивительный человек! Какой жизненный путь, сколько светлого в Кирове! Так волнующе хорошо писать о нем. Это был человек непрестанного труда... Участвовал во всей политической и экономической жизни страны. Очень много читал: в библиотеке Кирова — сорок тысяч томов. Удивительно его внимание к людям, умение осуществлять заботы о них.

Вечером слушали пьесу А. Крона¹. Пришли два офицера-подводника, Азаров, С.К., Ольга Константиновна и я. Крон читал более двух часов...

В целом — Крон шагнул вперед. Материал продуман...

Подводники сделали несколько замечаний. Угадывали, «с кого» Крон писал своих героев.

1 декабря 1943 года.

Телеграмма от Таирова: «Узнал о твоём вызове в Москву». В чем дело? Не вовремя! Ведь вот-вот на Ленфронте начнется наступление. Не поеду!

Днем прошелся до Новой Деревни. Сыро, оттепель... На душе большая усталость. Писать пьесы — «портреты» событий — без некоторой временной дистанции — мучительное дело. Видеть себя в зеркале осени 1941 года товарищи не желают — «лучше после войны». Но я не умею, органически не умею писать «гладко», «легко». Я пишу так, как я вижу и чувствую, и все переделки пьесы мне стоят огромного усилия воли, — но à la guette comme à la guette!² Ничего не попишешь!..

2 декабря 1943 года.

В 12 [часов] — в горькоме. Беседа длилась более часа. Тон дружеский, деликатный... Мнения товарищей свелись, в общем, к следующему: «Яркие отрицательные образы сильнее положительных. Выпячен князь — он и патриот, и герой... Комиссар — чудак». (А разве не бывает комиссаров чудаков?)

¹ «Офицер флота».

² На войне как на войне! (фр.)

...*Вывод*: «Советуем вам на месяц-полтора отложить пьесу, а потом заново все проверить. Не торопясь. Доработать пьесу надо. Кто ж, как не вы, о Ленинграде писать должен? А трудности на писательском пути неизбежны».

Гитлер два дня тому назад выступил перед выпускниками офицерских школ: «Отныне речь идет не о режиме, не о правительстве, не об армии, — речь идет о физическом существовании германской нации. Поражение означает гибель».

Агитационно-пропагандистский нажим нацистов, безусловно, эффективен — немецкая армия еще упорно дерется.

Был Азаров. Зрение его слабеет... Спрашивает, что делать. Сняться с учета ни за что не хочет. Конечно, ему трудно: он мотается с аэродрома на аэродром, устает, да и питание плохое. Надо все взвесить, продумать. Да, много бед кругом...

Вопиющее сообщение Совинформбюро. В станице Старотитаровской свозили детей (в возрасте до 13 лет) в немецкий военный госпиталь. Там у них выкачали всю кровь. Позже бездыханные тела детей нашли за околицей...

3 декабря 1943 года.

Немного подморозило. Дни все короче, но 24—25 декабря — солнцеворот!

Обстрел... На Кировском много убитых и раненых.

Пришла «Правда» от 1 декабря с моим очерком о Кирове.

В Северной Африке встреча Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши. Программа серьезных и длительных операций против Японии... Не последует ли за этим встреча Рузвельта и Черчилля со Сталиным?

В 4 часа поехали с С.К. в город. Доктор ей сегодня сказал:

— У вас острая форма неврастении. Если не хотите заболеть и выйти из строя с тяжелым поражением нервной системы — ешьте белки (мясо), принимайте горячие ванны, спите от одиннадцати до двенадцати часов в сутки. (Шутник!)

Были на Каляевой. Там недавно застеклили окна, в кухне тепло, — подобие домашнего очага. Сiju и вспоминаю первую блокадную зиму. Эта — уже *третья!*

Сегодня был сильный обстрел центра. Снаряды попали в трамвай на Невском и в здание штаба. Милиционеры и дружин[ники] МПВО уносили окровавленные тела...

В городе выдали яблоки: по четыре штуки на душу.

Народ улыбается:

— И вкус-то позабыли.

(Это удивительное ощущение — вновь попробовать что-то давно забытое, полузабытое...)

Люди стали как-то меньше разговаривать. Работы у всех много, на заводах увеличили рабочие часы — большая программа. В Москве недавно уменьшили хлебный паек на пятьдесят граммов, а другие продукты — на сто. Как бы и Ленинграду снова не убавили...

4 декабря 1943 года.

Сообщение ТАСС о встрече Сталина, Рузвельта, Черчилля в Тегеране... Подробностей пока нет. Очевидно, встреча трех и североафриканская встреча — преддверие событий 1944 года, до наступления которого осталось 27 дней.

Мысли о встрече трех... Как это было? Когда мы узнаем о сути бесед? Это долж[ен] быть глубокий урок современной психологии, политики и дипломатии. Вероятно, постепенно выяснятся некоторые подробности, но о главном, может быть, лишь после войны... Надо думать, что контуры ближайших событий определены...

Ожидаются новые события на фронте. Ближайший месяц будет безусловно активным. Пора, пора! Ну как уезжать в Москву в такое время?

Гулял. Падает снежок; в тумане, в сгущающихся сумерках — темная Большая Невка. Дымит буксир... По Кировскому проспекту медленно проходит стрелковый полк со знаменем, видимо — смена частей. Идут лыжники... Готовятся дела!..

5 декабря 1943 года.

Ясная погода. Сегодня День Конституции. (С 10 утра до часа дня — сильнейший обстрел города; радио не работает, газет пока не принесли.)

...В Сталинграде: на Тракторном заводе уже идет выпуск дизелей и запасных частей к тракторам; на «Красном Октябре» выдают сталь; на «Баррикадах» пущены две мартеновские печи. Полное восстановление сталинградских заводов будет закончено (по плану) в первой половине 1944 года.

6 декабря 1943 года.

Идет снег... С 10 утра — обстрел...

Вот уже третий час дня, и лишь временами сдавленный голос диктора МПВО сообщает: «Обстрел района продолжается». Немцы по-прежнему бьют с высот. Их орудия врыты в эти высоты, и подавить их — задача крайне трудная...

С.К. говорила по телефону с Москвой. М. Белкина сообщила, что в нашей пустой квартире расхищены вещи, книги, в шкафах разбиты стекла... Ну и домоуправление!

Опять обстрел, огневые налеты. Опять неприятный сдавленный голос по радио. Уже 5 часов дня, сумеречно...

Пришло известие с Ладоги о том, что наш Пронин (командир партизанской группы) замучен немцами. Буду звонить в штаб, неужели это правда?

7 часов вечера, в Пубалте. Вышла моя листовка к морякам немецкого флота. Хорошо иллюстрирована. Взял номер «Freies Deutschland», посвященный годовщине сталинградского окружения. Очень любопытный!

В 7.30 — на партийном бюро. У всех один вопрос: «Что в Тегеране?»

Слушаем доклад о состоянии работы в 6-м отделе Пубалта. А за стеной — радиопередача о Тегеранской конференции! Предлагаю прервать заседание, прослушать сообщение. Оно звучит торжественно-делово: «Наступление будет беспощадным и нарастающим».

Вот когда, где и как решен «проклятый» вопрос о втором фронте. Тут и *гораздо больше!* Это торжественное решение трех сильнейших держав о новом статусе мира, о деловом соглашении, о программе на будущее. Взволнованно слушаем. У меня, скептика (в этом отношении), слеза катится по щеке. Неужели *ряд* поколений будет избавлен от войн и всего, чего мы до отравы, до одури нахлебались за последние тридцать лет?

Сегодня был доклад в штабе Ленинградского фронта. Наша первая ограниченная цель — отодвинуть немецкую линию фронта на несколько десятков километров, чтобы избавить город от *артобстрелов*... Удара ждут в ближайшее время. Хороший бы морозец! Но с вечера опять оттепель, лужи, вода.

7 декабря 1943 года.

Обстрел до часу дня. В пасмурном небе — просветы. Солнце.

Специальное сообщение об обстрелах Ленинграда и о варварском, ничем не объяснимом с точки зрения военной необходимости стремлении разрушить Ленинград.

...В 2 часа поехал в город. Был в издательстве — «Кронштадт» еще не вернули...

Временами зенитный огонь...

По Неве идет «сало». Сегодня подморозило. Эта неровная погода крайне мешает фронту. Разведчикам трудно действовать — они обледеневают в воде, болеют, не дают необходимых данных. В окопах — вода. Все ждут не дождуться наступления...

Звонили из ТАССа: «Просим дать отклики на «Декларацию трех держав» и на сообщение «Об обстрелах Ленинграда»...

Взята Александрия. Наши части выходят во фланг криворожско-никопольской группировке противника.

8 декабря 1943 года.

В 11 утра — звонок Рыбакова:

— Всеволод Витальевич! Пришла вторая телеграмма — тебя срочно вызывают в Москву по просьбе Камерного театра.

— Разрешите остаться. Как же ехать, когда на Ленфронте все наконец на «товсь»?

— Приказ есть приказ. Оформляй документы.

Звонил в Смольный. Узнал: Пронин действительно погиб. Прощай и ты, дорогой товарищ, боец, партизан, — журналист!

В Пубалте. Видел второй телеграфный вызов в Москву (из наркомата). Заказал документы себе и С.К. (с разрешения Рыбакова) на 10 декабря, сроком по 31 декабря. Надо собираться. Уговорил С.К. ехать со мной...

Под Киевом упорные бои. Немцы стремятся сковать части Красной Армии, сорвать наше наступление...

Москва! Сердце России, центр нового мира!.. Пробую представить себе встречи, беседы... Что и как изменилось там за два с половиной года войны? Каким найдем *наш дом*?..

9 декабря 1943 года.

Готовлюсь к отъезду (бумаги, вещи и т. д.)...

Из американской прессы. «Тегеранская конференция решила атаковать Германию с трех фронтов...» — «Соглашение дает возможность нанести окончательный удар, может быть, этой зимой» (!). — «Сроки установлены, остается их осуществить».

Немцы уже сосредоточили в Ютландии 450 тысяч войск, так как датские берега не защищены, а являются прямым путем к сердцу Германии. Наблюдается концентрация немецких войск и на Балканах.

К англо-американским войскам вторжения примкнут и внутренние силы европейского подполья, партизаны и т. д. Будут и крупные диверсии, и террористические акты, которые расшатают немецкий военный аппарат в оккупированных странах. С востока — само собой — удары Красной Армии, доведенные до максимума.

Был в Пубалте. Попрощался с товарищами... Сообщили об активной работе комиссии по охране петергофских музейных ценностей. Работники музея уже готовятся к предстоящему обследованию и полному учету исторических памятников искусства, которые безусловно будут найдены в освобожденном Петергофе.

В домике — суета, волнение.

Принесли билеты на прямой десятичасовой поезд — международный вагон. К 9 вечера все уложено... Сделаны последние распоряжения. Собрались друзья.

Едем! У меня чемодан и портфель, у С.К. — чемодан и макет «У стен Ленинграда».

Лунная ночь... Мой Ленинград, — как тяжело уезжать! Ведь я чувю — события грянут вот-вот!..

Октябрьский вокзал; милиционеры; освещенный вестибюль, нас ждут провожающие. Поезд отходит с той же платформы, с которой отходил и до войны. В вагоне толчея: пассажиры, носильщики... Но все быстро «утрамбовывается». Последние рукопожатия, поцелуи...

Отправление!

Хороший ход, потом остановка: переходим на обратный путь¹ — через Неву.

¹ Временный обходной путь.

В 2 часа ночи — Шлиссельбург. Едем по «коридору». Пока без обстрела, поезд затемнен.

Лежу в раздумье... Что ждет нас в Москве?

11 декабря 1943 года.

Утром — стук в дверь: «Поезд приходит точно по расписанию».

Подмосковные пейзажи. На путях какие-то составы без стекол. Грузенные орудиями, самолетами и танками платформы. Волнуюсь...

Москва! Перрон...

Тут же представители Камерного театра, друзья...

Нас ждут Таиров и Коонен. Едем (с вокзала) к ним на Большую Бронную. Опять объятия, вопросы, расспросы...

Я не успеваю обо всем расспросить, не в состоянии записать все рассказы. Московская жизнь сразу дает себя знать.

От Таирова поехали в гостиницу «Москва», где мы остановились, так как наша квартира разрушена и заброшена... И здесь — друзья, беседы. Уже устал от людей, от поездки, звонков, встреч. Затягивает большая столичная машина, от которой я совсем отвык.

(Я постепенно уточняю картину прошедших событий, но интересно, что *только Москва* дает мне настоящую перспективу и точную информацию.)

Вечером зашли к жене Эренбурга, которая живет этажом ниже. Илья Григорьевич уехал в Харьков на процесс немецких эсэсовцев и гестаповцев, виновных в расстрелах десятков тысяч советских людей. За подобные преступления — казнь через повешение!

Люба Эренбург сделала нам краткий обзор событий — начиная от октябрьской эвакуации Москвы и до последних «светских» новостей, слухов и т. п.

— Всеволод Витальевич, хотите побеседовать с летчиками «Normandie»?¹ У нас тут человек пятнадцать иностранных корреспондентов: несколько хороших англичан, байбак француз и несколько американских хулиганов, которые пьют и вообще безобразничают... Англичане терпеть не могут этих янки... Американский солдат получает жалованья больше английского офицера. Ну, словом, это не друзья... Вот — почти анекдот: прилетевший американский корреспондент заявил: «Америка тоже на-

¹ «Нормандия» — название французской авиационной части, воевавшей на советско-германском фронте.

чинает испытывать военные трудности — у нас не хватает ананасного сока перед завтраком и обедом». (Каким русским словом им ответить?!) Бузу, на место... Хотите коньяку? Лимитный! Мы сидели у нее часа два. Я то слушал, то от усталости ничего не слышал.

12 декабря 1943 года.

Утром С.К. заказала завтрак: грибы, яичница (с 1941 года не ел яиц!), по рюмке водки, белый хлеб (итого 310 рублей).

Из окна виден огромный дом СТО¹; гудки машин, гул столицы.

Пришел А. Фадеев — встретились радушно, хорошо. (Некогда делать подробные записи.)

Телефонный разговор с моим родным Петром Поповым.

В 12 часов иду к Таирову, беседуем о пьесе, о наших ближайших планах... Квартира Таирова взъерошенная. В его отсутствие многое раскрадено, в том числе редкие рукописи и книги. У истопника театра нашли в печке пачку таировских рукописей, фото... Я думаю, что к каждой уцелевшей вещи надо относиться, как к подарку. Что у меня на квартире — я себе не представляю. Не решаюсь туда пойти... С помощью «Правды» вызвал из Казани нашу Таню². Приедет, тогда и все домашние дела, надеюсь, будут налажены.

И здесь много очередных заданий: дать статью в «Правду»; выступить в ССП, райкоме и т. д.

Иду по улице Горького. Московская толпа *очень непохожа на ленинградскую*: здоровые детишки, хорошо одетые женщины, много мужчин в штатском. *Разительно действует контраст между московской и ленинградской архитектурой, планировкой, стилем*. Борение и синтез чувств к Ленинграду и к Москве!

Одни мне говорят:

— Вы же москвич!

Другие:

— Вы же ленинградец!

Я люблю нашу квартиру в Москве, — это *мой единственный за всю жизнь «дом»*. Но пока я лишен возможности там жить, я чувствую себя в Москве гостем.

¹ Дом, в котором помещался Совет Труда и Оборона (СТО); ныне здание Совета Министров СССР.

² Т.Л. Плешкова — домработница Вишневых.

Звонит Е.Д. Стасова:

— Рада вас слышать. Я руковожу изданием журнала «Интернациональная литература» на иностранных языках. Что вы нам дадите?

Звонок из «Литгазеты»:

— Ждем от вас статью.

Звонит генерал-полковник Городовиков:

— Приехал? Завтра в шесть часов с Софьей Касьяновной к нам, — обедать.

Москва несколько осунулась, уличное движение тише, чем до войны... Автобусы еще не ходят. Обычные следы военного времени.

13 декабря 1943 года.

3 часа дня... Едем с С.К. в «Правду»...

При мне в «Правду» позвонил Рогов. Сообщил: «Вызов товарища Вишневого сделан по моей инициативе. Пусть ознакомится с делами и поработает над пьесой — это серьезное, главное задание наркомата. А мы сделаем для него все необходимое, чтоб дать ему возможность отдохнуть и спокойно работать. Сроком не ограничим». (А меня уже тянет обратно.)

Подобрал необходимые материалы, сел писать статью об обстрелах Ленинграда. Пусть это будет моим гневным обвинением. Вспомнил все: от разрыва первого снаряда на Невском, у Аничкова дворца (сентябрь 1941 года). Работал до 6 вечера, по-прежнему (как до войны) в кабинете «Правды». Статья получилась острая. Пойдет ли?

В 6 часов поехал к генерал-полковнику Городовикову. Радушная встреча. Он все тот же, но сильно поседел...

Ока Иванович много поработал за время войны: руководил рейдами трех кавдивизий по немецким тылам (в начале войны); сделал сорок тысяч километров при объезде частей; непрерывно формировал и обучал новые кавалерийские дивизии и т. д.

Приглядываюсь к Москве. Здесь понимаешь, что события еще крупнее...

Москвичи (я имею в виду нашу среду — людей искусства) очень изменились: все постарели; каждый несет, таит в себе свое, пережитое за эти годы. Мне кажется, что все стали крайне честолюбивы. Рассказы их отрывочны, чувствуешь, что до конца во всем происходящем с ними невысказанно сразу разобраться... У многих — перемены в личной жизни. Быт и здесь не легкий, но нет никакого сравнения с трудностями в Ленинграде.

Все время невольно думаю о нем, и чувства гордости и нежности к нашему городу вытесняют впечатления дня. О, мой неповторимый город!..

Вечером бесконечные звонки; приходят друзья, калейдоскоп лиц, обмен впечатлениями и пр. и пр. Мы с С.К. мало говорим о Ленинграде, так как почувствовали оба, что «рассказать» обо всем — невозможно...

14 декабря 1943 года.

Советско-чехословацкий договор! Это крупный практический шаг к новому устройству в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. Сплочение славянства! Польше открыт путь присоединения к новой системе... *Прежние антисоветские силы Европы неотвратимо оттесняются новыми силами — народными. В этом основной смысл событий.*

Сегодняшнее официальное сообщение НКВД о Югославии является признанием Югославского национального комитета. В Югославию едет советская военная миссия.

На Ленинградский и другие фронты прибывают свежие войска и много техники. Видимо, называют крупные операции...

15 декабря 1943 года.

С утра за материалами, записями. Готовлюсь к работе с Таировым над пьесой.

В 4 часа дня поехал в Верховный Совет, заменил орден; получил новые, на специальных колодках, и новую орденскую книжку.

С 6 часов — работал с Таировым...

Звонок: «У вас получилась сильная статья о Ленинграде. Даем ее послезавтра...»

В «Правде» набирают обвинительное заключение по Харьковскому процессу. Немцы признали, что у них в гестапо читались специальные лекции о плановом уничтожении советского населения, в первую очередь — евреев и русских. Это, таким образом, не садизм отдельных прохвостов, а *программа фашистского правительства и командования.*

16 декабря 1943 года.

...В 11 утра пришел Фридрих Вольф — старый друг и верный товарищ. Он бодр, на груди — орденская ленточка (за работу на Донском фронте зимой 1942/43 года)...

Я помню Вольфа с давних времен по его антифашистской борьбе. Мы связаны с ним десятилетней настоящей дружбой. Я перевел три пьесы Фридриха¹. В 1940—1941 годах я выручал его из концлагеря (во Франции), добился его возвращения в Москву. Вспомнилось и многое другое...

Словом, обнялись, расцеловались и началась, то по-немецки, то по-русски, беседа о пережитом. Фридрих один из активных членов Комитета «Свободная Германия». Работает с военнопленными...

На Северном Кавказе фронтовой театр поставил «Раскинулось море широко». Без оркестра, под баян... На спектаклях перебивали сотни черноморцев и части новороссийского десанта. Играли в яме, вырытой саперами. Режиссер² молодой, сам исполняет роль Эдди. Принес мне афишу и фото.

...В Кремле работают ночами: эти непрерывные вызовы, совещания с военными, экономистами, дипломатами и др. Директивы, указания, выслушивание докладов, обширных информаций и т. д. Работа кончается к 4—5 утра и позже. Мне думается, что эта система вытекает из стремления получать точные итоги истекшего дня и давать на начинающийся день точные задачи и установки...

17 декабря 1943 года.

Погода оттепельная. Врывается шум трамваев, гудки машин.

Весь день в гостинице. Утром прислали врача для обследования. Плохое самочувствие. Глубокая усталость...

К вечеру пошел в наркомат. Двухчасовая беседа с генерал-лейтенантом Роговым...

Рогов:

— Есть решение: вам надо поработать здесь, но прежде всего — отдых.

Я сказал, что не намерен отдыхать, особенно в канун наступления на Ленинградском фронте.

¹ Имеются в виду пьесы Ф. Вольфа «Матросы из Каттаро», «Трагедия крестьянина» и «Флорисдорф» в переводе Вс. Вишневого.

² Е. Кравинский.

— Придется, Всеволод Витальевич. Мне сегодня доложили заключение врача.

Звонит в Санупр НКВМФ, товарищу Андрееву¹:

— Приехал Всеволод Вишневецкий, его с женой надо устроить в наш санаторий. Голодом их не уморите? (Смеется.)

Затем он подробно рассказал мне об обстановке на флотах...

Забегал в гостиницу, поел всухомятку — и в Камерный театр. Оттуда к 6 часам — в ССП, в оборонную комиссию.

Затем на партсобрание. Приветствия, рукопожатия... На повестке дня: обсуждение доклада товарища А.С. Щербакова.

...Я выступил, приводя примеры из жизни Ленинграда, говорил о задачах коммунистов-литераторов в современной обстановке. Выступление встретили хорошо.

После собрания пошли с Фадеевым ко мне... Гляжу на Сашу и чувствую его усталость, понимаю, что это неизбежное, общее, и знаю, что с этим мы все справимся, как бы нам трудно ни было.

О Ленинграде, в общем, расспросов мало. У всех — свое. Иные совсем ушли в быт, в личное... Война в Москве не острый, пронизывающий все мысли людей фактор, а что-то уже удаляющееся, тяжкое, гигантское. Будто прошел ураган, будто схлынул потоп, и люди уже приходят в себя, действуют, упорно работают, творят, ищут. Это ощущение *восстановления* в Москве очень сильно чувствуется. Оно и в наивных вопросах друзей ко мне и С.К.: «Ну, вы уже насовсем? Отвоевались?» Отвечаешь шуткой, ибо что же ответить? Что война еще далеко не закончена? Для многих из них войной была эвакуация. Теперь они возвращают себе норму, быт, уют — в пределах возможного. Все это откровенно, естественно, законно, и я чувствую, что тоже начинаю думать о том, как мы завтра будем жить: как наш дом, мои рукописи, книги и т. д. Было бы смешно утверждать, что мы исключены из этого человеческого чувства и помышляем только о войне. Но мы с С.К. закончим службу и работу на Балтике. Это наша внутренняя установка, долг.

18 декабря 1943 года.

Несколько запустил записи, некогда...

¹ Начальник Санитарного управления Военно-Морского Флота.

Обедали у Сельвинских. Илья рассказывает о керченском десанте, о катакомбах, где погибли в 1942 году советские дивизии...

С.К. наверху, в нашей квартире. Она сейчас там перебирает уцелевшие вещи: с каждой ведь что-то связано в прошлом. А я не хочу беречь душу, не трогаю ничего и не могу себя заставить подняться этажом выше в свой разрушенный дом... С.К. рассказала, что от сотрясения рухнули стены в кухне и столовой. (В дом писателей попало несколько бомб.)

Странное состояние: когда я шел впервые по Лаврушинскому¹ — не было ни трепета, ни волнения. Это еще не возвращение с войны, это — «случайный приезд».

В переулке тихо... Только возгласы мальчишек-конькобежцев. Много домов снесено бомбами — развалины. Светятся два-три окна в здании Третьяковской галереи. Вот и наш черный мраморный подъезд. Ни одной машины. А сколько их стояло до войны! Медленно подымался мимо квартир Федина, Тренева, Всеволода Иванова, — пусто...

Вечером — прием в редакции «Красного флота». Рассказал ряд эпизодов из обороны Ленинграда, о действиях Балтийского флота.

Мне сообщили, что осенью 1941 года мои выступления по радио слушали и в *Севастополе*. Это помогло рассеять ложные слухи о том, что Балтийский флот почти погиб при переходе из Таллина.

Ужин. Теплые душевные приветствия, тосты за меня, за С.К. Словом, два хороших «застольных» часа. Все оживились, — был весь коллектив газеты. Разогрелись! Мой ответный тост: «Вперед, друзья! К победе — она близка!»

По притихшей ночной Москве (с полупритушенными фонарями) возвращались в гостиницу...

19 декабря 1943 года.

С утра (неразлучные и здесь) — Н. Чуковский и Л. Успенский. Рассказал им по ленинградской традиции об обстановке, некоторые новости.

Зашел Н. Тихонов (тоже живет в «Москве»). Он сосредоточен, замкнут — с ним в последнее время какие-то перемены... Нет прежнего рассказчика. Я давно не слышал его смеха. Горько сожалели о том, что мы оба — в такой ответственный для Ленинграда момент — отозваны в Москву.

¹ Переулок, где жил Вс. Вишневский.

С фронта — сведения о прорыве в Невельском районе...

20 декабря 1943 года.

Звонки из ПУРа, из Высшей партийной школы ЦК — запросы о выступлениях. Прошу отложить на январь.

Весь день работал с Таировым. Другой режиссер — другие замыслы, решения. Все же я вижу, что, не пережив блокаду Ленинграда, ему многого не понять...

21 декабря 1943 года.

Сегодня день моего рождения — мне 43 года.
Не успеваю вести записи.

В 9 утра был на бюро Краснопресненского райкома. Сделал двухчасовой доклад о Балтике и о Ленинграде.

Район на хорошем счету, начали машиностроение для *мирных* нужд, план выполняют. Людей теперь узнали по-настоящему — не по анкетам...

Вечер провели вдвоем с С.К. Никуда не хотелось идти, никого не хотелось позвать... Вспоминали наш домик, ленинградских друзей. Как-то там дела на фронте?

*22 декабря 1943 года.
(Два с половиной года войны.)*

Говорят о том, что 17 декабря началось наше наступление на Ленинградском фронте. (А мы — здесь!)

Жестокие обстрелы Ленинграда и Кронштадта.

Упорные бои на Кировоградском, коростеньском, жлобинском и других направлениях. Прорыв южнее Невеля расширяется...

В 7 вечера поехали с С.К. в «Правду». Нас просили выступить там на встрече с узбеками — писателями и деятелями искусств. Очень теплая встреча с Гафуром Гулямом — самородок, прекрасный узбекский поэт, академик. Подошел ко мне, поцеловал:

— У меня убит сын под Москвой и шестнадцать человек из моего рода на войне... Я переведу твои статьи и перепишу их красивым тонким почерком (!).

Мы рассказали товарищам о Ленинграде. Пусть и в Узбекистане узнают о нашем городе от очевидцев.

Вечером встретился с Ильей Эренбургом. Он немного изменился, чуть постарел. По-прежнему много пишет...

— В чем-то мои писания совпали с настроениями в армии, в первую очередь, в отношении немцев.

О войне:

— Думаю, что будут крупные операции в Европе... Видимо, к осени 1944 года. Но немцы упорны, в некоторых частях дисциплина даже укрепляется. Немцы инстинктивно жмутся друг к другу. У нас в армии — большие потери. Фронтовики много поняли, пострадали. А в тылу — много чиновников, которые решили всех пересидеть...

Я почти не говорил. Я слушаю и наблюдаю...

Умер Ю. Тынянов. Гроб с его телом — в Литфонде. Лежит обросший бородой, маленький...

23 декабря 1943 года.

Стоят мягкие погоды...

Прошелся по городу. Зимняя занятная толпа. Страшная давка в вагонах метро.

Звонил товарищу Рогову — просил разрешения срочно выехать в Ленинград, но вместо этого... он прислал путевку в дом отдыха (только мне, так как С.К. отказалась, — ей надо лечить отмороженные руки в кремлевской поликлинике и закончить все дела в Москве). А мне придется ехать. Упрямый человек Рогов, но... начальство!

25 декабря 1943 года.

Двадцать девять лет тому назад я ехал в этот день скорым поездом в Варшаву—Ивангород—Радом, убежав из дома в гвардию, на фронт.

Встал в 9 утра, пришла машина. Собрались. Едем на Курский вокзал. Шофер — крепенькая украинская девушка в военной форме — города не знает... У вокзала старики носильщики. За десять — пятнадцать минут работы «скромно» просят «на полкило хлеба», то есть сорок рублей. Толпа обычная — больше женщин, с кульками, мешками и т. д. Подходит электричка... По вагонам

бродят нищенки (как будто из XVII века), слепые — поют... Народ подает, кто — что...

За окнами снега и леса. Впервые за войну чувствую какую-то особую *тишину*: тихие вагоны, тихие разговоры женщин.

— Ну, как живете-то?

— А когда как — когда и хорошо, а когда и плохо...

Надо уметь различать во всем наблюдаемом главные, пока может быть, *скрытые*, тенденции. Сила нации определилась вполне; социально-экономическая структура выдержала высшее испытание; недостатки также ясны и будут исправлены. Пройдет год, может быть, больше, и начнется экономическое и бытовое переустройство — беспрецедентное, с привлечением самой совершенной техники. Фактически это будет распространением технического и бытового обслуживания и комфорта от Карпат до Камчатки, с включением всей страны, — всех ее старых, разнообразных, частью отсталых, районов, огромных территорий, — в *единую* систему новой цивилизации... Надо решить и другие задачи: углублять культуру, упрочить этику нации, найти новое в науке, строительстве, литературе и в искусстве.

Левитановские места, дали...

В Подольске нас встретили. Машина, пересекая овраги и реки, подходит к бывшему дому купца Филиппова. Дом неуклюж, старомоден, с башней; хозяйственные пристройки, ров, вал, сад с березовой аллеей.

Комнату отвели хорошую. Разложили вещи — книги, бумаги и пр.

Проводил С.К. до машины. Расстались...

Молоко поставляют из соседнего колхоза. Там бабы, приспособили всех детей к хозяйству. Бабы все терпят. Ждут писем от мужей, спрашивают:

— У вас там всё офицерá, как война-то, скоро ли кончится?

Днем мелодичный звон колокола. Я было настроился лирически: Расея, церковный звон... Потом узнал — колхозный сигнал: на работу...

26 декабря 1943 года.

Снежок, хорошо!

Встал в 8 утра. На завтрак: оладьи, голубцы, каша, чай (для меня это абсолютно чрезмерно).

Затем в библиотеку. Забрал много книг: «Интернациональная литература», Короленко, Блок, Ибсен, Добролюбов, Успенский и т. д. Решил дать себе дня на два, на три полный отдых.

Доктор дал мне витамин С, сказал, что у меня очень глухие тона сердца, что есть нервные симптомы (я так давно это знаю), но что я выгляжу моложе своих лет...

В доме отдыха — интенданты, инженеры. Фронтовиков мало. Я не ощущаю вражды к тыловикам. Окопного бешенства у меня нет. Передо мной жизнь — нормальная, естественная, где каждый достаточно думает о себе и о своем. В этой наивной эгоистичности есть даже что-то здоровое. Женщины будут рожать; детвора подрастет, будет жить. Война пронесется, и от нее останутся лишь легенды, книги, памятники, символы... и могилы. А над полями — вечное необъятное небо, белизна снегов, людские заботы дня, раздумья... И кто-то в зиму 2043 года, может быть, спросит:

— Как и чем жили люди в 1943 году, участники Отечественной войны?

В меру сил своих я об этом и рассказываю (третий год!), безвестный потомок мой. Не знаю, чем я тебя смогу порадовать. Я пишу то, что вижу...

28 декабря 1943 года.

Ветер, холодно... Снега...

Читал И. Бунина. Читаю Горького «По Руси». Перелистал Шишкова «Угрюм-река». Немного писал (второй акт)...

Из ощущений. Переход от опасностей ленинградской жизни к спокойной московской — не радует. Порой уже скучаю по Ленинграду, — он очень мне родной физически, духовно. Боюсь, что не успею вовремя вернуться, и это отравляет отдых.

Читал Горького, Бунина, Успенского и др. для того, чтобы найти некоторые ответы; слышал русское «вчера» и «сегодня»...

30 декабря 1943 года.

Тихо, чуть снежок... До обеда с подъемом писал новогоднюю статью в «Красный флот». Есть в ней что-то душевное, мое, глубокое...

Радио передает о продолжающемся наступлении 1-го Украинского фронта. Взяты Коростень, Черняхов и Сквиря. Хотелось бы, чтоб наши войска перешли старую государственную границу. Это сразу дало бы новую окраску событиям и подтолкнуло бы решение польского вопроса.

В «Красной звезде» прочел дневник убитого немецкого офицера, доктора исторических наук, литератора К.Ф. Брандеса...

В дневнике мрачное и точное описание боев, бегства... Ну, в 1944-м мы увидим вещи и покрепче и поострее. Не быть России под немцем!

9.40 вечера, по радио. Войска 1-го Украинского фронта за шесть дней наступления прошли от 50 до 100 километров и расширили прорыв до 300 километров!.. Взятые Казатин, Володарск-Волынский и районные центры Житомирской области: Лугины и Ружин...

Это очень значительное событие, и последствия прорыва могут быть серьезнейшими. Подобные операции развиваются месяцами; следовательно, надо ждать январских и февральских фаз этого наступления...

В Москве большой салют...

31 декабря 1943 года.

Приехала С.К. встретить со мной Новый год.

Из московских новостей. В ССП был большой доклад А. Фадеева «Советская интеллигенция и ее роль; писатели во время войны» (двухчасовой обзор при переполненном зале). Отметил ряд писателей; сказал о политической пассивности Пастернака и др. Дважды говорил о моей работе — и художественной и публицистической, о моем последовательном и систематическом методе... Николая Тихонова, видимо, выберут в руководство ССП.

С.К. была у Папанина. Ваня прихварывает, ходит в голубой пуховой пижаме, жует мандарины и тащит из-под кровати бутылки пива, которое ему категорически запрещено. Все время войны он — на колесах: работает по приемке грузов из США и Англии. Читает, что зимой 1944 года войну кончим. Готовится опять к поездке в Архангельск.

Приехал А. Штейн за моей новогодней статьей. Его машина застряла в снегу. Мы вооружились лопатами, вытаскивали ее, пыхтели, толкали, рыли снег. Вспомнили войну с белофиннами

(1939—1940 годы). Там по несколько раз в день приходилось заниматься такими делами. Была свирепая маленькая война!

...Новогодний ужин — 11.30. Без четверти двенадцать идем в столовую. Вдоль стен — большие столы... Мы с С.К. ровно в 12 пьем свой интимный тост. Она, как всегда, что-то загадывает... Разносят вино, играет радиола, в центре зала блестит огнями и убором елка. Произношу тост. Все быстро «подогрелись», начались танцы, беседы, признания...

Мне рассказали историю нашего дома: Филиппов, — московский булочник, капиталист, «поставщик двора е. и. в.¹», — построил это «палаццо» над обрывом для своей любовницы, красавицы цыганки. Обнес дом валом и рвом, посадил сторожей, цепных псов. И иногда приезжал к ней на тройке. В доме еще недавно висел портрет этой цыганки...

Доктор, полковник Лабок, рассказывал о себе, о своей семье. Его сын, курсант училища имени Дзержинского, погиб в числе многих других на Ладоге осенью 1941 года. С кем ни поговоришь — всюду беды войны... На углу стола мрачно, одиноко сидел сталинградец, бывший начальник политотдела катеров. Ранен, сердце никуда. Я подошел к нему, обнял, поцеловал и долго говорил с ним о Волге, о его Волжской флотилии...

1 января 1944 года.

...Важное сообщение: нами снова взят Житомир!

2 января 1944 года.

В 11.30 утра проводил С.К.

В 12 часов, по радио. Наступление 1-го Украинского фронта развивается... Пленные немецкие офицеры показывают, что ноябрьский удар немецкой армии на Житомир был последней надеждой Гитлера удержать хотя бы часть Украины.

Брожу по лесу. Ветер, снега... Это ты, Россия!

Опять у старой русской реки Днепр, зимой, измотав противника, — ты бьешь его, и опять — «двадцать две немецкие дивизии», как год назад под Сталинградом, на Волге. То же число дивизий, те же роковые повторы, та же неспособность противника постичь душу, навывк, приемы, хватку России...

¹ Его императорского величества.

3 января 1944 года.

Тихо... Молчит радио. Надо до вечера ждать газет. Наползает скука. Да еще начитался этой старины, тоски... Прочел Добролюбова «Темное царство», и стало еще тоскливее...

Новогодний приказ Гитлера... Опять решает вопрос: «Быть или не быть?» Неужели ему еще не ясно?

США дали СССР около 7000 самолетов, свыше 3500 танков.... Но это ведь капля в море!

Вечером, по радио. Взят Новоград-Волынский. Красная Армия вышла к старой западной государственной границе. Завтра — на Западную Украину! Меня особенно интересует южный фланг — направление на Винницу и Жмеринку.

...Несмотря на все сложности, СССР обходится пока без второго фронта и достигает крупнейших военных успехов.

4 января 1944 года.

Нами взята Белая Церковь.

В «Красном флоте» от 1 января 1944 года моя статья — финальный абзац о моменте мира не напечатали (?).

Некоторые итоги после чтений.

Русская литература XIX века хлестала, бичевала (прямо по глазам, по язвам) Россию, стремясь поднять ее. Гоголь восклицал: «Кто же крикнет России клич — вперед!»

Читаешь эту литературу — страшную до патологии и в то же время прекрасную — и думаешь затем о современной... Гигантский перелом, подъем сил постепенно пробуждали народный романтический стиль во всем: в газетных статьях, в речах, в живописи, в кино, в театре. Национальное самосознание не допускало обид, напоминаний об «обломовщине» и т. д. и т. п. После века мучительных исповедей, обличений, после галереи Онегиных, Печориных, Рудиных, после беспощадного объективизма Достоевского, Толстого и других литература стала искать что-то новое. Но жизнь сложна, новое в жизни давалось не сразу, — сказывались противоречия... Долго жить на одной романтической волне — нельзя. Горький, например, постепенно уходил от романтизма.

...Мы станем через известный промежуток времени анализировать пройденные этапы, и мы (а может быть, следующие поколе-

ния писателей) придем к высокой реалистической литературе — бесстрашной, объективно-четкой, открывающей новые пласты, новые явления.

5 января 1944 года.

Задание от «Правды» — дать срочно статью о Финляндии...

Нами взято Погребище, — охватывающий маневр к Жмеринке — Виннице продолжается.

6 января 1944 года.

Слушаю сводку: после пятидневных ожесточенных боев взят Бердичев...

Объявлен список награжденных украинских партизан, — Ковпак уже дважды Герой Советского Союза.

Почти все отдыхающие офицеры отмечают крайнее упорство немцев, ошибочность предположений о том, что у немцев — разложение и развал... М.В. Фрунзе как раз и говорил, что не надо строить расчетов на разложении противника, а основывать их на силе своих ударов...

Из наблюдений в доме отдыха. Москвичи — балованные. Много спят, требуют жаркой топки печей и т. д. Командиры с флотов, привычные к корабельной службе, ищут воздуха, дела. Хотят развлечься... Здоровье у офицерского состава расшатано — раздражительность, нервы... На любые стуки все фронтовики-офицеры реагируют, прислушиваются, вздрагивают и т. д. Подводники глядят наверх (!) — рефлекс на глубинные бомбы. На сильный стук и у меня рефлекс, но подавленный: досадное ощущение — «опять обстрел». (Вспомнил, как С.К. в Москве испугалась салюта.) Стуки же тут своеобразные: все входящие энергично хлопают дверью, стучат сапогами, сбивая снег... Где-то рядом рубят, колют дрова и т. п. Флигелек, куда я перебрался из опротивевшего мне «палаццо», — легонький, и каждый шорох слышен.

После ужина — обычная болтовня... Мне это поднадоело. Ушел беседовать с В. Саранцевым — капитаном 3 ранга, катерником с Черного моря.

Его рассказ:

«...В Севастополе всякого было. Мы получили приказ драться до конца... Довели приказ до всех... Люди поняли, — ну, а как дра-

лись, вы сами знаете... Немцы бомбили нещадно, «мессеры» охотились за отдельными людьми и машинами. Доставка в Севастополь была неимоверно трудная. Кое-как у Херсонеса к самодельному причалу подходили эсминцы. Катера перенесли много: до половины их — потеряно. Уже после сдачи города мы — еще до 9 июля — под огнем шарили по берегам (жуткий огонь был!) и подбирали своих. Сидят бойцы кучками, голодные, тело ножами режут — мочат рубахи в крови и размахивают ими, — знак подают: «Свои!» Да, были в Севастополе дела!

7 января 1944 года.

В 12 часов, сводка. Войска 1-го Украинского фронта вступили на территорию Западной Украины! Взято Рокитно (Ровенская область) на железной дороге к Сарнам — Ковелю. Охват центрального немецкого фронта под прикрытием Полесья. Взят *Липовец*. Еще шаг, и Винница — Жмеринка будут наши. Операция развивается!

Работаю над пьесой, но все время мысль возвращается к операциям на Юге. Вероятно, план предусматривает либо полное окружение южной немецкой армии в излучине Днепра плюс ликвидацию крымской группы немецких войск, либо, в худшем случае, отбрасывание отступающих немецких армий в направлении стран с враждебным им населением — Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии. Это вытекало бы из практики Гражданской войны.

Взрыв политических и национальных страстей в Восточной и Центральной Европе — вопрос самого ближайшего времени.

...Мысли о работе, о Ленинграде, о Балтфлоте...

8 января 1944 года.

Мягкая погода... Прошелся по лесу... Отдыхающие играют в снежки с женами и ребятами. Смех, визг... Падает мелкий нежный снежок. Пробежали лыжники... Мне приятно смотреть, что люди отдыхают, веселятся...

Пробовал читать Достоевского, — нет настроения. Тянет в город, к новой работе, к новым книгам, к свежей информации...

Вечернее радио. Войсками 2-го Украинского фронта взят город Кировоград... Ширина прорыва уже 120 километров! На Юге успе-

хи Красной Армии возрастают. Темпы наступления, начатого 23 декабря 1943 года, высокие.

Читаю «Братья Карамазовы».

Общее физическое состояние лучше, временами — бодрость.

9 января 1944 года.

Снабжение через Днепр идет отлично. Железнодорожные войска давно восстановили киевский железнодорожный мост. Он был подвезен по частям одновременно с наступ[лением] (!). Вот пример тщательной и заблаговременной подготовки операции. Попытки противника бомбить мост — отбиты. На Украине и в Крыму у немцев *до ста двадцати дивизий* из двухсот девяноста дивизий всего Восточного фронта... Очевидно, ближайшие неделя-две будут весьма ответственны.

12.30 приехала (на день) С.К. Сообщила новости...

В Камерном театре полным ходом репетируют «Раскинулось море широко»...

С.К. виделась с А. Диким... Мой старый режиссер — шалый, циничный, талантливый! За один сезон 1930 года он осуществил три постановки «Первой Конной».

Эренбург получает письма с фронтов об изменах жен, о расстройстве личных отношений в семьях: «Я ушла, забудь меня, и я забуду тебя». — «Товарищ писатель! Это письмо влияет на меткость стрельбы и на настроение нашего сержанта. Помогите!..»

Похолодало, снег, метель... С.К. пообедала со мной и уехала (так как машина возвращалась в город). Она права — надо во что бы то ни стало поскорее возвращаться в Ленинград.

У меня какое-то неровное душевное состояние: и переделка пьесы тяжела, и московское неустройство неприятно, и какие-то смутные глубинные личные вопросы шевелятся — о типе жизни, о творчестве...

10 января 1944 года.

Радио не работает...

С утра — вплотную за пьесу. К 15-му или 20 января все будет сделано. Работал и вечером...

Смотрел обстановку по карте Генштаба... Мы в 30 километрах от Винницы — это ближайшая цель.

Разговорился с летчиками. Многие из них помнят меня по финской войне и по Таллину. Так постепенно узнаем друг друга; теплеют отношения...

11 января 1944 года.

Солнечно, морозно — до 10 градусов. Хрустит снег, синие тени... Напомнило Финляндию.

В сводке. Наступление продолжается... Форсирована река Случь... Охват немцев у Днепра (южнее Черкасс) все явственнее... Вопрос о Виннице — Жмеринке уже встал вплотную. Надо думать, что немцы тут будут упираться и контратаковать. Потеря этого железнодорожного узла для них чрезвычайно опасна. Их фронт фактически разделится тогда на два разобренных театра военных действий: Карпатско-Польский и Румынский. Наступление Красной Армии идет на широком фронте — от района Сарн до района южнее Кировограда (по дуге это около 800 километров)...

12 января 1944 года.

Бодр. С утра двинул работу...

В газетах сообщение ТАСС: «Заявление Советского правительства о советско-польских отношениях». Из заявления следует: 1) что СССР готов пересмотреть границу с Польшей и внести в нее поправки в соответствии с линией Керзона; 2) что эмигрантское польское правительство, оторванное от народа, неспособно установить дружественные отношения с СССР, неспособно организовать активную борьбу против германских захватчиков в самой Польше и, более того, своей неправильной политикой играет на руку немецким оккупантам.

Его¹ — будут приняты меры для нормализации отношений с Польшей *помимо польского эмигрантского правительства...*

В 8 вечера: войска 1-го Украинского фронта штурмом взяли город Сарны... (Слушать «Важные сообщения» приходят все офицеры... Гадают: Витебск? Винница? Сарны? А может быть, еще новый фронт начал наступление? С нетерпением смотрят на репродуктор.)

¹ Следовательно (*лат.*).

В школах РСФСР введена пятибальная система.

13 января 1944 года.

Опубликована справка ТАСС о линии Керзона и географическая карта — границы СССР 1939 года и линии Керзона. Есть некоторые уступки Польше, но в целом сохраняется национальное размежевание: Гродно—Брест—Крылов—Рава-Русская—Перемышль—Карпаты. Опубликование географической карты и справки свидетельствует, видимо, о том, что вопрос о границе с Польшей *решен*.

В Ленинградской области немцы (видимо, перед отступлением) выжигают целые районы и угоняют население. Там возрастает активность партизан.

Фашистский суд в Вероне судил бывших членов итальянского фашистского высшего совета, голосовавших летом 1943 года против Муссолини. Все, кроме одного, приговорены к расстрелу, включая графа Чиано — зятя Муссолини, бывшего министра иностранных дел Италии (!). Это очередная гитлеровская *мера воздействия на вассалов*.

Прочел IV том Чехова, взял VI. «Степь» невыразимо хороша. По-моему, Чехов глубже, тоньше, богаче Горького и еще более грустен.

14 января 1944 года.

Опять работаю над пьесой... Трудно! Мне хочется высвободиться от этой работы и идти дальше, но временами опять теплое чувство к ней, — «У стен Ленинграда» еще поработает.

В 2 часа дня телефонограмма из «Правды»: «Ваша статья (очевидно, о Финляндии) напечатана в газете «Труд» (?)...

Работал весь день...

Прогулка на закате. Мягкая погода, плотный снег. Розово-красное светящееся небо, темная туча над лесом, дымки...

Вечером, по радио. 14 января войска генерала армии Рокоссовского умелым маневром взяли Мозырь и Калинковичи... Бои под Витебском, — немцы подбрасывают резервы из Франции и др.

15 января 1944 года.

Работаю над финалом пьесы. Кажется, разговор с будущим нашел. Это тема Коробкова — рослого, молодого, чистого парня. Таким образом, роль молодого поколения в пьесе усилится.

12 часов. Звонок: «За вами пришла машина».

Отправляюсь на санках к Варшавскому шоссе. Внизу, у еловой аллеи, стоит «зис» из «Правды». С.К. ждет меня...

Вот и гостиница «Москва»...

Звонки из редакций: просят статьи для журнала «Смена», для «Известий» и др. — к Ленинским дням. В «Смену» надо дать о комсомоле Ленинграда.

У С.К. 17 января творческий отчетный вечер в МОСХе¹. Покажет макеты «У стен Ленинграда» и серию гуашей о Балтике.

Пришло время подвести в дневнике некоторые итоги. Сейчас можно шире охватить весь процесс войны на пятом году ее общего развития.

Первая фаза (1939—1940 годы). Решительное превосходство Германии, Италии и Японии в вооружении и подготовке армий. Пятикратное превосходство «оси» над военной промышленностью США, несомненное превосходство Германии в воздухе и на суше над западноевропейскими противниками, а также частичное превосходство над Красной Армией в танках, самолетах и некоторых других видах вооружения.

Новые стратегические и тактические принципы Германии, — танковый и авиационный «Blitzkrieg»² могли оправдать себя в Европе. Между США, Англией и СССР еще не было реальных соглашений. СССР держится особой позиции: выжидает, готовится к возможным столкновениям.

Гитлер чувствует себя в Европе победителем.

Вторая фаза (осень 1940 года). Попытка Гитлера закончить войну вторжением в Англию — «Битва за Англию». Всеобщие оборонительные меры Англии, помощь США, появление «спитфайеров» и «харрикейнов»³, наличие флота, а может быть, и некоторые иные обстоятельства, отводят опасность. Англия на первом этапе войны устояла.

Третья фаза (1941 год). Гитлер меняет планы. Расчет на компромисс с Англией и подготовка гигантского удара на Востоке: вы-

¹ Московский союз художников.

² «Блицкриг» — молниеносная война (нем.).

³ Типы английских истребителей.

движение войск к советским границам; подготовка в Финляндии, в Румынии, на Балканах. Миссия Гесса, о которой мистер А. Иден 21 сентября 1943 года сообщил следующее: Гесс передал Кирпатрику (представителю министерства иностранных дел Англии), в трех беседах, предложения Гитлера о мире... Пункты соглашения: 1) свобода действий Германии в Европе; 2) Англия — хозяйин Британской империи; германские колонии возвращаются Германии; 3) Россия путем переговоров или *силой* подчиняется требованиям Германии и включается в «азиатскую сферу» (!); 4) взаимные экономические и финансовые соглашения; переговоры ведутся с новым английским правительством, — Черчилль должен быть отстранен. В случае отказа от этих пунктов фюрер вынужден будет вести войну на уничтожение Британской империи. (Переговоры велись с 10 мая по 10 июня 1941 года.) Ответ британского правительства, как говорит Иден, был отрицательным: «Не могло быть и речи о каких-либо сношениях или переговорах с Гитлером или с его правительством». Этому, однако, противоречат самые переговоры с Гессом, которые длились месяц (или более?). Тайну Гесса, решение и контрпредложения английского правительства удастся узнать лишь впоследствии. Может быть, англичане и сумели спровоцировать Гитлера на выступление на Востоке, чтобы тотчас же блокироваться с СССР и поставить Гитлера между двух огней. Этот вариант мне кажется возможным.

Четвертая фаза (22 июня 1941 года). Нападение Гитлера на СССР. Война принимает новый характер, — характер длительной борьбы на истребление, *борьбы на измор*. Англия и США решают помочь СССР, рассчитывая выиграть время, перевооружиться, а затем, в соответствии с ходом дел, принять окончательные решения: 1) либо компромисс с Гитлером (в случае неудач Красной Армии); 2) либо борьба до конца, но с соблюдением англосаксонского делового эгоизма, с минимумом экономических усилий и потерь, переложив основные тяготы фактической, физической борьбы на СССР. В их расчет, безусловно, входило возможно максимальное обескровливание большевизма; идеологическое, деловое и коммерческое влияние на СССР; стремление к возможному использованию СССР, например (в случае его поражения): к захвату некоторых советских территорий — Баку и т. д., что подтвердилось документами 1942—1943 годов. Тактика, таким образом, была сложная.

Пятая фаза (1942—1943 годы). СССР с честью выходит из всех испытаний, с колоссальным военным, политическим и моральным выигрышем. Расчеты Гитлера опрокинуты; опрокинуты в

значительной мере и расчеты Англии и США. СССР стал символом, знаменем борьбы.

Победы СССР — это нужно отметить вполне объективно — в известной степени поддерживались *непрерывным* ростом промышленности, воздушными, морскими и, наконец, сухопутными действиями Англии и США. Точной цифровой оценки, анализа, сличений и т. д. мы пока не имеем. Но полезно помнить, что военная мощь союзников уже превосходит всю «ось» в три-четыре раза (их морские силы в десять — двадцать раз превосходят морские силы Германии); что США восстановили все морские потери союзников с 1939 года и дали огромный тоннаж...

Попытки сделать СССР подчиненным партнером мы отбили решительно (лето—осень 1943 года)... Английская пресса утверждает, что проект узкого англо-американского союза, который решал бы судьбы мира, — бесплодная иллюзия: такой союз вызвал бы враждебную реакцию со стороны других наций (безусловно и СССР) и поставил бы Англию в позицию «далекого, оголенного, труднозащитимого передового поста США». Добавим: Англия была бы поставлена лицом к лицу с новой сильной коалицией, скажем, СССР—Германия—Япония—Китай и др. (так мне думается). На Англию обрушились бы все самые тяжелые удары с учетом опыта 1939—1943 годов. Англия могла бы лишиться и Ближнего Востока, и Индии, и т. д. Все это подсказывает Англии — в первую очередь — необходимость занять по отношению к СССР позицию *равного* партнера с учетом всей мощи и перспектив СССР.

Итак, с 22 июня 1941 года по октябрь—ноябрь 1943 года мы наблюдаем фазу сложной комбинированной войны на разгром гитлеровской Германии. В течение этих двух с половиной лет определилось гигантское значение СССР.

Объединенные нации в целом достигли несомненного общего превосходства над «осью».

Шестая фаза (1944—...). (Насколько можно судить по всем доступным мне материалам, декларациям и т. д.) Объединенные нации нанесут финальный комбинированный удар по Германии, а затем, видимо, по Японии.

(Длительные политические и экономические соглашения с США и Англией, я думаю, определяют и наше участие в войне против Японии... Но это только предположение.)

Хитрейший Черчилль намечал дату разгрома Гитлера «в 1944-м, а может быть, в 1945 году»... Эйзенхауэр уверенно заявляет: «1944-й». Посмотрим...

Колоссальная военная машина Объединенных наций полным ходом готовится к решающей фазе войны. Есть, однако, противоборствующие силы — внутри США и Англии — силы реакции, и за ними надо зорко следить. Главным фактором победы остается СССР.

В свете этих приготовлений следует рассматривать и проблему Востока, Юго-Востока и Центральной Европы. Несомненно, в Москве и Тегеране решен вопрос о статусе и ориентации всей цепи: Финляндия, Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Югославия, Болгария и Греция. Эти государства, видимо, должны будут включиться в общую систему Объединенных наций. Они примут, я уверен, ориентацию на СССР (договор с Чехословакией в этом отношении — прецедент).

16 января 1944 года.
Воскресенье.

Из литературных разговоров. «Руководство считает, что писатели с отражением процессов войны еще не справляются».

Может быть, стремление некоторых апологетизировать даже ошибки и беды 1941—1942 годов (отступления, просчеты и т. д.), отсутствие трезвой аналитической оценки, то, что в ССП не справились с воспитательно-руководящей работой, и вызвали намечающуюся реорганизацию?

Может быть, мой взгляд несколько парадоксален? Настоящий анализ событий давать в литературе еще рано — документы не изучены. Возможно, что общая большая картина — взаимосвязь явлений, относительность — еще полностью недоступна нашему писательскому пониманию. Ведь естественно, что для подлинного отображения событий нужны время, дистанция.

Вечером. Сообщение Совинформбюро о потерях противника с 24 декабря 1943 года по 13 января 1944 года... Цифры внушительные!!

17 января 1944 года.

Встал в 7 утра, поехал на Казанский вокзал встречать Таню. Огромный грязноватый вокзал, очереди, толпы... Сказали, что поезд опаздывает на несколько часов. Вернулся, а через час явилась Таня... Ну, восстановление и моего дома как будто начинается.

Днем работал в «Красном флоте». Дал статью о годовщине прорыва блокады Ленинграда.

Работаю над пьесой. Усилил линию города, некоторых духовных и боевых мотивов, *питерской традиции*... Весь первый акт, как и прежде, — преодоление трудностей, динамика, рождение отпора. Но горечь поражения, потеря, мрака — смягчил...

Прочел «Правду». На четвертой полосе сенсация: сообщение собственного корреспондента «Правды» из Каира о том, что два руководящих деятеля Англии вели переговоры с Риббентропом на Пиренейском полуострове (то есть в Португалии или Испании) о сепаратном мире и что слухи эти достаточно достоверны.

...Спрашивается, как расценить эту заметку, напечатанную в «Правде» в ответственнейший период войны? В городе гудят, везде разговоры об этом сообщении: *что оно означает?*

Неужели союзники в последний момент испугались мощи СССР, побед Красной Армии — и попятились? Неужели социальный страх все заслонил?.. Неужели Московская конференция и Тегеранская встреча только глубокая политическая и психологическая разведка?.. Неужели опасения, выраженные еще в 1942 году (в опубликованном интервью бывшего английского посла), относительно позиции Англии и США оправдываются? Все теряются в догадках...

Илья Эренбург считает, что:

— Вероятно, наши разведчики что-то учуяли... В поездку Черчилля на свидание с Риббентропом я не верю. (Я с Эренбургом согласен.) Я не вижу никакого практического смысла для Англии и США кончать войну сепаратным миром с Гитлером и влезть, таким образом, в новую войну.

...Эренбург до 2 часов ночи рассказывал мне об уничтожении фашистами евреев в Европе и на захваченных советских территориях.

— Убито до четырех с половиной миллионов человек; это методическое истребление, бесовщина, безумие... Это народоубийство...

18 января 1944 года.

С часу до 5 часов дня диктовал пьесу в Камерном театре... Привычный уютный кабинет Таирова, где я в 1932 году впервые читал для труппы театра свою прозу о войне (первый вечер знакомства и сближения с театром). Мягкая темная обивка, ковер во всю ком-

нату, шкафы с книгами вдоль стены, афиша Камерного театра 1914 года (!). Ряд макетов, рояль, старинные часы, круглый стол, по поводу которого мы острым: «Дипломатические совещания»; мягкие кресла, корзина цветов, письменный стол, телефон. В этом кабинете у меня было много и приятных и мучительных моментов, — рождение спектакля «Оптимистическая трагедия»!

Сводка. Прорыв немецкого фронта южнее Ораниенбаума!! (Ленфронт наступает!) Прорыв немецкого фронта севернее Новгорода!..

Пришел Тихонов, только что вернувшийся из Ленинграда:

— Наступаем крепко. В городе от огня кораблей и батарей КБФ вылетело много стекол. Удар идет навстречу Волховскому фронту. Имеется в виду окружить районы Стрельны, Петергофа, Красного Села, Пушкина, затем — Красногвардейск и дальше. Надо, видимо, ждать салюта в ближайшие два-три дня.

(А мы с Колей в такую минуту занимаемся в Москве литературой! Эх!..)

19 января 1944 года.

В 11 утра был у Фадеева. Очень дружно поговорили о делах ССП и об общей обстановке. В ЦК, учитывая ослабление работы ССП за время войны и ошибки ряда писателей, рекомендуют вспомнить горьковские традиции (съезд писателей в 1934 году); избрать председателя и секретаря правления ССП. Работа должна быть поднята — в соответствии с переживаемым временем — на большую высоту. От ССП ждут и политической активности, и творческой деятельности, и *порядка*. За время войны писатели до известной степени оторвались друг от друга, нет информации, общения с республиками и т. д. (Я давно это чувствую и писал об этом в дневнике не раз.)

...К 2 часам поехали в ССП.

Радостные встречи со знакомыми и приятелями — Корнейчук, Павленко, Горбатов, Катаев, Gladков, Тренев, Михалков. С Корнейчуком условились побеседовать специально (подробно расскажет мне о внешнеполитической ситуации). Выглядит он неплохо, но похудел, есть некоторая усталость — ночная работа.

В комнате президиума — она мне раньше казалась больше — оживленные разговоры. Асеев бледен, худ. Молча поздоровались...

Чувствую себя в привычной среде. Изменений как будто меньше, чем мне показалось вначале...

Короткая информация. Кандидатуру Тихонова поддерживают. Голосуем: принята единогласно. Фадеев встает и уступает ему место. Секретарем ССП — товарищ Поликарпов (работник управления агитации и пропаганды ЦК; председатель Радиокomiteта во время войны). Решили: созвать 5 февраля сего года пленум правления с активом. На повестке: «Советская литература во время Отечественной войны» и утверждение выборов председателя правления ССП.

Беседовал с товарищем Поликарповым. Он просил меня помочь пленуму и остаться пока в Москве. Есть!

О фронтовой обстановке. Видимо, удары на Юге (с 23 декабря) заставили немцев перебросить часть сил с Центрального и Северного фронтов. Когда это было отмечено, пришли в движение Белорусский и Прибалтийские фронты... 15 января грянули удары Ленинградского и Волховского фронтов. Группа «Nord» сейчас атакована в шести направлениях (Ораниенбаум—Пулково—Колпино, севернее и южнее Новгорода и у Новосокольников). Только под Ленинградом уже разгромлено семь немецких дивизий!

Германский фронт на Востоке трещит по всем швам...

В нашей квартире идет мойка, чистка... Таня действует и каждый день приносит нам обед: суп, кашу или овощи. Подобие домашней жизни — мне и приятно, и смешно.

В 7 вечера нам внезапно предлагают переселиться из номера — очищают третий этаж для депутатов сессии. Я обозлился, отказался. Через час дирекция гостиницы дали указание из Верховного Совета: «Не трогать Вишневецкого...»

Работаю, все уже знают мой телефон, номер, а тут: «Выезжай-те!» Что за нравы!

Срочный вызов от товарища Поспелова в «Правду» Приехал: «Взято Красное Село!» Сердце забилося... Начал писать статью-отклик, а в это время по радио: Ленфронт пробил бреши в немецкой оборонительной линии в 35—40 километров по фронту на каждом направлении... Крупный успех! Войска генерала армии Говорова штурмом взяли Красное Село, Ропшу, Петергоф!

Ура! Тут же позвонил С.К. — поздравил ее с победой Ленинграда... Вышел на крышу «Правды». Во тьме с крыш передаются команды. Это бойцы ПВО готовятся к салюту...

Залпы, вспышки — розовые, зеленые и белые гроздья ракет над Москвой, — и снова и снова залпы. Стою потрясенный, — это Ленинграду! Мелькнула мысль: и на мою долю есть в этом некая час-

тица. Хорошо на душе, но до боли обидно — почему я не в Ленинграде? Неужели я здесь нужней?..

Статью о ленинградском наступлении попросили и для западноевропейского радио (для передачи на французском, испанском, итальянском языках). Я дам обзор восьми битв Ленинграда с осени 1941 года по последний сегодняшний удар. Затем до часа ночи писал статью для «Правды» о городе Ленина, о ленинских традициях граждан и бойцов нашего города.

Возвращался позже комендантского часа. Патруль остановил машину. Объяснил, в чем дело, показал документы... «Все в порядке».

От московских дел, суеты, звонков, ходьбы, езды — устаю безмерно.

В гостинице меня ждала С.К. с бутылкой шампанского. Вдвоем отпраздновали конец мучений ленинградцев.

С.К.:

— Надо оформлять документы в Ленинград... Еще только начало!

20 января 1944 года.

Хмуро, оттепельно...

Войска Волховского фронта (командует фронтом генерал армии Мерецков) взяли Новгород!

С утра пошел в Камерный театр.

Диктовал пьесу весь день... Усталость, головная боль. Попросят вечером выступить в ССП — не могу.

В 10 вечера поехал в «Правду». Отредактировал свою статью...

Пришли из «Комсомольской правды», просят у них выступить на «Четверге». Что поделаешь? Поднялся этажом выше и рассказал молодежной аудитории о ходе борьбы за Ленинград:

— Ленинград бьет насмерть. (Взрыв аплодисментов, какая острая реакция!)... Это наш стиль, и венчает ленинградскую оборону подлинной победой... Уже взяты и Лигово — Урицк, и Стрельна, и Володарский!..

*21 января 1944 года.
Ленинский день.*

Успех Ленинградского и Волховского фронтов серьезен. В Москве говорят: «Вот это и есть второй фронт» (!)...

Завтра, к 5 часам дня, пьеса будет закончена... Сейчас она особенно нужна.

Звонок: взята Мга! Пишем в «Правду» статью. Подписи ставим: Тихонов и я. Вздуродженное отличное настроение... Ленинград воистину великолепен — Ленинские дни он отметил наилучшим образом!..

Приезжие из Ленинграда сообщают, что в последние дни не прекращались жестокие обстрелы плюс воздушные налеты, — по одиннадцать тревог в день. *Последние!*

Из бесед.

— Где вы, Всеволод Витальевич, будете летом? Какие планы?

Я:

— Таллин, Рига, Киль, Берлин.

Все время мысли о Ленинграде... Город вступает в новую фазу своего существования. Ленинградцы вздохнут полной грудью. Хлынут реэвакуированные, новые кадры рабочих, ремонтников. Вопрос о *полном* освобождении Октябрьской железной дороги, видимо, дело ближайших дней...

22 января 1944 года.

Днем зашел А. Фадеев. Принес нам билеты во МХАТ на «Пушкина». Посидели, поговорили о Ленинграде... Саша бодр, пишет новую повесть о комсомольцах — героях Краснодона... Фадеев был у Шолохова, который сейчас живет в гостинице «Националь», не может возвратиться в Вешенскую: дом его разбит, мать убита... А в городе он жить не привык. После аварии его здоровье еще недостаточно окрепло.

23 января 1944 года.

Диктовал до 11 вечера. Очень устал... Проверил костюмы исполнителей в «Раскинулось море широко». Дал ряд поправок...

...Скоропостижно умер Виктор Гусев. Ему было 35 лет.

24 января 1944 года.

Кончается уборка и ремонт нашей квартиры. Таня уверяет, что послезавтра будет относительный порядок. С.К. иногда там бывает.

Зашел Крон. И его вызвали в Москву: будет читать свою пьесу в Комитете по делам искусств.

Скоро ожидается открытие сессии Верховного Совета...

25 января 1944 года.

Н-ская железнодорожная артиллерийская бригада КБФ, в которой я так часто бывал, преобразована в гвардейскую. По заслугам! Рад от души...

Вечером — у Тарасенковых.

Был и Юра Севрук¹. Он ранен под Черкассами, похудел, возмужал. Жизнь ему кое-что объяснила.

— Я раньше не понимал ваших слов о войне, этой напряженности, постоянного предостережения. Я думал, что это ваша манера, может быть — поза. Теперь понял.

Наши войска ведут бои за Гатчину, обойдя ее с запада. Волховский фронт наступает — части вышли к Октябрьской железной дороге (с востока).

26 января 1944 года.

Немцы пишут о «тяжелых оборонительных боях под Ленинградом»... На Ленинградском фронте разбито десять немецких дивизий. Большие потери понесли две немецкие дивизии, итого двенадцать, то есть *50 процентов* всей 18-й немецкой армии Линдемана...

Наши войска взяли Гатчину!

27 января 1944 года.

Звонок из «Правды»: «Вам есть билет на сессию, — она открывается завтра».

Беседа о состоянии литературы и функциях писателя.

Эренбург считает основной задачей писателя — «душеустройство читателя, моральную функцию...».

Я говорил о том, что душевная организация современных людей совершеннее, многообразнее и сильнее организации наших отцов и матерей — читателей Чехова. Я привел примеры из оборо-

¹ Сотрудник журнала «Знамя»; погиб на фронте в сентябре 1944 года.

ны Ленинграда. У нас хватило сил выдержать испытания пострашнее тех, о которых писали Гаршин, Чехов и др. Все тонко подстроенные, «душевные» провокации немцев сорвались... Люди с прежней мягкой организацией души и психики не выдержали бы испытаний подобных *такой* борьбе, *такой* войне.

Меня энергично поддержала Ольга Форш:

— Вишневецкий прав!

Я:

— Война показала, что наша интеллигенция завоевала всемирное признание. Экзамен сдали и генералы, и офицеры, и инженеры.

Эренбург:

— В целом народ имеет богатейшие возможности, душевный материал отличный. Надо только развить мускулатуру чувств... У нас есть писатели душевно трусливые. Я вспоминаю вопрос Афиногенова в 1935 году: «Хочется написать об острых проблемах нашей жизни, но почему-то у нас всегда пишут не *до* постановления ЦК, а *после*». Я бы хотел, чтобы писатель дал такую книгу, основываясь на которой правительство издало бы новый закон.

Об этом же еще до войны в нашем доме говорилось не раз. Об этом мечтал и Маяковский...

В разгаре нашей дискуссии — приказ по войскам Ленинградского фронта: *окончательно ликвидирована блокада Ленинграда! Немцы отброшены на 65—100 километров. «Решена задача исторической важности — город Ленина полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника...»* Несколько волнующих слов к населению Ленинграда, к мужественным и стойким ленинградцам со «стальной выдержкой».

Салют в *Ленинграде* из 324 орудий. Трансляция для страны и для всего мира!..

28 января 1944 года.

Оттепель...

Я чувствую, что в жизни стремительно пробивается, определяя нечто новое. Предощущения победы, мира охватывают всех. Люди рвутся из эвакуации в свои города, к своей работе...

В час дня пошел в Кремль, на сессию. На Манежной площади — раскрашенные куски мостовой, остатки камуфляжа 1941 года. В саду, у Кремля, убирают снег. Тротуары посыпаны песком...

Кое-где охрана, несколько машин. Подъем к Боровицким воротам. Проверка документов. Знакомая кремлевская дорога...

Постепенно приходят депутаты и приглашенные. В зале нарастает говор, гул.

1 час 45 минут. Включаются новые группы освещения, несколько последовательных вспышек. Закрываются двери из кулуаров. Торопятся запоздавшие.

2 часа 4 минуты. Аплодисменты — члены правительства занимают места. Товарищ Андреев открывает заседание.

Доклад А.С. Щербакова от мандатной комиссии...

Устанавливается порядок для X сессии Верховного Совета:

- 1) Утверждение государственного бюджета СССР на 1944 год.
- 2) О преобразовании Наркоматов обороны и иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские.
- 3) О первом заместителе председателя Президиума Верховного Совета.

Объявляется перерыв до 7 вечера. Утреннее заседание было коротким. Стиль заседания — неторопливый, спокойный. Делаю заметки в маленьком блокноте...

После сессии пошел домой, на Лаврушинский. *Впервые с июня 1941 года переступил порог своей квартиры.* С.К. ждала меня.

Долго молча ходил по комнатам... Еще заметны разрушения, заброшенность. Нежилой дух! Было горько. Вспомнилась довоенная жизнь — все хорошее, пережитое здесь, заботы о создании дома.

Стенки двух комнат, коридора и кухни рухнули от бомбежек. Сейчас их восстанавливают. Стекла вылетели — окна защищены фанерой. Лужи, капает вода из испорченных труб... Пыль, все покрыто мертвенным налетом... Тут работы еще надолго. Дело не в материальном «убытке», а в том, что все как-то осквернено, заляпано... Даже не нахожу настоящих слов. Да, — растоптано...

Меня охватило острое *личное* чувство. Вот что фашисты сделали и моему дому, и мне, и моей жене... Это сложное, очень нутряное чувство. Сердце сжалось, когда я почувствовал, подумал, что в тысячу раз горшие беды пережили и переживают миллионы советских людей. Так, и еще во много, много раз хуже, изуродованы и осквернены их дома — очаги целых наций.

Все поправим... Через год-два нигде не оставим фашистских следов. Мы — взаимно исключают породы, системы. Победа повлечет за собой не только наше абсолютное духовное, правовое, бытовое утверждение, но и оздоровление немецкого народа...

С.К. говорит мне:

— Я загадала — если ты сегодня придешь домой, все будет хорошо.

Сели, *впервые дома* вместе пообедали, и Таня тут же хлопочет. Немного отдохнул и поехал на вечернее заседание.

6 часов 38 минут. Свет дан полностью. Все ложи быстро заполняются...

Слово для доклада по бюджету предоставляется товарищу Звереву...

Вечером, после сессии, с С.К. у А. Фадеева и А.О. Степановой¹. Там были Сашко Довженко и Юлия Солнцева². Сашко несколько постарел, бледен. Встретились с ним хорошо... Разговор шел — главным образом — о войне, о пережитом (о Ленинграде, об Украине)... Киевская квартира и библиотека Довженко разрушены, разграблены. Он весь полон украинских бед, трагедий. Каждая рассказанная им деталь — горькая... Было трудно...

Из-за позднего времени прервали разговор — пришлось разойтись по домам.

Взяты Тосно и Любань!

29 января 1944 года.

С.К. уезжает в Ленинград. Основные ее дела закончены: творческий отчет, встречи, распоряжения по дому. Она поставила меня перед фактом — показав обратную командировку и билет.

С 7 вечера — на сессии. Прения по докладу о бюджете... Ряд интересных подробностей. В Туркмении девушки отдавали в фонд обороны старинное родовое серебро (447 пудов); в Красной Армии свыше 70 процентов раненых возвращается в строй; смертность от тяжелых ранений снижена в три раза по сравнению с 1914—1918 годами; для Красной Армии дано восемьсот тонн крови, что спасло жизнь сотням тысяч бойцов; и т. п., и т. п.

Заседание кончилось. Выходим из Кремля — салют: взяты Новосокольники...

В вечерней сводке. Взяты Копорье, Вырица, Чудово. Вся Октябрьская железная дорога полностью освобождена от немецких захватчиков!

¹ Актриса, жена А.А. Фадеева.

² Актриса, жена А.П. Довженко.

30 января 1944 года.

С утра непрерывные звонки. (Телефон — это наглое вторжение в труд человека, в его мысли.)

Днем собирал С.К. в путь — удержать ее невозможно! Поток провожающих, приходят весь день, так как на вокзал мы хотим поехать вдвоем.

Был профессор Фогельсон; осмотрел меня (по настоянию С.К.):

— Сейчас у вас, главным образом, явления со стороны нервной системы и гипертонии. Нужен отдых, тонизирующие средства и т. д.

Дружно с ним побеседовали. У него погиб брат (в Ленинграде) и племянник — в числе шести повешенных в Волоколамске (инженер-партизан).

Отвез С.К. на вокзал, посадил в ленинградский поезд... Мы очень редко расстаемся. Тридцать один месяц и одну неделю тому назад *она меня провожала* на этом же вокзале в Ленинград — Таллин... Синие огни, душевная взбудораженность. Тоскливо...

31 января 1944 года.

На Ленинградском фронте отлично. Пошли поезда Ленинград — Колпино. Первому поезду население устроило овацию.

В Ленинграде ликование! Салют был грандиозен. Моряки пускали фейерверк у «Астории», и их нельзя было остановить... Сверкающие корабли, прожектора...

Впечатление от немцев у жителей в освобожденных районах: «Сдают...» — «Небритые, в хатах держатся тихо. Хозяйка крикнет: «Эй, пан, там не садись», — и немец садится, где ему укажут». — «Другой, другой немец пошел...»

Из обзора американских газет.

«New York Times»: «...В победе Ленинграда, залпах салюта соединено все русское: и старые традиции древнего Киева и советские подвиги... Ленинград олицетворяет их всех, так как он воплощает непобедимый дух народа России».

Ленинградцы не испугались смерти, смерть испугалась их!

В 6 часов пошел на вечернее заседание.

Мысли на сессии.

За год восстановительных работ в Сталинграде кое-что уже сделано, но работы еще *на годы*.

...Если учесть, что стране потребуется восстанавливать районы от Орджоникидзе до Бреста и Мурманска, понимаешь исключительную трудность задачи. Надеяться на немецкие репарации? У немцев все уходит в производство «военных материалов», а этот «лом» нам не нужен. Ширпотреба у немцев нет — они сами босы и голы. А свои, еще не разбомбленные, заводы тяжелой промышленности они в последний момент могут уничтожить. Англичане, кстати, с такой энергией доламывают с воздуха Берлин и для того, *чтобы нам ничего не досталось*. Мне так кажется...

Немцы основательно подорвали силы украинского и белорусского населения. В этих республиках уничтожены даже библиотеки и школы. В Харькове томик русского или украинского классика — редкость!

...На восстановительные работы в 1944 году бюджет выделяет 16 миллиардов рублей на всю страну, тогда как *одна Московская область* понесла потерь и убытков на *25 миллиардов*.

Видел В. Гроссмана — худой и мрачный. На Украине погибли его мать и сестра. Он ездил в Киев, Бердичев и другие пункты, — вернулся потрясенный.

Из обстановки. 2-й Украинский фронт начал сильное наступление. Клин в районе Смела — Шпола. Немцы контратакуют западнее...

Части Ленфронта уже ведут бои на улицах Кингисеппа. Отрезана приморская группировка немцев... Отдельные их части загнаны в болота. *Форсирована река Луга* — это большой успех. Успехи на Ленинградском фронте *окажут свое действие на Финляндию!*

Илья Эренбург прочел мне тезисы своей речи (к пленуму правления ССП): меньше «критики», внутренних споров и горечи. Это речь во славу писателей, работавших для армии, для фронта, для победы...

...Телеграмма от С.К. — она выехала на нашей малолитражке на фронт, в направлении Кингисеппа.

1 февраля 1944 года.

Весь день писал статью «Волжская военная флотилия» (к первой годовщине Сталинградской победы). Отправил ее в «Правду».

Берлин подвергается сильным бомбежкам: за четыре дня — три налета. Сброшено пять тысяч тонн бомб, огромные пожары. Английская пресса пишет о том, что Берлин будет разрушен дотла (?).

К 6 часам пошел в Кремль...

...От сессии впечатление державной мощи и спокойствия.

Салют: на Ленинградском фронте взят *Кингисепп!*

С 12 до 2 ночи слушал концерт по радио (оперетту). Без С.К. скучно... Пусто... Послал ей письмо. Она уже, наверно, рисует в Кингисеппе.

2 февраля 1944 года.

Серо, снег...

В 12 дня — в Камерном театре на первом просмотре «Раскинулось море широко». Борюсь с ассоциациями ленинградского спектакля. Московский спектакль более строг, это больше *героическая* комедия. Стилево сделано чисто, но мне не хватало балтийской прозрачности, воздуха. Слишком монументально. Шокирующих мест нет... Внес ряд корректур в мизансцены, некоторые уточнения и сокращения. Проверил гримы: Марью Астафьевну (жену боцмана) из грязной судомойки превратил в русскую малявинскую красавицу. Финал спектакля еще не сделан. Нет «точки», нет и аромата *подлинности* ленинградского спектакля.

Получил пачку писем из Ленинграда: от театра — о моей пьесе; от Суворова — привет с острова Сескар; письмо от Всеволода Азарова и т. д.

О.К. Матюшина пишет о том, что в Ленинграде начинают уплотнять квартиры и чтобы я принял меры относительно домика (!). *Начинается быт, — героическая битва Ленинграда закончена!*

Звонок из Совинформбюро: «Ваше интервью о тридцати месяцах в Ленинграде очень понравилось. Передадим в ряд стран. Просим статью о Балтийском флоте».

Количество звонков и «заказов» катастрофически нарастает каждый день. Приходится оттягивать, отказывать.

3 февраля 1944 года.

В Кремле вчера состоялось вручение почетного меча от Георга VI делегации из Сталинграда.

Заходил военный корреспондент В. Хействер. (Часто видались с ним в блокадную зиму 1942 года. Сейчас он был в танковой армии генерала Рыбалко.)

Из его рассказа:

«На 1-м Украинском фронте возобновились бои... В центре борьбы — танки... Генерал-полковник Рыбалко отличный военачальник, стойкий, умный...

К рождеству Гитлер хотел снова взять Киев: приказы, обещания производств и наград. На армию Рыбалко обрушилось четырнадцать немецких дивизий. Рыбалко решил стоять на смерть — в Фастове. Так и доложил... Дрались крепко, Фастова не сдали».

Зашла Эсфирь Шуб... Сообщила, что уже восемь месяцев по Союзу идет наш фильм «Испания». Я очень люблю эту свою работу...

В сводке. Войска 1-го и 2-го Украинских фронтов соединились в районе Звенигородка, Шпола и тем самым замкнули кольцо вокруг группировки 8-й немецкой армии. Взяты Смела, Шпола, Звенигородка, Канев.

5 февраля 1944 года.

Утром пришел делегат с Волховского фронта — просит статью о древнем Новгороде, Волхове и т. д. Охотно напишу — это моя тема...

В 5 часов — на пленуме в ССП. Встречи: с Маршаком, Бажаном, Инбер, Твардовским, Фединым и т. д. Странное ощущение возврата, невероятной устойчивости быта, людей. Почти те же литературные разговоры, та же толчея... Все это уже где-то когда-то видно, слышано. Вспомнил свои записи в дневнике, свою тоску по московскому миру литературы, искусства. Вечные мои иллюзии...

Доклад Тихонова был несколько растянут...

Взяты Ровно, Луцк и Здолбунов. Большой салют. Эти пункты дают возможность стратегического нависания над всем южным немецким фронтом, который уже расчленяется...

11 вечера. Зашел в Дом актера. Рад встрече с Алексеем Диким. Не видел его семь лет. Он молодец — сохранил себя, свою душу... Дикий сказал мне:

— Плачу я редко. Но слушая тебя по радио осенью 1941-го, мы с Шурой¹ оба плакали... Ты прощался с жизнью — так я почувствовал тогда. А я не с тобой. Был бы рядом — все вместе вынесли бы...

Много говорил с Михаилом Светловым. Я его люблю... Миша задумал пьесу об окопах, о болотах Северо-Западного фронта — о быте, о простом быте фронта. Это хорошо.

*6 февраля 1944 года.
Воскресенье.*

...Из Ленинграда приехала Ольга Берггольц. Тепло встретились.
Рассказала некоторые подробности:

«...Была я в Пушкине — мертво, нет даже воробьев. Саперы кричат: «Граждане, вы осторожней, тут кругом тикает — мины». Идет разминирование местности. Под Камеронову галерею немцы всадили три трехтонных мины, но их успели разрядить. Счастливый командир говорит мне: «Вот сохранили здание — для потомства...» А у него из всего батальона осталось шестнадцать человек! Бои были упорные. От Александровского и Екатерининского дворцов торчат лишь обгорелые стены... Дворцы-музеи, куда советские люди входили в войлочных туфлях (народ, казнивший царя, сумел сберечь его дворцы — ценности истории, искусства!), эти музеи фашисты раскрали, загадили. Чем они нам ответят за все?»

Представляю себе все эти пустынные места, вырубленные парки, окопы, провода от мин... Там сейчас С.К. — ездит, изучает, рисует, видит войну в упор.

Меня тянет на фронт, надо ехать!..

Из письма С.К., которое мне передала Берггольц:

¹ Жена А.Д. Дикого.

«Драп был великий. Немцы бросали в спешке и орудия, и боезапас, и вещи. По проселочным дорогам завалы из вековых сосен (распиленные нашими саперами)... И всюду по обочинам дорог, из-под снега, алые как кровь, — провода мин. Встречные машины не хотели сворачивать с колеи, боясь напороться на мину. Хочешь — не хочешь, а нашей малолитражке приходилось им уступать дорогу... Как видишь, все обошлось. Смирнов был на высоте!

В лесах, вдоль тракта на Кингисепп, еще бродят разрозненные группы немцев (страшно было ехать лесом). Их постепенно обнаруживают. Одну такую группу пленных допрашивали тут же — на шоссе. Лица их покрыты восковой бледностью — небритые, с всклокоченными, в сосульках волосами, в *летних* маскхалатах! Полузамерзшие, дрожащие... Переводил мальчишка лет десяти, из соседней деревни, научившийся за два с половиной года говорить по-немецки. Солдаты остановили мою машину.

— Товарищ старший лейтенант (ага!), может, вы знаете немецкий?

Я помогла им снять первый допрос, после чего пленных отправили в штаб. (Их было человек двенадцать — немцы и голландцы.)

Крестьяне говорят: «Последнее время немцы жаловались: «Хазузы наши горят». (В быт вошли некоторые немецкие слова.) По дороге к Кингисеппу уцелел ряд деревень, но в городе — одни кирпичные остовы труб и почти в каждом дворе — трупы расстрелянных.

Из лесов выходят партизаны — иногда в немецком трофейном кителе и в бескозырке, в общем — кто в чем.

Немецкой авиации почти не видно. Река Нарва форсирована, идет охват города Нарвы.

...В Ленинграде снимают щиты и мешки с витрин. Говорят, что скоро начнут раскрывать памятники. В город летят тучи поздравительных телеграмм, а ленинградцы смеются: «Из тыла все пишут: «Поздравляем доблестных ленинградцев, ждем вызова».

На Международном проспекте видела пленных немцев, которые убирали снег.

Салют был встречен восторженно! Жаль, что нас не было. Упорно говорят о переводе штаба флота и Пубалта в Кронштадт.

Буду ждать здесь взятия Нарвы. Много зарисовок, некоторые — специально для тебя».

8 февраля 1944 года.

С утра некоторое внутреннее волнение: моя первая встреча за время войны с московским писательским активом.

Днем ясно понял, ощутил, что выступлю сильно, есть уже во мне какая-то внутренняя зрелость.

...Несмотря на усталость — в целом бодрое настроение, но и здесь недостает аналитического материала об обстановке. В прессе все сведено к сухому минимуму: нет карт, комментариев. Мы побеждаем — без слов и излишней. Есть в этом и угрожающий оттенок — удар за ударом: «Смерть немецким захватчикам!»

Зашел А. Штейн — он приехал сегодня из Ленинграда, привез второе письмо от С.К. (они были вместе в Кингисеппе) — торопливое, фронтовое; еще ездит на нарвском направлении:

«Решила ждать взятия Нарвы. Сплю в машине... Иногда во сне кажется, что замерзла... Говорят, с Нарвой дело затягивается. Подожду дня два и поеду обратно — Ропша, Гатчина и т. д. Уйма материала... Приезжай...»

Вечером выступил. Встретили хорошо, тепло. Говорил о писателях страны — военных корреспондентах, давших тысячи статей, листовок, стихов и пр.; о погибших Ставском, Евг. Петрове, Крымове, Лапине и Хащевине, Зельцере и других товарищах. Говорил о великолепной моральной поддержке «Правды» — в самые тяжелые дни; о Ярославском, Пospelове, Ильичеве, — их неумолкавшем голосе! О товарищах Воронове и Ганичеве¹, отлично работавших в Ленинградском отделении «Правды». Говорил о Ленинграде и его людях; о том, как мы работали. («Мне не пришлось писать стихи, но если б приказали — я б их написал»)... Говорил о том, что наше новое поколение отлично показало себя и в армии, и на флоте, и в подполье, и в литературе... Закончил так: «22 июня 1941 года в этом зале, с этой трибуны я говорил, что русские дважды были в Берлине — будут и в третий раз. Я повторяю и сегодня: будут! День этот уже не за горами!»

Слушали внимательно. Реакции были в целом правильные.

Салют: взят Никополь, ликвидация всего никопольского немецкого плацдарма... Немцы в Крыму отрезаны!

С пленума шел с Борисом Горбатовым. Он рассказывал о своей работе над «Непокоренными»:

— Писал рывками, «на звонках» — торопили... Печатали куски, когда я еще писал следующие. А эстеты будут судить — отшлифо-

¹ Заведующий Ленинградским отделением «Правды».

вана ли повесть или нет? Книга нужна была немедленно. Дорабатывать буду позже...

Все понятно...

10 февраля 1944 года.

Из обстановки.

...В Прибалтике — подъем народного движения, началось бегство немцев в Восточную Пруссию. Немецкая администрация в тревоге.

Под угрозой 16-я немецкая армия — южнее Ильмена. Наши части подошли к Полоцку.

На Юге: в кольце 8-я немецкая армия. Она держалась в районе Канева и юго-восточнее. Гитлер слишком долго раздумывал: отвести ли ее или драться? Тупое цепляние за территорию — капкан внезапно и захлопнулся! В окружении девять немецких дивизий (!) плюс танковая дивизия «Викинг» и мотобригада СС — «Валония» (вероятно, около ста тысяч войск). Кольцо вокруг них сжимается. Опять попались!.. Под угрозой и железнодорожные коммуникации всего немецкого южного фронта. Нависание Красной Армии над *Львовским* районом; потеря его заставит немцев перейти на румынские и венгерские железные дороги, где железнодорожная сеть недостаточна. Генерал Ватутин в 100 километрах от румынской границы.

Иностранные обозреватели считают, что гитлеровское командование сделало грубые, роковые ошибки, а «окружения стали специальностью русских».

...Из обзора английской прессы: «За победами Красной Армии скрываются еще более значительные события. Россия выступает как одна из самых крупных созидательных сил нового международного общества».

Из американской прессы: «...Вот он, Гитлер, — ничтожество, которое в течение известного времени почти управлял миром». (*Вы, храбрые комментаторы, Россия вас спасла!*)

11 февраля 1944 года.

Усталость... Днем приступ такой слабости, что должен был прилечь...

...В мировой литературе идет ожесточенная война. Кстати, — сейчас эта духовная, соц[иально]-полит[ическая] война (скрытая

гражданская война) все сильнее охватывает мир. Война против фашизма перерастает в нечто большее!

Надо понять, что мы за силу, ясность, народность, — мы «за» службу войне, хотя бы для того, чтобы спасти литературу будущего от смерти, от скепсиса. Пожертвовать во имя этого собой, своей душой, своими мечтами и литературными планами!..

Салют: взята Шепетовка, центр снабжения южного немецкого фронта, узел железных дорог и четырех шоссе.

12 февраля 1944 года.

...Были Тихонов и М. Светлов. Рассказывали об украинских партизанах (Ковпак, Сабуров), — они находятся под Львовом и доходят до Карпат; написали письмо Коху (гаулейтеру Украины) о том, что его повесят... Ковпака немцы считали кадровым генералом, а это бывший председатель Совета маленького городка!

13 февраля 1944 года.

Снежок... Готовлюсь к читке пьесы «У стен Ленинграда» в «Правде».

В 5 дня пришел Н. Тихонов. Побеседовали. Потом вместе с В. Инбер и А. Таировым поехали в «Правду».

В 7 часов — начал читку. Было тихо, — напряженное внимание. Конференц-зал большой, чистый; свет приятный, мягкий. Все как-то располагает к беседе, к чтению. Потом — взволнованное обсуждение... Советы — приемлемые и неприемлемые. Общая оценка: пьеса волнующая, правдивая, динамичная. Выступали Н. Тихонов, В. Инбер, Л.Ф. Ильичев и др.

Салют: взята Луга!

В сводке: взят Гдов. Дело идет к Пскову!..

В «Красной звезде» стихи Бориса Пастернака — сочетание разного ряда Пастернака и военной терминологии производит впечатление пародии...

Спектакль «Раскинулось море широко» в Камерном театре разрешен. Официальная премьера — 16 февраля.

14 февраля 1944 года.

...Обмен письмами между Черчиллем и Сталиным. Выдвинут проект раздела Восточной Пруссии: СССР получит Кенигсберг и прилегающую зону, все остальное — Польше. Силезия также должна быть отдана Польше, на востоке — линия Керзона. О Львове мы даже не собираемся разговаривать: он по праву наш. Англичане, видимо, это понимают. О Балтике в английской печати: «Это море должно быть *под контролем СССР*»...

15—16 февраля 1944 года.

Втянулся в московский общественный ритм, поток: звонки, выступления, репетиции. В ближайшие дни закончу последние поправки «У стен Ленинграда», — с учетом замечаний правдивостов. Предстоит еще читка на труппе... И обратно на Балтику. Пора!

Хорошее состояние: сознание силы, бодро.

Вечер.

В 7 часов в Камерный театр. Скользкий Тверской бульвар, толпа у входа, машины.

Спектакль расцвел... Реакции непрерывные. О, как хочет зритель улыбки, смеха, интриги, динамики! Жаль, что с нами нет Азарова¹... Я думаю, что этот первый опыт героической комедии будет мне очень полезен для дальнейших театральных поисков.

На спектакле была «вся Москва».

Эренбург:

— Будем вас вызывать...

Грузный Кончаловский² тут же что-то басит...

Занавес, рампа, вызовы, выходы... А я уже думаю о другом.

17 февраля 1944 года.

С утра — гости из Пубалта. Обрадовались встрече.

О Ленинграде. Подготовка к удару была основательная. Флот ударил крепко. Били и линкоры и крейсера — по району от Пулкова до Урицка. На допросах пленные не в состоянии были отвечать по трое суток — нервный шок. Вот какова была сила огня! В

¹ Поэт Вс. Азаров, наряду с драматургом А. Кроном, был одним из соавторов пьесы «Раскинулось море широко».

² Художник.

первые день-два у немцев были большие потери, но часть 18-й армии ускользнула. Это досадно, ибо был план полного окружения...

О Балтийском флоте. Уже созданы штаты Таллинской, Палдисской и Рижской баз. Лужская база уже развернулась. Флот ремонтируется, ждут ранней кампании... Настроение очень бодрое. Неву расчищают специальными бомбами, чтобы подорвать немецкие мины (в среднем течении). Из лесов с партизанами возвращаются многие летчики, считавшиеся погибшими. Идет концентрация сил на Карельском перешейке. Н-ская гвардейская железнодорожная бригада КБФ — там...

...Я живу, и дни смешались, как чернила, которыми я пишу. Пытаюсь поймать время, его облик, его бег, его тайны...

18 февраля 1944 года.

Ясный день... Толпа на улицах мне нравится, — это коренные, упорные, спешащие люди... Манеры, жесты, суть народа меняются: это не былая медлительная масса. Мне нравится напор толпы, ее своеобразие, огромные потоки на метро... Эта толпа не похожа ни на какую другую — европейскую, американскую или азиатскую. Я радуюсь избытку сил, движения, какой-то непроницаемости, несокрушимости всех этих теток, военных, девчонок, рабочих и даже инвалидов. Все сдавлены в вагонах, плотно-густо; реплики, хохот... Взгляды — глаза в глаза. Просто хочется поцеловать вот эту первую встречную расейскую московскую девчонку! За ее румяные щеки, за ее курносый нос, за взгляд с хитрецой... Иногда такое ощущение здоровья, сил, успеха, что хочется сказать: «Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...» Москва дает это ощущение: тут все смешивается, скрещивается, здесь непрерывное движение.

Встреч очень много... Но и в Москве меня мутит (как в свое время в осажденном Ленинграде) от «бытика». Подбегают какие-то люди: «Что вам нужно?..» А мне ничего не нужно. «Выдают американские брюки!» — разговор о них вполголоса или шепотом... Комбинации, отчисления... «Окололитературный» мирок!..

Звонки, приглашения: «Что вы делаете сегодня вечером?» Сплетни, обсуждения — кто с кем, почему, как? Этот треп, этот «мирок» я не люблю — здесь острят над всеми и всем, здесь играют друг с другом и с самим собой. Здесь пускают в ход самые интимные признания и подробности: «Только вам, но вы — никому!» Тошно...

В 5 часов дня — у А.А. Игнатьева. Conversation¹ с Натальей Владимировной². Предобеденное время...

— Мой дорогой, я так рада. Алеша сейчас будет. Мы, знаете, бываем на обедах... (Все для этих союзников.) Иногда там надо и поговорить. А. Толстой — он душа — крихтит, рычит и на английского посла не обращает внимания... «Они» будут устраивать вторжение во Францию, но Алеша считает, что нужно в Голландию и на Гамбург, это удобнее... Моему Игнатьеву дают мало работы, мало заданий. Надо уметь снять все, все сливки с каждого, — у нас этого еще не умеют, уверяю вас. Сейчас, когда чувствуешь себя в расцвете ума, сил, — можно много сделать. Я недовольна, так вам и скажу....

Затем с опозданием явился А.А. Игнатьев. Идем к столу, — обед русско-французский... И все та же рязанская домработница Маруся — в наколке и в фартучке «по-французски»...

В 7 часов поехали на спектакль. Усадил их³ в партер... В антрактах за столом Таирова — обмен впечатлениями...

Обряд был выполнен. Я еще раз (после третьего акта) показал публике свои помятые брюки и сделал улыбку — keep smiling⁴...

19 февраля 1944 года.

С утра немного читал...

Я жалею, что упускаю многое для дневника. Не успеваешь все записать, запомнить...

Мысли унеслись в будущее... Безусловно, научные открытия последних лет крупны, и мы увидим смелейшие опыты и эксперименты.

В кинохронике на складе лежат 580 тысяч метров отснятой пленки об Отечественной войне. Я дал совет все паспортизировать, — дать образно-стилевую и тематическую опись, — во имя создания будущих больших фильмов. Например: фильм «XX век». Я бы с огромной охотой взялся за такой сценарий. От первых хроникальных съемок Патэ, Гомона и Ханжонкова — до современности... Попытаться раскрыть генезис эпохи; стремительный общий прогресс; войны, революции. В центре: рождение новой цивилизации — СССР. Это мог бы быть фильм исключительный.

¹ Беседа (фр.).

² Н.В. Труханова-Игнатьева — жена А.А. Игнатьева.

³ Игнатьевых.

⁴ Не унывать (англ.).

В 7 вечера — в филиале МХАТа. Смотрел «Глубокою разведку» А. Крона. Пьеса в чтении мне меньше нравилась. Спектакль раскрыл для меня некоторые новые ее стороны. Крон вызревает как драматург. Есть несколько сцен подлинной правды, сложности, нервного трепета (третий акт)...

После спектакля пошел к старому другу — П. Попову. Дом нашел «на ощупь» — номера не помню. Приятно после театрально-холостяцких вечеров побыть в домашней флотской среде. Перебрали все прожитые двадцать шесть лет... Опять поток старых ощущений, — с некоторым удивлением и умилением смотрим на молодость свою. У меня нарастающее ощущение духовного и физического подъема. Это прекрасно... Москва дала мне так много. Постараюсь сделать больше, чем до сих пор...

20 февраля 1944 года.

Так называемый отдых. Думаю о завтрашней беседе о Ленинграде с группой Камерного театра. Надо дать им и гражданское, и человеческое, и военное представление о Ленинграде — обязательно в *сочетании*. Наша оборона — синтез.

Некоторые положения постепенно определяются после обороны Ленинграда: противник рассчитывал на военное и психологическое обезволивание, а в период зимней блокады — на моральное разложение и депрессию ленинградцев, распад коллектива, распад личности (на почве голода и психической усталости). Фашисты полагали, что вид умирающего города плюс обстрелы и бомбежки сломят волю ленинградцев. Но на практике получилось обратное: мы теснее сжали ряды; росло упорство, гордость. Страх смерти был преодолен; невиданная освобожденность духа; новые формы военного быта; цепкость людей, философское отношение к личному, к собственности. Жажда жизни (непреходящая), сохранение ряда традиций и избавление от ряда традиций... Мы чтим мертвых своею жизнью, своим упорством!.. Характерно письмо моряка Червоного к жене: «Ты не убивайся по мне... Я погиб... Я хорошо пожил, но мало... Ты поживи *за меня*, я прошу об этом...»

21 февраля 1944 года.

В 11 часов — в наркомате. Сообщили, что «Раскинулось море широко» идет в двадцати девяти театрах страны.

В 11.30 — у товарища Рогова:

— Очень хорошая пьеса¹. Все стало на место. (Гм...) Пьеса будет разослана во все флотские театры. (Вот этому я рад! Наконец-то! Почти два года!)

Поговорили о будущих моих планах...

Днем — встреча с труппой Камерного театра: Ольга Берггольц, я и др. Актеры слушали о Ленинграде с напряженным вниманием... Какая-то просветленность, дыхание большой оптимистической трагедии: «Мы должны стать лучше, узнав все о Ленинграде».

22 февраля — 4 марта 1944 года.

Впервые за всю войну не вел записей... Устал...

Сделал последний (до отъезда) большой доклад (1 марта) в ЦДРИ² для профессуры, народных и заслуженных артистов столицы. Глубокие отклики.

Пора за дело, в Ленинград! Заказал билет на 5 марта. Попрошлся в наркомате... В дорогу!

10 марта 1944 года.

Опять не успевал вести записи, о чем жалею. Попробую кое-что восстановить. Такая усталость, нервная реакция, что со дня приезда не могу записывать. Сказываются, видно, девятьсот ленинградских дней.

Город затих. Вспышка радости, победа, — потом пришли будни. Эта душевная депрессия, физическое ощущение усталости — общие.

Выступил по радио: «Девятьсот дней держались, вытянем еще сто, еще тысячу дней. Лето не за горами, поможет здоровью...» (Врачи констатируют массовую гипертонию и ряд нервных явлений у ленинградцев.)

Мне с полного московского темпа очутиться в ленинградской тишине — и странно и трудно. Все напоминает недавнее прошлое — щемит душу... Все эти улицы, все эти дома, неотступные воспоминания и к тому же моя вечная, старая петербургская тоска. Я переживаю какой-то «переходный» период: свежие острые ощущения Москвы и отстраненный Ленинград; отрыв от одной работы — мысли о новой, еще не начатой. И все же я рад, что на месте.

(Иногда воздушные тревоги, зенитный огонь...)

¹ Речь идет о пьесе «У стен Ленинграда».

² Центральный Дом работников искусств.

...10 марта был с С.К. в Соляном городке на выставке «Оборона Ленинграда». Меня поразило *превращение нашей жизни в военный музей!* Вот наши газеты, оружие, куски хлеба (120 граммов), одежда. Все это уже за *стеклом*, с надписями, на фоне алого бархата... Странно, поразительно!

Музей (большой — четырнадцать залов) подчеркивает: целая полоса вашей жизни, — может быть, самая трудная и значительная, — закончена. Сейчас тенденции, цели уже иные. Я сам это остро ощущаю, и отсюда моя душевная неровность, жажда *нормы, ритма*.

Вглядываюсь в город. Блокада для меня уже в прошлом... Нового еще мало, но оно идет неудержимо и, как всегда, в тысячах деталей... Ко всему этому надо приглядеться внимательнейше.

В беседах с С.К. узнал интересные подробности о последних боях. Она так и не дождалась Нарвы, но изъездила и осмотрела почти все освобожденные районы. Долго смотрел ее рисунки... Да, это ты — война.

В Петергофе уже нет дворца... Остался один обугленный остов; кругом руины, пусто, загажено, всюду палки с дощечками: «Мины». Их вытаскивают, приспособили и овчарок... Бродит одинокий человек с портфелем в руке, что-то записывает (председатель районного исполкома?). Воет ветер. Снега. Вместо Самсона — небольшой холмик камней... (Смотрю гуашь за гуашью.)

В Гатчине стены дворца уцелели. На одной из них — немецкая надпись от 23 октября 1943 года (!): «Мы уйдем отсюда и не вернемся, но Иваны тут ничего не найдут». Штабеля, горы пустых бутылок — марки вин всей Европы, красивые этикетки...

«Советская Эстония» помещается пока в редакции «Ленинградской правды»... Ждут продвижения за Нарву, планируют будущую работу... 13 марта я написал в «Советскую Эстонию» статью «Мы вернемся, — слышишь, Таллин!»

На Юге очень крупные успехи, видимо, сбит весь немецкий южный фронт...

На Балтийском море. Часть соединений кончает ремонт 20 марта, остальные — в апреле.

До Лавансаари толщина льда 30—40 сантиметров. Ожидается раннее вскрытие залива. Балтийскому флоту предстоят активные

операции в Финском заливе. В первую очередь — малому флоту... Несомненно, пойдут и эсминцы и лидеры (попозже).

На кораблях — интенсивная боевая учеба.

Написал по поручению горкома статью о новом советском гимне. Завтра он зазвучит по всей стране...

16 марта 1944 года.

Сведения о грандиозных операциях 1, 2 и 3-го Украинских фронтов все еще скупы, но люди чувят их колоссальное значение.

Лондонское радио передает английские советы Болгарии, Румынии и Венгрии — ударить в тыл отступающим армиям Манштейна.

Генерал-лейтенант Дитмар (29 февраля):

«...Русские стремятся отвлечь на себя оперативные германские резервы и помочь западным державам, то есть создают непосредственную угрозу европейскому жизненному пространству... Таким образом, первый акт вторжения, если не считать воздушной войны, — разыгрывается на Восточном фронте (!)... Приготовления ко второму фронту закончились. Это можно, пожалуй, считать несомненным. Наготове — колоссальная армада на море, в воздухе и на суше... На нас будут возложены тяжкие, горькие испытания, но есть шансы на успех нового немецкого оружия... Мы будем вести борьбу из глубины, — на Атлантическом вале».

Взята Вапнярка... До Румынии осталось 100 километров! Охват манштейновской группы все крепче.

Вчера и сегодня чудесные весенние дни,— тает, все искрится, сверкает. Ленинград нежится на солнце!

Гулял по старому маршруту — к новой Морской академии.

17 марта 1944 года.

В одном из последних английских обзоров — о русском уме.

«Дело, — говорит обозреватель, — не только в русских пространствах и организации — дело в русском уме, побеждающем немецкий и не уступающем никакому другому. И в области политики устройства будущего мира — русский ум заявит о себе...»

Среди всего великолепия так называемой иностранной информации позволительно записать несколько простых русских, ленинградских ощущений. Вечер... Я в семье инспектора милиции И.Н. Обер-

тышева, моего соседа... Мы тихо сидим среди фотографий, чахлых цветов и пр. Мне очень хорошо — я знаю и не знаю почему. Сначала вежливая неловкость — давно не виделись, общие слова... Потом, как всегда, разговорились. Тут же их дети — дети блокады! Прикосновение к их льняным волосам, их разговор, такой наивный и умный, их тихая просьба: «Дядя Всеволод, пейте чай...», — их чтение вслух русских сказок — меня трогают. Я люблю Веру и Славика — этих милых, родных, нежных, забавных детей, так доверчиво относящихся ко мне... В 1942 году они умирали. Мать отдавала им все, а отец брел домой с одной мыслью: «Дышат ли еще?»

...Годы блокады сдружили нас с этой семьей. Как хорошо, что все живы!

Жизнь так широка! Неимоверно широка, и если брать крупно, по-философски, то мой любимый Ленинград — в одном ряду с Мадридом (где я так много доблестного видел), с городами Китая (где я буду). Везде люди! И я рад, что во мне наконец прорвалось понимание *всей* широты мира. Я этим дышу, живу. Я вас люблю, люди, братья, товарищи!.. Я говорю это миру, всем!.. Пусть надо мной холодно иронизируют — впустую, напрасно!.. А время бурлит и катится над головой, во мне самом. Все грохочет... Вот моряки пойдут завтра в море, на крошечный участок мировой войны, и ты сам пойдешь туда же, я же тебя знаю, Всеволод! Но дело не в этом, — дело в огромной силе ощущения — **МЫ ПОБЕЖДАЕМ!**

*18—19 марта 1944 года.
(Тысячный день войны!)*

В моей комнате расцветает оранжевая лилия, — постепенно набухают все девять бледно-зеленых бутонов. Непрерывно подсознательно и сознательно: мысли о новой работе, внутреннее беспокойство, стремление к преодолению его.

Взято Дубно (опорный пункт противника на львовском направлении).

Днем в одном из залов ЛССП сегодня выступление К. Федина...

ЛССП показался мне тусклым, везде следы запустения... Сейчас март, а вышел только декабрьский номер журнала «Ленинград»! (Нет корректоров — большинство вымерло.)

Совинформбюро. Разгром 6-й германской армии генерал-полковника Холидта 3-м Украинским фронтом под командованием генерала армии Малиновского...

Войска 1-го Украинского фронта взяли Жмеринку!

Под Нарвой началось новое наступление. Оттуда прибывают раненые. Есть сведения, что немцы стянули на эстонский участок десять-одиннадцать дивизий. Наша задача: окружить и ликвидировать их.

В городе заметен рост уголовщины. В новых распивочных некоторые демобилизованные инвалиды отдают хлебные и продовольственные карточки за водку и закуску, а наутро — неспривавшиеся, голодные — ищут, где бы достать денег... Старая история! А в армии они совершали геройские дела!..

Вечером сделал в редакции «КБФ» доклад о Москве (о сессии Верховного Совета и пр.)...

20 марта 1944 года.

Развиднелось — солнце...

Надо думать о деле, о море, о флоте. Мысли о сценарии — это главная внутренняя тема. Глыба материалов — тысяча дней войны.

Театр КБФ работает вовсю над «новым» вариантом пьесы. Посмотрим, что получится...

К 7 вечера — в Доме флота на концерте артистов МХАТа (Качалов, Ливанов, Яншин, Андровская и Еланская). Концерт хорошо принят... *Исключителен* Качалов. Были с С.К. у него за кулисами. Очень друж[ески] встретились. Затем поехали в офицерский клуб на банкет. Прибыло все командование Балтийского флота... Качалов был в ударе: читал (по просьбе С.К.) Маяковского... Но тут же за столом тихо ей говорил о надвигающейся старости. И на минуту его блистательные вспышки — особенно «Разговор с Пушкиным» — показались мне лебединой песнью, сознательным стремлением украсить конец жизни, отдать все.

Читал Качалов до жути сильно... Трагедия Маяковского обнажилась для меня еще острее, еще полнее. И что-то личное прозвучало в чтении Качалова, его собственная боль...

События быстры... Взята Винница! Наши части уже в 35—50 километрах от Румынии. Клинья вбиваются все глубже. Ни Южный Буг, ни Днестр не остановили Красную Армию. Южный фронт фашистов разрезан на две части. Третья — в Крыму.

Штаб фельдмаршала Манштейна уже в Яссах.

Приезд адмирала Галлера (из Москвы), видимо, связан с новыми операциями Краснознаменного Балтийского флота. Адмирал сказал мне, что пробудет здесь четыре дня (он поедет по базам южного берега Финского залива)...

21—22 марта 1944 года.

В отделах соцстраха очереди: много молодых идут на пенсию — нервнобольные (последствия осады).

Ленинградские врачи широко обследовали явления гипертонии (повышенное кровяное давление — моя болезнь). Она раньше была свойственна людям от 50 лет, тяжеловесам, толстякам. Сейчас при обследовании десяти тысяч девушек МПВО и десяти тысяч красноармейцев у многих обнаружены явления гипертонии. Объяснение: длительное влияние страха, нервного напряжения организма плюс некоторое влияние дистрофии.

...В массах стихийная подготовка к будущему — к миру. Это в планах страны, в душах людей, в неимоверной тяге с востока в родные города... Тысячи и тысячи писем, просьб, молений: «Верните в Ленинград!» Как мы чувствовали в 1936—1939 годах приближение войны, так чувствуют люди сейчас приближение развязки. Она будет, видимо, и сложнее и неожиданней, чем это себе представляешь (по историческим аналогиям)... Идут непрерывные качественные изменения процесса войны.

Говорят, что 8-я английская армия переброшена из Италии в Англию и будет в авангарде армии вторжения. (Это наиболее обстрелянная из их армий.)

Отредактировал и выверил очередной номер «Звезды».

Вечером была Вера Инбер. Приехала вчера *на первой «Красной стреле»*. Отличное оборудование, много корреспондентов... Поезд шел 20 часов; мосты — деревянные, путь от Чудова до Ленинграда еще в плохом состоянии. Но... *«Красная стрела» начала свои рейсы!*

Вера Инбер:

— У меня ощущение, что я прощаюсь с Ленинградом. Пора в Москву — и дом и дела надо уже вести там. Здесь моя работа закончена. Илья Сельвинский после демобилизации заперся дома. Пишет о... гуситских войнах. Современную тему пока трогать не хочет.

Взят Первомайск (опорный пункт немцев на среднем течении Южного Буга). Битва шла непрерывно с 4 марта.

Наша артиллерия громит немецкую оборонительную полосу под Николаевом.

23 марта 1944 года.

Солнечно...

Весь день работал с Пергаментом.

В 7 часов вечера в кинопрокате — просмотр «Кутузова»...

Залпом написал, по просьбе «Ленинградской правды», статью об этом фильме.

24 марта 1944 года.

Из обстановки.

...Огромные все новые и новые стратегические и политические успехи Красной Армии: 1-й Украинский фронт ударами танковых армий опять прорвал немецкий — на львовско-станиславско-черновицком направлении; за четыре дня наши части прошли в глубину на 60—100 километров. Создается угроза важнейшим коммуникациям противника. Перерезана железная дорога Тарнополь—Львов. Проскуровская группировка немцев охвачена. В связи с этим отчаянные контрмеры Гитлера: оккупация 19 марта Венгрии, Румынии, Болгарии!.. Насилие и фашизация до конца... Оккупация, несомненно, усилит в этих странах оппозиционное национальное движение... Освободительный русский огонь приближается к пороховым погребам Юго-Восточной Европы...

...В 2 часа дня — на Охте, в штабе и политотделе Ленинградской морской базы. Сделал доклад (для узкого актива) о Москве. Большой интерес.

25 марта 1944 года.

По радио. Штурмом взят Проскуров! За последние 36 часов в налетах на германские города участвовало 5000 самолетов союзников.

26 марта 1944 года.

В «Красной звезде» и в «Правде» в последние дни — заметки о новинках немецкой военной техники, о так называемом секретном оружии. «Красная звезда» упоминает о противотанковом реактивном ружье (неудачном) и о противотанковой гранате (тоже неудачной). Видимо, эти заметки до известной степени «приглашают» союзников не бояться немецкой техники.

В сводке. Войска 3-го Украинского фронта взяли Бельцы и вышли здесь (!) к государственной границе. Событие исторического значения! Широчайшие отклики.

Письма в Москву: Алексею Дикому (о фильме)¹ и Николаю Тихонову.

Зенитный огонь, прожектора. Какая-то тварь все еще летает над городом или у города.

27 марта 1944 года.

Писал с утра статью к 100-летию со дня рождения К.М. Станюковича — «певца моря» (статья для «КБФ», может быть, и для «Ленинградской правды»).

Днем ездили с С.К. в фотографию на Литейном: грязно, холодно, неуютно, очередь... Фотографии нужны, так как 30 марта всему офицерскому составу КБФ будут выдавать новые удостоверения. До известной степени — это перерегистрация, так как обнаружены «самозванцы» и вражеские агенты. Недавно в Пубалте разоблачили одного такого типа...

Взят Каменец-Подольский.

¹ А.Д. Дикий исполнял роль Кутузова в кинофильме «Кутузов».

28 марта 1944 года.

...Гулял от 5 до 7 вечера в Новой Деревне (стараюсь выполнять советы врачей). Снег подтаивает на солнце. Уже часов до 8 вечера светло, — недалеко и белые ночи...

Из сводок. До Плоешти осталось только 300 километров! Взят Николаев! (крупный порт на Черном море).

К ночи — деятельность нашей авиации. Мороз до 10 градусов. Ясно. Молодой месяц.

29 марта 1944 года.

Утром, по радио — речь У. Черчилля. Как будто он начинает подходить ближе к делу. Может быть, эта речь — последний сигнал перед началом вторжения? Будет ли это в апреле, в мае или даже июне — покажет ближайшее будущее.

Манера подводить баланс у Черчилля, конечно, *специфическая*: сначала он долго распространяется об Африке, потом об Италии, о Ближнем Востоке, потом о морской и воздушной войне. Об СССР и победах Красной Армии он говорит в самом конце, «оставляя про запас» (!) фразу о том, что победы русских — «величайшая причина краха Гитлера». Конструкция речи, однако, ставит ударения именно на других причинах: 8-я английская армия, мол, прошла одну тысячу пятьсот миль, а русские только девятьсот... Это — *недобросовестная* «арифметика».

В прессе в последнее время ряд материалов о польской армии, о выступлении на фронт 3-й польской дивизии.

Из обстановки.

Удары Красной Армии в 1943 году при всей их силе и «сенсационности» не изменяли так обстановку, как последний удар 1, 2 и 3-го Украинских фронтов...

В марте 1944 года маршалы Жуков и Конев применили внезапные *массированные* удары. Тысячи танков прорвали немецкий фронт именно тогда, когда противник ждал оперативной паузы.

Задача 1, 2 и 3-го Украинских фронтов: полное освобождение УССР и *выход на Балканы*...

В корсунском котле командующий генерал-лейтенант Штеммерман был склонен принять советские условия капитуляции, но он был арестован эсэсовцами и, говорят, — расстрелян. Труп его, во всяком случае, найден на поле боя.

Гитлер жесточайше преследует все проявления капитулянтства; он боится, что любая капитуляция, как зараза, охватит всю армию. Он цепляется за последние «соломинки». Наконец, он, видимо, хочет (я все больше в этом убеждаюсь) суметь уйти так политически эффектно, чтобы дать этим германскому фашизму толчок для реванша в будущем.

Январский удар под Ленинградом выбил у немцев до 80 000 человек, отвлек внимание ОКВ и часть резервов. Бегство 18-й и 16-й немецких армий было стремительным.

Я читал сегодня протоколы допросов пленных...

Попытки сдержать натиск Красной Армии были безуспешны. Немецкие части метались по дорогам Луга—Псков—Дно. Но все же немецкое командование навело порядок и смогло (на время) удержать укрепленные районы Нарвы и Пскова, подтянув резервы и подбросив авиацию...

Наш выход на Балканы, видимо, часть общего плана вторжения... Затем должны грянуть, возможно, «синхронные» удары: Красной Армии в Прибалтику и на Восточную Пруссию плюс удар на Польшу; и вторжение англо-американских войск во Францию, Бельгию, Голландию и, может быть, в Норвегию (последовательность ударов может варьироваться)... Момент вторжения совпадет с общим европейским выступлением национальных подпольных организаций. Эта перспектива, по-моему, вполне реальна.

Красная Армия, выйдя к государственным границам по всей линии фронта, уже к лету получит огромный стратегический и политический выигрыш...

В целом — сроки развязки приближаются!

Вечером — у С.К. Собрались друзья: Крон, Л. Славин и др. Засиделись поздно.

Славин вернулся из Н-ской ударной армии (генерала армии Федюнинского) под Нарвой. Там немцы снова отбили наше наступление...

Наши войска взяли Коломью! Стремительный танковый удар! Коммуникации немцев подрезаются все основательнее. Удар идет к границам Чехословакии, Венгрии и Румынии. Вот будет впечатление в Европе!..

В зону военных действий втягивается Юго-Восточная Европа. Красная Армия вклинивается между Польшей, Восточной Германией и главными силами немцев на Юге...

30 марта 1944 года.

Надо наконец выпустить к 13—15 апреля спектакль «У стен Ленинграда» и сдать окончательный текст «Крепости Кронштадт». Затем начать подбор материала о кораблях КБФ для сценария.

Читаю потрясающе горькие письма-завешания немецких офицеров и солдат. Перед ними раскрывается смерть, пустота, безнадежность... Вот последнее письмо капитана Альфреда Дитмара к жене:

«Вскрыть после смерти. Где-то в России...

Моя вселюбимая!.. Мысли о будущем наших детей делают мою смерть тяжелой. Но еще тяжелее, когда я задаю себе вопрос: за что я умираю? Я думал отдать свою жизнь за свою семью, за Германию. Но это чепуха! Сознание, что я погибаю ни за что ни про что, — давит и преследует меня...»

Войска 1-го Украинского фронта форсировали реку Прут и штурмом овладели Черновицами (центр Северной Буковины).

Наши сводки стали отмечать фамилии полковников, подполковников и майоров, отличившихся в боях.

31 марта 1944 года.

На днях линию Ленинградского фронта южнее Петергофа, на высоте двухсот метров, перелетел шведский самолет под охраной финских «мессершмиттов». Наши истребители встретили его и провожали до Москвы. ПВО была предупреждена. Паасикиви полетел в Москву (!).

Упорно говорят и о переговорах с представителями Румынии, Венгрии и Болгарии.

Взят Очаков!

Немцы бегут к Одессе!

Центральный участок южного немецкого фронта (Буковина—Северная Бессарабия) рушится!

Прочел рукопись Н. Михайловского: мемуары о Таллине и Ленинграде в 1941—1942-м. Есть хорошие главы. Дал ряд советов и замечаний... Книга выйдет!

Немецкие корабли усиленно минируют Нарвский залив. Авиация КБФ бомбит их. Потоплено семь кораблей плюс новый

удар — потоплены две десантные баржи, один сторожевой корабль, серьезно повреждены еще три корабля...

1—2 апреля 1944 года.

Передовая «Красной звезды» (2 апреля) отмечает, что немцы дерутся упорно, вводят резервы и пытаются привести свой южный фронт в порядок.

...В 3 часа дня пошел на первый комсомольский воскресный сбор-отдых.

В Выборгском доме культуры собралось две тысячи человек — девушки и юноши с военных заводов, стахановцы.

Два раза выступал... Молодо кругом, хорошо, — танцы, игры, концерт и т. д. Пробыл там до 11 часов. Вечер символический: у людей потребность отдыха, веселья. Формула перехода к будущему, к норме, к миру.

В городе. К весне выпущены первые двадцать пять *пианино*. Всюду идет зримая и незримая восстановительная работа. У архитекторов горячка... Город заполняется. В апреле будут возвращены квалифицированные рабочие — 80 000 человек; затем 70 ремесленных училищ и т. д. Летом вернутся военно-морские училища.

В стране. Горьковский автозавод выпустил две модели ГАЗов для послевоенных нужд сельского хозяйства. Восстановлены первые домны Донбасса! В Сталинграде пущен первый блюминг! На Урале входят в строй новые заводы... Жизнь берет свое!

Нарастает вал военных и политических успехов СССР. Наши войска начали поход в Румынию... Это — и освобождение румынского народа от фашизма, и удар по эксплуатации Гитлером плештской нефти. Гитлер без румынской нефти — *пол-Гитлера*.

Вступление Красной Армии в Румынию отзовется на Балканах сильнейшим образом — в первую очередь в Венгрии и в Болгарии. Оно вызовет новый подъем и в Югославии. Перспективы действительно крупные.

Авангарды наших частей в 4 километрах от Пскова (?). Начало удара в Прибалтику? Скорей бы!

3 апреля 1944 года.

...Днем написал статью о Новгороде, о Ледовом побоище (5 апреля 1242 года).

Вечером ходил по набережным Фонтанки и Невы. Алая весенняя вечерняя заря. На Неве местами промоины. Дымят серо-белые зимние корабли, в тумане — шпиль Петропавловского собора. Проходит отряд войск НКВД, — очень здоровые ребята, идут отлично, все с автоматами. С работы медленно шагают женщины с кошелками; идут девушки в ватниках, смешно перешитых по последней моде — высокие плечи (!). И у них вид здоровее.

Крупные награждения ленинградских партизан.

Под Псковом — серьезные операции. Туда стянута тяжелая артиллерия Ленинградского фронта. Ждем взятия Пскова. На нарвском направлении упорные бои... Оттуда в ленинградские госпитали поступает много раненых.

Сегодня над Нарвским заливом балтийские летчики сбили 35 немецких самолетов; наши потери — 2 самолета. Потоплено еще 5 немецких кораблей.

Идет усиленное строительство пунктов базирования Балтийского флота в освобож[денном] приморском районе.

«Летом — в Таллине», — говорит контр-адмирал Смирнов.

9.25 вечера. Вой сирен. Воздушная тревога. Через несколько минут — глухой зенитный огонь. Налет! Давненько не было.

Лунная ночь. Рокот удаляющейся стрельбы. Вспоминается осень 1941 года... Отбой!

Из сообщения Совинформбюро об итогах наступления 1-го Украинского фронта (с 4 по 31 марта 1944 года). Освобождено 41 940 квадратных километров территории. Потери немцев: 208 260 солдат и офицеров (пленных и убитых).

В районе Скалат окружены и добиваются пятнадцать дивизий немцев — новый котел! Фронт противника разорван. Всего разгромлено 28 дивизий немцев, 5 дивизионных групп и одна дивизия румын. А если учесть еще итоги операций 2-го и 3-го Украинских фронтов?! Картина битвы на Юге делается все отчетливее и детальнее. Мне думается, что 1-й Украинский фронт сейчас начнет удары в сторону Чехословакии и Польши, а 2-й и 3-й — в сторону Балкан, 4-й — на Крым.

5 апреля 1944 года.

В Ленинграде вступил в строй первый кирпичный завод.

За городом работают девушки-минеры (по разминированию местности).

В 2 часа дня — генеральная репетиция «У стен Ленинграда». После репетиции работал с актерами. Хотелось бы, чтоб Театр КБФ внедрял еще бóльшую театральную культуру, более спокойный, углубленный метод работы.

Войска 3-го Украинского фронта овладели станцией Раздельная (опорный пункт немцев на *подступах* к Одессе!).

6 апреля 1944 года.

Солнечно...

Принесли рукописи — на редактуру... Надо подготовить статью об Одессе. (Немецкая группировка прижата к морю и к болотистому Днестру.)

В 7 вечера — в Выборгском доме культуры сдача спектакля Военному совету и Пубалту КБФ... После просмотра — короткое обсуждение...

Контр-адмирал Смирнов:

— С ноября 1943 года все сделано автором и театром для улучшения спектакля. Актеры играют увереннее. Учтем, что в зале не было публики, — им было трудно играть... Словом, — спектакль одобрен.

Большая усталость... Тихо шли с С.К. домой. Работа длилась с декабря 1942 года!..

7 апреля 1944 года.

Головная боль... Днем кровь во рту...

Гвардейский минно-торпедный авиационный полк КБФ ведет интенсивные крейсерские операции, бьет по немецким транспортам и кораблям в Рижском заливе, Ирбенском проливе и в Таллине. Потери у полка большие. Немцы держат на финском берегу двадцать пять ночных истребителей-перехватчиков. У них приборы точного обнаружения, бьют верно. Наши иногда вынуждены ходить на высоте 30 метров над водой...

8 апреля 1944 года.

Из сводки. Войска 1-го Украинского фронта, нанеся поражение противнику в предгорьях Карпат, вышли на нашу государственную границу с Чехословакией и Румынией на фронте протяжением в 200 километров!..

Войска 2-го Украинского фронта прорвали немецкий фронт в Румынии!

9 апреля 1944 года.

В 11.45 поехал в Филармонию на актив лен[инградского] комсомола. В президиуме — приехавший из Москвы секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов...

Мраморный зал Филармонии полон, преобладают девушки... Освещение а гюгно¹. Блестят ордена и медали. Комсомол Ленинграда приступает к очередным делам.

Из выступлений:

— Мы просим промышленников Ленинграда заняться выпуском барабанов, знамен и вообще всем тем, что нужно пионеротрядам. (Смех, оживление, аплодисменты... Забота о новом поколении. Осадные интересы вытесняются нормальной бытовой струей. Пахло чем-то мирным.)

10—11 апреля 1944 года.

Официальная премьера «У стен Ленинграда»... Звонки, обсуждения, встречи, беседы... Не успеваю записывать.

Общественный прием был хороший — вызовы, овации и т. д.

Я рад, что все же, несмотря на все мытарства, — спектакль сохранил свое патетическое, трагедийное звучание.

На фронтах блестящие дела! Освобождена Одесса — какая радость для всех!

В Румынии продвижение наших войск продолжается.

Началось наступление 4-го Украинского фронта (под командованием генерала армии Толбухина) на Перекопском перешейке. Прорвана оборона противника, форсирован Сиваш!..

¹ Яркое (ит.).

12 апреля 1944 года.

В Крыму взят Джанкой! Войска Приморской армии овладели городом и крепостью Керчь.

Идет пленум Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). А.А. Жданов выступил с двухчасовым докладом о решении Государственного Комитета Обороны о восстановлении Ленинграда... В целом — установка на полное восстановление города. Это хорошо, рад.

В 7 часов московское радио передало информацию о нашем спектакле. Изложено содержание. «Спектакль прошел с заслуженным успехом».

Хочется отойти от ощущения театральных забот.

Немцам удалось ценою крупных потерь соединиться с окруженной у Скалата группировкой... В котле немцы потеряли более 26 тысяч убитыми, 6500 пленными. Ускользнуло 10 тысяч человек с 80 танками. Жаль...

Взят Тирасполь...

Освобожден весь Керченский полуостров!..

13 апреля 1944 года.

...Стремительное продвижение Красной Армии в Крыму, наступление в Молдавии и Румынии. В 1942—1943 годах речь шла о Волге, в 1944-м — о Дунае...

Гулял... Удивительно бодрое состояние. Солнце, солнце!.. Идет ремонт трибун у Зимнего дворца: «1 мая будет парад!»

...Поехал часов в 9 вечера в Выборгский дом культуры — к концу спектакля. На западе уже рдеет алая полоса заката, весенняя, северная...

«У стен Ленинграда» шло с огромным подъемом, актеры разыгались. Публика кассовая, щедрая на отклики. Именно эта публика дала мне настоящую оценку — *зрителя*. Рад успеху театра.

Во время спектакля, по радио — приказ: взята Евпатория. Потом второй приказ: Феодосия!.. Опять позывные Москвы. И третий приказ: взят *Симферополь*, столица Крыма! В конце спектакля я вышел на сцену и объявил об этом публике.

Общий восторг!..

Ночью — шифровка Пубалту от генерал-лейтенанта Рогова: «Возьмите у Всеволода Вишневского статью о Севастополе. Срочно». Видимо, не сегодня-завтра будет взят Севастополь.

В возбуждении, тут же подобрал материалы. К утру статья готова — восемь страниц: слава России, слава народу, слава бойцам нашим!

14 апреля 1944 года.

Статья — в Пубалте. Звонят, благодарят... Копии дам в ЦО и в «Ленинградскую правду». Рогову она, видимо, нужна для «Красного флота».

Весь день звонили: из «Красной звезды», ТАСС, «Смены» и других редакций, просят статью о Севастополе. Лестно, конечно, но где авторы этих редакций? Почему не организовать статьи офицеров, адмиралов — участников Севастопольской обороны? Можно было раньше подумать, послать людей. Не гибкие эти редакторы!

Солнечно... Весна берет свое — все меньше снега, лед темнеет, промоины на Большой Невке, на берегах обнажилась прошлогодняя трава. Мысли об этом лете... Я должен вернуться в Таллин!

В Военном совете КБФ было совещание кораблестроителей и инженеров. Наш Балтийский флот, сумевший в тяжелейших условиях блокады вести напряженную борьбу при относительно малых потерях, получил положительную оценку.

Балтийскому флоту, как только сойдет лед, предстоят активные операции. Прежде всего траление. Создана бригада траления... Широко будут действовать в кампанию 1944 года подводные лодки Балтийского флота. Усиливается малый флот.

Командующим эскадрой назначен товарищ Владимирский; Раль назначен командующим Кронштадтской морской базой.

Из оценок и перспектив флота вытекают и задачи военно-морских писателей и журналистов. Главная тема: корабли, моряки нового поколения, смелые, стойкие, идейные, обученные лучше, чем когда-либо в истории русского флота.

Усталость... Был профессор Смагин, осмотрел меня:

— Переутомление, повышенное кровяное давление (182). Необходим отдых, днем час лежать, спать не менее восьми часов в сутки. Работу пока прекратить обязательно: мозг не получает достаточно крови, а вы форсируете его функции...

Взял ряд философских книг: Канта, Спинозу, Марка Аврелия и др. Читаю стихи Блока, Вяч. Иванова.

Пробую найти некоторые ответы на некоторые вопросы... Хочу отвлечься.

15 апреля 1944 года.

Головные боли...

Днем в Пубалте: правил статью о Севастополе, ее рассылают по всем газетам КБФ.

Из быта. В городе пока идет *самодельный* ремонт квартир; уборка дворов, лестниц. Стеклят, кто как может, окна... И мы приводим в порядок наш домик.

Войска 1-го Украинского фронта полностью овладели Тарнополем. Гарнизон уничтожен. 2400 солдат и офицеров сдались в плен.

16 апреля 1944 года.

Нет сил и времени вести дневник четко и полно. Сижу один, раздумья... Усталость, нервы...

Освобождены Ялта и другие курорты Крыма, бывшие так долго «опорными пунктами» противника.

18 апреля 1944 года.

В 10 утра сборы на двухнедельный курс лечения.

Отобрал для ленинградской литературной выставки свои книги, плакаты, листовки, газеты, театральные афиши...

...В 11.20 были на месте, в госпитале для офицеров на Биржевой. Прощание с С.К. Быстрое оформление документов... Устроили в отдельной палате № 5... Обещают поправить (?).

Чувствую усталость, временами что-то нервно-давящее. Высвободиться от огромного потока постоянных заботящих меня мыслей — невозможно... Рука тянется к газетам; слушаешь радио, глядишь на карту, беседуешь о событиях...

Сводки все лаконичнее и скуперее — явно наступает новая фаза операций. Даны в последнее время итоги действий 1, 2 и 3-го Украинских фронтов (под командованием Жукова, Конева и Малиновского). Немцы потеряли убитыми и пленными около 450 000

человек (учесть и раненых) и т. д. К этим итогам прибавится крымский. В Крыму уже около 40 000 пленных. Севастополь освободят безусловно со дня на день. Таким образом, основные армии противника на Юге надломлены, их резервы скованы, напряжены.

Для Англии и США созданы благоприятные условия открытия второго фронта. Симптомы приближения этих операций — есть.

...Представляю себе англо-американские приготовления, напряженное ожидание общества, прессы. Уверен, что начало летних операций Объединенных наций будет сопряжено с крупными техническими, политическими, военными и дипломатическими «сюрпризами». Мы накануне решающих событий.

Из вечерней сводки. Взята Балаклава! Сколько с ней связано! «Оптимистическая», «Мы из Кронштадта». Чудесный солнечный городок... До Севастополя осталось несколько километров!

*19—28 апреля 1944 года.
(Госпиталь для выздоравливающих
офицеров флота.)*

Мне трудно работать, писать. Надо либо лечиться, либо изматываться дальше. Это абсолютно ясно — лечение и работу совместить невозможно... Но все же и тут делаю все, что могу: первые наброски, замыслы нового сценария... Записи о военно-политической обстановке и др.

24 апреля. С 7 до 11 вечера в ЛССП. Был мой творческий отчетный вечер. Вечер душевный — это мой итог за тридцать четыре месяца войны.

При мысли о новой работе — почти физическое ощущение радости. Творить, открывать!

Из военно-политической обстановки. Оперативная пауза на всем фронте. Красная Армия явно подтягивает тылы, ибо по мартовско-апрельской грязи этой возможности не было... Пауза может длиться несколько недель, а может быть, и больше. Видимо, мы ждем ударов со стороны Англии и США.

Вспоминаю слова адмирала Исакова: «Думается, что вторжение будет в июне».

Возможно, что немцы снова попытаются бомбить Ленинград — ночи еще темные, погода удобная. Быть начеку!..

27 апреля. Весь день шло заседание Военного совета КБФ с командованием всех соединений. Лед на заливе тронулся... Кромка льда уже у Толбухина маяка. Корабли готовятся к началу весен-

ней кампании. Идет явная подготовка и на нашем участке Финского фронта.

28 апреля. Вторично был на выставке «Оборона Ленинграда».

...Невыразимая грусть эти дни. Дневник застопорился, — мысли о прожитом, о сути жизни, о творчестве. Пугает болезнь... Душа раздирается... В чем дело?

29 апреля 1944 года.

Пришла С.К. Она тоже хворает после спектакля. Позже — Воронов и Рита...

С 6 до 9 вечера писал статью о выставке «Героическая оборона Ленинграда» (выставка грандиозная: 8 тысяч квадратных метров; 60 тысяч экспонатов). Волновался, когда писал, но на девятой странице устал (а может быть, разделы о промышленности и т. п. у меня не вызывают эстетического отклика?)...

Война сильно отразилась на моем внутреннем мире. Испытание практически сдано — оборона Ленинграда. Круг замкнут: 1914—1944... Отсюда, мне кажется, ощущение (временное?) истощенности личной, военной и творческой темы. Может быть, я и ошибаюсь, но уже думаю об изучении англосаксонского мира, «прицеливаюсь»... Резко сказываются противоречия между моей романтической, идеализированной (часто сознательно) установкой, мироощущением — и объективной, диалектической, иногда холодной, наблюдаемой мною жизнью. Вероятно, я за это жестоко расшибусь где-то в сфере хрупкой, дорогой, душевной. После ряда наблюдений за людьми я цепенею, поражаюсь, — сколько в иных цинизма, опустошенности! И это у героических защитников Ленинграда! Вот пойми все это и разъясни. Неужели нами, писателями, потеряно умение постигать сложность души и натуры людей?.. Жить некоторыми иллюзиями трудно... Думаю о своей будущей судьбе.

1 мая 1944 года.

В 6 утра — приказ И.В. Сталина. Главные пункты: огромные заслуги Красной Армии и советского народа; *Германия проиграла войну*; Красной Армии надо завершить освобождение советской территории от Черного до Баренцева моря.

Дальнейшая задача: освободить европейские нации, добить фашистского зверя в его логове — при совместных с союзниками операциях.

Дело теперь за союзниками. Видимо, если союзники не выполнят своих обязательств, СССР должен будет и сможет сам решить свои задачи.

Но практически наша установка — долговременное сотрудничество с демократическим миром.

2—4 мая 1944 года.

1 мая был почти весь день у С.К. Потеплело на душе.

3-го был на «Кирове», на «Максиме Горьком» и на гвардейском эсминце. Провел беседы с командирами в плане моей новой работы (сценарий). Некоторые наблюдения над их бытом, манерами...

Утром 4 мая вернулся из госпиталя домой.

В Пубалте две телеграммы — меня опять вызывают в Москву. Поеду числа 10-го — надо привести некоторые литературные и организационные дела в порядок.

В госпитале я так и не отдохнул: статьи, люди, доклады, но давление крови все-таки упало с 182 до 140.

*5 мая 1944 года.
(День печати.)*

Поехали на открытие выставки литературы и печати за период обороны Ленинграда. Два зала: щиты, витрины, доски, альбомы. В целом — скромно. Было много народа...

Потом пошли с С.К. в ресторан ЛССП. За нашим столиком — бывшие локафовцы¹. Хорошо поговорили, выпили, закусили. Кто мог бы в январе 1942 года в голодной столовой ЛССП подумать о возможности таких «банкетов» через два года?..

В 3 часа дня — в Смольном, у товарища Попкова. Речь шла о создании литературно-документального сборника: обвинительного акта Ленинграда против Гитлера. Наметили план-схему; составили редколлегию.

Затем я задал вопрос о судьбе города, попросил сообщить некоторые данные.

Товарищ Попков:

— Немцы причинили Ленинграду убытка на пятнадцать миллиардов рублей. Разрушено три миллиона квадратных метров жилой площади. В лучшие годы пятилеток мы давали в год двести тысяч

¹ ЛОКАФ — литературное объединение писателей Красной Армии и Флота.

квадратных метров. Значит, понадобится около *десяти* лет, чтобы все восстановить... Нам нужно окрасить весь город. Площадь наружных фасадов — восемь миллионов квадратных метров... Реставрация дворцов будет осуществлена постепенно. Многие уже невозможны. Городское хозяйство: трамваи, осветительную сеть, канализацию и т. п. восстановим в два года...

Этот рассказ интересен. Мне он дополнил тему города и до известной степени проблемы восстановления Сталинграда, Киева, Орла, Смоленска и других городов.

Да, Гитлер причинил нам ужасные беды... Тем поразительнее сила сопротивления нашей страны...

Вернувшиеся с Урала говорят, что там вырос замечательный «Рур». Везде новые заводы, везде стройки, везде дороги, подъездные пути и т. д. С продуктами там еще трудноато...

6—7 мая 1944 года.

Звонила Мария Константиновна Тихонова¹ — просила дать рекомендацию для одного сироты, 14-летнего школьника, награжденного медалью «За оборону Ленинграда»: паренек просится во флот. Охотно выполнил. За рекомендацией пришел небольшого роста мальчик, подстриженный, светловолосый, несколько застенчивый. Вспомнил себя в 14 лет...

Долгие психологические разговоры с С.К. — некие итоги четырнадцати лет; анализ внутренних перемен в каждом из нас... Да, много трудного пережито вместе...

8 мая 1944 года.

Перечитываю ряд материалов к поездке, собираю книги, бумаги. Усталость...

В вечерней сводке — о штурме Севастополя. Немецкая главная линия уже прорвана.

Всю ночь под окнами грохочут танки. Опять тяжелые военные сны...

9 мая 1944 года.

Заехал к генерал-лейтенанту Москаленко (старый друг с таллинских дней). Поговорили об обстановке...

¹ Жена поэта Н.С. Тихонова.

Познакомился у него с начальником глубокого тыла генералом Лебедевым... Им и его сотрудниками за время войны был создан в городе Н. главный узловой тыловой центр, обслуживавший и Балтийский и Северный флоты... В критические дни 1941 года этот центр подал Балтийскому флоту сто тысяч снарядов...

Рассказ генерала Лебедева:

— Немцы в трех километрах от нас. Что делать? Оставить боезапас врагу нельзя. Взорвешь до времени, значит, Балтийский флот — опору Ленинграда — лишишь снарядов. Катастрофа! Вот и сидишь на проводе и соображаешь... Приказал заложить подрывные заряды. (Немцы уже в двух километрах!) Заложить шнуры. (В полутора километрах!) За такую ночь можно поседеть... Жду у аппарата. Звонок: «Отгнали немцев на три километра». Ух! Отлегло от сердца... Так боезапас и сохранили.

Как всегда, трудно уезжать из Ленинграда. С.К. снаряжает меня в дорогу...

Ночью. «Несколько часов тому назад освобожден Севастополь!» Нет слов...

10 мая 1944 года.

С утра в ПУ. Договорился о срочном вызове в случае начала наступления на Карельском перешейке... Последние сборы. Прощание... Отъезд в Москву.

5 июня 1944 года.

С 11 мая не вел записей (лишь схематический календарик). С.К. приехала на неделю в Москву.

К 7 вечера за нами заехал адмирал флота И.С. Исаков.

Встретились очень дружно, старая симпатия, еще со времен 1925 года, академических дискуссий, первых маневров Балтфлота.

Поехали с женами в Переделкино на дачу Ивана Степановича. В пути краткий разговор.

Иван Степанович:

— Место в речи Идена¹ о подозрениях я рассматриваю как относящееся, между прочим, к затишью на советско-германском фронте. Англичане обеспокоены временным прекращением активных операций Красной Армии. Их тревожит необходимость

¹ Речь Идена в парламенте накануне высадки войск союзников во Франции.

вторжения — в момент, когда русские могут оказаться наблюдателями. Но я убежден, что мы не будем «наблюдателями». И в политическом и в стратегическом отношении важно наступать одновременно и с востока, хотя бы для того, чтобы решающая победа в Европе не была приписана англосаксам.

Взятие Рима — успех крупный, в первую очередь политический. Имеет значение и тот факт, что у союзников будет крепнуть уверенность в возможности побед в поле. Они не излечились пока от страха перед немецкой армией... Они долго откладывали реш[ающие] операции. Мы же помним фразу об «осенних листьях»... Однако теперь дело идет к настоящему вторжению. Договоры Англии с Норвегией, Бельгией и Голландией — это векселя!

На даче у Ивана Степановича просто, уютно... Но он не упивается ни дачей, ни природой. Он чувствует себя хорошо лишь за письменным столом. Сейчас ведаёт вмузами¹, особенно Военно-морской академией, в которой опекает оперативный курс; научными изданиями, «Морским сборником»; работает в комиссии по подготовке условий перемирия.

Обедали на балконе...

Исаков говорил о том, что в данное время война, в общем, решена почти математически. Германия идет к поражению неотвратимо... Надежды Гитлера смутны, эфемерны, но формы поражения Германии пока предугадать трудно: военный переворот, капитуляция деловых кругов, сдача?

...Заговорили о флоте.

Исаков:

— В 1941—1942-м моряки героически защищали Либаву, Таллин, Одессу, Севастополь! Народ и армия полюбили моряков. Ныне другая обстановка: огромные потери в тоннаже у обеих воюющих сторон; моря плотно минированы с самолетов, подлодок, минными заградителями и т. д. До тех пор, пока не протралят подходы, мы не сможем свободно входить с моря в Одессу, Феодосию и др. порты; не сможем непосредственно с моря помогать армии. Таким образом, флот сейчас «тащится», отстает от темпа продвижения фронтов. А армия ждет от нас не только снабжения, но и смелых рейдов, набегов на фланги противника. Пока не будут очищены от мин главные фарватеры — это неосуществимо и, к сожалению, может сказаться на оценке действий флота со стороны тех, кто не знает положения с минной обстановкой. А героическая, трудная работа тральщиков остается малозаметной.

¹ Высшие морские учебные заведения.

6 июня 1944 года.

Из обстановки. Явная подготовка второго фронта; королевские смотры, пресса и т. д. Видимо, нужен месяц для создания плацдармов во Франции и др. и месяц на подготовку решительных ударов с этих плацдармов...

Когда пишу эти строки, звонок из Славянского комитета: «Товарищ Вишнеvский, *открыт второй фронт!* Большие десанты в районах Гавра и Шербурa и воздушный десант в районе Орлеана...»

Ну, началось! Это «ва-банк» Черчилля и Рузвельта...

13 июня 1944 года.

Я был так взят Москвой, что вести дневник не мог.

Оставил в Москве, у себя в рабочем кабинете, все двадцать четыре книги своего дневника (с июня 1941 года). Начинаю двадцать пятую.

Несколько заметок о Москве, о проведенном там месяце (с часу дня 11 мая до 5 часов дня 12 июня 1944 года).

Жил дома, — это несколько помогало восстановить привычные ассоциации, ощущения.

Глубоко в свои архивы, библиотеку не залезал — все равно за месяц ничего не сделаешь. Проверил только рукописи «Войны».

Квартира в значительной степени восстановлена. Еще осталось застеклить ряд окон, перекрасить комнаты, выкрашенные в 1943 году чужими людьми, без нашего ведома, случайно, грубо, безвкусно... И все будет на приличном довоенном уровне.

Дом свой я люблю, — ощущение некой «гавани»... Ни к одной из прежних квартир не было у меня такого чувства. Возможно, что это имеет свои веские психологические основания.

Месяц в Москве был напряженный, нервный. Раздумья о войне, о втором фронте, о ближайших моих работах, о личной жизни, об общественных интересах, об эволюции людей, вызванной войной...

Я бывал в «Правде», в ССП, в наркомате, был в различных слоях общества, видел многих: от наркомов до рабочих, от писателей — до партизан ордена Ленина бригады (из-под Киева).

Я беседовал с генерал-полковником Городовиковым, адмиралом флота Исаковым, с помкомандарма стaлинградской 8-й гвардейской армии — Вайнрубом (молодой танкист, генерал), с

Папаниным (он поседел, но бодр, «тянет»), с А.А. Игнатьевым и пр. и пр.

...У москвичей решительная тяга к бытовому устройству... Я не хочу сказать, что это *плохо*, — я отмечаю несомненную, ярко выраженную установку на победу, на прочный быт, мирную жизнь.

Был на своей даче в Переделкино. Внутри пусто — все разворовано, расташено. Огород и садик заглохли. Я холодно посмотрел на все это запустение... Ведь и этим летом нас в Переделкино не будет — война еще продолжается...

О втором фронте. В Москве довольны, но энтузиазма нет, — выжидают. Хвалебных официальных статей нет... У немцев во Франции было, как говорят, тридцать дивизий, но считают, что с резервами их число может дойти до девяноста (?!). Если бы они были скованы союзниками, это нас устроило бы.

Прогнозы об исходе войны: «В войне 1914—1918 годов еще летом 1918 года не было уверенности в ее исходе... Ныне общая военная ситуация неизмеримо яснее» (соображения И.С. Исакова).

Сроки окончания войны — гадательны. Все стремятся закончить войну в 1944-м...

О.И. Городовикову кажется, что события будут затяжными: США стремятся продлить войну, ослабить нас и Англию, продиктовать свои условия, добиться максимума выгод. Посмотрим!

...Перед нами — перспектива победы. Она дается нам дорогой ценой. Если XVIII съезд ВКП(б) определял, что нам нужно десять — пятнадцать лет для выхода на высший экономический уровень, то ныне, может быть, понадобится двадцать — двадцать пять лет. Целесообразно этот срок посвятить всемерному укреплению государства. Разоружения сразу после войны в мире не будет — это ясно. Будут строить, торговать, конкурировать и *вооружаться*.

СССР, в свою очередь, должен быть готовым к любым возможностям. Следует помнить, что и американский континент не так далек от нас — через Берингов пролив.

...Возможно, что впереди — решение задач Ближнего Востока, Индии и т. п. Возможно, что Старый Свет станет социалистическим — вопреки намерениям суперимпериалистического американского Нового Света... Процесс будет, безусловно, длительным, отнюдь не схематичным: «либо — либо».

О Германии. Вероятно, решения о ее будущем устройстве — намечены (поездка Стеттиниуса в Лондон; переговоры в лондонской европейской комиссии, в Москве, в Тегеране и т. д.).

Один профессор яростно развивал мне свою теорию переселения пятнадцати миллионов молодых немцев в Сибирь, в Африку и пр. Я говорил в ответ, что предпочитаю дружбу СССР с народ-

но-демократической Германией. Вопли об истреблении и т. п. — неуместны... Надо трезво определить возможности немцев — установить немецкие «лимиты»... Покарать административный, гестаповский, полицейский аппараты; карателей, губернаторов и т. п.; изменить систему преподавания и воспитания, то есть в корне ликвидировать в Германии фашизм.

Белая ночь... Отдаленная канонада — это с залива. Наступление на Карельском перешейке развивается. Пубалт и штаб в Кронштадте. Рад, что вовремя вернулись.

14 июня 1944 года.

Солнечно. Припекает...

Заканчиваю дела в городе. Завтра едем с С.К. в Кронштадт, отсюда — дальше, на фронт.

Из драм войны. Под Сталинградом жила семья. Отец ушел на фронт, а мать с ребенком остались. Пережили бомбежки и обстрелы...

Как-то мать пошла в город, в дороге ее сразил осколок снаряда... Ребенок лет пяти-шести питался оставшимся в доме запасом зерна, пил воду. Вскоре свалился в дистрофии... Этот полутрупик нашли бойцы Н-ской армии, подобрали, выносили. Сейчас мальчишечка — чудный; ему сшили форму, он ходит под Тирасполем на наблюдательный пункт, смотрит в бинокль: «Там фрицы». Фамилии своей не знает, не помнит, — сын полка! А где-то, может быть, рядом, сражается его отец.

Из обстановки.

«Атлантический вал оказался слабее, чем любая другая линия укреплений». (Из швейцарской прессы.) Союзники разрушили почти все мосты на Сене. Не дали возможности немцам перебросить резервы на участок Гавр — Шербур... Подавленное состояние у немецких солдат. Энтузиазм во Франции.

На Восточном фронте. Попытка семи-восьми немецких танковых и пехотных дивизий удержать Красную Армию в районе Ясс и Тирасполя была попыткой прикрыть направление на Галац, Плоешти, Бухарест... Выход на Дунай дает нам контроль над главными коммуникациями немцев — здесь снабжаются немецкие дивизии, находящиеся в Румынии, Болгарии и Югославии.

На чехословацкой границе. В перспективе — вступление Красной Армии и Чехословацкого корпуса, освобождение и включение пятнадцати миллионов чехословаков.

Попытки немецких контратак в районе Станислава и Львова не удались.

На польской границе. Мы в 30—35 километрах от Польши. Соглашение с Народным национальным советом, польским подпольем и польской армией...

15 июня 1944 года.

Утренний Ленинград... У трамвайных остановок, к 7 утра — рабочий и служащий люд. На № 18 едем на Васильевский остров. Пересадка. Вожатая трамвая предупредительно остановила вагон на набережной — у поворота.

Пристань. У КПП¹ огромная очередь... Отошли не по расписанию — в 8 часов, а в 8.20, — непорядок!

Нева... Все еще лежит на правом борту «Свирь»². Недостроенные корабли на стапелях Балтийского завода: огромный чернорыжий линкор, силуэты других.

Сколько нам понадобится лет для создания Большого океанского флота? Учитывая политические и стратегические потребности, рост нашей индустрии и контакт с США, видимо, решим задачу в семь—десять лет. Прежние судостроительные программы в России требовали десять — двадцать лет, но ныне темпы другие.

Залив, брандвахта... Идем каналом. У стенки Торгового порта стоит «Октябрьская революция», в глубине порта — крейсера, лидеры, эсминцы. Зенитные орудия на «товсь». Солнечно... Вот — мой «Ленинград»³, на котором я шел 28—29 августа 1941 года в прорыв из Таллина...

На Морском канале матросы красят корабли. На берегах кучи старого ржавого лома, пробитые нефтебаки. Разбитые пристани. Окопы, дзоты — вплоть до выхода в море. Покалеченные фонари, которые до войны освещали Морской канал, как Невский. Видна верфь имени Жданова — почти на бывшем переднем крае. Вот былые немецкие позиции, — город был виден немцам в упор. В воздухе наши бомбардировщики и истребители — курс на Карельский перешеек. Некоторые истребители кувыркаются, делают фигуры... Голубое нежное небо... Счастье!

Вот и выход в залив... Амбразуры последнего дзота, гранит, песок... Виден Петергоф, — он снова наш! Баржи ПВО, дозорные корабли. Широкая панорама.

¹ Контрольно-пропускной пункт.

² Вспомогательный корабль, поврежденный при воздушном налете в апреле 1942 года.

³ Военный корабль.

Сколько здесь пережито! Товарищи рассказывают, что 9 июня (начало наступления на Карельском фронте) с 3.30 утра командование КБФ и Кронштадта не уходило с вышек и НП... «Весь Кронштадт был на ходу!...»

Над нами бело-серая дымка. Возвращаются бомбардировщики. Низко идут истребители. Веселый гул над палубой... Приветствуем их...

В дымке показался низкий, сливающийся с морем, Кронштадт. Что-то суровое, горделивое и нежное на сердце. Таинственные нити, история...

Видны собор, трубы кораблей, радиомачты, краны, маяки. Вот и Военный угол, где я шел (осенью 1941-го) под обстрелом на кабере в Ленинград.

На ожидавшей нас машине едем в штаб и ПУ — на старое место в бывшее Инженерное училище у Итальянского пруда.

Беседа в Пубалте. «Финны сопротивляются, подбрасывают резервы из глубины... Наши части усиливают натиск. Финны ведут огонь по кораблям Балтийского флота, но мы не остаемся в долгу. Н-ская армия начала наступление на правом участке Карельского фронта. Финская пехота дерется хуже, — сказываются усталость, отсутствие веры в победу...»

Нас командируют на фронт, на Карельский перешеек.

Прошелся по Ленинскому проспекту, Советской улице, Якорной площади (здесь окопы будут засыпаны и площадь опять станет ровной, просторной). Зашел в Петровский парк. КМОР поднял вопрос о снятии с памятников Петру I и адмиралу Макарову защитных футляров, построенных по указанию комфлота в 1941 году.

Ужинали с С.К. в офицерском клубе... Сюда понемногу возвращаются предметы убранства — старая бронза, картины Айвазовского и других старых мастеров. Есть и несколько грубоватые картины современных маринистов.

Беседа с капитаном 3 ранга Героем Советского Союза Осиповым (БТК¹)...

16 июня 1944 года.

Совещание в Пубалте — с часу дня. Собрались в зале, где 30 августа 1941 года провели партийное собрание — после прорыва Балтийского флота из Таллина.

(Такая усталость, что делаю паузы по 15—20 минут, когда пишу эти страницы.)

¹ Бригада торпедных катеров.

Вечером — мой доклад в Доме флота о текущем моменте (с 8.30 до 10 часов). Полный зал.

17 июня 1944 года.

Был в Военном совете.

— Выезжайте на фронт 18-го... Готовим операции в районе Койвисто.

Получили в Пубалте командировочные удостоверения.

В 4 часа — на катере в Ленинград.

Готовимся к поездке на фронт (на рассвете). Наша малолитражка в ремонте — поедем на машине правдивостов.

18 июня 1944 года.

Раннее солнечное утро... Минуем Сестрорецк.

Вот линия фронта, откуда 9—10 июня был начат удар на Выборг. Перед нами передний край, вернее, бывший передний край финнов. Остановили машину. Все серо, черно, обуглено, перевернуто, размолено... Спаленные, изуродованные сосны.

С.К. и товарищи правдивысты — потрясенные — молчат несколько минут. Опять, в который раз в жизни, я вижу «мертвый лес»! Перед нами взорванные доты и дзоты, откуда еще тянет гарью и смрадом. На километре фронта работало несколько сот орудий. Результат известен.

Едем дальше... Опять остановились: здесь была дача Репина, а сейчас перед нами лишь груда кирпичных обломков и расплавленного от взрыва стекла. На заборе уцелели три буквы: «ПЕН...»¹.

С.К. наспех делает зарисовки...

Вперед!

Териоки. Беседа в оперативном отделе штаба Н-ского корпуса. Нам сообщили обстановку на 8 часов утра...

Едем дальше по береговому шоссе в направлении города и острова Койвисто (Биорке). Знакомый пейзаж: почти отвесные дикие скалы, лес... Сумрачно. Балтика сегодня темная, над морем гуляет ветер...

Балтика, родная! Тяжелые раскаты несутся над морем, — наши корабли бьют по острову Койвисто. Зажатые в кольцо финны-островитяне отвечают. Взрывы — и высокие белые фонтаны окружают катера. Но маневренность наших боевых кораб-

¹ «Пенаты» — название усадьбы И.Е. Репина.

лей — отличная: они все время в движении; лавируют, прикрываясь дымзавесами. Пехота, как зачарованная, смотрит на морской бой...

...Мчимся дальше. Мы в нескольких километрах от города и порта Койвисто. Ведут пленных. Они жмутся к обочине дороги, смотрят на поток тяжелой русской техники.

Финны пробуют огрызаться... Н-ский полк товарища Семенова¹ идет ударом на Койвисто, соседний перехватывает пути отступления финнов и выходит на дорогу Койвисто—Выборг. Пехота, саперы, минометчики, артиллеристы — в запале. Наши самолеты пикируют, взрывы сотрясают остров и город...

Горячий азарт наступления, удара владеет всеми. С моря — гром орудий и клубы дымовых завес. В небе — гул моторов, кипение зенитного огня... Стрелки и автомашины врываются в Койвисто.

У самого берега, в порту, я уже вижу моряков. Улыбки, рукопожатия.

Беспрерывный обстрел с моря, налеты нашей авиации, яростный бросок танков и пехоты, бегство пяти-шести тысяч финнов, все — молниеносно!

На улицах Койвисто валяются еще теплые, только что зарезанные куры, поросята и т. д. Среди улицы громоздятся запакованные столы, шкафы, кровати, кресла (вывезти не успели)... На мебели болтаются ярлыки с печатями и номерами. Тут же — забытые ящики с канцелярскими принадлежностями. (Взял бутылку чернил и пять блокнотов.)

Едем в штаб (он на колесах — все время передвигается вслед за наступающими частями). Беседа с командиром корпуса — генерал-лейтенантом Тихоновым. Рассказывает обстановку. Передовые части корпуса уже продвинулись на 15 километров. Взламывают линию обороны, преследуют противника по пятам. Справа действуют два соседних корпуса.

Дивизии шли с боями по 30 километров без передышки, преодолевая оборонительные полосы. По двадцать часов в движении! Сильнейший огонь нашей артиллерии; ресы, которых финны прежде не знали. Первый прорыв линии Маннергейма — в ночь на 18 июня.

К штабу подъехали генералы. Шумят, рассказывают:

— Одним полком Выборг не взять...

— Взломали линию Маннергейма (удар во фланг). У противника паническое бегство.

¹ Бывший балтиец-подводник. (Прим. автора.)

— Морякам надо взять остров Койвисто, не допустить эвакуации. Город ведь уже наш. Мэр Койвисто взят в плен.

Первую линию Маннергейма противник не обновлял. Есть ряды проволочных заграждений (пять), кое-где новые траншеи. Койвисто и финские деревни, видимо, недавно отстроены (стандартно). Посевы, отличные огороды, фруктовые сады. Много скота. Их «комбикорм» (овес с бумагой) наши лошади не едят.

Принимаем меры охранения района Койвисто: «Оставить на берегу батальон».

У острова Биорке (Койвисто) продолжается бой. Нашим катерам здесь, на виду у противника, тяжело работать.

За два дня корпус генерал-лейтенанта Тихонова рванул на 80 километров. Финны рассчитывали закрепиться на второй полосе, но не успели. Уверенность господ Маннергейма, Рюти и пр. в прочности второй линии обороны, видимо, и была причиной их дерзости и упрямства в отношении СССР, Англии и США. Слов нет, — крепко построена эта вторая линия: укрытые доты с бетонными стенами толщиной в 2—3 метра, замаскированные противотанковые препятствия. Даже пять рядов надолб — гранитные камни, массивные зубья — укрыты. Сами доты запрятаны так, что их определишь не сразу. Их много, очень много. Ко всему — пять рядов густых проволочных заграждений.

Наши части так рванули против всей этой системы, что она затрещала с хода...

После разгрома первой линии Маннергейма (в зиму 1939/40 года мы потратили на это более двух месяцев), не давая противнику опомниться, мы начали штурм второй полосы. Финны не успели организовать контрудар.

В общем, крепко даем им по зубам! Сказалась трехлетняя суровая выучка, воинский русский порыв.

Танковые соединения двинулись на Выборг! Азарт!

— Разведчиков — в Выборг!

Гул бомбежки — *сегодня седьмой налет на штаб!*

Во дворе штаба много машин, шумно, оживленно — «веселый» беспорядок.

В штабе корпуса совещание: докладывают обстановку.

Командир корпуса:

— Главное — преследовать противника по пятам!

Дыхание войны... Тайна управления...

Восьмой налет! Видимо, за продвижением и местонахождением штаба корпуса идет слежка. Немудрено — всюду еще бродят по лесам и скалам диверсанты...

Из Койвисто приходят машины, наполненные барахлом (война есть война).

Написал очерк в «Правду» (восемь с половиной страниц блокнота). Ганичев поехал в Ленинград и передаст его по телефону.

Вечером.

Допрос пленного финского офицера. Хорошо говорит по-русски. Видимо, из финской разведки. Ведет себя нагло. Его допрашивают относительно планов расширения границ Финляндии. Подумавав, он отвечает:

— О, это была только мода... Она прошла.

— Когда и почему?

Офицер не поднимает угрюмых глаз. Ему неудобно вспоминать о планах превращения Ленинграда в «финскую провинцию». Пленному напоминают о неписаном соглашении немецкого и финского офицерства — устроить в день взятия Ленинграда банкет в «Астории». Пленный мрачно шутит: «Теперь русские устроят банкет в Выборге». Но он еще не до конца верит в падение Выборга.

С.К. разрешили во время допроса зарисовать его. Финн думал, что она ведет протокол допроса.

Ночь на 19 июня. Напряженно слушаем сводку. Будет ли о Койвисто?

Есть! «Развивая наступление на выборгском направлении, овладели районным центром *Ленинградской области* — городом и портом Биорке (Койвисто)...»

Завтра решающий день. Ночью у командира корпуса были *собрания все командиры дивизий.*

19 июня 1944 года.

В 7 утра — все готовы. Мы с С. К. вышли на дорогу. Уже жарко... Пыль, комары... По шоссе шли — на Выборг — колонны солдат. Святая неутомимая русская пехота! Гимнастерки на спинах потемнели от пота, лица искушены в кровь комарами, сапоги в пыли... Некоторые тащат пулеметы. Бойцы, шутя, перекликаются: «Как вы там, орлы-выборжцы?..»

Который километр шагают эти, дорогие моему сердцу, русские солдаты?

Сообщили, что генералу армии Говорову присвоено звание маршала.

Наши уже подошли к внешнему обводу укрепленного района Выборга (в 18 километрах от города). Готовятся к атаке. Сначала — артподготовка, затем пойдут танки. Войска должны быть в Выборге в 21 час.

На 16.00 назначено начало операции.

В лощине, в лесу, спрятано огромное количество тяжелой артиллерии, минометов, «катюш».

Беседую с артиллеристами... С. К. ушла к минометчикам — рисует, стоя под деревом.

Все шоссе запружено колоннами танков и танкеток, по бокам — велосипедисты. Яша Рюмкин¹ жадно фотографирует — кадр за кадром...

Огонь неограниченный!

Рев и грохот артиллерии. Казалось, что конца не будет этому шквалу огня.

— Прекратить!

Рыча и взметая пыль, вырываются вперед к реке наши танки.

Едем на переправу. У моста столпились саперы, раненые. Солнечно, шумно...

Противник пробовал задержать наши части на рубеже реки Роккалан-Йоки. Туда были подтянуты самокатчики и танки. Но наша разведка нащупала броды через реку в другом направлении. Пехота подымается в рост, — река не преграда! Войска идут через реку неудержимо. Бойцы карабкаются на крутой берег.

Под гул танков и выстрелов саперы строят новую переправу вместо взорванного моста.

Стремительно развивается обход вправо, в глубь леса.

Командный пункт на несколько минут располагается у обочины дороги. Радиопереговоры: *внешний укрепленный район Выборга прорван!*

Толпы пленных — идут понуро... Поговорил с ними. Они подавлены, испуганы. Видимо, степень и темпы поражения были для них неожидан[ны].

¹ Фотокорреспондент «Правды».

Возвращаемся обратно в штаб... По Выборгскому шоссе идут бронемашины, за ними — тяжелые минометы, опять артиллерия и опять минометы.

У болотца под елями вспыхивают лампочки ракет. Огонь перебегающий.

Мы знаем, что с утра удар наш будет развиваться еще сильнее, чем в последние десять дней. Сегодня Выборг занять не удастся, но завтра он будет наш!

Пишу очерк в «Правду».

20 июня 1944 года.

7 утра. Абсолютно чистое, ясное небо. Солнечно. Комары...

Входит товарищ Ганичев, бледный, голова забинтована. Он на рассвете приехал на вчерашнее место расположения штаба (за моим вторым очерком) и попал под лютый налет финской авиации на домик, откуда поздно вечером (дальше, вперед!) выехал штаб. Домик — в щепки... Ганичева сравнительно легко ранило осколком. Немедленно уложили его, — пусть хоть немного отдохнет. Очерк пошлем с попутной машиной.

Эмка «Правды» сломалась. Ее срочно чинят. Повреждение серьезное. Ганичев и С. К. должны остаться в штабе, ждать, так как свободных машин нет. Оба переживают...

На окраинах Выборга уже действуют наши разведчики. Генерал-майор Алиев назначен комендантом города.

В 10.16 уехал с генерал-лейтенантом Тихоновым на его «виллисе» дальше... На Выборгском шоссе все запружено. Гул самолетов. Валяются подбитые финские танки. Солнечно...

Станция Сомме. Всюду наши новые бело-синие дощечки с указанием «хозяйств», километров и пр.

Нагнали машину генерала Алиева — он в полной форме. Кричу ему:

— Комендант Выборга, поздравляю!

Помчались дальше. Объезжаем колонну танков с молодыми разведчиками. Танки — в зелени, в ветках сирени. На броне надпись: «На Выборг!»

Приехали в штаб дивизии, и сразу: «Подорвался на mine генерал Алиев...» Только что мы проскочили по этой же дороге! Мчимся обратно, к нему... Алиев ранен в плечо, в голову, в ногу. Весь в крови, одежда разорвана. Врачи, санитары... Рядом остатки машины — вверх колесами.

11 часов. На КП. Командир дивизии у аппарата:

— Передвиньте «хозяйство», которое у меня в кармане (о резервах), на юго-западную окраину.

Командир корпуса смеется:

— Давайте открыто! Противник все равно спутался — столько «хозяйств».

Командир дивизии в трубку:

— Зачем вы задержив[аетесь]? Противник в панике... Немедленно двигайтесь вперед!

Командир корпуса:

— Правительство Рюти-Тюти сегодня может полететь.

Жаркий хвойный запах... Хорошо!

Сообщили, что наши входят в Выборг. Контратаки автоматчиков...

Смотрю по карте обходный маршрут на Выборг.

Командир корпуса беседует с начальником штаба:

— В 10.45 вошел Лященко, в 11 часов — Елшин. Двигайтесь вперед, ищите квартиру для штаба в одном-двух километрах от города.

— Есть!

Нажимает дивизия Соколова — на правом фланге.

Вышел на шоссе. Полк за полком — идут на Выборг. Машины — в два ряда, и отблески пожаров блестят на шлемах бойцов.

Подъехал начальник артиллерии:

— Артиллерийский и минометный огонь противника — по городу. Наш контрбатареинный огонь. Сильный пулеметный обстрел на окраинах. Выборг горит.

Неожиданная встреча — Константин Симонов! Он приехал с женой — В. Серовой, которую пока поместил в штабе корпуса. Дружески побеседовали... Кругом все грохочет, где-то близко рвутся снаряды противника.

На ходу пишу третий очерк для «Правды».

Подкатил наш «виллис» — вперед!

11.30. Предместье Выборга!

Мы на КП батальона Н-ского стрелкового полка. Бойцы окружили нас с Симоновым, забросали вопросами об обстановке. На коротке объяснили, что могли. Народ молодой, крепкий. Усталость бойцов компенсируется возбуждением — враг разбит, они скоро войдут в город. Дивизия генерал-майора Лященко уже там, — он назначен комендантом Выборга.

11.50. Начинается новый этап! Дивизии соревнуются... Связь каждые четверть часа.

— Идите смелей, расчищайте! Связь через комендантское управление.

12.00. Наносят на карту обстановку, — войска вступают в Выборг.

Войска заняли Выборг! Новый успех Ленинградского фронта!

Вот первые перекрестки... По временам на сотни метров взмывают взрывы: финны, отступая, уничтожают ценные объекты. Какой погром они устроили, покидая город! Разрушены витрины магазинов, товары свалены в кучу и политы керосином, дегтем. Видно, как огонь лижет квартиры, откуда угнано население.

Меня поразило, что финны успели выбить почти во всех домах оконные стекла — от подвальных и до шестых-седьмых этажей.

Ветер пронизывает горящие дома. Огонь медленно пожирает стены, мебель, обивку. Как флаги, развеваются в окнах занавески: белые, алые, голубые...

Потрясая автоматами, бегут по улице наши разведчики (в масках-алатах).

Как передать волнение, радость, рождающиеся при вступлении в освобожденный город?! Широко на душе...

Вечер.

Выборг, комендатура, ул. Пеллорвои-Кату.

11.45. Я нахожусь здесь, у Николая Львовича Лященко, с 5 часов дня... Был в городе, — он пуст. Остались лишь диверсанты и «факельщики», которые поджигают дома. Пожары вспыхивают то здесь, то там... Отступив, противник все время бьет по городу. Временами сильный минометный огонь, иногда садит тяжелыми.

В 7.55 вечера 20 июня я записал переданную в комендатуру радиограмму: «Город очищен полностью...» Батальон майора Филичкина, кажется, первым ворвался в Выборг.

В город вошли три дивизии: генералов Елшина, Соколова и Лященко.

Высылаются городские патрули. Идет прочесывание домов и улиц. Работают пожарные команды, саперы.

Усталый генерал саженного роста сидит над планом города и размечает посты, маршруты патрулей:

— Чтобы у меня ни гвоздя в городе не пропало!

Генерал не ел с 6 утра. Часы показывают за полночь. Входят связные, ординарцы, офицеры штабов.

Обедать подали лишь в 2 часа ночи. За стол село человек пять. Мой сосед поднес стакан чая к губам и пролил чай — он полудре-

мал... Вздогнул — очнулся... Выпил чай и тут же, за столом, заснул. Немудрено — двенадцать дней непрерывного наступления, когда спать не позволяла война!..

21 июня 1944 года.
Выборг.

Северная летняя ночь коротка... Проснулся от лязга проходящих танков. Сквозь город идут и идут войска.

Отправил очерк и пошел с только что приехавшей С. К. к старой Выборгской крепости... На башне уже полощется *наше советское знамя*... С берега, где заночевали части, слышны песни. Громяют выстрелы...

С. К. говорит (после долгой паузы):

— Даже не верится, что мы уже в Выборге! (Она поражена всем виденным, стремительностью событий.)

Кругом все еще бушуют пожары. Город непрерывно обстреливается противником... На «виллисе» Симонова изъездили все вдоль и поперек.

3 часа дня. Срочный вызов в Ленинград — статьи, радио и т. д. Симоновы едут тоже. С. К. остается в Выборге — рисовать. Вернется с Н. Михайловским.

Покидая город, услышали гул и грохот наших орудий — это войска Карельского фронта начали новый бой за выход к государственной границе.

22 июня 1944 года.
Ленинград.

Пишу финскими «трофейными» чернилами...

В наступлении на Выборг, в суете, под огнем вел черновые записи для дневника и корреспонденции для «Правды». К тому же, видимо, передачи по телефону калечили и эти корреспонденции. Спорить, возмущаться? Никогда!

Всеволод Азаров получил письмо из Одессы: его мать и отец были арестованы немцами в 1941-м и брошены в тюрьму. Мать не вынесла — умерла. Отца (доктора) погнали в каменоломни... Там его пристрелил жандарм. (Младший брат Азарова погиб под Сталинградом.) Всеволод читает, перечитывает письмо...

Вижу его сутулые плечи — он подавлен. То рвется куда-то, то плачет, то говорит: «Выход в творчестве...» Сам измучен, полуос-

леп... И нельзя отомстить! Мы же в Германии *не будем убивать*, я знаю, что не будем...

Мысли. Мы, писатели, в 1941—1942 годах дали народу чудовищный заряд ненависти к врагу... Но мы передовики, и у нас есть уже предощущение гуманистическое. Я не боюсь это записывать. Я проверил себя: ни к одному финну у меня не было физической злобы. Я не хотел их расстреливать. Больше того, я видел в этих усталых солдатах жертвы войны, трагические объекты. Что они знают? Жилистые трудовые руки, обкуренные трубки... Сидят у канавы эти самые финны, самокатчики дивизии Лагуса, и все рассказывают... Зачем мне их расстреливать? Достаточно, что мы им поворачиваем души, сознание.

Я пропитан — в силу своего опыта — человеческим отношением к людям. И конец войны, мир будет озаменован не истреблением, не призывом: «Убей его!» — а мудрым практицизмом и гуманностью. Определенных фашистов-немцев будем судить... Но в целом *проблема должна быть решена с учетом будущих десятилетий*. К этому выводу я пришел твердо.

20 июня нашими торпедными катерами был потоплен новый миноносец противника «Т-31» (1200 тонн, сильное вооружение)...

Спасли человек шесть. Команда миноносца состояла из 170 человек — 20 процентов поляков, эльзасцев, словаков. Матросы малоопытные... Понимание военно-политической обстановки слабое, по Геббельсу; дисциплина, судя по показаниям шести человек, прочная. Сообщили, что германскому флоту и армии с треском объявили о «секретном оружии», о «новой фазе» войны и т. д.

Благодаря пленным удалось раскрыть дислокацию немецкого флота, систему обучения и т. д. Получен ряд технических данных.

Новые немецкие корабли встречены Балтийским флотом и морской авиацией сурово.

25 июня 1944 года.

Шли с С. К. на «Кумари» в Кронштадт, — серо, ветер три балла. Бурная вода... Сели на мель за брандвахтой. Четыре часа не уходил с палубы, глядел на море, на берега. Позади Питер — «постоянно действующий, взрывающийся вулкан» (как пишет финская газета «Sanomat»¹).

¹ «Саномат».

В Кронштадте ждут Рогова: он будет там смотреть «У стен Ленинграда» на сцене клуба офицеров.

С. К. должна срочно подогнать оформление.

О Кронштадте. В целом город пострадал мало... Сейчас идет уборка, восстановление...

Редакцию «КБФ» переводят в Кронштадт.

В Пубалте на 2, 3 и 4-м этажах сиво, неуютно. Окна зашиты фанерой. Свет пробивается сквозь щели и в открытые форточки... Все ждут скорого возвращения в Таллин.

В бригаде Подплава. Корабли с Невы переходят в Кронштадт. При уходе «Полярной звезды» из Ленинграда на набережной у борта корабля столпились женщины. Плач, крики... Машут платочками... Это после трех лет базирования в Ленинграде подводники прощались со своими подругами. (Поэтому «Иртышу» было приказано *отойти* от набережной и стать на якорь посредине Невы.)

Дивизион новых подводных лодок готовится к прорыву в Балтийское море...

Взят остров Сомерс.

Борьба идет в глубине Выборгского залива. Финны еще оказывают упорное сопротивление на укрепленной линии за Выборгом и на островах.

26—30 июня 1944 года.

В Кронштадт прибыл Театр КБФ.

С. К. и Пергамент готовят спектакль, — в условиях клуба это сложно...

Кронштадт! Для меня — это слитое ощущение ряда лет. Мне повезло: я видел финал Кронштадтской битвы 1941—1944 годов: гул батарей, последние залпы по финнам в ночь на 17 июня.

Сегодня штиль, солнце, слабый запах моря... Сонная тишина лета. Густая трава в садах, цветет клевер... На улице стоит мать с годовалым ребенком на руках, — ребенок тянется к ней, ловит ее, растопырив пальчики. Шагают моряки, исправно козыряют. Из парикмахерской тянет одеколоном, из столовой — запахом вареного мяса... *Совершенное ощущение мирной жизни, а перед глазами бои 18—21 июня!*

Сегодня состоялся просмотр спектакля «У стен Ленинграда».

Отличный прием.

Генерал-лейтенант Рогов вызвал меня, благодарил и т. д.

Спектакль Театра КБФ *будет показан Москве* (с 20 августа по 1 сентября). В театре — ликование, и мы с С. К. рады. Пусть москвичи увидят страницу из жизни Ленинграда.

1 июля 1944 года.

С 23 по 27 июня войска фронтов: 1-го Прибалтийского (под командованием генерала армии Баграмяна) и 3-го Белорусского (под командованием генерала армии Черняховского) разгромили немцев на витебском направлении и освободили Витебск. Убито и взято в плен *77 000 солдат и офицеров...*

С 23 по 29 июня войска 1-го Белорусского фронта (под командованием Маршала Советского Союза Рокоссовского), окружив и ликвидировав бобруйскую группировку противника, освободили Бобруйск.

Войска 2-го Белорусского фронта (под командованием генерал-полковника Захарова) освободили Могилев.

На этих фронтах убито и взято в плен *106 930 солдат и офицеров...* Количество уничтоженной и захваченной боевой техники огромно!

Мы, безусловно, наблюдаем стремительный разгром немецкой группы «Mitte»¹. Наши части, видимо, в 50 километрах от Минска. Развитие удара выводит в Литву.

Намечается стратегический охват или отсечение немецкой группы «Nord». В трудное положение будет поставлена и группа «Süd», если наши части нависнут над ее северным флангом и коммуникациями.

От Медвежьегорска до Припяти идет изгнание противника с советской территории.

2 июля 1944 года.

...Поток мыслей о России — единственной, таинственной, святой, любимой! Абсолютное растворение в ее стихии, ее силе, ее красе.

(Вчера упоенно, бурно говорил о России, о морской ее теме активу комсомола Кронштадта. Восторженно внимали 2 часа 15 минут. На душе было так светло!)

Дни наши трудные. Но мы, пока живы, будем упорно идти, по-русски упорно — вперед!

¹ «Центр» (нем.).

По радио. Гигантское окружение армий противника на минском направлении. Войсками 3-го Белорусского фронта взяты Вилейка, Красное... На 1-м Белорусском — Столбцы, Несвиж и др. Похоже на *полный* разгром немецкого фронта «Mitte». Последствия будут огромные.

Был в штабе флота. Беседа с капитаном 1 ранга Богдановым. Продолжаются операции в Выборгском заливе. Сюда стягивают пять наших дивизий для десантного удара в район Хамина — Котка. Опыт последних десантных операций в целом положителен (на Ладожском, Онежском озерах и др.).

Немцы перебросили в Финляндию шесть дивизий. Главным образом эсэсовские части из Эстонии и Латвии. В Хельсинки пришли немецкий карманный линкор и два крейсера.

Смотрел новую немецкую мину образца 1943 года — в саду перед штабом. Это развитие русской шаровой мины с дополнением поплавковых концов для наматывания на винт и ножа, перерезающего трал...

3 июля 1944 года.

С. К. уехала с театром в Ленинград.

Готовлю новые материалы к докладам. Усталость, сонливость. Немного подремал в читальне.

Встреча с Н. Михайловским: он ездил в Койвисто. Там идут десантные операции, — остров не сдаётся... Адмирал Трибуц лично руководит операциями в Койвисто...

На артиллерийском ремонтном заводе сделал доклад о Финляндии.

5 июля 1944 года.

Веду записи... *Ничего украшать, усиливать в дневнике не собираюсь.*

Сдал работу о Таллине во 2-й отдел... Хотят срочно печатать.

На КП ранен в руку адмирал Трибуц, в живот — его шофер. Несколько кораблей (монитор, два катера) потеряны. Упорные бои за острова! Наши стремятся выйти во фланг и тыл финской оборонительной линии за Выборгом.

В штабных кругах «дискуссия»: где размещать штаб Балтийского флота — в Таллине или западней?.. Pro и contra¹. Адмирал Трибуц за Таллин. (Привычнее?)

Короткая беседа с контр-адмиралом Волковым. Взял командировку по 20 июля в Ленинград.

6—8 июля 1944 года.

Стремительные успехи Красной Армии. Видимо, 9 июля будет взят город Вильнюс. Число немецких пленных растет. В плену — четырнадцать немецких генералов, в их числе три командира корпуса.

Группа «Nord» потеряла главную коммуникацию: двухколейный путь Варшава — Вильнюс — Двинск — Псков.

Нашим авангардам осталось 125 километров до германской границы. Ряд признаков тревоги и беспокойства в Германии: бегство дипломатических чиновников; вывоз золота в нейтральные страны; Геббельс перестал писать в «Das Reich»² и т. д. Среди *фашистов* гуляет поговорка: «Наслаждайтесь войной, — мир будет ужасен!» (Для них — безусловно!)

В Швейцарии готовятся к приезду туристов. (Любопытный симптом!)

Бродил по Петроградской стороне. Толкучка на Малом проспекте — торговцы, бабки, инвалиды, кое-кто из интеллигентов, рабочие. Хлеб стоит 50—60 рублей кило; пучок редиски — 12 рублей; пара папирос — 5 рублей.

9 июля 1944 года.

«Правда» (от 9 июля) пишет, что противник бросает все резервы в Польшу... (Англосаксам пора вводить в дело главные силы. Но хотят ли они этого?) В Вильно жестокие уличные бои; вокзал и аэропорт заняты нашими частями... Вильно — Ковно — последние рубежи перед Восточной Пруссией. Прибалтика будет отрезана. (Одна железная дорога через Мемель и морской транспорт не справятся с обслуживанием группы «Nord».)

Днем ездили с С. К. на берег моря — за Ольгино. Отдохнули... Впервые за три года поплавал... Голубизна, чистый воздух, море, песок, сосны — Балтика. Хорошо!

¹ За и против (*лат.*).

² «Дас Райх» — немецкая газета.

Закон о материнстве: охрана материнства и пр.

Закон исключительного социального, морального и практического значения. Россия смела, мощна — в разгаре войны такие социально-экономические мероприятия!

Страна восполнит людские потери, вырастит здоровое новое поколение...

10—11 июля 1944 года.

Напряженные бои в районе северо-западных островов Выборгского залива. Лихие атаки наших торпедных катеров, удары «илов» и пр. Иногда топят по пять — десять финских и немецких кораблей в день. Идет концентрация войск за Выборгом. Безусловно, готовится прорыв новой укрепленной линии финнов.

По ночам через Ленинград проходят войска.

На КП — Трибуц, Вербицкий, Москаленко и др.

В трубку:

— Что на островах?

— Сейчас доложу, товарищ командующий.

— Ну?

— «Ура» и русский мат...

Острова взяли; были очень трудные минуты...

Ставка Гитлера, штабы германского Восточного фронта и Luftwaffe эвакуируются из Восточной Пруссии, которая объявлена военной зоной.

Вернувшиеся в Ленинград жалуются на холодное отношение к ним:

— Люди изменились — стали суше... Думают свое, про себя.

Я:

— Может быть, пережив осаду, стали крепче, мудрее? Может быть, реакция после трех тяжелых лет?

— Может быть...

— Может быть, ленинградцы инстинктивно берегут свои нервы, экономят силы? Вам это не приходило в голову?

— Возможно...

Любопытен этот взгляд ленинградцев-реэвакуантов на ленинградцев-блокадников: «эгоисты» (!!).

12—13 июля 1944 года.

Общее ощущение новых трудностей с Англией. Это и в речи Идена, и в правой английской прессе (опять русофобской), и в отдельных контрстатях «Правды»...

Взят город Вильнюс...

Читаю о Петре. «Природа произвела Россию только одну, — соперницы она не имеет!..»

14 июля 1944 года.

С. К. ушла (через Кронштадт) на форпосты Балтики: острова Сескар и Лавансаари (поход не из легких — залив густо минирован). Пробудет там до 1 августа. Задание: зарисовки людей, кораблей, пейзажей и пр. Отдохнет, может быть, на морском воздухе. Она очень утомлена... Пубалт представил ее к ордену.

Завтра открываются два коммерческих магазина: бывший Елисеева и «Гастроном» на улице Льва Толстого... К магазинам высылаются наряды милиции.

В город едут и едут. Живут на чердаках, в углах, на лестницах. Есть и беспаспортные. Милиция их устало ловит.

Ленинград охорашивается... Начали поливку улиц. Вечернее движение — до часу ночи; трамваи — до 24.00. Устраивают в садах «гулянья». На улицах стало шумно. Много детей, топают в трусиках, с флажками, поют... Пошлют ли их в бой лет через 20—25?

Взят Волковыск.

Рад, что Днепровская военная флотилия уже показала себя в боях: «Войска 1-го Белорусского фронта при поддержке Днепровской речной военной флотилии штурмом овладели городом Пинск».

15 июля 1944 года.

С 4 до 8 вечера ездил по бывшим рубежам: Кировский завод, Стрельна, Петергоф, Ропша и обратно. Смотрел бывшие позиции и пр. Петергоф разрушен ужасно, но почти все можно восстановить.

Попрошу у начальника тыла КБФ американский «виллис». Поездка в Прибалтику на моей малолитражке «вандерер» невозможна, машина уже еле дышит.

Жарко... Яркое закатное солнце...

Иду в штаб Ленинградской морской базы. Командир базы — мой старый друг, капитан 1 ранга А. Александров...

Мы внимательно, молча оглядели друг друга (оба изменились) и расцеловались...

— Как твои дела, Всеволод?

Скупое рассказал.

О ходе войны у нас примерно общая точка зрения...

Говорили о флоте... Александра интересует мое личное мнение. Ну, что ж... Мне думается, что новые корабли и суда надо строить на базе всей судостроительной промышленности... Волга должна стать центральной водной системой, связью Севера и Юга, Центра и Востока: *Большая Волга* со свободными выходами (по каналам и т. д.) к Черному морю, на Север и т. д... Сибирь может стать одним из центров транспортного судостроения (устье Оби, Енисея и др.). Климат не помеха, и люди найдутся.

Важно, чтобы перспективы флота были понятны и армии и народу. Об этом надо позаботиться педагогам, агитаторам-пропагандистам, прессе и нам — писателям...

16—18 июля 1944 года.

Мы идем на Германию, мы сделаем свое дело — принесем и возмездие, и порядок. Удары обрушиваются на гитлеровскую «крепость» со страшной силой!

Из последних иностранных обзоров.

Английские комментарии:

«События в России развиваются с такой быстротой, что за ними невозможно угнаться, нельзя полностью осознать весь смысл уже достигнутых успехов, ни тем более предвидеть все их значение для будущего...»

«Не отступление, а катастрофический развал центрального фронта...» («Times», 3 июля 1944 года.)

...Аналогичны комментарии турецкой, шведской и прочей иностранной прессы.

В Германии в центре внимания две речи Гитлера: на похоронах Дитля¹ и на совещании руководителей военной промышленности в Берхтесгадене.

Из первой речи: «Борьба, которая опирается на фанатизм, — не может не кончиться победой...» Опять «фанатическое» упорство и

¹ Командующий группой «Норд»; погиб летом 1944 года при авиационной катастрофе.

постоянный *отрыв* от обстановки и историч[еского] и экон[оми-ческого] базиса.

На совещании в Берхтесгадене Гитлер признал, что противники перегнали Германию в техническом отношении: «Но изобретательность немцев позволит восстановить техническое равновесие...»

Считают, что эта речь может означать переход Германии к крайним средствам: *химии и бактериологии*. В немецкой прессе всячески муссируется тема самолетов-снарядов...

Немецкие перебежчики из дипломатического и журналистского мира сообщили сенсационный план Гитлера о «перманентном сопротивлении»: создать в горах центральное руководство подполья Германии и фашистского подполья в Европе. Расстреливать колеблющихся генералов и офицеров. Объявить сдавшимися, что они будут казнены фашистским подпольем. Армии — приказ драться в окружениях до конца. На случай прорыва Красной Армии и союзных армий — создать *подставное* немецкое правительство...

Возможно, что ряд сообщенных мер и отвечает плану национал-социалистской головки, но в целом — план безнадежен... СССР наступает неумолимо, неотвратимо; союзники, вероятно, тоже должны будут так или иначе активизироваться... Дела в Германии становятся похожими на геологические оползни, — за ними будет и обвал!

Утром 17 июля по Москве провели 57 600 немецких пленных. Впереди шли — в орденах — девятнадцать немецких генералов... Все обошлось без эксцессов.

Войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону немцев на львовском направлении. Ширина прорыва 200 километров по фронту, глубина — 50. 2-й и 3-й Белорусские фронты штурмом овладели городом и крепостью Гродно (все ближе к Польше!). Взят Себеж (это важно!). Появилось брестское направление.

19 июля 1944 года.

Вчера вечером пришлось самому передавать в Москву очерк для США. Стенографистки малоопытны, некультурны, путают, не знают латинских букв (!). Кричал им и растолковывал каждое слово до хрипоты...

17 июля летчики-пикировщики КБФ нанесли бомбовый удар по финскому боевому кораблю в порту Котка. Корабль утоплен. Торчит только корма. Там же в этот день утоплен транспорт в 6000 тонн.

В Балтийском море 18 июля потоплено еще три немецких транспорта и один тральщик. Последнее время наши морские летчики ежедневно гробят корабли противника, что и отмечается в сводках.

Армия Монтгомери начала новое наступление... Немецкий фронт как будто прорван. (Удар на Париж?)

В Италии бои с немцами на окраинах Ливорно; союзники у Анконы... На реке По взорваны все двадцать два моста, — тылы немцев, таким образом, ослаблены. Активизируются итальянские партизаны...

Общая дислокация немецкой армии на 24 июня.

На советско-германском фронте — 202 дивизии (считая 7—10 дивизий на севере Финляндии); во Франции, Бельгии, Голландии — от 40 до 50 дивизий; в Норвегии — 13 дивизий; в Дании — 8 дивизий; в Италии, Венгрии, на Балканах — по 25 дивизий.

Не указывается число дивизий внутри Германии и число резервных формирований.

Учтем, что за июнь—июль у Германии большие потери на Восточном фронте. Надо ждать итоговых сводок. Сейчас, видимо, дислокация резко меняется...

20 июля 1944 года.

В Ленинграде непрерывно разбирают обрушившиеся и сгоревшие дома; ремонт[ируют] пять-шесть тысяч фонарей. Восстанавливается Летний сад, где все три года работал лишь один садовод — старик Лобанов, который лелеял каждое дерево (всего в саду три тысячи деревьев, из которых более пятисот раненых), заливал смолой их раны, не допускал гниения и заболачивания.

Возвратились университет, институт Лесгафта, Академия художеств, Александринский театр и др. Открыты кино в Гатчине, Чудове, Волосове, Луге, а в ближайшие дни — в Петергофе и в Павловске.

Отстроен ленинградский яхт-клуб. В области уже действуют сто спортивных площадок и стадионов, где тренируются двадцать тысяч спортсменов (резервы!). Кстати — в СССР в комсомольском физкультурном кроссе 1944 года приняло участие двадцать

семь спортивных обществ с более чем 30 000 человек. (Хотел бы я знать, до спорта ли сейчас Гитлеру?)

Открываются вузы. В Ленинград привезено 5000 учеников в ремесленные училища. На курсах легкой промышленности обучены сотни портных, обувщиков и т. д.

В освобожденных районах области работает 629 школ и будет открыто 1047 школ. Открыты военные лагеря для школьников 8-х и 9-х классов.

С 7 июля начали поливку улиц в городе. С 9 июля по Неве — к дельте — ходят речные трамваи. Пущены троллейбусы.

Водолазы подняли на Неве (в порту и других местах) 31 судно (всего на 7000 тонн). На Ижорском заводе пущен второй мартен. На заводе № 1 «Ленмолоко» открыт цех мороженого (от пяти до десяти тысяч кило мороженого в день!).

Ремонтируют бани и прачечные, поликлиники и больницы, ясли и детдома; разбивают скверы; мостят улицы... Восстанавливают Шлиссельбургский проспект — ставят решетку в 2150 метров. Будет посажено двадцать тысяч кустов. Красят ворота, заборы.

Начались воскресники, — ленинградцы разбирают доты, дзоты... 16 июля работало свыше 11 000 человек.

В Пушкине и Павловске восстановлены оранжереи. В Павловске вырыто из земли тринадцать ценных скульптур (спрятанных местными жителями от немцев!).

Коллективная упорная работа, я думаю, ускорит сроки восстановления. Да, мы отстроим город не в десять лет, а быстрее. Сил у народа хватит!

Получил приглашение от Военного совета КБФ на вечер (в Кронштадте) в честь Дня флота.

Головные боли, усталость. Работать трудно.

Письмо от С. К.: она на острове Лавансаари. Шла с 9 утра до 19 часов на тральщике по минированному заливу. (Маленький серо-голубой конверт — ПП 56035.)

10 вечера. Войска 1-го Белорусского фронта, прорвав немецкую оборону, вышли от Ковеля к Западному Бугу, то есть к Польше, на фронте в 150 километров. Брест попадает в окружение... Красная Армия действует на огромных пространствах, выводя свои авангардные части на оперативные просторы.

10.50. Войска 1-го Украинского фронта взяли Владимир-Волынский и Раву-Рускую.

21 июля 1944 года.

Сообщение DNB¹ о покушении на Гитлера. Он оглушен и обожжен. Приводится список пострадавших генералов и адмиралов. Надо думать, что дело может быть серьезнее, чем сообщают немцы. Жаль, что Гитлер вывернулся и на этот раз.

Последствия будут серьезные: депрессия в немецких массах; новое расшатывание фашистского аппарата, если только не сами гестаповцы устроили этот взрыв.

Воодушевление в захваченных фашистами странах: «Гитлера бьют везде!» Иностранские комментарии: взрыв был в 5 часов дня 20 июля на совещании штаба; считают, что это дело рук старого генералитета.

С огромным подъемом написал статью-очерк «Когда мы сходим на берег» — к Дню флота.

Прочел К. Симонова «С тобой и без тебя». Несколько подчеркнутая «ранняя седина», горечь, скепсис, раздумья... Налет лермонтовских вариаций — превращение обычного в философски-значительное. Местами киплингвианское, «мужское» — с водкой, ночными беседами, «скупостью слов» и пр.

10 часов вечера. Взят город Остров...

Наши войска форсировали Западный Буг и вступили на территорию Польши (пока в районы Холмщины и севернее). Комментариёв о Польше нет.

22 июля 1944 года.

Короткие сборы в Кронштадт. Выехал в одиннадцатом часу. По шоссе на Стрельну — Петергоф — Ораниенбаум. Солнечно, жарко. Нескошенные травы сохнут, выгорают...

В Ораниенбауме на пристани ждал до 2 часов дня. Несколько моряков, рабочие судоремонтной мастерской, женщины с детьми. Изредка пролетают самолеты... Моряки прыгают с катеров в море, купаются... Мирно!

...В 7 часов — в клубе офицеров — торжественный вечер. Приехали А. А. Кузнецов, Попков и др.

Речь адмирала Трибуца — об успехах в 1944 году и о том, что *предстоят крупные боевые операции КБФ*.

...Товарищеский ужин. Беседовал с Героями Советского Союза Раковым и Осиповым. Оживленно, весело... Разошлись на рассвете.

¹ Deutsches Nachrichtenbüro — Германское информационное бюро.

В районе Лонгонвара наши войска вышли на государственную границу с Финляндией!

Взят город Поневеж. Со взятием Шяуляя группа «Норд» *будет отрезана*. В Пскове уличные бои. Штурмом взят Холм.

23 июля 1944 года.
Кронштадт.

О Балтийском флоте. За подвиги представлены к званию *Гвардейских* — 17 кораблей, частей и соединений КБФ; к званию Героя Советского Союза — 61 человек; орденами Красного Знамени награждены 27 соединений и кораблей; свыше 20 000 моряков награждены орденами и медалями.

Приятно это записать в День флота!

Войсками 3-го Белорусского фронта взят Псков... Освобождаются последние километры русской земли! Немцы перебрасывают на Восточный фронт резервы из глубины Германии. 2-й Прибалтийский фронт очистил Витебскую и Калининскую области и вышел на территорию *Латвии*. Войска 1-го Белорусского фронта ворвались в Люблин.

Закончена ликвидация немецкой группировки у Броды... Таким образом, нарастающие удары Красной Армии наносятся непрерывно, один за другим.

В немецкой прессе острая тревога: «В начале своего наступления Советы провозгласили символической целью наступления — столицу Германии *Берлин*... Три истекших года показали нам, что подобные заявления Советов — отнюдь не пустые слова».

24 июля 1944 года.
Кронштадт.

В городе Хелм (Холм) создан Польский комитет национального освобождения. Издается газета «Речь Посполита». Движением руководит Крайова Рада Народова...

Днем навестил Вс. Азарова в Кронштадтском военно-морском госпитале. Он поправляется... Передал ему письма, сообщил новости.

Приехал А. Крон. Отметим его первый орден — Красную Звезду.

Войска маршала Рокоссовского взяли Люблин, — удар на Варшаву!

25 июля 1944 года.
Кронштадт.

Сводка за месяц наступления Красной Армии (четыре фронта: 1-й Прибалтийский, 1, 2 и 3-й Белорусские), завершившегося разгромом *центрального* фронта противника.

Немцы потеряли: убитыми — более 381 000 и пленными — 158 480 солдат и офицеров. В их числе двадцать два генерала, среди которых несколько командиров армейских *корпусов*! Огромное количество трофеев!

Наши части в 90 километрах от Варшавы (взят город Луков)...

В 7 вечера, по радио. НКВД об отношении Советского Союза к Польше: новые реальные перспективы советско-польской дружбы.

Сводка. Окружение Львова, наши в 6 километрах от Станислава и в 4 — от Белостока. Бои в Прибалтике. Уничтожен железнодорожный мост в Тильзите. Отрезан от тылов Двинск. Взят Красновостав, Райовец и др. (Чуть дрогнуло сердце: там я дрался летом 1915 года.)

Чешские части развернуты в армейский корпус. Их посетил посол г. Фирлингер:

— Корпус станет основой чешской армии.

Вечерний Кронштадт... Голубое небо, розовые облака... Памятники Петру и др. уже открыты...

26 июля 1944 года.
Кронштадт.

Есть сведения (штабные), что взята Нарва и что наши части уже в 16 километрах *за* городом.

Немцы эвакуируют Эстонию и Латвию, вывозят промышленное и железнодорожное оборудование, мобилизуют все фашистские элементы («Черную гвардию» и пр.). Под Ригой роют окопы. Не поможет!..

...Английская пресса строит догадки о направлении главного удара Красной Армии: Рига, Мемель, Тильзит, Кенигсберг? Львов, Варшава?.. Пусть и немцы поломают голову, куда направлены главные удары русских. Они бросили свои резервы в Восточную Пруссию и в районы Бреста — Белостока — Ковно, где приняли ряд бесполезных контратак.

Приказ. Войска маршала Говорова взяли город Нарву и тридцать селений за ним.

Второй приказ. Войска маршала Рокоссовского взяли город Демблин (бывший Ивангород). От верхнего течения Днепра — к среднему течению Вислы! И на это ушел всего лишь месяц! Да, это темпы!

27 июля 1944 года.
Кронштадт.

Ряд мыслей о Кронштадте. Чувствую, что скоро пойдем отсюда на West, видимо в августе... А пока что база живет своей жизнью: в штабе разрабатывают планы новых операций, идет учеба; в новом помещении трудится редакция «КБФ»; в Купеческой гавани скрежешут землечерпалки; ремонтируют корабли и т. д...

Взят *Белосток* — узел и укрепленный район. Взят Станислав (областной центр Западной Украины и важнейший опорный пункт в предгорьях Карпат); *Двинск* и *Режица*! *Четвертый приказ:* взят Львов! *Пятый* — взят Шяуляй (Шавли). Шесть городов! Видимо, еще разгромлено до 20—25 дивизий противника. Грандиозные масштабы!..

Французские «вольные стрелки» действуют все активнее, — объявлены частью регулярной армии генерала Эйзенхауэра. За последние дни они пустили под откос сто немецких эшелонов (между Парижем и Нормандией)...

28 июля 1944 года.
Кронштадт.

В КБФ идет подготовка к походу в Прибалтику. Легкие корабли сосредотачиваются в Усть-Луге. Видимо — к десанту... На плане Таллина намечаются размещения военно-морских частей и учреждений. Сроки? Полагаю — в августе. Темпа терять не будем.

В 5 часов на катере — в Ленинград... Солнечно. На рейде — эсминцы, катера-буксиры, баржи... Ветер — NNO¹. Валяет... Хорошо!

Стою на палубе — тысячи мыслей и ощущений...

Глядеть на все возможно шире. И от официальной точки зрения перехожу к своему восприятию и анализу бесконечно слож-

¹ Nord-Nord-Ost — северо-северо-восточный.

ной войны. Вначале схватка империалистических держав... Затем в 1941-м нападение на СССР. Некое видоизменение: сочетание империалистической войны с войной империалистической коалиции («ось») против социалистического государства. Одновременно — сложные отношения так называемых союзников с этим социалистическим государством. Попытка использовать СССР как громоотвод, как пушечное мясо, как объект истощения Гитлера и т. д. Попытка быть «третьими» (Англия, США). Оттяжки, проволочки, закулисная игра. (Мы потом узнаем все эти тайные детали, встречи, ноты и т. д.) План: «Германию в гроб, Россию в госпиталь...» Наш контрплан, упорство, воля, мощь СССР...

В Ленинграде. Письма, газеты и т. д. Некое ощущение дома — в «домике».

Мне звонил генерал-полковник О. И. Городовиков. Рад, что он здесь.

Взят Перемышль.

29 июля 1944 года.

С утра звонил О. И. Городовикову. Затем в «Асторию» — к нему. Почти весь день провел в беседе с ним.

Ока Иванович в последние месяцы был у Конева, у Рокоссовского, а сейчас ездил в штаб Ленфронта к Говорову...

В 8 вечера — у комсомольцев в бывшем Доме искусств. Сделал доклад о традициях русского флота... Аудитория здоровая, восприимчивая. Слушали хорошо.

На душе — бодро...

30 июля 1944 года.

Награждение Жукова, Василевского, Конева и Рокоссовского. (Как отмечается в Указе: «Достигнут коренной перелом в ходе войны...»)

Из Москвы приехал мой старый друг — Жан-Ришар Блок.

С 12 часов дня с ним и с Б. Лихаревым — на машине по маршруту: Ленинград — Выборгское шоссе — Белоостров — Кивенаппа — Райвола — Териоки — «Пенаты» Репина — Ленинград.

Показали Жан-Ришару бывшие рубежи Н-ской армии, бывшие финские позиции, разрушенные доты так называемой второй линии Маннергейма и пр.

Отдохнули у моря... Побродили по «Пенатам». Усадьба без призора, запущена, лежат срубленные (недавно!) деревья. Могила Репина тоже запущена.

Написал об этом письмо в горком...

Из жизни города.

Художница, вернувшаяся из эвакуации:

— Хожу по Ленинграду, — острое и странное чувство. Будто все прежнее, но это не так... Все другое. А мы как чужие здесь, отрешенные, что ли... Смотрим, плачем... Идут физкультурники, веселые, поют, а у нас слезы катятся. Вам понятно?..

...Я пока не в состоянии ни оценить, ни разобраться в своих записях. И пусть они тоже будут *простыми... Что вижу, чувствую, думаю, то пишу. И да научусь я этому высшему в жизни — в полной мере... В полной мере!*

Жаль, что многое из впечатлений дня пропускаю.

В 8 вечера — на пристани. Встретил С. К. Она пришла с островов на торпедном катере. Бодрая, загорелая. Видела морской бой; шла — в семибалльный шторм. В общем, хлебнула флотской жизни! Привезла отличные работы — марины.

Долгие разговоры с ней (о будущем).

31 июля 1944 года.

С 12 до 3 дня показывал Жан-Ришару Блоку выставку «Оборона Ленинграда»... Вновь огромное впечатление! Блок разволновался, что-то записывал; украдкой смахивал слезу... Я многое ему рассказал, пояснил.

В 8 вечера сделал доклад о флоте — на вечере в ЛССП..

После вечера проводили Жан-Ришара Блока в гостиницу. Изумительный закат — последняя краса уходящих белых ночей...

Огромные успехи Красной Армии. Взят Седлец. Наши части в 15 километрах от Варшавы. Рига отрезана и обойдена с юго-запада и с запада. Прибалтийская группа «Норд» отрезана.

Сильный удар, на фронте в 210 километров, на Восточную Пруссию (из Литвы).

Взят Мариамполь!

1 августа 1944 года.

Тридцать лет моей военной службы. (Так же солнечно, как сегодня, было и 18 июля старого стиля в 1914 году — под Ригой.)

Сегодня, в день тридцатилетия Первой мировой войны, Красная Армия, вероятно, вступит на территорию Германии. До Берлина — только 500 километров!

На улице — двое: он и она.

Он:

— Катька, дай на кружку пива в честь вторжения в Пруссию.

Она:

— Подождешь, пока Берлин возьмут.

После 6 вечера: позывные Москвы... Потом затихло... Взял атлас, открыл карту Германии, так как карта СССР уже практически отработана... Позывные — взят Каунас!

В 9. 30 вечера к нам приехали Ж.-Р. Блок с женой. Дружеская беседа до 12 часов ночи: о войне, о путях Франции, о французских писателях, о Ленинграде и пр.

...Угостили гостей чем могли.

Чувствовалось, что Ленинград произвел на них глубокое впечатление.

2 августа 1944 года.

Перемены в Финляндии: Маннергейм назначен президентом. Шаг к выходу из войны? Ибо германская помощь — миф, а Прибалтика отрезана.

Турция порвала дипломатические и экономические отношения с Германией.

На фронте 1-й американской и 2-й английской армий наступательные операции... Но до наших темпов — им далеко! Битва на фронте в 50 миль идет уже вторую неделю. Посмотрим.

3 августа 1944 года.

Центральные газеты публикуют карту фронта Красной Армии на 2 августа и итоги операций, начатых 23 июня. Фронт идет от Карельского участка, западнее Нарвы и северо-западнее Двинска, круто к Тукуму, на Рижский залив, затем к Восточной Пруссии (район Волковыска — 18 километров от германской границы), за-

тем западнее Белостока — к ближним подступам Варшавы, вдоль Вислы и вдоль предгорий Карпат — к Румынии, Южной Бессарабии и к Черному морю.

Сильные удары авиации КБФ в Нарвском заливе и на Чудском озере. Потоплено двенадцать немецких кораблей и катеров. Я рад, что сводки часто отмечают действия Балтийского флота.

Гулял (с блокнотом) по городу... В трамваях очень усталый народ; спят, возвращаясь с работы...

4 августа 1944 года.

Речь Черчилля от 2 августа о том, что дела союзников идут по плану. Вторжение было решено в Квебеке. В Тегеране мы договорились с маршалом Сталиным о помощи нам — с момента высадки англо-американских войск в Европе — всеми советскими армиями. Русские выполнили это. Но успех русских превзошел все предположения и т. д. В результате двадцать — тридцать дивизий Гитлера отрезаны в Прибалтике. «...Я уже не считаю себя обязанным отрицать, что победа, возможно, скоро наступит». (В результате грандиозного летнего наступления Красной Армии, добавим мы.)

Надо внимательно прочесть эту речь, хотя она, как всегда, «обтекаемая», скользкая.

5 августа 1944 года.

В 2 часа дня поехали в Театр КБФ на репетицию пьесы А. Крона «Офицер флота». Театру надо еще работать и работать. Обсуждение спектакля затянулось: ряд серьезных замечаний в адрес постановщиков...

6 августа 1944 года.

...Красная Армия упорно продвигается: в Латвии, к границам Восточной Пруссии, у Седлеца, за Вислой и в предгорьях Карпат, где взят город Стрый. Темп операций несколько замедленный: видимо, идет подтягивание тылов, перегруппировки и т. д. С другой стороны — сказывается появление немецких резервов, их контратаки, усиление их авиации на Восточном фронте, что, конечно, помогает союзникам.

У них некоторые успехи: прорыв немецкого фронта 1-й американской армией расширяется. Американцы в Ренне. Полуостров Бретань отрезан. Фронт, проходивший 6 июня по береговой полосе на 75—100 миль, превращается в крупный фронт: от Кана до устья Луары. Союзники получают отличные военно-морские базы и порты (сектор американцев), оперативный простор, возможность действовать в различных направлениях.

Несколько дней тому назад мы все должны были двинуться в Таллин. Наготове стояли самолеты, эшелоны моряков (на путях) и т. д. Но обстановка изменилась. Немцы держатся упорно; принимают все меры к долгой обороне, усиливают морские перевозки. Видимо, предстоят длительные бои. Месяц, два? Увы, срочность явно отпадает.

Вечером с С. К. — у Ольги Берггольц. Были Кетлинская, Крон, Штейн и др.

Общий разговор о новостях дня:

— Скоро будут возвращены радиоприемники...

— Отлично выступала в Кронштадте Тамара Ханум.

— Вечер Анны Ахматовой и Оли Берггольц прошел, как чествование... Лихарев растерян... Хочет «подумать», допустимы ли такие вечера? (Ха, ха!..)

— А помните писательский дом?..¹ Там был сторож-старичок. Однажды к Фроману пришел Алексей Толстой. Фромана не было дома... «Передайте, что был Толстой». — «Лев Николаевич?» — «Гм... нет, Алексей Николаевич...» — «Ихний братец?»

А сейчас Алексей Николаевич тяжело болен. Говорят, что у него рак *легкого*. Всех это сообщение огорчило.

Уехали в 12 часов... Изумительная лунная ночь — и розовая полоса зари за Невой.

8 августа 1944 года.

Видимо, между 15 и 18 августа уедем в Москву с Театром КБФ в связи с премьерой «У стен Ленинграда»...

В сводках. Упорное, методическое продвижение Красной Армии. Взят Дрогобыч, Самбор, Борислав. Бои у границ Восточной Пруссии. Налеты на прусские железнодорожные узлы, аэродромы и пр. Продвижение за Белостоком и за Вислой. Ожесточенные бои.

¹ Дом на Канале Грибоедова в Ленинграде.

В Прибалтике зажато до тридцати пяти немецких дивизий... Там они дерутся стойко... (Расчеты на наш триумфальный въезд в Таллин пока не оправдались.)

На Ленинградском узле в боевой готовности стоит гвардейский морской железнодорожный артиллерийский дивизион Барбакадзе — на Ригу!

Армии Монтгомери, начав удар 25 июля, добились успехов. Англичане, видимо, сковали до восьми—десяти немецких дивизий у Кана (на реке Орн). Затем последовал удар 1-й американской армии... Американские танковые части отрезали до семи немецких дивизий, отсекали полуостров Бретань; ликвидировали ряд немецких гарнизонов, взяв более 13 000 пленных; авангарды обходящих американских войск, видимо, идут к Парижу (районы Лаваль, Ле-Ман). А может быть, это лишь развертывание охвата немецкой армии? Немцы начали танковый контрудар у Авранша. (Адмирал Исаков был точен в прогнозе: «Нужно будет два месяца для развертывания крупных союзных операций».)

Получил два номера «Правдиста»¹ — очерки об операции на Выборг, о нашей работе, фронтовые фото: Симонов и я за работой.

За время войны вузы СССР дали 240 000 специалистов, из них 46 000 — для промышленности. В 1944 году будет принято в вузы 160 000 студентов.

Вечерняя сводка: взят Крустпилс.

Трудные раздумья — о будущем, о жизни, о творчестве. Война все осветила по-новому...

9 августа 1944 года.

Уехал в город (на кинохронику). Просмотрел ряд киножурналов. Дал консультацию; особо говорил с осн[овной] группой о видах дикторского текста, о контрапункте и пр.

Был в отделении «Правды» — мне вручили приказ редакции: благодарность за работу под Выборгом и премия. Наградные листы на правдистов уже в наградном отделе Военного совета Ленфронта: Ганичев, Воронов, Руднев и я представлены к орденам Отечественной войны... Подождем...

¹ Печатный орган партбюро и месткома газеты «Правда».

Лучшее из того, что я опубликовал за войну, это мои радиоречи 1941—1942 годов и листовки. Мне кажется, что эти дневники — лучшее из всего мною написанного (несмотря на всю их незавершенность).

У союзников успехи. Старый Монти¹, видимо, опять перехитрил Роммеля. Американские авангарды в 120 километрах от Парижа. Немцы подысрасходовали свои резервы, и заткнуть бреши им, видимо, трудно. Черчилль опять в штабе экспедиционных войск.

10 августа 1944 года.

Солнечно, жарко, легкая дымка...

Готовлю очерк для США о дважды Герое Советского Союза, гвардии подполковнике Ракове и листовку о нем же для Пубалта.

11 августа 1944 года.

Почему-то запах горящего леса (уже несколько дней).

Два-три дня ем мясо — приятное ощущение, давно не ел...

Из обстановки.

Германия расплывает свои силы; кризис резервов налицо. На Восточный фронт послан контингент рождения 1928 года!

Силы Объединенных наций нарастают. В дело вступают оснащенные, свежие войска Англии и США плюс народные резервы Европы (рост повстанческого движения!).

Война разворачивается уже на оккупированных немцами территориях: Франция, Польша и т. д. Мы накануне войны — в Германии. Нарастает жесточенность боев. Немцы сопротивляются, подстегиваемые страхом, боязнью ответственности за содеянное ими («счет за все!»).

Оценка положения на Восточном фронте (иностранный прессой):

«Русские форсировали Вислу — последнее препятствие перед границей Германии. Под угрозой Краков, Силезия...»

«Битва за Россию близится к концу. Начинается битва за Германию».

«Красная Армия дойдет до Берлина, а если нужно, и до Рейна».

На Западном фронте. Штаб Эйзенхауэра перенесен во Францию... «Немецкие армии в Нормандии находятся накануне почти

¹ Монтгомери.

неизбежной изоляции от Германии. Их обходят сильные американские бронетанковые колонны, продвигающиеся вдоль Луары на восток».

...Де Голль 7 августа обратился с речью к народу Франции: «Настал час великого реванша! Подымайтесь, французы! В бой!..»

Вечером.

Американские танковые части взяли город Шартр (в 75 километрах от Парижа).

Наши войска прорвали немецкий фронт к западу от Пскова. Ширина прорыва до 70 километров. Взяты Печоры (Петсери). Прорыв расширяется. Идет наступление и к западу от Крустпилса (бывший Крейцбург). Таким образом, петля в Прибалтике затягивается...

Иностранная пресса сообщает о том, что союзниками и русскими выработан план оккупации Германии. Определены зоны для войск СССР, Англии и США. «Ошибки Компьяна 1918 года повторены не будут...»

Иностранная пресса так характеризует планы Гитлера на 1944 год: 1) сдерживать на Восточном фронте Красную Армию; 2) сбросить в море армии вторжения и добиться компромиссного мира; 3) освободившиеся силы направить на Восточный фронт.

План этот полностью сорван. Гитлер и его советники вновь просчитались в отношении Красной Армии и англо-американских сил. Просчеты эти и быстрое ухудшение обстановки вызвали выступление немецких генералов, юнкеров и пр. Гитлер расстрелял заговорщиков, *но факты и причины кризиса — не расстрелять!*

...Германская верхушка расслаивается: 1) идейные национал-социалисты, которые будут драться до конца; 2) бандиты, шкурники, готовящиеся к бегству; 3) генералитет, отмежевывающийся от Гитлера и выжидающий (к ним примыкают и некоторые экономические круги). Эти люди знают истинное положение вещей.

По-моему, ныне план Гитлера таков: 1) затянуть войну, ослабить волю и энергию Объединенных наций; 2) дожидаться ноябрьских выборов в США в расчете на избрание изоляциониста-реакционера Дьюи; 3) устроить Англию новым оружием «V-2»¹ и т. п.; 4) сдержать Красную Армию у немецких границ.

¹ «Фау-2» — реактивный самолет-снаряд.

Посмотрим!

Недавно отмечено два года американского наступления на Тихом океане... После ряда морских побед американцы уже в 500 морских милях от Токио; бомбят Нагасаки и другие пункты; перехватывают японские караваны (в последнем бою уничтожено до сорока девяти японских судов). Захвачены Гуам, Сайпан... Японцы вынуждены отступить. На днях Рузвельт провел совещание руководителей вооруженных сил США на Тихом океане. Объявлено о предстоящих наступательных операциях. (Точно так же Черчилль прибыл в Италию, куда переведены все штабы союзников из Африки: войск, флота, авиации и т. д.)

Война оживила экономику США. Прибыли многих коммерческих предприятий, корпораций и кампаний возросли почти на 100 процентов.

13—15 августа 1944 года.

12 августа получил вызов в ЦК ВКП(б)... Вызов совпал с отъездом в Москву Театра КБФ и С. К. Сборы в дорогу...

Под проливным дождем едем на вокзал...

«Стрела»...

С. К. делала из окна вагона зарисовки. Уже все разительно изменилось: ремонтируются станции, оживают покалеченные войной деревья, травой заросли воронки от снарядов, окопы...

15 августа точно в 11 часов «Стрела» подошла к московскому перрону...

Оказывается, меня вызвали по вопросу о моем возвращении в «Знамя».

16 августа 1944 года.

К часу дня — в ЦК... Мне предлагают вновь вплотную заняться журналом «Знамя»...

— Хотел бы довести до конца работу на Балтике, быть на месте.

— Работа в «Знамени» — тоже работа военная.

После беседы я дал принципиальное согласие. Поставил лишь два условия: 1) приступаю к работе после освобождения Таллина, — *я должен быть там*; 2) сохраняю право военного корреспондента «Правды» *участвовать в штурме Берлина.*

Задача собирания литературных сил, отбор выверенных на войне кадров, освещение проблем, выдвинутых войной — и у нас и за рубежом, — задача крупная, почетная...

17 августа 1944 года.

Говорят, что авангарды союзных (американских) армий вчера были в предместьях Парижа...

Американское радио передает о «безнадежном положении германской армии во Франции».

На Восточном фронте.

Советское наступление идет третий месяц (считая с 9—10 июня, Ленинградский фронт), а если брать с ноября 1942 года, то наступление идет почти непрерывно два года. Немецкой армии нанесены огромные потери... Прорваны сильнейшие валы и оборонные рубежи. Семь крупных окружений. В июле — начале августа Красная Армия оттянула на себя *шестнадцать* немецких дивизий и бригад из Центральной Европы и из Скандинавии.

Стратегические резервы Гитлера перенапряжены. Но немцы применили *новую* технику: «королевские тигры» и авиационные бомбы-«чемоданы», поражающие большие площади.

Немецкие разговоры о «стабилизации на Востоке» — беспочвенные. Идет сражение за Прибалтику. Началось вторжение в Восточную Пруссию (как тридцать лет тому назад, но *в совершенно иных условиях*). Идет битва за Варшаву. Идет битва на плацдарме за Вислой. Идет упорная битва восточнее Праги¹. Идет битва у Карпат...

18—19 августа 1944 года.

Торжественная встреча коллектива Театра КБФ на Октябрьском вокзале. Для всей труппы приезд в Москву — событие огромной важности. Театр впервые выступит в столице, да к тому же со спектаклем, рожденным в блокированном Ленинграде.

Начальник театра тут же на вокзале поздравил С. К. с наградой — орденом Красной Звезды и приколот ей орденскую ленточку. Вручение состоится в Кронштадте, когда мы вернемся.

Днем 18-го на заседании в ЦК. Критический разбор журнала² за годы Отечественной войны...

¹ Предместье Варшавы.

² «Знамя».

Считаю нужным записать, кратко по черновику, свое выступление:

«Дать полный анализ работы «Знамени» с 22 июня 1941 года я не могу. Ясно одно — основные кадры «знаменцев» ушли на фронт, в журнале утеряны традиции.

Война дает огромный новый поток идей, впечатлений, переоценок. Отражение и суммирование всего — дело литературы. В первую очередь в творческих литературных центрах — в журналах. Необходимы непрестанные, активные, смелые, принципиальные выступления, критические разборы, анализ, общественные споры... Мы же знаем, что и до войны в некоторых журналах этого не было. Наоборот, иногда печатались и враждебные, и ошибочные произведения. Это было антиоборонно.

Меж тем на идеологическом фронте необходимы, как никогда, четкость и ясность позиций. В области литературы, истории и философии нам надо освещать партийные, государственные и народные принципы, теоретические программы (перед лицом врагов, друзей и нейтралов).

1. Верное представление о пути России.
2. О сути государства.
3. О нашей внутренней и внешней политике.
4. О вероятном пути послевоенной литературы.

Я думаю, что процесс будет живым и быстрым. Родится великая литература, раскроется огромная душа и сердце народа. Необходимы учет литературных кадров, беседы, переписка и, может быть, совещания с новыми авторами. Подходить с позиций Горького. Найти, призвать неведомых, потенциальных авторов: написать обращение к офицерам, солдатам, матросам. Редакция каждого журнала *должна быть* творческим центром и, может быть, определять течение литературы.

Кадры? Армия журналистов Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Будет ли после войны спад интереса к военной теме? Отечественная война 1812 года наложила огромный отпечаток на развитие общества и литературы. Нынешняя Отечественная война повлияет еще больше.

Мировые противоречия остаются, и поэтому остается необходимость обороны. Не спад, а нарастание интереса к военной теме, к учету опыта, обмену им, усвоению его.

Надо собирать исповеди, признания, дневники — мечты народа о будущем. Это огромная тема: духовный, эстетический рост, подъем. Россию — на первейшее место!

Надо собирать мемуары маршалов, членов военных советов, генералов, офицеров, рядовых; развивать тему Военно-Морского Флота.

Надо изучать опыт литературы США, Англии и т. д., — *анализировать* ее и давать систематические обзоры».

...Успешное продвижение в Эстонии (юго-восточнее Тарту).
Взят город Сандомир (на левом берегу Вислы).

20 августа 1944 года.

Почему-то нет во мне волнения за премьеру «У стен Ленинграда» в Москве. У этого спектакля слишком *длительная* предыстория.

В 7 вечера — в театре. Сегодня спектакль для Наркомата ВМФ... Реакций больше, и они живее, чем в Ленинграде. Актеры играли с огромным эмоциональным подъемом. Много аплодисментов — среди действия... Хорошо оценивается работа С. К. Вызовы, поздравления и т. д.

21 августа 1944 года.

Усталость. Впечатления так сложны и разнотипны, что я не успеваю их записывать...

Ожесточенные бои на фронте, танковые сражения. Немцы пытаются пробиться у Митава и Шавли (Шяуляй) к своей отрезанной группе «Норд». Наши войска оставили (по приказу) Тукум... Против немецкого клина в Литве действует, видимо, наш клин на Восточную Пруссию.

Восточнее Праги мы отбили все атаки немцев. *Упорные* бои под Варшавой!

Ликвидирована окруженная немецкая группировка у Сандомира.

Союзники продвигаются к Парижу; на юге отрезают Марсель и т. д. Армия Соппротивления захватывает дороги и узлы. Де Голль прибыл во Францию.

В 7 часов — снова в театре. Сегодня «большая» московская премьера: редактор «Правды» и актив правдистов, генералитет, режиссеры, писатели, друзья... Мне сообщают общие оценки: «Большинство принимает спектакль отлично...»

Военно-морские силы КБФ потопили *четыре* (!) немецких миноносца. Подобрали 107 немецких матросов и офицеров. Среди пленных — командир 6-й немецкой флотилии миноносцев. Балтийский стиль!

22 августа 1944 года.

Из обстановки.

Тяжелые бои в районе Прибалтики, под Варшавой и пр. 19 августа перешли в наступление 2-й и 3-й Украинские фронты. Удар на Румынию (видимо, и по Плоешти).

Красная Армия готовит новое сокрушительное наступление.

В данный момент Болгария ищет выхода из войны. Премьер Болгарии: «Нам надо беседовать с нашим старшим братом...» (Россией). Финляндия вновь начала или начинает переговоры с нами...

ТАСС дал общую информацию о спектакле. Завод имени Сталина в специальном письме к генерал-лейтенанту Рогову просит показать «У стен Ленинграда» рабочим.

В радиопередачах за границу — подробная информация о премьеры «блокадного театра»...

23 августа 1944 года.

Париж в руках восставших французов! Десант в Бордо. Взят Гренобль и т. д.

Что-то новое в моей душе, в жизни. Сил много, — и вместе с тем невероятная нервная перенапряженность, ранимость... Я сам к себе присматриваюсь, тревожусь.

Взяты Бендеры и Аккерман (мы были там летом 1940-го¹).

25 августа 1944 года.

Звонил Д.А. Поликарпов:

— ЦК утвердил вас ответственным редактором «Знамени» (или как он сказал — «главным генералом «Знамени»).

Итак, новый этап в жизни...

Стою на балконе... Дымчатый вечер, заря, молодой месяц.

¹ Вс. Вишневский ездил в Бессарабию с группой киноработников в связи с постановкой по его сценарию документального кинофильма «Бессарабия».

Огромная усталость.

Мысли об отце, его жизни, мечте... Мысли о будущем... Война ошутимо идет к концу.

26 августа 1944 года.

Из обстановки.

В Румынии арестован Антонеску. Немецкая миссия интернирована. Румынские войска занимают горные проходы в Карпатах...

Болгария с 25 августа начала действия против немецких сил, предложив им разоружиться.

Таким образом, *четвертый фронт* — окружение Германии с юга — становится реальностью.

В Москву прибыла чехословацкая миссия.

Днем 25 августа взят Париж! Первыми вступили в город части генерала Леклерка (2-я бронетанковая дивизия), за ними — американцы...

27 августа 1944 года.

Нервное ощущение перелома в жизни. Видимо, острейшая усталость. Удивительно: *внешне* все почти не изменилось — опять я дома, опять телефонные звонки, те же знакомые (от некоторых я ушел так далеко)...

К обеду — Э. Шуб и Ригорин¹. Говорили о будущем режиме и статусе Германии. Существуют две точки зрения: 1) развитие демократической и дружественной СССР Германии, 2) раздробление и ослабление Германии и т. п.

Я стою на первой точке зрения. Надо учитывать историческую перспективу: возможность *новой* коалиции *против* СССР и славянских стран.

Говорили об искусстве; о необходимости возрождения различных течений, дискуссий и т. д.

Устаю от разговоров и пр. Какое-то ощущение: «Все это — не то...»

¹ Директор Русского драматического театра в Казани.

28 августа 1944 года.

Четырнадцать лет жизни с С. К. (В этот день я привез ее к себе, на мою старую квартиру в Ленинграде.)

Написал с подъемом радиоречь к французам, к Парижу...

Звонил генерал-лейтенант А. А. Игнатьев:

— Дорогой мой! Я прямо ожил, воспрянул. Вы опять руководите «Знаменем»! Я дам пятую книгу¹. Будем делать настоящий журнал...

Мне вручили документ с решением о новой редколлегии «Знамени»: ответственный редактор — Вс. Вишневский, члены редколлегии: К. Симонов, Ан. Тарасенков, Н. Тихонов, М. Толченев, Л. Тимофеев...

Я по-прежнему остаюсь *на военно-морской службе* — с прикомандированием к президиуму ССП СССР.

Обед с С. К. — по бокалу шампанского.

— Будем ли мы вместе через год — в наше пятидесятилетие, Всеволод?

— Будем, обязательно...

Вечером смотрели пьесу А. Крона «Офицер флота»... В Москве спектакль воспринимается строже, глубже, чем в Ленинграде...

Крупные успехи на Румынском фронте: с 26-го по 28-е взяты Измаил, Галац, Браилов и крупная военно-морская база фашистов на Черном море — порт Сулин!

29—30 августа 1944 года.

... В час дня в Гослитиздате. Беседа с П.И. Чагиным². Принимаю дела, возвращаю заведующую редакцией Л.И. Коган — верного друга «Знамени». Зашел в редакцию — немытые стекла, канцелярская грязь... Все вымыть, вычистить!

Номера 5—6 и 7—8 придется отработать на ходу. Дела в редакции явно запущены, кадры случайные. Многого надо постепенно изменить... Но сначала на Балтику, в Таллин...

В Эстонии — тяжелые бои. Немцы бросили на выручку группе «Норд» две танковые армии, пробили коридор в 25 километров шириной. Увозят технику, боезапас.

¹ Речь идет о воспоминаниях А.А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» (книга пятая).

² Директор Гослитиздата.

Вчера наши войска взяли Констанцу, а сейчас гремит салют: взят город Плоешти. Я давно об этом мечтал... (Для Германии это огромная потеря: 30 процентов нефтяных поставок, до шести миллионов тонн годовой добычи). Общие потери немцев растут: на Румынском фронте уничтожено, блокировано или разбито до двадцати трех немецких дивизий...

31 августа 1944 года.

С 12 дня — на конференции ВТО: обсуждение «У стен Ленинграда» в Театре КБФ. Пришли Дрейден, Гурвич, Бояджиев, Гринберг и другие критики. Даже старые мои литературные противники признали наш спектакль.

Войска 2-го Украинского фронта вступили в Бухарест.

1—2 сентября 1944 года.

Катастрофа надвигается на Гитлера неумолимо!

Советские парашютисты — в Словакии! (там восстание партизан и подполья). Наше наступление на Балканах. Отставка болгарского правительства.

Союзниками взяты Верден и Амьен... Их авангарды — у бельгийской границы...

Французский национальный комитет перенес свою резиденцию из Алжира в Париж...

Сводка по 2-му и 3-му Украинским фронтам (с 20 по 31 августа): более 400 000 убитых и пленных немецких солдат и офицеров. Огромные потери в технике...

Советские войска волнуются, что не войдут в Германию: «Немец скапитулирует, тогда и нас остановят...»

Фронты живут своей особой кочевой жизнью. Четвертый год! Создались свои привычки, быт, все как-то определилось. Огромное количество людей, у которых связи с домом, семьями, тылом оборвались. У иных семьи погибли; многих не разыщешь... Боюсь, что радостного возвращения в устойчивый мир и быт у этих людей не будет. У некоторой части молодежи нет определенных профессий; многие кадровики уже задумываются: «Армию будут сокращать — какое же мне дадут назначение?» У всякого свои предположения, суровые раздумья. Масса личных драм. (А возвращение инвалидов?)

На устройство дел миллионов и миллионов людей потребуется много внимания, заботы и времени. Поэтому переходный период

будет по-своему труден. Психологически — очень труден (и я в этом процессе)...

Народ, воевавший, строивший, жертвовавший всем — непрерывно, тридцать лет подряд, — ждет после *такой войны* и награды, и отдыха... СССР стремится к международной нормализации, к выходу на высший экономический и культурный уровень. А затем? Не исключены и новые столкновения.

В иностранной прессе публикуются всяческие варианты... Считают, что СССР применит гибкую политику, использует самые различные формы связей с государствами на Западе и на Востоке и т. д.

Ход событий все ускоряется. Есть данные о выходе Финляндии из войны... Красная Армия идет на соединение с армией Югославии. В Словакии — *общее* восстание. Возможно окружение немецкой армии в Италии, — Готская линия союзниками уже прорвана...

Германию лихорадит! Генерал Эйзенхауэр подтверждает, что она может быть разбита в 1944 году (?)... Публикуются данные о *новых разногласиях в германском руководстве*, слухи о конфликте между Гитлером и Герингом. Все чаще сдаются в плен немецкие генералы.

... Все объять, охватить — невысказано! Никакая информация процесса до конца не раскроет... Ясно одно — мы *вплотную* подходим к развязке...

Немцы народ дисциплинированный — дерутся упорно. На допросе пленного:

— Почему деретесь, не бросили оружия?

— *Не было приказа о сдаче*. Если б командир батальона приказал, все подняли бы руки. Все хотят кончать войну...

3 сентября 1944 года.

Вчера и сегодня правил, редактировал «Знамя» № 7—8. Опять сижу по привычке у круглого столика в моем кабинете — «на тычке» (почему-то за большим столом я только печатаю на машинке). Работаю над «Знаменем», как в мае—июне 1941 года... Но сколько перемен!..

Звонил Эйзенштейн: приехал, хочет увидаться, показать нам «Ивана Грозного»¹. Очень рады другу — соскучились...

¹ Кинофильм (1-я серия) в постановке С.М. Эйзенштейна.

Думаю о «Знамени»: подготовил № 7... До слез волнующие записи Эффенди Капиева — мужественные, чистые, возвышенные... Писатель погиб. *Его дневник — как завещание, призыв, декларация!* Я дам его *на первом месте* — как программную вещь журнала. (Написал теплое письмо вдове писателя, приславшей эти записи.)

Радио. Финляндия действительно выходит из войны, готова отвести войска к границе 1940 года и начать эвакуацию и разоружение немецких частей!

На Западе гитлеровские армии, быстро бросая значительную технику, уходят к германской границе. (Нет ли в этом расчета на сепаратную игру с Англией и США?)

4 сентября 1944 года.

Утренняя мгла над Москвой...

Отдыха нет. Я хотел бы спать, купаться, дышать морским воздухом. Увы, пыль, духота, звонки...

Для того чтобы застеклить окна в моих двух комнатах (рабочей и библиотеке), пришлось вынуть стекла в одном из пустующих кабинетов «Правды»... Спасибо правдистам, они дали мастеров и материалы для ремонта, — самим бы не вытянуть.

С. К. предлагает купить мне штатское. Подожду, у нее самой нет обуви, ноги стерты в кровь; нет шубы (одна шинель)... У нас нет посуды. Все побито, разворовано... (С. К., уезжая в 1942 году на фронт, спрятала в сохранном месте только мой архив и часть библиотеки.) И полное отсутствие денег. Вообще, был этот... Брр... Как все было просто в Ленинграде — военный паек, военная форма!..

...Разыскал путеводитель по Берлину. Я должен быть там в первых рядах. Я дважды говорил, выступая в ССП: «Русские были в Берлине: в 1760-м и в 1813-м, — будут и в третий раз». И я *должен быть* в Берлине и буду.

5 сентября 1944 года.

Советское правительство приказало прекратить все боевые действия на финском фронте — сегодня, в 8 часов утра.

Шестидесятитысячная армия немцев на Севере вынуждена уходить в Норвегию, лишаясь прочных коммуникаций. Может быть, и там Красная Армия будет преследовать немцев?

Узел событий все туже и сложнее. Наша пресса помещает *небольшую заметку*: «Германская армия на Восточном фронте в пять

раз сильнее, чем на Западе. Между тем немцы продолжают подбрасывать подкрепления на Восточный фронт за счет своих войск в Норвегии и Голландии, в то время как, по-видимому, у них нет никаких резервов на Западе... *Продвижение англичан и американцев зависит главным образом от способности союзников своевременно снабжать горючим свои продвигающиеся войска*, ибо германская армия на Западе насчитывает всего 500 000 человек плюс 200 000 плохо подготовленных новобранцев». (Комментарии, как говорят, излишни. — *Вс. В.*)

Союзники, поддержанные французскими повстанцами, идут к Германии двумя клиньями: через Бельгию — Голландию и через Мец, то есть в район Рура и в район Франкфурта-на-Майне, Карлсруэ.

По-моему, ситуация такова: Гитлер во что бы то ни стало, в той или иной форме хочет начать переговоры с Англией и США о капитуляции, чтобы не допустить Красную Армию на территорию Германии. Уверен, что СССР сумеет в ближайшие недели ответить и на этот «план».

6 сентября 1944 года.

С утра работаю над 7-м номером журнала... Он будет достаточно боевым. Провел ряд бесед с сотрудниками и авторами; ознакомился с портфелем «Знамени»; дал ряд заказов по иностранному отделу... «Знамя» должно стать самым боевым, острым журналом страны.

Маршал Тито и его генералы награждены орденами Суворова, Кутузова и Красного Знамени.

Моторизованные части Красной Армии, сделав бросок более 100 километров, вышли на югославскую границу (Турну-Северин).

Союзные войска вступили в Голландию...

Личное. Занят «Знаменем» — надо готовить № 8; часто бываю в «Правде», — не могу обойтись без политической информации.

Думаю о поездке на КБФ, — скорее наладить «Знамя» и — на Балтику! Надо быть наготове и к поездке в Берлин.

7 сентября 1944 года.

Вчера были у Таировых. Они вернулись из отпуска, несколько отдохнули... В Тбилиси голодно, скучно. В гостиницах нет воды, нет стаканов; для мытья берут газированную воду в киоске...

За время Первой мировой и Гражданской войн наиболее пострадавшие от событий районы потеряли до *13 процентов* населения... Ныне потери безусловно выше: я думаю, что Украина, Белоруссия и некоторые районы РСФСР потеряли до *30 процентов* населения. Рождаемость резко упала... Сейчас началось постепенное повышение рождаемости в крупных центрах, где есть «броня» рабочих, войска и т. д. В деревнях рождаемость минимальная.

Наши войска вошли в Болгарию и заняли ряд городов и населенных пунктов...

8 сентября 1944 года.

Война дала выход военному таланту нашего народа — от личного героизма пехотинца до стратегических решений генералов и маршалов; то же и в области военной и прочей индустрии. С фронта придет в искусство, в литературу, в театр новый отряд художников, писателей, поэтов. Автор *современного* романа «Война и мир», вероятно, придет из строя, а не из ССП.

Литературе нашей предстоит огромный труд: раскрыть народу смысл борьбы, указать еще более высокие цели, излечить от кровавых травм, нарисовать картины новой мирной жизни, широко объяснить политическую обстановку, утвердить *советский моральный кодекс*.

Был Виктор Финк... Говорили о Франции. Немецкая оккупация уже не проблема, проблема — *как жить французам во Франции?* Неужели опять у власти будут люди 1936—1940 годов?..

9—11 сентября 1944 года.

Не успеваю вести записи.

Вникаю в дела журнала все глубже... Стараюсь решить главные вопросы, остальное — после возвращения. Но работы (над номерами 8, 9, 10) еще минимум дней на десять. На душе тревога: как бы не опоздать в Таллин!..

Сегодня (11 сентября) выступил в ВОКСе¹ на пресс-конференции: говорил о работе фронтовых писателей, о Ленинграде, о наших, «знаменских» планах. Было до тридцати пяти иностранных корреспондентов — стреляные воробьи, достаточно циничные, «подмечающие» (вероятно, и шпионящие)... Слушали внимательно, град вопросов...

12 сентября 1944 года.

Еще о ВОКСе. Вчерашняя пресс-конференция оставила смутное впечатление... Хватив коктейлей и вина, американцы разглагольствовали о том, что в Петергофе вместо разрушенных дворцов надо строить небоскребы... Болтали о том, кто первый будет в Берлине: мы или англо-американские войска. Остро-внимательно изучали присутствующих...

Из писателей были: Федин, Караваева, Сурков, Михалков, А.А. Игнатъев, Кирсанов и др.

Иностранные корреспонденты настойчиво просили стенограмму моей речи.

В 2 часа дня — в Наркомате ВМФ. Взял выписку из приказа наркома о моем новом назначении.

Был в 4-м отделе. Товарищ Мельник рассказал о том, что в Мордовской АССР найдена могила адмирала Ушакова. Она изуродована, часовня снесена, в склепе — следы грабителей. В гробу найдены останки, а также адмиральский погон с тремя орлами, шитый золотом воротник и пр. Череп Ушакова изъят из гроба для научных исследований. Берцовая кость скелета повреждена, — действительно адмирал Ушаков был ранен именно в ногу.

Собираются вскрыть могилы адмиралов Нахимова и Корнилова.

Был в отделе кадров. Подполковник Федотов сообщил, что я буду представлен за выслугу лет к ордену Ленина (25 лет службы в Военно-Морском Флоте СССР). Награждение последует 7 ноября 1944 года.

13—14 сентября 1944 года.

Погоды осенние... Говорят, что в Ленинграде сплошные дожди...

Днем — за рукописями.

¹ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

К 5 часам поехали обедать к А. Довженко. Сегодня ему пятьдесят лет. Сашко совсем поседел, волосы поредели, но по-прежнему упорен, работает, ищет...

Квартира Довженко из трех комнат, светлая, изящно убранная... Ничего лишнего. Очень чисто — стараниями Юлии Солнцевой (она изменилась, таит в себе горечь, недовольство). Довженко — мил, шутлив... Кроме нас с С. К. были В. Шкловский, кинорежиссеры С. Васильев, В. Строева, Э. Шуб и др. Все строго... Ушли в 12 ночи.

Я был усталый и молчаливый... Думал о виденной вчера «Чайке». Таиров ищет чистых, условных форм: порой голая сцена, пятна света, актер — и только. В чем-то он идет от решений «Оптимистической трагедии». Долгий разговор с ним (после спектакля) — о будущих работах. Но я знаю, что театр — не главная моя цель. Нет былых пылких увлечений... Таиров смотрел спектакль КБФ. Серьезно его критиковал, но загорелся: «Я поставлю «У стен Ленинграда» к 7 ноября. Это необходимо. Дело идет к победе — мы с этим спектаклем выступим вовремя. Будем работать! За дело! Я в ударе...» и т. д.

Один юрист рассказал мне о случае судебного разбирательства в древних Афинах: тяжба между мужем и женой. Дело запутанное, трудное. Судья объявил: «Откладываю дело на сто лет — и обяую всех явиться в указанный срок...»

В искусстве тоже можно «явиться» через сто лет. Я думаю, что нас поймут и примут и в 2044 году.

...Красная Армия начала новые операции. Проломан германский вал, прикрывавший Варшаву, — после упорных и длительных боев взята крепость Прага — предместье Варшавы.

Наши войска вышли на границу Чехословакии.

Успешное наступление в Трансильвании.

В Югославии наступательные бои. Цель: разгром двадцати пяти немецких дивизий. Разложение среди четников и усташей.

Болгарские дивизии выбывают из немецкого баланса. В Румынии и Болгарии ширится движение Народного фронта. Закладываются основы будущего демократического содружества Балкан...

Наконец освобождена Ломжа.

15 сентября 1944 года.

Гегбельс пишет в последнем номере «Das Reich», что немцы должны защищать Берлин, как ленинградцы — Ленинград! Это неслыханно!

О делах Германии.

Крайнее перенапряжение сил. Подготовка национал-социалистского подполья. Закрыты высшие учебные заведения... Лихорадочная «деятельность» гестапо. Убийство Э. Тельмана — секретаря Коммунистической партии Германии, лидера народного движения. Гитлер в течение многих лет не решался пойти на такое злодеяние!

Снова усилились действия оппозиции. КПГ¹ нашла формы работы и в условиях глубокого подполья.

На Западе — начался штурм линии Зигфрида. На отдельных участках англо-американцы вклиниваются в предполье линии.

В немецких комитетских² кругах считают, что Германия будет разделена на две зоны: западную (промышленную), которую займут англо-американские войска, и восточную, которую займет Красная Армия. Немецкие коммунисты с сожалением говорят о том, что союзники смогут разложить рабочие кадры Германии. Я думаю, что, помимо несомненных будущих сделок с деловыми кругами, у союзников заранее подготовлены «свои» немецкие (из эмигрантов) организации, «лидеры» и пр.

Общая проблема государственного устройства Германии пока туманна...

Пленные германские генералы, находящиеся в Москве, надеются на контакт освобожденной от Гитлера Германии с СССР. Хотя это почти сплошь националисты, осуждающие Гитлера лишь за ошибки и промахи. Они мнят себя будущим правительством Германии... Этим генералам приходится обращаться к традициям 1813 года, к Бисмарку, к Рапалло. Они теперь высоко ценят русского солдата, нашу индустрию и сырьевые запасы.

Во всяком случае — агитпропагандистскую работу они ведут хорошо. Их радиопередачи, обращения и т. д. действуют на немецкую армию и тыл. Живут эти генералы под Москвой, в доме отдыха. К их услугам отличная библиотека, им читают лекции о СССР.

...С часу до 4 — в «Знамени». Проверял дела; наметил план 8-9 и 10 номеров.

16 сентября 1944 года.

Закрылся от всех. Весь день работал. Делаю последнюю редакцию «У стен Ленинграда» — для печати. Работалось отлично...

¹ Коммунистическая партия Германии.

² Имеется в виду Комитет «Свободная Германия».

Частный и колхозный рынок показывают вновь и вновь тенденцию к снижению цен. Картофель, стоивший в 1943 году до 70—80 рублей, нынче 10 рублей кило. Другие цены варьируются, но в целом показатели *здоровые*...

В коммерческих магазинах стало меньше давки и толчеи.

Заходили Эльза и Фридрих Вольф. Держатся крепко, хотя устали. Эльза ошеломлена поведением немцев. Работая переводчицей, она перечитала тысячи немецких писем.

— Как Гитлер развратил наш народ!

Встретился я с Вольфом, как всегда — легко, хорошо... Он получил назначение на работу, готовится ехать в Кенигсберг.

17 сентября 1944 года.

В «Правде» — некролог об Эрнсте Тельмане. Какая потеря!..

1-я авиадесантная армия союзников высадилась в Голландии, за водным поясом. Союзники, таким образом, могут идти к Вильгельмсхафену или в обход — к Руру. Прорваны укрепления линии Зигфрида: у Аахена и в трех других местах (четыре клина). Линия не имела достаточного вооружения, так как все лучшее было отправлено *на Восток* и частично на укрепление Атлантического вала.

В английской прессе все более активные, победные ноты: об обой роли Англии, которая... трудилась «до кровавых мозолей» и т. д.

Что же история скажет о России?!

Мое душевное и умственное состояние переходное, усталое. Воля и инерция тянут вперед — работаю, выступаю и т. д. Обнять весь процесс войны, подытожить — еще невозможно... Есть отте-нок удивления: сколько мы сделали!

Из Пубалта прислали пять экземпляров моей брошюры «В боях за Таллин» (Из дневников писателя). *Это моя первая проба публикации военных дневников!*

Ночью позвонили из «Правды»: тяжелые бои в Прибалтике!..

18 сентября 1944 года.

Весь день работал над пьесой. Мне нельзя прикасаться к прежним работам: начну — и не могу остановиться. Стремлюсь к все большей динамичности и пластичности... В прежних вариантах чувствовался ораторско-публицистический налет, что вполне объяснимо, — ведь я писал весь в стихии ленинградских выступлений, статей! Но целиком преодолеть это уже невозможно.

Встретил Ф.В. Гладкова — похудевшего, усталого. Его сына переводят с Тихоокеанского флота на Черноморский...

Союзные армии продолжают наступление. За сто дней они прошли Францию и сейчас начинают «битву за Германию» (битву ли?)... Информация крайне скупа об этой «битве».

Политически мы достигли многого: закрепились на Балканах (изолировав Турцию); продиктовали свою волю Финляндии.

Нам надо очистить часть Прибалтики. Вероятно, с высвобождением Карельского фронта это будет сделано быстро. Узнал, что 1-й и 2-й Прибалтийские фронты перешли в наступление и сокрушительными ударами на Ригу и на Валгу *прорвали* немецкий фронт в этих направлениях!

19 сентября 1944 года.

...С. К. считает экземпляры последнего варианта пьесы — для Камерного театра и для «Знамени». Она тоже устала — явления невроза сердца.

Систематизировал написанные мною книги, начиная с «За власть Советов» (1924, изд. Ред.-изд. отдела Мор. ведомства). Рядя изданий не хватает — надо искать, покупать... Последней поставил на полку «*В боях за Таллин*» (1944, изд. Пубалта, Кронштадт)...

Все чаще жадное стремление — окунуться только в стихию души, творчества. Вот перебрал свои книги и столько нахлынуло, что задохнуться можно! Дома я хоть временами один со своими мыслями, свободен. Хоть временами... Вся моя жизнь передо мной — со всем уродством пяти войн, со всеми творческими поисками, со всеми ударами и победами. Трудная, мучительная... Но я ее не променяю на другую — никогда!..

Войска 3-го Прибалтийского фронта заняли город Валга.

20 сентября 1944 года.

Принимаю диуретин. Ежедневные обливания... Но это — паллиативы.

К часу дня в «Знамени». Отличная беседа о делах журнала с Н. Тихоновым, К. Зелинским, М. Матусовским и А. Тарасенковым. Живой обмен мнениями, новостями и т. д. Пахнуло старым «Знаменем»...

Наметили темы: «О русской душе» (иностранный концепция XIX века, концепция немцев сегодня и т. д.); «Войны России и их мировое значение» и др. Концепцию «свет с Запада» будем разбивать. Вообще необходима некоторая переоценка ряда явлений в прошлом...

Днем, по радио. Пункты условий перемирия с Финляндией. Крупные аренды военно-морского порядка (Порккала-Удд и др.). Аэродромы, Петсамо (!). Совместные действия против немцев. Триста миллионов долларов — репарации (бумагой и т. д.).

В бою финнов с немцами за остров Готланд наша авиация содействовала финскому гарнизону (вот как повернулись события!). В открытом море на одном из финских кораблей произошла свалка между финнами и немцами. Финны взяли верх и сдали немцев в Висбю (на острове Готланд) — шведам.

В Прибалтике — решающая битва.

Сообщили о том, что сорок советских дивизий введено в действие...

Через Софию советские танки шли в течение часа. Огромный подъем среди населения.

Югославы твердо говорят, что из Греции не вырвется ни одна немецкая дивизия. Пути через Скопле — Ниш закупорены.

Авангарды Красной Армии вышли к *Эгейскому морю (!)*.

Мы не можем еще охватить всего величия решенных задач! Надо снова и снова вдумываться, читать...

Звонок: «Пал смертью храбрых «знаменец», капитан Юрий Севрук... Похоронен с соблюдением воинских почестей в городе Выру, в Эстонии...»

Еще один товарищ потерян... Прощай, Юра. Он наступал с раненой, сломанной рукой! Я только на днях просил ЦК о том, чтобы его отозвали.

Салют в честь Ленфронта: крупный прорыв в Эстонии! Надо сворачивать все дела и ехать на Балтику. «Знамя» подождет.

Напоследок пошли поужинать с С. К. в «Арагви». *Вечный* разговор о жизни, о пути нашем... С. К. волнуется за меня, уговаривает лечиться... Трогательный друг мой, *мне нужно вернуться в Таллин!* Затем — *Берлин!* А после можно и полечиться.

21 сентября 1944 года.

Хороший осенний день.

В час дня — в Камерном театре. Рабочая читка «У стен Ленинграда». Работа над макетом и т. д.

Пьесу труппа приняла отлично. Прощаясь, я сказал Таирову: «И все-таки искусство — не главная тема моей жизни, главная тема — жизнь!»

Вечером — в «Правде»: прочел бюллетени, попрощался...

Получил и документы, и билеты только на 24 сентября. Не опоздать бы на Балтику.

22 сентября 1944 года.

Салют в честь взятия Таллина! Я разрыдался — Таллин! С какой болью мы покидали тебя страшной осенью 1941-го. Туда, скорее! И на этот раз (как с Ленинградом) моя мечта — быть при взятии Таллина — не сбылась...

23 сентября 1944 года.

Дела сдал, отредактировал рукописи для «Знамени», последние распоряжения в редакции и т. д.

Вечером читал дневники С. К.: 1916—1920 годы. Они очень взволновали меня.

24 сентября 1944 года.

Наш отъезд в Ленинград. Прощание с Москвой...

Мне трудно — сдает здоровье... Московские нагрузки, новый ритм жизни — сказались. У меня уже три недели фурункулез (не хотелось об этом писать). В Кронштадте возьму витамины, пивные дрожжи и прочие лекарства и — в Таллин!

Едем «Стрелой»...

Стук поезда... Клин, Калинин... Кажется, что события 1941 года где-то позади, бесконечно далеко...

25 сентября 1944 года.

Удивительное ощущение грусти и радости при виде Ленинграда. Привязанность к городу — необыкновенная. Ощущение красоты, борьбы.

А время идет и идет... Город все напористей входит в новую полосу ремонтов, окраски и пр. Ленинград по задымленности опережал Глазго, Кадиевку и др. Сейчас широко берутся за озеленение.

Ряд новых планов, будут использованы двести двадцать пять сортов деревьев и кустов.

Приехали на Песочную... Домашние новости: огород цел, много помидоров, свеклы и т. д. Ольга Константиновна занята книгой — хочет подарить ее городу. Это обнаженные, правдивые записки об осаде — семьсот странич!

Я рассказал Ольге Константиновне московские новости и т. д.

В моей комнате нет перемен... Вспомнились дни обстрелов; холодные ночи 1942 года, когда мы, волнуясь, вслушивались в поздние радиопередачи о битве за Сталинград под противное царапанье и шорохи крыс... Мои книги, бумаги, настольные вещи — все надо сохранить, перевезти в Москву.

...В центре последних событий — встреча в Квебеке: «Сталин, ссылаясь на занятость войной с Германией, отказался присутствовать». (Приедут и в Москву.) В Квебеке широко обсуждались и европейские, и тихоокеанские проблемы.

В печати (22 сентября) появились пока следующие сведения о будущем Германии: оккупация Германии Красной Армией, английскими и американскими войсками; союзная контрольная комиссия (ее возглавят главнокомандующие трех стран...); ликвидация всего аппарата национал-социалистов; демилитаризация Германии. (А каково во всем участие Франции?)

Все это ясные, логические меры — с учетом опыта 1918—1919 годов. Не повторять ошибок той поры! И, конечно, не допускать расправ, уничтожения народа. Впрочем, *наша* методика в Финляндии, Румынии и т. д. достаточно в этом смысле убедительна...

В Прибалтике крупные успехи Красной Армии. В Эстонии разгромлено до шести немецких дивизий... Потоплено при эвакуации противника несколько транспортов. Авиация КБФ действует весьма активно...

Квебек и Тихий океан. Принят «План удушения Японии». Союзники требуют участия СССР в последних ударах на Дальнем Востоке. Иден настаивает на необходимости новой встречи «трех»...

На Западе немцы начали оказывать (кое-где) сопротивление союзникам.

Мне кажется, что союзники пока лишь прощупывают немецкую оборону, взяв то, что им было *легко* взять. *Главный* удар — по самой Германии — еще готовится, и он, видимо, будет сочетаться с нашим ударом...

Перспективы. Скептики говорят о «картеле трех империй», о новом триумvirате: США, СССР, Англия... Известно, как проис-

ходили расколы в триумвиратах. Начальник авиации США генерал Арнольд недавно заявил: «Надеюсь, что в следующей войне мы не повторим ошибок предыдущей». Интересно, с кем готовится воевать м-р Арнольд? Кстати, в Англии намерены сохранить всеобщую воинскую повинность (!).

К вечеру собрались Крон, Азаров, Рита, С. К. и я... Ощущение тесной, сжившейся компании. Все были рады встрече в уютной мансарде С. К.

Я предложил:

— Война идет к концу. Представьте себе — вы у микрофона. Что вы ощущаете сейчас? Ваши итоги? Ваши мечты?

Пауза, молчание. Раздумья... Никто к воображаемому микрофону не подошел.

Решили пройтись по вечернему Ленинграду... Мы шли к Кировскому проспекту, что-то напевали. У трамвайной остановки, в мягкой осенней тьме, стали вальсировать. Рядом пели песню какие-то девушки... Победа — в воздухе, в дыхании людей!

Растроганное, лирическое настроение... Через день, два — на фронт. Когда-то снова увидимся?

26 сентября 1944 года.

В 11 утра с С. К. на машине — в Ораниенбаум. Опять руины... За Кировским заводом вереница разбитых трамваев 1941 года, — их, видимо, скоро отведут в парк. Везде следы ремонтно-восстановительных работ; разборка разбитых строений, руин.

Памятник Кирову уже открыт¹...

Красивые леса, багрянец, золото, зелень... Руины за Новым Петергофом. Остановил машину у кладбища, — хочу пройти к могиле М. В. Матюшина². Сосны, лютеранские железные кресты старых времен, красные столбики у могил офицеров и бойцов (1941—1944 годы). Надпись: «Мины». Но идти надо. Прошли по травке, гуськом...

Нашли могилу: вековая сосна, темный камень с алой надписью: «М. В. Матюшин»... Ограда несколько повреждена. Поправили. С. К. положила на камень ветку красной бузины...

Мир тебе, художник, в доме которого мы жили и работали в годы осады.

Едем дальше... Опять кругом все битое, ржавое, угрюмое... и осенняя краса природы.

¹ Во время блокады Ленинграда памятник в целях сохранения был закрыт мешками с песком и обшит досками.

² Художник, муж О. К. Матюшиной.

Ораниенбаум... Пересели на поджидавший нас катер — и в Кронштадт.

С пристани — в Пубалт. Здание штаба и Пубалта перекрашено. Где нет стекол, вставлена расписанная «под окна» (черным с белыми каемками) фанера. У дверей Дома флота — афиша: «Литературный вечер. Выступают Вс. Вишневский, Вс. Азаров, Г. Мирошниченко...» Оперативно! Уже узнали о моем приезде? Ну что ж, выступлю.

Из новостей.

В доке ремонтируется взятая нами немецкая подводная лодка («У» — 520 тонн). В момент торпедирования команда обедала при открытых переборках. Ничего не успели сделать. Спасли несколько человек, в том числе и командира лодки (29 лет, бывший летчик, прошедший шестимесячные курсы подводного плавания).

Лодку поднял с семидесятиметровой глубины ЭПРОН¹. Сейчас бывший командир и остальные работают тут же как консультанты. Командир мрачен, кусает губы. Он весь сжался, когда вытаскивали пятьдесят трупов... Их похоронили на кладбище в Кронштадте. Хоронили сами немцы.

На лодке обнаружены некоторые полезные вещи... Месяца через два лодка будет в строю.

На днях утопили у Сескара еще одну немецкую подводную лодку. Ее флаг хранится у контр-адмирала Волкова.

Ожидают операций на Даго, Эзель и Моон²...

Беседа с контр-адмиралом Волковым. Он вручил орден С. К. Она очень волновалась...

Условились о поездке в Таллин, на острова, в Ригу.

— Можем доставить на самолете.

— Писателю порой надо останавливаться, беседовать, смотреть...

В Кронштадте сборы — все ждут перевода в Таллин. В общем — «на балтийской улице праздник», как сказал мне член Военного совета. Я подробно рассказал ему о литературных делах, о «Знамени» и т. д. — «Да, у вас много новостей». Товарищ Смирнов рассказал мне об обстановке на Балтийском море; об организации базы на Порккала-Удд (финны докладывают адмиралу Трибуцу свои нужды и т. п.); о тралении («Залив тралили верно...»); о разгроме немецких дивизий в Эстонии.

¹ Экспедиция подводных работ особого назначения.

² Острова, отделяющие Рижский залив от Балтийского моря (теперь — Хийумаа, Сааремаа и Муху).

Смирнов:

— 16 сентября германское командование дало директиву *о переходе к зимней обороне*, об утеплении дзотов и т. д. 19-го грянул удар Красной Армии — с неожиданных направлений. Немецкая оборона рухнула. Немцы растеряны. Сейчас ведут тысячи пленных. Ночь, лес, четверо моряков ведут тысячу немцев! Представляете?

— Вполне...

...Вечером в большом зале Дома флота сделал доклад о современной военно-политической обстановке. Аудитория — более тысячи моряков. На душе просветлело... Говорил, выходя из рамок обычной информации, — народ хочет знать больше.

После доклада прошлись по городу. Низко над горизонтом — желтая луна... Потом с небольшой группой товарищей из Пубалта отпраздновали орден С. К.

28 сентября 1944 года.

С утра — в политуправлении; читал протоколы допросов немецких моряков. Следовало бы цитировать — нет времени. Упорная, обработанная публика, из Hitlerjugend; ограниченные представления о мире, о войне... «Удивлены» видом Кронштадта: порядок, хорошо одетые моряки, дети в садах и т. д. (Какую же дребедень внушали им о СССР?)

После обеда взяли катер (№ 46) и — в Ораниенбаум. Ветерок, брызги... Хорошо!

[Шофер] Смирнов с машиной уже ждал нас у пристани...

В Ленинграде. По дороге заехал в Военный порт, получил разрешение на девяносто литров бензина (для поездки в Таллин). Заказал паек на дорогу.

Ночь. Звезды. Мой удивительный город! Вздурораженность... Большие итоги — ощущение Победы. Мы едем с С. К. в Таллин, затем в Ригу (ее еще не взяли, но скоро возьмут).

Брожу по саду. Удивительные ночные тени... Тишина... Война отходит... Я хочу чувствовать, постигать душевный, иногда скрытый мир людской — глубокий, странный, притягательный...

КАПИТУЛЯЦИЯ БЕРЛИНА

1—9 мая 1945

1 мая 1945 года.

2 часа 30 минут.

Мы прибыли к Чуйкову.

— Пока ждите.

Ходим по комнате... Нервно... Говорю с Чуйковым. Ждем *капитуляцию* к 4 часам ночи.

3 часа 55 минут.

Сейчас придут представители германской армии. Подготавливаем сводки.

Входит генерал от инфантерии Кребс — новый начальник генерального штаба сухопутных сил Германии.

Кребс. Буду говорить особо секретно: вы первый иностранец, которому я сообщаю, что *30 апреля Гитлер покончил самоубийством.*

Чуйков. Мы это знаем.

Кребс. Согласно завещанию фюрера... (*Читает завещание Гитлера и заявление доктора Геббельса.*) Цель этого заявления — найти благополучный выход для тех народов, которые понесли наибольшие жертвы в войне. Документ может быть передан в руки вашего командования.

Чуйков. В этом документе речь идет о Берлине или о всей Германии?

Кребс. Я уполномочен говорить от имени всей германской армии. Уполномочен Геббельсом.

Чуйков. Я доложу маршалу Жукову.

Кребс. Мой первый вопрос: при переговорах пушки не будут стрелять?

(Он уполномочен временно прекратить военные действия и повторяет, что еще никому не сообщено о смерти Гитлера.)

Чуйков (*берет телефонную трубку*). Соедините меня с маршалом Жуковым. Докладывает Чуйков. Сюда прибыл генерал от инфантерии Кребс. Он уполномочен немецкими властями вести с нами переговоры. Подтверждает, что Гитлер покончил жизнь самоубийством. Прошу доложить товарищу Сталину, что власть взяли Геббельс, Борман и гросс-адмирал Дениц (по завещанию Гитлера). Кребс уполномочен вести переговоры с нами о перемирии. Кребс предлагает прекратить на время переговоров военные действия. Сейчас спрошу. (*К Кребсу.*) Когда Гитлер покончил с собой?

Кребс. Сегодня, в 15 часов 50 минут. Простите, вчера...

Чуйков (*повторяет*). Вчера, в 15 часов 50 минут. О мире? Нет, об этом он еще не говорил. Сейчас я его спрошу. Так, понятно, есть! (*К Кребсу.*) Маршал Жуков спрашивает вас, идет ли речь о капитуляции?

Кребс. Нет. Есть другие возможности.

Чуйков (*повторяет маршалу*). Он говорит, что есть другие возможности установить мир. Нет. Это другое правительство обратилось к союзникам и ищет иных способов. Знает ли об этом Кребс? Пока не выяснил. (*Кребс насторожился.*) У них нет связи с союзниками. Кребс уполномочен на переговоры только с СССР. (*Чуйков слушает указания маршала.*) Так... Так... Он уполномочен Геббельсом — рейхсканцлером, а Борман остался председателем партии. Он говорит, что мы первые, которым они сообщили о смерти Гитлера и его завещании. Вы, товарищ маршал, и я. (*Пауза.*) Вы запросите Москву? Я буду ждать у трубки. Понятно. Кребс не уполномочен, но может обсудить. Хорошо.

(Я сижу справа от Чуйкова, все записываю на его блокноте.)

Понятно, товарищ маршал! Спрошу. И другими? Понятно, я понял. (*К Кребсу.*) Мы можем вести с вами переговоры только в случае полной капитуляции и перед СССР, и перед США, и перед Англией.

Кребс. Для того чтобы иметь возможность обсудить ваши требования, я прошу о временном прекращении военных действий.

(Переговоры между Чуйковым и Кребсом.)

Чуйков (*в телефонную трубку*). Он не может говорить о полной капитуляции, пока не ознакомится с общей ситуацией в новом правительстве Германии. Когда ознакомится — он сообщит.

Он уполномочен только на переговоры. Так. Спрашиваю. (*К Кребсу.*) Сейчас сдаетесь?

Кребс. Я должен согласовать с моим правительством. Может быть, появится новое правительство на юге. Пока правительство есть только в Берлине. Мы просим перемирия.

Чуйков (*в трубку*). Они просят перемирия — для переговоров. Может быть, будет общее правительство Германии. (*Из трубки доносится голос Жукова.*) Так, понятно, хорошо... Я слушаю вас, я понимаю... Как? Хорошо, есть! (*К Кребсу.*) Вопрос о перемирии может решаться только на основе общей капитуляции.

Кребс. Тогда вы завладеете районом, где находится немецкое правительство, и уничтожите всех немцев.

Чуйков. Мы не пришли уничтожать немецкий народ.

Кребс (*пытается спорить*). Немцы не будут иметь возможности работать...

Чуйков. Немцы уже работают с нами.

Кребс (*повторяет*). Мы просим признать германское правительство до полной капитуляции, связаться с ним и дать нам возможность войти в сношение с вашим правительством...

Чуйков. У нас одно условие — *общая капитуляция*.

Кребс. Но мы думаем, что СССР будет считаться с новым легальным немецким правительством. Для обеих сторон это выгодно и удобно.

4 часа 40 минут.

Генерал снова просит о временном перемирии.

Кребс. Только временное. (*Немец Кребс говорит по-русски.*) Я не имею возможности вести иные переговоры. В ваших интересах вести их с новым правительством Германии. Господа, я только уполномоченный, я не могу отвечать за свое правительство.

Чуйков. Мое предложение ясно.

Кребс. Немецкое правительство — пас. (*Смех.*) Сильны — вы, мы это знаем, и вы так думаете.

Чуйков. Мы-то это знаем, и вы *должны* знать. Вы будете тщетно бороться и терять людей. Я задаю вопрос: в чем смысл вашей борьбы?

Кребс. Мы будем бороться до последнего.

Чуйков. Я жду полной капитуляции.

Кребс. Нет.

(В комнате — спокойные советские генералы, Кребс, молодой немецкий офицер, переводчик. На столе — огромная карта Берлина.)

Кребс. В случае полной капитуляции мы юридически не будем существовать как правительство.

Чуйков. Где генерал Клейст?

Кребс. Его нет.

(Пауза... Ждем...)

Чуйков (*берет другую телефонную трубку*). Как там дела? Без сопротивления? Понятно. Парламентеры не прибыли? Ждите. Обязательно. Правильно! Хорошо! (*К Кребсу*.) По-моему, ваш гарнизон капитулирует.

Кребс. Где?

Чуйков. Везде.

Кребс. Без приказа?

Чуйков. Наши наступают — ваши сдаются.

(Стрельбы не слышно.)

Кребс. Может быть, это отдельные явления?

Чуйков. Не думаю.

(Кребс просит информировать его об общей обстановке. Приносят сегодняшнюю газету. Чуйков читает сообщение агентства «Рейтер» о предательстве Гимmlера.)

Кребс. Ja-a-a!

(Чуйков читает дальше — ответ союзников и подтверждение его советским правительством.)

Кребс. Гимmlер на это не был уполномочен. Мы этого боялись. Гимmlер не знает, что фюрер покончил с собой.

Чуйков. Но работали ведь рации Германии? (*Кребс удивлен*.) Гимmlер по радио назначал пункты для сепаратных переговоров с союзниками.

Кребс. Это частное мероприятие, на других основаниях.

(Принесли какую-то немецкую листовку. Чуйков читает сообщение о том, что Гитлер находится в Тиргартене.)

Кребс. Это ложь!

Чуйков. Дыма без огня не бывает.

(Пауза. Мрачно.)

Чуйков. Не знаю, каков будет ваш ответ, но, по-моему, больше не стоит проливать кровь.

(Немецкий генерал еще раз просит о перемирии и о связи с союзниками.)

Чуйков. Это от меня не зависит.

Кребс. Но в случае полной капитуляции мы не сможем избрать свое правительство.

Переводчик. Берлин решает за всю Германию.

Кребс (*перебивая его*). Я сам говорю по-русски. Я боюсь, что организуется другое правительство, которое будет против решений Гитлера. Я слушал только радио Стокгольма, но мне показалось, что переговоры Гимmlера с союзниками зашли далеко.

Чуйков. Нет. Действия правительства США и Англии — согласованы с нами. У Гимmlера неудачная проба дипломатического шантажа.

Кребс. Вы заинтересованы в создании нового германского правительства?

Чуйков. На что вы рассчитываете? Наиболее популярным будет правительство, согласившееся на капитуляцию.

Кребс. Наша задача — сохранить правительство и заключить мир. Особенно с державой-победительницей. (СССР!)

Чуйков. Понимаете ли вы, что мы и союзники требуем полной капитуляции?

(Пауза.)

Чуйков. По-моему, немецкое население достаточно хлебнуло от бомбежек. У всех белые повязки.

(Кребс начал учиться русскому языку во время Первой мировой войны. Был в Москве в 1939 году. Чуйков спрашивает его о Гудериане.)

Кребс. Он болен с 15 марта. Я был его заместителем.

(Прибыл член Военного совета Семенов. Ему докладывают о новых событиях.)

Чуйков (*тихо говорит ему*). У нас — заместитель Гудериана. Кстати, он хорошо говорит по-русски.

(Мы расспрашиваем Кребса о других немецких генералах. Он что-то невнятно говорит об их болезнях.)

Я читаю наконец документы. Критикую их: пишут плохо; у немцев дикие грамматические ошибки; могли бы иметь переводчиков пограмотнее!! (Улыбки.)

(Все записываю. Устала рука... Пауза... Ждут телефонного звонка. Напряженно. Вот так и бывает в истории: в чужой квартире, за чужим столом идет беседа между победителями и разбитым противником. Во всем этом есть что-то трудное. Попытки Кребса «поболтать» не удаются. Ждем звонка от маршала Жукова.)

Чуйков. Вы все время находились в ставке?

Кребс. Я был начальником отдела боевой подготовки. Я был в Москве и до мая 1941 года, замещал там военного атташе, а затем был начальником штаба армейской группы на Востоке.

Чуйков. Где вы были во время Сталинградской операции?

Кребс. Я был на Центральном фронте, у Ржева.

Чуйков. В общем, Сталинград оказался «неприятным».

Кребс. Да, ужасно. С этого начались наши несчастья. Вы были в Сталинграде командиром корпуса?

Чуйков. Нет, я был командующим армией.

Кребс. Я читал книгу о Сталинграде. Кто вы?

Чуйков. Чуйков.

Кребс. Чуй-ков? Ach, Tschuikow! Oh!

(Долгая пауза.)

Чуйков. Почему Гитлер покончил самоубийством?

Кребс. Военное поражение... Надежды немецкого народа на будущее потеряны. Фюрер понял большую жертву народа.

Чуйков. Поздно понял.

(Принесли новые сводки. Чуйков доволен.)

Чуйков. Может быть, так решить: провести вам телефон? От нас — к доктору Геббельсу?

Кребс. Я буду очень рад. Jawohl! Тогда и вы сможете говорить с доктором Геббельсом. Я готов... Я надеюсь, пока будет решение, это поможет.

(Звонок.)

Чуйков (у аппарата). Я слушаю. Так. Алло, я слушаю. Так. (Надевает очки, что-то записывает.) Так, так.

(На столе лежит план Берлина, раскрытый портсигар, два-три немецких документа, пепельница... Сообщают что-то важное из Москвы (?). В ночном молчании очень строго, скупое звучат слова Чуйкова: «Есть. Так». Кребс сидит сложа руки и ждет. Чуйков снова что-то пишет: «Есть». Исписывает вторую страницу: «Что? Как?» Смотрит на карту: «Вижу. Нет, заместитель Гудериана». Чуйков записывает. Член Военного совета рядом, свесившись над столом, читает.)

Чуйков. Алло, записал. Понятно... Товарищ маршал, я вам доклад[ываю]: Гудериан заболел, а с 15 марта — Кребс начальник генерального штаба. (Пауза.) Тут, недалеко. (Смеется.) Так. Так. (Пауза. Что-то тихо гудит за окном.) Слушаю. (Повторяет.) Так, так. (И опять.) Так, так, понятно. (Все молча ждут.) Так. Слушаю. Понятно. Найдет дорогу сюда? Я тоже так думаю. Хорошо. Не знаю, его не было. Нет еще. Есть. Хорошо. Слушаю.

(Пауза.)

Чуйков (к Кребсу). Вам не холодно, генерал? Может быть, накинете что-нибудь?

Кребс. О нет!

Чуйков. Маршал хочет подробнее ознакомиться с вашими предложениями.

Кребс (по-русски). Мой документ подписан Геббельсом.

Чуйков (снова читает маршалу документ). «Мы уполномочиваем генерала Ганса Кребса в следующем... (Перечень полномочий.) Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут самовольно ушел из жизни фюрер. На основании его за-

конного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского парода. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери». Подпись: *Геббельс*.

(Грохот «катуш».)

Кребс. Гиммлер — предатель. Он работал против фюрера; давно хотел заключить сепаратный мир с западными державами и разъединить нас. Об его намерениях узнал фюрер, и это одна из причин его самоубийства. Фюрер дорожил преданностью своих соратников. Перед смертью он искал выхода... в заключении мира, в первую очередь с Россией.

Чуйков. Итак, Гиммлер предатель?

Кребс. Да. Согласно завещанию Гитлера Гиммлера исключили из партии. Гиммлер вне Берлина — он в Мекленбурге.

Чуйков. Вы знали о предложении Гиммлера: полная капитуляция перед США и Англией?

Кребс. Как вам известно, мы его подозревали, но окончательно я убедился в этом из сообщения «Рейтер». Мы не были извещены Гиммлером. Фюрер оставил его вне Берлина, чтобы Гиммлер оттуда прислал на помощь Берлину все части вооруженных сил Германии. Но он обманул фюрера, не сделал этого. Он предатель: хотел заключить мир без ведома фюрера. Гиммлер — против интересов Германии. Я был все время с фюрером, был его непосредственным советником по вопросам войны. А вне Берлина, в Мекленбурге, было ОКВ. Фюрер давал им приказы непосредственно из Берлина. Я был ответствен за Восточный фронт.

Чуйков. Кто у вас сейчас является главнокомандующим?

Кребс. Согласно завещанию — Дениц. Шернер — новый командующий сухопутными силами; морскими силами — фон Грайн. Геринг болен, Гудериан болен.

Чуйков. Где Риббентроп?

Кребс. В Мекленбурге. Вместо него — Зейс-Инкварт.

Чуйков. Таким образом, полная реорганизация?

Кребс. Да.

Чуйков. Кто же будет уполномочен на окончательные переговоры с Советским Союзом и союзниками?

Кребс. Геббельс и Борман, которые находятся в Берлине и являются единственными представителями Германии.

Чуйков. А что будут делать другие члены правительства?

Кребс. Они выполняют приказ фюрера.

Чуйков. А это правительство будет признано войсками?

Кребс. Если будет возможность быстро довести завещание фюрера до сведения армии, войска выполнят его волю. Лучше это сделать до возможного объявления другого правительства.

Чуйков. Вы боитесь других правительств?

Кребс. Гиммлер предал нас и может создать новое правительство. Гиммлер еще не знает о смерти фюрера и его завещании.

(Тихо. Молчание.)

Чуйков. Как вы думаете связаться с другими районами? Ведь они отрезаны.

Кребс. Посредством временного перемирия. Мы тогда все огласим.

Чуйков. Не понимаю.

Кребс. Мы при *вашем содействии* свяжемся с ними при помощи авиации и другими способами.

(Звонок. Пожарский что-то тихо сообщает Чуйкову.)

Чуйков. Значит, правительство создано, чтобы работать на территории Германии, чтобы собрать все силы и продолжать войну?

Кребс. Нет, чтобы начать переговоры и кончить войну.

Чуйков. А может быть, — кончить войну, а потом начать переговоры?

Кребс. Ответ может дать мое правительство, а не я.

(Звонок.)

Чуйков (*берет трубку*). Гиммлера они считают предателем. Гиммлер и Риббентроп сейчас находятся в Мекленбурге. Гитлер ввел в правительство Геббельса и Бормана. По военной линии: Деница, Шернера и фон Грайна. Зейс-Инкварт назначен вместо Риббентропа. (*Пауза.*) Это я уже знаю. (*К Кребсу.*) Где труп Гитлера?

Кребс. В Берлине. Сожжен по завещанию. Это свершилось сегодня.

(Грохот орудий.)

Чуйков (*в трубку*). Сжигали в Берлине. «Свежо предание, но верится с трудом». Но генерал так докладывает. У него есть документы от Геббельса и Бормана. Геббельс пишет, что создано новое правительство. Вот я вижу этот документ. Кто? У них сейчас главнокомандующий гросс-адмирал Дениц. Так. (*К Кребсу.*) Кто начальник штаба вашей ставки?

Кребс. Йодль, а Дениц — новый верховный главнокомандующий. Оба в Мекленбурге. В Берлине только Геббельс и Борман.

Чуйков. Что же вы раньше не сказали, что Дениц в Мекленбурге?

(Кребс молчит. Звонок.)

Чуйков (*берет трубку*). Как? Понятно. Будет работать, да. Я это имею в виду. Понятно. Нет, ничего, все будет сделано. Да.

(Кладет трубку, закуривает, спокоен.) Скоро нам дадут чай? В глотке пересохло. (К Кребсу.) Значит, основные силы в Мекленбурге, а в Берлине Геббельс и Борман, которые выполняют волю фюрера?

Кребс. Да, они хотят прекратить войну, но после признания вами правительства, созданного согласно воле фюрера.

Чуйков. То есть ни мир, ни война?

Кребс. На том участке, где огонь, я согласен его прекратить.

Чуйков. Странно. Таких условий мы не ставили.

Кребс. Но я хочу все сделать как можно скорее, чтобы не появилось новое нелегальное правительство Германии.

Чуйков. Наши все равно пойдут на штурм. Разбирайся, где там какое правительство!

Кребс. Поэтому мы просим о перемирии.

Чуйков. Капитулируйте!

6 часов 37 минут.

Итак, прошла вся ночь. Звонок... Грохот... Новый звонок...

Чуйков (у телефона). Я его жду. Кто встретит? Встретим. Ну, что поделаться? Будет сделано. (Обращается ко всем.) Вот какое дело — маршал Жуков приказал представить ему лично заявление Геббельса и прочие документы.

Кребс. Тут есть приложение — состав правительства, о котором я вам доложил. (Протягивает еще бумагу.)

Чуйков. Немедленно отвезти к маршалу. (К Кребсу.) Цель вашего приезда — переговоры только с СССР?

Кребс. Только с вами.

Чуйков. Но через нас и с другими союзниками?

Кребс. При расширении полномочий — и с другими.

Чуйков. Это зависит от решения вашего правительства?

Кребс. Когда оно *соберется* — это основная цель.

Чуйков. Где должно собраться ваше правительство?

Кребс. До сих пор это не решено. Но лучше всего — в Берлине.

Чуйков. Я этого не понимаю.

Кребс. Я готов это подробно разъяснить.

Чуйков. До безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона ваше правительство не соберется.

Кребс. Но я глубоко убежден, что при капитуляции берлинского гарнизона наше правительство никогда не соберется. Это будет невыполнением завещания фюрера. Я считаю, что полная капитуляция не может быть решена до признания всеми нового правительства

Чуйков. Итак, правительство действует и не капитулирует?

Кребс. Я пришел, чтобы разрешить все эти вопросы и передать немецкие заверения. А вопрос о полной капитуляции может быть решен в несколько часов после перемирия и признания нового правительства

Чуйков. Это значит, что вы хотите драться до последнего! Знаете ли вы об условиях полной капитуляции?

Кребс. Да, но кому вести эти переговоры?

Чуйков. Есть рейхсканцлер Геббельс. Он полномочен?

Кребс. Окончательное решение он не может принять.

Чуйков. Кто принимает окончательное решение? Борман и Геббельс?

Кребс. Невозможно принять решение о полной капитуляции без сообщения всех дел Деницу. Единственная рация находится у Гимmlера. В Берлине оставшаяся приемная станция Деница — разбомблена.

Чуйков. Объявите завещание фюрера народу по радио. Мы дадим вам связь.

Кребс. Неудобно. Для Деница это будет неожиданным известием. Он еще не знает о завещании. Мы сделали попытку заинтересовать СССР, мы не хотим *нелегального* правительства, согласного на отдельный договор с США и Англией. Мы предпочитаем вести переговоры с Россией.

Чуйков. Я так и понимал ваш «ход».

Кребс. Я опасаясь, что союзники все же будут вести отдельные переговоры с Гимmlером.

Чуйков. А вы не бойтесь.

Кребс. Мы не отказываемся от переговоров с вашими союзниками, но нам нужна для этого помощь советского правительства.

Чуйков. Я, как военный, интересуюсь *одним* — разделаться с войсками противника. Мы ставим вопрос о полной капитуляции.

Кребс. Если будет уничтожен берлинский гарнизон, не будет германского легального правительства.

Чуйков. Бессмыслица.

Кребс. Я познакомил вас с моим поручением. У меня других — нет.

Чуйков. Я сообщил вам единственное и окончательное условие: *безоговорочная капитуляция*.

(Генерал Кребс, его адъютант и переводчик сдержанны, спокойны, может быть, — готовы умереть. Звонок.)

Чуйков (*берет трубку, говорит жестко*). Я им обещаю полное сохранение жизни. А о правительстве после будем говорить. У них тут нет никого, — хотят собрать кого-то — не выйдет. (*Говорит, воздействуя на немцев.*) Я ему это предложу. Слушаю. (*Обращается*

к генералу.) Маршал Жуков предлагает вам: пошлите к своим, чтобы «не беспокоились» — вы у нас задержитесь. Пошлите своего солдата или офицера.

Кребс (*говорит торопясь, по-русски*). Я предлагаю паузу боя. Мы можем с определенного времени отдать приказ — не стрелять. Мой полковник отдаст приказ.

Чуйков. Нет, напишите записку доктору Геббельсу, чтобы он «не беспокоился».

(Опять звонок.)

Чуйков (*у аппарата*). У них нет средств связи. Они не хотят объявлять о смерти и завещании Гитлера, чтобы Гиммлер этим не воспользовался. По-видимому, боятся и Деница. Они хотят объявить это при нашем содействии и после перемирия. Гиммлер откололся и исключен из партии. Есть! (*К Кребсу*.) Лучший выход для тех, кто хочет признания нового правительства, — капитуляция.

Кребс. Полная?

Чуйков. Полная. Тогда мы будем разговаривать с этими членами правительства.

Кребс (*упорно*). Я не уполномочен объявлять о капитуляции. Правительство таким образом будет уничтожено. (*Он говорит то по-немецки, то по-русски*.)

Чуйков. Но и снаряд не будет разбирать — кто солдат, а кто член правительства.

Кребс (*по-русски*). Я беспокоюсь в интересах заключения мира.

Чуйков. Мы настаиваем на общем требовании — нашем и союзников: *безоговорочная капитуляция*.

Кребс (*злобно*). Полная и действительная капитуляция может быть решена только легальным правительством.

Чуйков. Мы заставим силой.

Кребс. Это будет захват!

Чуйков. Оккупация? Что ж, мы говорим *и об этом*.

Кребс. Существование правительства Германии в интересах народов.

Чуйков. Смотря какое! (Холодный ответ победителей!)

Кребс. Если у Геббельса не будет договоренности с вами, то что получится? Вы должны предпочитать легальное правительство правительству предателя. Вопрос войны уже решен. Результаты должны решаться с правительством, указанным фюрером.

Чуйков. Объявите волю вашего фюрера.

Кребс (*волнуясь, по-русски*). Изменник и предатель Гиммлер может уничтожить членов нового правительства. (Какой страх!)

Чуйков. Нет, Гиммлер не имеет достаточных сил, чтобы противопоставить их союзникам.

Кребс. Могу ли я откомандировать полковника в немецкий район?

Утро. Солнечно. Мы сидим усталые. Немцы тихо советуются друг с другом. Чуйков запрашивает части (по телефону) об обстановке.

Приехал генерал армии Соколовский. Ему докладывают о самоубийстве Гитлера, о завещании, о Денице, Бормане и т. д.

(Звонок...)

Чуйков (*берет трубку*). Снова докладываю о Гиммлере. Кребс считает, что это был удар предателя. Они якобы не знали. У него все тот же лейтмотив: Гиммлер, услышав сообщение о смерти Гитлера, создаст свое незаконное правительство. Где подлинник завещания? Они говорят, что в Берлине. Немцы хотят создать новое правительство, иначе будут драться до последнего. Где Гудериан? Он в санатории в Южной Баварии. Где Геббельс? В Берлине. Где бумаги? Направлены маршалу.

Соколовский (*к Кребсу*). Когда вы объявите о Гитлере и Гиммлере?

Кребс. Тогда, когда мы придем к соглашению с вами о новом правительстве.

Соколовский. Маршал считает, что сначала надо объявить Гиммлера изменником, чтобы помешать его планам.

Кребс. Я готов это сделать, это очень умный совет. (*Он оживился.*) Это можно сейчас же сделать с разрешения доктора Геббельса. Я снова прошу послать полковника, чтобы оповестить его об этом же.

Чуйков. Я бы просил передать Геббельсу, что до капитуляции не может быть нового правительства.

Кребс. Сделаем паузу. Создадим правительство...

Чуйков. После полной капитуляции.

Кребс. Нет.

Соколовский. У вас есть Геббельс и другие — и вы сможете объявить капитуляцию.

Кребс. Только с разрешения Деница, а он вне Берлина. Мы могли бы послать Бормана к Деницу, как только объявим паузу. У меня нет ни самолета, ни радио.

(Атмосфера накаляется.)

Чуйков. Сложите оружие, потом будем говорить о дальнейшем.

Кребс. Нет, это невозможно. Мы просим перемирия в Берлине.

Чуйков. У вас есть коды, шифры и так далее?

Кребс. Они у Гиммлера (?). Если вы разрешите паузу — мы придем к соглашению.

Чуйков. Только на основе капитуляции, после которой Дениц сможет прийти к нам, как это сделали вы.

Кребс. Надо Деница вызвать сюда. Пропустите его.

Соколовский. Капитулируйте — и мы пропустим его немедленно.

Кребс. Я не полномочен это решить.

Чуйков. Немедленно капитулируйте. Тогда мы организуем поездку Деница сюда.

Кребс. Сначала связь с Деницем, потом капитуляция. Я не могу без Деница капитулировать. (*Подумав.*) Но я все же мог бы спросить об этом Геббельса, если вы отправите к нему полковника.

Соколовский. Итак, мы пришли к следующему: немецкий полковник идет к доктору Геббельсу узнать, согласен ли он на немедленную капитуляцию?

Кребс (*прерывая*). Будет ли перемирие или до перемирия Геббельс должен согласиться на капитуляцию?

Соколовский. Мы не разрешаем запрашивать Геббельса о перемирии.

Кребс (*снова упирается*). Без Деница ни я, ни Геббельс не можем допустить капитуляцию.

Чуйков. Тогда вы не создадите правительство.

Кребс. Нет, надо создать правительство. Потом решать вопрос о капитуляции.

Чуйков (*звонит маршалу Жукову*). Докладываю о ситуации. Кребс настаивает на своем. Так. Значит, ждать? Без Деница он не хочет, а Дениц якобы ничего не знает о событиях. Кребс просит ему обо всем сообщить. Тогда будто бы последует решение. Послать полковника или другое лицо к Геббельсу, а потом, может быть, послать человека к Деницу? Машиной в Мекленбург и обратно 200 километров. Послать за ним нашего офицера, — Дениц может ждать его на линии фронта?

(Слышны артиллерийские выстрелы... Пауза. Нас — четырнадцать человек, из них трое — немцы.)

Чуйков (*по-прежнему у аппарата*). Удобнее ехать полковнику. Есть!

(Кребс что-то быстро пишет в тетрадку.)

Кребс. Можно ли мне поговорить с полковником?

Чуйков. Пожалуйста.

(Кребс и полковник фон Дүфвинг вышли. Скоро вернулись.)

Чуйков (*берет трубку*). Приказываю связать наш батальон на переднем крае с немецким батальоном и дать Геббельсу с нами связь.

Кребс. Правительство Германии должно быть авторитетным.

Чуйков. А вы считаете, что при полном поражении Германии еще сохранился авторитет Гитлера?

Кребс. Вы видите наши страдания. Может быть, авторитет фюрера несколько меньше, но он еще велик. Его мероприятия никогда не смогут измениться. Новые люди, нов[ые] прав[ительства] будут основываться на авторитете Гитлера.

(Какой-то фанатик! Он говорит серьезно. На мундире — генеральские красные петлицы с золотом, узкие погоны, ленточка зимы 1941 года, «Риттеркрёйц»¹, ордена, Железный крест... Лысая голова.)

Кребс (*продолжает*). Может быть, база будет шире, демократичней. Я это допускаю. Но мы хотим сохранить себя. И если Англия и Франция будут нам диктовать формулы капиталистического строя — нам будет плохо. (Эк, куда загнул!)

Чуйков. Мы не хотим уничтожить немецкий народ, но фашизма не допустим. Мы не собираемся убивать членов национал-социалистской партии, но распустить эту организацию надо. Новое германское правительство должно быть создано на *новой* базе.

Кребс. Я думаю, уверен, что есть только один вождь, который не хочет уничтожения Германии. Это — Сталин. Он говорил, что Советский Союз невозможно уничтожить, и так же нельзя уничтожить Германию. Это нам ясно, но мы боимся англо-американских планов уничтожения Германии. Если они будут свободны в отношении нас — это ужасно.

Чуйков. А Гиммлер?

Кребс. Разрешите говорить прямо? Гиммлер думает, что германские войска еще могут быть силой против Востока. Он доложил об этом вашим союзникам. Нам это ясно, совершенно ясно.

Чуйков. Тогда, господин генерал, мне окончательно непонятно ваше упорство. Драка в Берлине — это лишняя трата крови.

Кребс. Клаузевиц говорит, что позорная капитуляция худшее, а смерть в бою — лучшее. Гитлер покончил с собой, чтобы сохранить уважение немецкого народа.

(Трагикомическая логика!

Мы расспрашиваем генерала о подробностях самоубийства Гитлера.)

¹ «Рыцарский крест».

Кребс. Было несколько свидетелей: Геббельс, Борман и я. Труп, по завещанию, был облит бензином и сожжен. Фюрер попрощался с нами, предупредил нас. Мы отговаривали его, но он настаивал на своем. Мы советовали ему прорваться на запад.

(Дискуссия о национал-социализме, о германском милитаризме и т. д. Немецкий генерал упорен.)

10 часов 15 минут.

Огромная усталость.

Звонок. Советское правительство дает окончательный ответ: капитуляция общая или капитуляция *Берлина*. В случае отказа — в 10 часов 15 минут мы начинаем новую артиллерийскую обработку города.

Духанов (генерал-лейтенант). Команду я дам.

Кребс. Я не имею полномочий. Надо воевать дальше, и кончится это все страшно. Капитуляция Берлина — тоже невозможна: Геббельс не может дать согласия без Деница.

(Звонок... Сообщают, что посланный генералом полковник попал под обстрел и не может перейти фронт.)

Кребс. Это большое несчастье. Могу ли я говорить с переводчиком? Я же просил сделать паузу.

Чуйков. Мы не стреляем, — немцы стреляют.

Соколовский. Мы не пойдем на перемирие и на сепаратные переговоры. Почему Геббельс сам не может принять решение?

Кребс (*снова и снова*). Если мы объявим полную капитуляцию Берлина, то все поймут, что фюрер погиб. А мы хотим сначала создать правительство и сделать все организованно.

Соколовский. Пусть Геббельс объявит...

Кребс (*перебивая*). Но Дениц *беспартийный*. Легче решать ему. Пусть он и *капитулирует*, чтоб не нести напрасных жертв.

Соколовский. Капитулируйте и объявите о новом правительстве. Мы вам дадим для этого рации в Берлине. Вы свяжитесь и с правительством союзников.

Кребс. Да, Геббельсу, пожалуй, придется на это решиться. Может быть, можно мне поехать к нему?

Соколовский. Зачем? Там артиллерийский обстрел. Сейчас вернется переводчик и все объяснит.

Кребс. Мне все равно, я могу ехать и могу остаться.

Соколовский. Мы говорим вам все напрямую.

Кребс. Я понимаю, все совершенно ясно: мы с Геббельсом могли бы объявить капитуляцию Берлина, а общую — с Деницем.

Соколовский. У вас положение безвыходное: даже нет связи между Геббельсом и Деницем. А после капитуляции Берлина мы дадим самолет или машину и радиосвязь.

Кребс. Мы не будем арестованы? Все военные, которые будут руководить капитуляцией, не будут арестованы? Или мы будем считаться пленными?

Соколовский. Мы не знаем, каковы будут решения союзных правительств.

Кребс. Я снова повторяю свой вопрос: что нас ждет после капитуляции?

Соколовский. Подайте после капитуляции письменное заявление Объединенным нациям. Оно будет рассмотрено, и вам ответят.

Кребс. На юридической основе?

Соколовский. Мы гарантируем членам нового временного правительства право снести с союзными правительствами — совершенно официально. Решение примут три союзных правительства и, повторяю, вам сообщат...

(Кребс несколько нервничает.)

Кребс. Мне надо узнать, что думает доктор Геббельс. Надо сказать ему о варианте капитуляции Берлина.

Соколовский. Выступите перед тремя союзными державами. Так как Гитлер умер, у вас все полномочия.

Кребс. Когда мы получим связь?

(Кребс нервничает. Началась наша артиллерийская подготовка... Пролетели самолеты. Вернулся переводчик.)

Переводчик. Когда мы шли, я кричал: «Не стрелять! Мы парламентары!» Подняли руки. Немцы мне не ответили. Русский майор тянул проволоку для связи. На углу Принц-Альбертштрассе он был обстрелян с немецкой стороны, может быть, с другого участка — правее. Я кричал им, потом пошел с кабелем. Майор был ранен в голову. Полковник шел позади. Потом он снял шинель и оружие и пошел с белым флагом вперед. Он шел под обстрелом с немецкой стороны. Тут же стояли русские — ранило несколько бойцов и командира роты, — они ждали связи, так как ее нет до сих пор. Русская включена, но от немцев пока связи нет. Вероятно, немецкая боевая группа не была информирована. Что же теперь делать? Ждать связи или возвращения полковника? Русские сказали, что с их стороны полковнику будет обеспечено возвращение без обстрела.

Кребс. Вернитесь и обеспечьте переход полковника обратно. Все установлено по карте. Кто стрелял?

Переводчик. Должно быть, немецкий снайпер. Русский майор, очевидно, умрет. Жаль.

(Они сожалеют, но все-таки немцы стреляли. Смотрим по карте на Принц-Альбертштрассе.)

Переводчик. Тут отель «Эксцельсиор». Тут мы кричали. Тут стрелял снайпер. Русские не стреляли по всему участку.

(Генерал отмечает по карте все три квартала. Телефонный звонок из нашего батальона: немецкий полковник перешел к немцам, но связи пока нет.)

Чуйков (*переводчику*). Идите.

Переводчик. Прошу мегафон и белый флаг.

Чуйков. Будут даны.

(Переводчик четко повернулся, руку вверх, поклон нам, уходит... Молчание. Ждем. Пожарский вызывает Кушина.)

Пожарский. На участке 35-м от озера и до Зоологического сада, на первой и второй улицах и до Фридрихштрассе — *огня не вести*: пойдут парламентареры.

Кребс. Первое мая — у вас большой праздник.

Чуйков. Как же нам не праздновать сегодня — конец войны, и русские в Берлине.

Кребс. В 1941 году я был в Москве. Имел честь быть заместителем военного атташе. Я стоял на трибуне, правее мавзолея. Я бывал и у Жукова. Он тогда был начальником Генерального штаба. Вероятно, он меня помнит.

Пошли завтракать... Холодная комната, все чинно. Коньяк, закуски.

Чуйкова вызывает маршал Жуков.

Входит член Военного совета:

— Наши условия: не только капитуляция берлинского гарнизона, но и всех частей.

Я опять в зале. Опять идут переговоры. Генерал Кребс просит точно записать все пункты капитуляции, предъявленные советским командованием. Он сейчас говорит со своим командованием (дали связь), сообщает особый пункт: по радио будет объявлено о предательстве Гимmlера. Геббельс ответил, что требует возвращения генерала Кребса и тогда лично все с ним обсудит. Мы даем согласие.

Кребс (*вслух читает свою запись наших условий*).

1. Капитуляция Берлина.
2. Всем капитулирующим сдать оружие.
3. Офицерам и солдатам на общем основании сохраняется жизнь.

4. Раненым обеспечивается помощь.

5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио.

Чуйков (*возвращается после телефонного разговора*). Вашему правительству будет дана возможность сообщить о том, что Гитлер умер, что Гиммлер изменник, и заявить трем правительствам — СССР, США и Англии — о *полной капитуляции*. Мы таким образом частично удовлетворим и вашу просьбу. Будем ли мы помогать вам в создании правительства? *Нет!* Но даем вам право сообщить список лиц, которых вы не хотите видеть в качестве военнопленных. Мы даем вам право после капитуляции сделать заявление Объединенным нациям. От них зависит дальнейшая судьба вашего правительства.

Кребс. Список лиц, находящихся в Берлине, который мы дадим, не будет рассматриваться как список военнопленных?

Чуйков. Это обеспечено. Офицерам сохраним звания, орден, холодное оружие. Мы даем право представить список членов правительства, право связи с Деницем и т. д. Но все это *после капитуляции*.

Кребс. С целью образования общего легального правительства Германии?

(Вопрос ребром. Пауза.)

Чуйков. Только для заявления и связи с правительствами государств, представленных в Объединенных нациях. Повторяю вам: их дело решить, как будет дальше. Военное командование не дает гарантий за дальнейшее.

(И я, и немецкий генерал, каждый по-своему, все записываем.)

Кребс. Итак, после капитуляции советское радио даст сообщение о смерти Гитлера, о новом правительстве и о предательстве Гимmlера?

(Он говорит, что постарается обо всем быстро договориться. С кем?)

13 часов 08 минут.

Генерал уезжает. Я прошу разрешения его сопровождать. Чуйков меня не пускает.

Звонок... Докладывают: «Наши в центре Зоопарка».

Чуйков. Это неплохо. Подошли к железной дороге? Так. Как ведет себя противник? Так. «Фаусты»? Так вот в чем дело — идите на север, на соединение с Богдановым¹ — поскорее! Вот так. Главное: Центральная площадь. Весь центр — ваш удар. Ну, всё.

¹ Командир корпуса ударной армии генерал-полковника Берзарина.

(*Мои мысли.* Немецкий генерал Кребс — это крупный разведчик. Наше дело это обстоятельство учесть.

Докладывают: «Работает связь. Геббельс хочет говорить с командующим или с членом правительства».

Пошел он к чертовой матери! Пусть пишет капитуляцию! Нам не важно — как. Вслед за Берлином все равно все у них рухнет!

Соколовский (*по телефону*). Поздравляю с Первым мая! Тут был генерал Кребс. Я занимался и этим делом. Кребс просил, чтобы мы помогли им составить правительство. Список у маршала. Мы на это не пошли. Требуем капитуляции Берлина, после которой мы дадим им связь — для объявления Объединенным нациям о *полной* капитуляции и радио — для сообщения об измене Гимлера и о том, что власть берет их временное правительство. Геббельс не согласен — хочет *сначала* образовать новое правительство, крутит... Но не выйдет! Геббельс просил разговора с Кребсом. Генерал Кребс сейчас уехал к Геббельсу. Кребс, — передаю по буквам: К-р-е-б-с, генерал от инфантерии. Быстро доложите об этом маршалу. Из Москвы ничего нет?

Чуйков (*берет другую трубку*). Как идете? Жать на 593-й! И покрепче!

13 часов 25 минут.

Этот Кребс прощупывал почву. Все пытался взять нас *на пушку*. Ну, все это мы учтем: крутеж идет всюю. Может быть, это последняя попытка раскола между нами и союзниками? В ближайшее время будет видно, что там эти геббельсы думают.

Чуйков (*у аппарата*). Потсдамский вокзал нами взят (квартал 13-й). Сейчас бой в 28-м квартале. Точно. В саду немцы сидят прочно, там не мой участок. Я иду по своему направлению. Н-ский корпус идет через каналы. В Зоологическом саду, в центре, — левый фланг... Противник сопротивляется: ружейно-пулеметная и «фаустная» стрельба. В общем, дела идут успешно. Вот, у меня всё.

(Комментируем, шутим. Первые десять минут передышки за эти удивительно напряженные сутки. В комнате — генералы Чуйков, Соколовский, Пожарский и я.)

Чуйков (*в трубку*). Сыпьте «фаусты»¹ и снаряды! И никаких разговоров! Штурмуйте!

(Наши условия ясны: Берлин капитулирует! Занят 161-й квартал!)

¹ Трофейные. (*Прим. автора.*)

Чуйков (у аппарата). Займите шоссе Шарлоттенбург. Потом направо — и на правительственные здания, со всех сторон. Как там успехи?

(От Конева прибыл огромного роста полковник... Бой идет за 94-й и 93-й кварталы. Это уже за рекой Шпрее. Упорно идем дальше. Первомайский бой!! Берут гестапо — 152-й квартал.)

Чуйков (в телефонную трубку). Объект 5-й занят, 154-й занят. Бьемся на Sieges-Allee — Аллее Победы. Ясно? Справа немцы — этот участок ваш. Чувствуете мое острие? (В другую трубку.) Тут делегация не проходила? Доложите через 15 минут. (Продолжает прерванный разговор.) Ничего, давай, будь здоров!

(Наши упорно, медленно продвигаются. Скоро ударная армия генерала Берзарина и гвардейская армия генерала Чуйкова соединятся.)

Чуйков. Потом я пушу все к Шарлоттенбургу, на причесывание.

(Я спрашиваю Чуйкова: «Вы ели?» — «А что?» Он до сих пор ничего не ел. Идем «завтракать». Беседую с Василием Ивановичем... Доложили, что генерал Кребс благополучно перешел фронт.)

Чуйков (в трубку). Давайте связь. Штурмуете, черти, или нет? Ну, что же, танкисты вышли?

(Смотрим по плану — не ясно. Ждем. Все устали, но деловиты. Соколовский и Чуйков ходят по комнате — сильные, грузные. Ждем новостей. Я прошу отправить меня на передовую.)

Чуйков (отшучивается). Мне за тебя, Всеволод Витальевич, двадцать суток дадут.

Я. Ведь дело идет о последней зоне обороны — в Тиргартене!..

(Не пустил, жаль!..)

Докладывают, что подошли к просеке, немецкие «хозяйства» 71-е и 72-е взяты, взрываем стену.)

Чуйков. Так.

(Звонок.)

Чуйков (берет трубку). Готово там? Хорошо. Все.

(У немцев бетонные вышки. Бьют прямой наводкой из зенитных орудий... Звонок.)

Чуйков (берет трубку). Немцы бьют «фаустами» и ПВО. Артиллерии у них нет, — только зенитки. Вот так. Давай! Так. Хорошо! Всё. (Резко кладет трубку.)

(Бьет наша тяжелая артиллерия. Еще один немецкий пункт разбит.)

Чуйков (звонит в штаб армии, охрип). С севера бьют по нас. Кто это там? Выяснить.

Соколовский (*связывается с фронтом*). Где командующий артиллерией фронта Казаков? Я у Чуйкова. Проверьте положение, разгрузку линий и т. п.

(Идет стрельба нашей артиллерии прямой наводкой. Кто-то поет. Хорошо! Чудно!)

Чуйков. Товарищи, а ведь война, в сущности, кончилась.
(Звонок.)

Чуйков (*у аппарата*). Так. (*Пауза.*) Давай. Ну, всё. Двигай! (*Говорит нам.*) Дошли до стены ипподрома и обтекают.

(Мне безумно трудно: болит рука от бесконечных записей.)

Чуйков (*кричит в трубку*). У них написано: «Вперед! На Запад!» — а они куда прут? Ни черта не знают... Ах, будут знать? То-то!..

Соколовский. Нужен один рывок. Катукоев мог бы.

(За полчаса взяли 8-й пункт. Не просто! В течение этой операции вышло 700 человек.)

Входит Пожарский (*устало говорит*). Приказал бить прямой наводкой.

Сейчас 22 часа 20 минут.

День пролетел.

Безумно трудно. Я не могу описать все трудности *последней* битвы. Пишу, пока есть силы. Немцы дерутся, «фаустники» бьют из-за всех углов. От Геббельса ответа пока еще нет.

Соколовский. Нужен только последний рывок, а не получается. И всего-то осталось 300—400 метров. Не рывок, а ползок.

Чуйков. А не получается рывок потому, что бойцы видят, что война выиграна, и дерутся с оглядкой — никому не хочется умирать в Берлине.

(Я чувствую огромную усталость людей, их сверхчеловеческое напряжение. Соколовский сидит в кресле, Чуйков ходит по комнате. Пауза... Нас только четыре человека: Чуйков, Соколовский, член Военного совета и я. Да, эти часы, может быть, самое трудное испытание в жизни. Выдержим... Противный шум авиамооторов...)

Чуйков (*у телефона*). Ну, как? 152-й квартал взяли? У стены? Займите станцию — и дальше ни шагу. Ясно? Взять 152-й, оставить заслон и все — на север! Вот и всё... (*К нам.*) Наши уперлись в эту проклятую стену — в спортплощадку. Наши медленно идут на Зоопарк. (*В трубку.*) Занимайте Тиргартенштрассе — и стоп. Держать связь с соседями с севера. Повторяю: ваш предел — Тиргартен. Вот этим и занимайтесь. Ну, всё!

(Это «всё» так лаконично, просто, строго.)

Все склонились над планом Берлина... Варианты: может быть, пройти, пролезть разведке? — предложение Пожарского.)

Чуйков (*в трубку*). Хетагуров, здравствуй! Ну, как твои дипломатические способности? 590-й? Вышли? А 593-й? Соседа с севера не чувствуете? Сейчас я буду туда звонить. Да, пока возьми свои. Дайте девятку. (*Глядя на карту, звонит в штаб Белявскому.*) Товарищ Белявский! Добейтесь связи с Кузнецовым, и чтобы всеми путями соединиться. А то и тысячи моих штыков не помогут. Так... Да... Разведка влезает в Зоопарк. Понятно? Пора и мне, и Богданову, и Кузнецову... Прогуляемся вместе по Аллее Победы.

(Комната... Вечер... Ночь... Усталые лица, пепельницы, переполненные окурками, телефонные звонки.)

Чуйков (*взял трубку*). Вышли на Бельвюштрассе? Ну, давайте выходите! Еще немного! Выходите — и тогда все в порядке. Потом легче будет. Всего сотня метров останется!

Идем в другую комнату. Чуйков, Соколовский, Вайнруб, Пожарский и член Военного совета спорят о сути уличных боев. Может быть, кое-что и говорится «для истории». Это их дело — у них есть на это право.

Нудный шум стрельбы автоматчиков. Зевки. Нам всем очень хочется спать, и пусть нас простят за это скромное желание.

Сижу и пишу... Родимая Москва, где ты? Мысли о С. К., о моем доме, о друзьях...

Чуйков ходит взад и вперед. О чем он думает? Адъютант — тут же, сел за телефон, отвечает на звонки. Да, у всех у нас работка!

О нацистах. У меня к ним холод, презрение. Нет, *не они!* — не они решат судьбы мира!

Ночь... Чуйков прилег на диван. Тихо... Член Военного совета, сидя в кресле, дремлет. Звонок...

Чуйков (*проснулся, берет трубку*). Товарищ Рыжов, поставьте хорошую охрану... Хорошо... Всё... Так. (*Лаконизм — наш военный стиль.*) 561-й занят? Полностью? Так. Правильно! Вы к Богданову навстречу разве не выслали? Так. (*Говорит мне.*) Наши в районе Шарлоттенбурга, севернее Зоологического сада. Взяли Шведское посольство, а те просят охрану, восхищаются мужеством Красной Армии и передали послание Советскому Союзу. Они в убежище и довольны всем. Так мне доложил командир корпуса. Намекнули, что они, шведы, защищали советских граждан...

23 часа 55 минут.

Чуйков. О парламентарях мы и забыли? К черту! Я с ними разговаривать теперь не буду. Это была политическая разведка!

(Звонок. Чуйков говорит по телефону, потом ходит, молчит. Передо мной большой человек, почти мой одноклассник... Опять звонок.)

Чуйков (*в трубку*). Успокойте шведов. Есть указание центра. Абсолютная вежливость. Правильно! Так. Ну, давайте дальше! Кончай скорей и связывайся с соседом. Всё! (*Обращается ко мне*).
Завтра, может быть, и кончим, а?

2 мая 1945 года.

1 час 25 минут.

Чуйков берет свою бурку: «Ну, отдохнем?» Звонок...

Чуйков. 56-й немецкий танковый корпус шлет нам парламентеров. Ну их, пошли спать!

5 часов 50 минут.

Встали, помылись. Снова за стол.

Чуйков. Всеволод, ты все пишешь? (*Смотрит мои записки*).
Как ты разберешь все это?

Я. Память поможет...

(На столе четыре плана Берлина. Большой город!)

Чуйков. Если бы у них были боеприпасы, они могли бы долго держаться.

Принесли пакет из шведской миссии. В письме они благодарят за «благосклонное отношение русских. Королевская шведская миссия обращает ваше внимание на наше официальное послание».

Штамп: «Королевская шведская миссия» (на шведском языке).

Дальше по-русски, на машинке:

«Королевская шведская миссия.

Командующему генералу.

Сим позволяем себе обратить ваше внимание на то, что Королевская шведская миссия находится под адресом: Раухштрассе, № 1, 3 и 25 и Тиргартенштрассе, № 36. Шведская церковь находится под адресом: Берлин, Вильмерсдорф, Ландхауштрассе, № 27.

Прошу советские военные власти дать миссии возможность продолжать исполнение своих задач по отношению к покровительству шведских граждан и шведского имущества.

Я был бы вам очень благодарен за случай разговора с компетентным представителем Красной Армии.

Ожидаю вашего благосклонного ответа на этот счет.

Как известно, Королевская шведская миссия являлась до сих пор покровительницей советских прав в Германии¹.

Берлин, 1 мая 1945 года.

Гуго Эрифаст, поверенный в делах (на машинке).

Гуго Эрифаст (от руки).
Печать с русским текстом».

6 часов.

Звонок: «Едет делегация от Геббельса»...

(Прибыла делегация из четырех человек.)

— Давайте их сюда.

(Входят трое штатских, двое из них — в серых пальто, один — в пиджаке (какие выхоленные!) и солдат в шлеме — с белым флагом.)

Чуйков. Пусть солдат выйдет... Чем могу служить? Was wollen Sie?

— Berlin retten².

(Делегация вручает письмо в розовой папке. Чуйков читает. Тишина. Присутствуют товарищи Пожарский, Вайнруб, Ткаченко и я.)

Чуйков. Когда покончил жизнь самоубийством доктор Геббельс?

— Вечером, в министерстве пропаганды.

Чуйков. Где труп?

— Сожжен.

Чуйков. Нам это подозрительно.

— Геббельс покончил с собой. Его сожгли личный адъютант и шофер.

Чуйков. Где сейчас находится начальник генерального штаба Кребс, который вчера по полномочию Геббельса вел с нами переговоры?

— Не знаем. Нам известен новый начальник — генерал Эйнсдорф.

Чуйков. Известно ли вам наше условие: безоговорочная капитуляция?

— Да, известно. Мы это и предлагаем.

Чуйков. Хорошо. Можно сюда привести господина Фриче?

— Я вернусь и лично приведу доктора Фриче и генерала Эйнсдорфа.

¹ Соблюдены стилистические ошибки подлинного текста. (Прим. автора.)

² Что вы хотите?

— Спасти Берлин (нем.).

(Просит рацию, чтобы заявить народу о капитуляции.)

Чуйков. Войска получили уже приказ о капитуляции?

— Это зависит от вашего сообщения.

Чуйков. Мы сообщим по радио в Шарлоттенбурге, недалеко от Рейхстага. *(Звонит.)* Алло, я прошу маршала. Алло! Это говорит Чуйков. Алло!

(За окнами синий рассвет. Пауза.)

Чуйков *(к делегатам)*. Известно ли Фриче, что берлинский гарнизон начал сдаваться?

— Когда мы выезжали — нет.

Чуйков. Сейчас войска уже полностью капитулируют.

— Этого мы не знаем.

Чуйков. Я спрашиваю: будут ли войска выполнять приказы Фриче?

— Его имя — гарантия и в Германии и в Берлине. Он просит разрешения выступить в Берлине по радио.

(Звонок.)

Чуйков *(берет трубку)*. Товарищ Вареников! Прибыла делегация от доктора Фриче с письмом на имя маршала, в котором говорится, что Геббельса уже нет в живых, что командир 56-го танкового корпуса генерал Вейдлинг начал капитуляцию. Я его жду к себе. Фриче хочет сделать по радио заявление народу Германии и Берлина. *(Пауза.)* Товарищ маршал, докладывает Чуйков. Ко мне сейчас прибыла делегация с письмом господину маршалу Жукову. Читаю вам: «Как вы извещены генералом Кребсом, бывший рейхсканцлер Геринг — недостижим. Доктора Геббельса нет в живых. Я, как один из оставшихся в живых, прошу вас взять Берлин под свою защиту. Мое имя известно». Он просит разрешения выступить по радио. Просит милости от имени народа и возможности работать для блага человечества. Подпись: «Директор министерства пропаганды, доктор Фриче». И генерал Вейдлинг тоже сдается. У меня совершенно охрип голос. Я передаю трубку Пожарскому.

(Пожарский вторично читает маршалу письмо доктора Фриче.

Входит член Военного совета.)

Чуйков *(берет трубку)*. Где генерал Кребс? Есть слухи, что он тоже покончил с собой. Кто их комендант Берлина? Генерал Вейдлинг. Он должен быть у меня. Как военнопленный. *(К немцам.)* Кто еще, кроме Фриче, находится в управлении?

— Никого из высших чиновников там нет.

Чуйков. А где Борман?

— Он как будто был в канцелярии Гитлера, а там произошел взрыв газа. Семья Геббельса там погибла тоже.

Чуйков. Генерал Вейдлинг скоро будет здесь. Послать ли за Фриче? Понятно. Так. Есть. Принять под свою защиту город и пленных? Есть. Так. Понятно. Можно им это передать? Приступаю к действию. Так. Слушаю. Действую.

6 часов 45 минут.

Чуйков (*к немцам*). Маршал Жуков принимает капитуляцию Берлина и отдает приказ о прекращении военных действий — это первое. Второе: объявите солдатам, офицерам и населению, что все военное имущество, здания и коммунальные ценности должны быть в порядке. И не взрывать! Особенно военное имущество! Третье: вы поедете с нашим офицером за господином Фриче, и он выступит по радио, а потом будет доставлен сюда. Четвертое: я добавляю — мы гарантируем жизнь солдатам, офицерам и генералам, медицинскую помощь раненым. Пятое: чтоб не было никаких провокационных выстрелов и прочих диверсий.

(Немцы просят о защите сотрудников министерства пропаганды.)

Чуйков. Волос не упадет.

— Я не знаю вашего чина.

Чуйков. Я — генерал-полковник Чуйков. (*Берет трубку*.) Штаб? Давайте приказание о прекращении военных действий.

(Входит Соколовский. Читает письмо Фриче. За окнами все светлее и светлее. Звонок маршала.)

Чуйков (*у телефона*). Что? Есть ли семьи видных чиновников в Берлине? Взять их под защиту? (*Говорит с делегатами, потом — маршалу*.) Они говорят, что семья Геббельса погибла от взрыва газа. По моему мнению представителей Фриче — семьи остальных в Южной Германии. Если узнаем — сообщим точно. Понятно. Сделаю. Так. Предложу это и генералу Вейдлингу. (*К немцам*.) Маршал Жуков требует немедленного разминирования зданий и предоставления нам карт минированных районов во избежание несчастных случаев.

(Явился полковник Вайгачев — замполит начальника разведки штаба армии Чуйкова.)

Чуйков (*к Вайгачеву*). Вы поедете к доктору Гансу Фриче. Пусть этот самый Ганс Фриче от имени их правительства даст приказ о сдаче войск в полном порядке, с вооружением и техникой.

Полковник. Есть! (*Записывает*.)

Чуйков. Доложите, что маршал Жуков принял предложение о капитуляции и берет Берлин и весь гарнизон под свою защиту. На основе этого Фриче должен объявить по радио то, что я сказал. Он и его ближайшие сотрудники должны прибыть сюда. Будем здесь разговаривать о дальнейшем. Ясно?

Полковник. Все понял.

(Я читаю письмо Фриче. Написано четко.)

Чуйков (*по телефону*). Я отдал приказание о прекращении военных действий.

(Прибыл генерал артиллерии Вейдлинг. Он в очках... Жест — фашистское приветствие... Проверка документов.)

Чуйков. Вы командуете гарнизоном Берлина?

Вейдлинг. Да, я командир 56-го танкового корпуса.

Чуйков. Где Кребс? Что он говорил?

Вейдлинг. Я видел его вчера в имперской канцелярии. Я предполагал, что он поконч[ит] самоубийством. Вначале он упрекал меня за то, что (не официально) капитуляция была начата вчера. Сегодня приказ о капитуляции дан всем войскам. Кребс, Геббельс и Борман отклонили капитуляцию, но вскоре Кребс сам убедился в плотности окружения и решил — наперекор Геббельсу — прекратить бессмысленное кровопролитие. Повторяю: я дал приказ о капитуляции моему корпусу.

Чуйков. А весь гарнизон? Распространяется ли на него ваша власть?

Вейдлинг. Вчера вечером я всем дал приказ отбиваться, но... потом дал другой.

(Чувствуется, что у немцев беспорядок. Вейдлинг показывает по нашей немецкой карте место расположения своего штаба и частей: корпуса, фольксштурма и прочих. С 6 часов утра они должны были начать капитуляцию.)

Чуйков. Маршал Жуков также отдал приказ о прекращении военных действий, и обе стороны заинтересованы в наилучшей организации капитуляции. Где заминированные пункты?

Вейдлинг. У нас совершенно нет взрывчатки. Поэтому даже мосты не заминированы.

Чуйков. Значит, минирование исключается?

Вейдлинг. Может быть, об этом есть документы в имперской канцелярии — не знаю.

(Входит Соколовский.)

Соколовский. Куда уехали Гитлер и Геббельс?

Вейдлинг. Насколько мне известно, Геббельс и его семья должны были покончить с собой. Фюрер 30 апреля принял яд... Его жена тоже отравилась.

Чуйков. Это вы слышали или видели?

Вейдлинг. Я был 30-го к вечеру в имперской канцелярии, — Кребс, Борман и Геббельс мне это сообщили.

Чуйков. Значит, это конец войны?

Вейдлинг. По-моему, каждая лишняя жертва — преступление, сумасшествие.

Чуйков. Правильно. Давно вы в армии?

Вейдлинг. С 1911 года. Начал солдатом.

(У Вейдлинга внезапный нервный приступ. Чуйков по телефону докладывает обо всем маршалу.)

Соколовский (*берет трубку*). Власть генерала Вейдлинга относительная. Капитуляция идет на участках Чуйкова и Кузнецова, а на других участках — еще нет. (*Пауза*.)

Чуйков (*по другому аппарату*). Продвигайтесь дальше. Прочесывайте, если придется, но без эксцессов.

Соколовский (*к Вейдлингу*). Вы должны отдать приказ о полной капитуляции.

Чуйков. Наши части прекратили стрельбу, а немцы на отдельных участках еще стреляют.

Вейдлинг. Я не мог отдать всем приказ о капитуляции, так как не было связи. Таким образом, отдельные группы еще могут сопротивляться в ряде мест. Многие не знают о смерти фюрера, так как доктор Геббельс запретил сообщать о ней. На основании чего советское командование уже прекратило военные действия?

Соколовский. Мы полностью прекратили военные действия и даже убрали авиацию. Вы не в курсе событий? Ваши войска начали сдаваться, вслед за этим прибыла гражданская делегация от Фриче с заявлением о капитуляции, и мы, чтобы облегчить ее, прекратили военные действия.

Вейдлинг. Я охотно помогу прекратить военные действия наших войск.

(Показывает, где еще остались *части СС*. В основном — вокруг имперской канцелярии.)

Вейдлинг. Они хотят пробиться на север. На них моя власть не распространяется.

Соколовский. Отдайте приказ о полной капитуляции, чтобы и на отдельных участках не сопротивлялись. Лучше поздно, чем никогда.

Вейдлинг. У нас нет боезапаса и тяжелых орудий. Поэтому сопротивление долго продолжаться не сможет.

Соколовский. Это мы сами знаем.

Вейдлинг. У немцев спутались все представления, и мне не поверят, что фюрер умер.

Чуйков. Напишите приказ о полной капитуляции, и у вас будет совесть чиста.

(Вейдлинг набрасывает проект. Тишина. Наши беседуют вполголоса.)

В соседней комнате ожидают: ассессор Сейлер и генерал Курт Войтам.)

7 часов 57 минут.

У меня от записей болит рука. Я лично думаю, что Гитлер мог застрелиться, рассчитывая стать немецким народным героем, а Геббельс, может быть, замечает следы. Где же остальные представители ОКВ?

Идет сдача в плен немецких войск. Многие, очевидно, переоденутся в штатское.

Чуйков предлагает завтракать. Вейдлинг пишет... У них развал (яснейший!). Мы вполголоса комментируем события. В комнате — Соколовский, Чуйков, член Военного совета, Пожарский и я.

Чуйков (*к Вейдлингу*). Может быть, вам нужен ваш помощник?

Вейдлинг. О, ja!

(Входит рослый брюнет — в монокле, с отличным пробором, серые перчатки. Я даю ему карандаш. Он благодарит. Папка с письмом от Фриче и другие бумаги у Чуйкова. Исторические документы!

Немцы советуются друг с другом. Вейдлинг держится за голову, но пишет. Он устал, в очках, с гладко зачесанными назад волосами, шатен. Опять советуется со своим начальником штаба.)

Соколовский. Итак, товарищ Вишневецкий, заканчивается Вторая мировая война.

Я. Да, заканчивается...

(Спрашиваю у начальника штаба Вейдлинга его имя и фамилию. Он записывает их в мой блокнот: Hans Refior¹.)

Вейдлинг (*читает вслух*). «30 апреля фюрер покончил жизнь самоубийством...»

Соколовский (*перебивая его*). Нам стало известно, что Де-ниц объявил об этом всему миру...

Вейдлинг. Нет, вчера доктор Геббельс сказал мне, что только Сталин узнал об этом от вас.

Соколовский. Вчера с неизвестной станции немецкое радио передавало, что Гитлер погиб геройской смертью.

(Вейдлинг недоуменно пожимает плечами и молча вручает Соколовскому проект приказа. Читаем... Формулировки, может быть, и не все хороши.

Заявление Вейдлинга:

«30 апреля 1945 года фюрер покончил с собой и, таким образом, оставил нас — присягавших ему на верность — одних. По

¹ Ганс Рефиор.

приказу фюрера вы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые припасы, и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Подпись: Weidling¹, генерал артиллерии, бывший комендант округа обороны Берлина».)

Чуйков. Не надо «бывший», вы еще комендант.

Пожарский. Нужна ли формулировка о присяге?

Чуйков. Не надо переделывать — это *его* собственный приказ. Перепечатать приказ, поставить дату.

Вейдлинг. Jawohl... Да... Как озаглавить: призыв или приказ?

Чуйков. Приказ.

Переводчик. Сколько экземпляров?

Чуйков. Двенадцать.

Вейдлинг. У меня большой штаб, у меня два начальника штаба и еще два генерала, которые были на пенсии, но пошли служить ко мне и отдали себя в мое распоряжение. Они помогут организовать капитуляцию.

Чуйков. Понятно.

(Стучит машинка.)

Вейдлинг. Моя шинель осталась в имперской канцелярии. Можно ли за ней послать?

Чуйков. Пожалуйста. (*Вейдлинг благодарит.*) Чаю — сюда.

(У всех нервное переутомление, все очень сдержанны... Соколовский, Чуйков, Скосырев, Ткаченко, Пронин, Вайнруб, Семенов, Пожарский и я.)

Вновь и вновь комментируем события, смерть Гитлера...

Некоторые товарищи считают странной версию о сожжении Гитлера и Геббельса и об исчезновении этого вчерашнего генерала Кребса.)

Я спрашиваю:

— У Вейдлинга нервный припадок заметили?

Соколовский. А ведь ему трудно...

Семенов (член Военного совета). Ясно. Но приказ умный. Он умело подчеркнул и присягу и обстоятельства... Он вне правил — просто «вывеска».

Скосырев. Его приказ надо сейчас же довести до сведения всех немцев. Это сильно повлияет.

(Надо накормить немцев. В соседней комнате накрывают стол.)

¹ Вейдлинг.

Пожарский. Праздника-то у нас и не было. Ночи не спим. Теперь дней пять отдохнем.

Вайнруб. Части наши готовы. Остается расставить их везде по Берлину. Наблюдать.

Семенов (член Военного совета). Ты, Всеволод, к нам вовремя попал!

Я. Да, довелось.

9 часов 15 минут (по московскому времени).

Утро серое, прохладное. Вспоминают о Сталинграде, шутят, курят.

Приказ готов. Его передадут *по радио* и другими способами (устанавливаем пункты по карте). Один из немецких офицеров особенно мрачен.

9 часов 35 минут.

Я спрашиваю полковника фон Дуфвинга, будут ли протесты в немецких частях.

Фон Дуфвинг:

— В некоторых... Вчера, когда я шел к вам, в меня стреляли.

Пошел кормить завтраком двух немецких генералов и полковника фон Дуфвинга. Они спрашивают меня: «Где ваши генералы?» — «Отдыхают». Сижусь с ними один, угощаю. Некоторая неловкость, стесненность, молчание. Жадно за ними наблюдаю.

В штабной квартире — движение: приехал еще один немецкий генерал. Приглашаю к столу. Тут же чиновник из министерства пропаганды. Естественно, что разговор не очень вяжется. У немцев есть ощущение служеб[ного] неравенства, ведь фактически они — в плену. Говорим о продовольственном положении Берлина, о первом приказе Берзарина. Внимательно слушают... Я рассказываю о начавшейся в Германии еще во время боев посевной кампании. Беседа чуть-чуть оживляется... Немцы иногда тихо говорят между собой, строят догадки о судьбе Кребса.

— Не хотите ли вина?

— Немцы по утрам пьют мало.

Бледные улыбки. Опять пауза...

— Где труп Гитлера?

— Неизвестно.

Вейдлинг:

— Для меня это вторая проигранная война.

Я рассказываю им о Ленинграде. Они спрашивают о роде моей службы. Объяснил, как мог.

Входит еще один немецкий генерал. И его приглашаю завтракать.

Немецкий генерал:

— Мы устали.

— Это понятно.

Немецкий генерал:

— Семнадцать дней последних усилий!

Расспрашивают о маршале Жукове, о Чуйкове, — рассказываю, что надо. Говорим о Героях Советского Союза, о знаках различия, но у всех *свой внутренний ход мыслей*. Каждый из нас все глубже ощущает события.

Немцы говорят о сильнейшем разрушении центра Берлина.

Мы рассказываем, как быстро восстанавливают Ленинград и Сталинград; об общем экономическом развитии СССР; о встрече с союзниками. Немецкие генералы вспоминают о встрече с Красной Армией в 1939 году.

Сравниваем потери СССР и Германии. Я рассказываю им о «мертвых зонах», о солдатских вопросах: «Почему немцы напали на нас?» Один из немцев отвечает: «Нам нужна была территория». — «Вот вам и территория в СССР!» Кончаем беседу.

Немецких генералов провожают в ближайший дом. Пусть проживут пока там, *под охраной*.

Чуйков спит. Мы ходим взад и вперед по комнате. «Неужели войну кончили?» — «Странно...»

Сообщили, что немцы на отдельных участках не стреляют, но и не подпускают к себе: «Приказа нет».

Мы беседуем о родине, о возвращении... Усталость невероятная... Болит рука.

Звонок: *наши занимают центр!!* Идет подсчет пленных.

11 часов 30 минут.

Адъютант докладывает — на самоходке приехал Фриче. Мы стоим группой.

Входит Фриче — в сером пальто, в очках. На ходу читает бумаги. Молча садится. Переводчик — рядом... Ждут... Наши заняты своими делами — принимают сообщения разведотдела.

Соколовский (*входя, к Фриче*). Мы заинтересованы в том, чтобы в Берлине было спокойно. Тем, кто беспокоится за свою судьбу, мы можем дать охрану.

Фриче. Немецкие полицейские органы разбежались, но можно их вновь собрать.

Соколовский. Нас полиция не интересуется. Она будет причислена к военнопленным. Нас интересуют чиновники, администрация. Им мы обеспечим охрану. Ущерб им не будет. Ясно?

Фриче. Не понимаю. Кто, где может причинить ущерб? Кто решится на эксцессы?

Соколовский. И наши отдельные бойцы, и немецкое население, и некоторые немецкие военные элементы могут проявить жестокость к вам за действия гестапо и тому подобное.

Фриче. Ja, möglich¹...

Соколовский. У нас все предусмотрено, объявлено. Есть комендант города Берлина — генерал Берзарин. Есть районные коменданты. Все делается, меры приняты. Есть ли у вас другие пожелания?

Фриче. Я вам написал письмо, как последний ответственный представитель правительства. Я написал его, чтобы предотвратить кровопролитие.

Соколовский. Ваш вынужденный жест нам понятен.

Фриче. Я бы хотел расширить документ и хотел бы связаться с Деницем.

Соколовский. Ваш документ отправлен маршалу Жукову, а на дальнейшее мы не уполномочены, в частности на вашу связь с Деницем. Ответ от маршала Жукова последует, и, может быть, вас пригласят для беседы. Кто из других крупных чиновников остался в Берлине?

Фриче. Я не знаю.

Соколовский. Ну, что ж — у нас всё.

Фриче. Где я должен находиться?

Соколовский. Здесь. Ждите ответа маршала Жукова.

(Фриче уводит. У нас явное недоверие — не подставное ли это лицо? Входит Чуйков: «Ну, где этот Фуше или как его там?» Соколовский рассказывает ему о разговоре с Фриче.)

Чуйков. Наши охраняют правительственные учреждения. Уже в 10 утра Дениц обратился к армии и народу: он берет руководство и продолжает до конца борьбу с большевизмом, а также с англичанами и американцами, если они будут мешать. Но нам он не страшен — кишка тонка! (Смеется.) Гимmlера Дениц объявил предателем. Таким образом, Берлин капитулировал отдельно. Может быть, Гитлер ушел в подполье? В общем, мы их доконали. Какой же у них развал и политический разброд, если Геббельс хотел ориентироваться на нас! (Смех.)

(Чуйков по телефону проверяет, взят ли Рейхстаг.)

Чуйков (к нам). Стрельба в центре еще продолжается. Рейхстаг подожен немцами.

(Проверяет, как дела в имперской канцелярии. Входит Белявский.)

¹ Да, возможно... (нем.)

Соколовский. Кто поджег Рейхстаг?

Белявский. Там шел бой — не все сразу капитулировали.

(Звонок: части гвардейской армии Чуйкова встретились с ударной армией Кузнецова.)

Галаджев. Наступает конец войны.

Чуйков. Да, закурим трубку мира.

Ну, сегодня в Москве дадут салют — необычайный!

Какое будет ликование в СССР! Может быть демонстрация, народ погуляет! Пора!..

Германское руководство распадается. Несомненно отдельные очаги сопротивления, но после капитуляции Берлина падут и Бреслау и другие города. Документ Вейдлинга надо как можно скорее широко опубликовать для немцев.

Как все просто... Какое-то странное ощущение свершенности и конца войны. Особой торжественности, которой мы ждали от взятия Берлина, от победы — *нет*. Пройден слишком большой и трудный путь!

Немедленно встанет новая труднейшая задача — все привести к порядку, к норме.

Чуйков идет бриться. Галаджев, Пронин, Семенов и Скосырев говорят о предстоящей работе в частях, о необходимости отметить победу, дать людям *разрядку*.

Чуйков (входит):

— Где Блантер? Вот сыграл бы гвардейский марш!

Генералы вспоминают о 15 апреля — начале битвы за Берлин... Обсуждают — какое впечатление произведет на весь мир весть о падении столицы Германии.

Солдаты шумят:

— Война кончилась!

— Экскурсию бы по Берлину!

У меня сверхнапряжение: только воля и нервы. Рука болит невозможно, до судорог. Пишу почти непрерывно вторые сутки.

Взят Берлин!.. Обдумываю — как описать это. Нужен очерк в «Правду», но что втиснешь в семь-восемь страничек?

Прошаюсь с товарищами, благодарю за оказанные мне честь и доверие.

Еду к себе, на Вальдштрассе, 35.

Помылся, побрился. Хожу по саду... Внутри что-то нервное, огромное — и ощущение близкого мира, и свое, личное. Как я приеду в Москву? Что будет там?..

Очерк в «Правду» готов.

Зовут обедать. Все — за столом. Чуйков встает мне навстречу. Все взвинчены, все устали, но бодр.

Чуйков расстегнул ворот... Он внутренне удовлетворен. Поднял бокал, говорил от души о своем пути от Сталинграда до Берлина, о беседе с товарищами Хрущевым и Еременко в 1942 году, о своей боли за все пережитое Россией, о партии... Целует боевых друзей, подходит ко мне:

— Всеволод, ты все пережил вместе с нами. Руку.

Крепко обнялись...

Ждем приказа о падении Берлина. Беседы... Они несколько сумбурны, но это так естественно для людей, *вдруг остановившихся с бешеного хода!*

Зашли к Вайнрубу (по дороге отправил в Москву две телефонограммы). Всюду веселятся, русские пляски, песни, музыка.

(Не расстаюсь с блокнотом и на ходу, почти по инерции, продолжаю записывать все — каждое мгновение.)

Пьем чай, уже все трезвы. Сидим до 2 часов ночи.

Нужен отдых, у всех переходное состояние: некоторые веселы, другие задумчивы...

Иду спать. Мне, как всегда, неприятна эта спальня с чужим запахом и перинами. Тут жили нацисты. Вот их барахло, фотографии, книги, партийные значки...

3 мая 1945 года.

Надо начинать новый этап жизни. Проблем будущей жизни много...

Едем с Вайнрубом осматривать город... Немцы молчаливы, ждут... Многого еще не знают. На руках — белые повязки...

Прорезаем город от Иоганнесталья до центра. Разрушения грандиозные. Помимо бомбежек союзной авиации и мы закатили в город достаточно снарядов. Удар большой силы! В город вошло несколько наших армий!..

Вчера все стихийно устремились к взятому наконец Рейхстагу...

Бурление... Шальные салюты в воздух, и везде пунцовые знамена, флаги... Немцы сбрасывали в последние дни боезапас берлинскому гарнизону на красных парашютах; они повисли кое-где на деревьях.

На Колонне победы — наш флаг!

Всюду разбитые бойницы, фашистская рвань, «фаусты», мины, ящики с патронами. Идут (часто и без конвоя) группы военнопленных.

В очередях за водой стоят немцы с белыми и голубыми эмалированными ведрами.

Мы на Зигес-Аллее — статуи Бисмарка, Роона, Мольтке...

Берлин — в пыли. Всюду, всюду — рыжая пыль. Мчится поток наших машин, подвод. Сигналы, крики... За Рейхстагом, к северу, добивают каких-то застрявших в домах «фаустников». Далекие орудийные выстрелы, порой — пулеметные очереди.

Общее ощущение — грязь, пыль, хаос, дымы, руины, разрозненные группы берлинцев и военнопленных, сожженная и брошенная в парках и на улицах техника...

Тотальный разгром — результат последнего штурма.

Наши тяжелые орудия били прямой наводкой. Прямые попадания в немецкие батареи. Есть полностью убитые немецкие расчеты. Все теоретические и практические нормы опрокинуты: автомат[атная] стрельба — из окна в окно; орудия ломали дома с пяти-шести выстрелов! Части СС и некоторые другие, несмотря на объявление капитуляции, отстреливались до последней минуты. При общей оценке нельзя не признать: «Да, дрались немцы здорово, но устоять перед нашей мощью — не смогли».

Теперь вопрос — в немедленной борьбе за душу немецкого народа, за организацию Германии. В нашем ведении — Берлин и огромная германская территория. Мы должны накормить немцев, организовать их экономику, дух[овно]-полит[ически] направить их жизнь. Нельзя их отдать на расправу англо-американскому капитализму. Это все понимают.

Мы в канцелярии Гитлера. Ну, ты, мнивший себя повелителем мира, что осталось от тебя? — Тлен!

Во дворец твой всажены сотни снарядов, главный подъезд снесен. Бронзовый фашистский орел изрешечен пулями, все стекла вылетели, потолки проломлены. Сюда постучался уральским грозным кулаком русский солдат.

От твоей канцелярии остался только бумажный мусор! Валяются в пыли рыжие папки докладов и подписанных, но не отослан-

ных приказов. Сейфы и шкафы распахнуты настежь... На полу валяются брошенные бежавшими нацистами членские билеты. И надо всем этим стоит наш часовой — стрелок, парень из России!

Пришла победа! В копоти, в пыли, в крови предстала она нам!

Советское алое знамя вьется над Рейхстагом! У его разбитых стен толпятся смешанные группы бойцов, офицеров, генералов. Встречи друзей: фотографирование, киносъемки. Весь Рейхстаг — в надписях. На правой стороне (на цоколе колонны): «И наши снаряды попали в Рейхстаг. Лейтенант Елютин. Гвардии старший лейтенант Пилипенко». Рядом другая: «11 ч. 30 м. 30/IV—45. Солпиненко, Царапкин, Шепелев». Еще надпись: «Мы из Ленинграда». Еще: «Мы из Сталинграда». (Вспомнилось — «*Мы из Кронштадта*».) Все здание с зияющими пятиметровыми пробоинами покрыто русскими солдатскими надписями...

Едем в танковую армию Катукова. Под проливным дождем пересекаем весь город и через увешанный белыми флагами Шарлоттенбург — к норд-весту. Всюду наши регулировщицы.

Шоферы так ведут машины, будто ездили по Берлину по крайней мере полжизни...

После беседы с членом Военного совета танковой армии едем обратно и часов в 6—7 проезжаем через Бранденбургские ворота. Осматриваем здание советского посольства — оно совершенно разрушено.

Отель «Adlon»¹ — в нижнем этаже дым, что-то еще горит. Раненые немцы, — их тут до семисот человек. Врачи, сестры... Тяжело раненых вынесли на улицу. Беседую с начальником госпиталя. Он жалуется на недостаток продовольствия, воды и т. д. Наведем порядок.

Едем на Унтер-ден-Линден — к музею, памятнику Вильгельму I и опять — через центральные кварталы, через Шпрее — к себе, в штаб.

У меня — как и у всех — начинается реакция... Меня все сильнее тянет в Москву. В ближайшие дни улечу туда. Главное сделано, а парады и «экскурсии» к демаркационной линии мне не нужны...

4 мая 1945 года.

Веду записи.

Немцы капитулировали в Норвегии и Дании. Эсэсовцы еще пробуют драться и бьют по своим же частям.

¹ «Адлон».

Днем русская передача... из Люксембурга, корректная, с русским концертом. (Английская работа?)

Часа в 3 едем в город. Пыль, гарь, трупный запах, иногда специфич[еский] аптечно-парфюмерный (он все время преследует меня). Тяжкое чувство от всех этих разрушений. У памятника Бисмарку лежит развороченный обгорелый труп немецкого солдата. Задранная голова, раскрытый рот, глаза в небо. Весь потемнел от пыли... Вопросает...

Обследуем башни управления обороны Берлина. Это массивные восьмизэтажные кубические здания — бетон, броня, самостоятельная силовая установка. В маленькой комнате — труп генерала, свесившаяся рука с пистолетом, брошенные бутылки шампанского. Рядом — мертвая жена.

Вообще трупов много... И везде пыль, рыжая кирпичная пыль...

Идет видимая и невидимая работа. Говорят, что найдены трупы Геббельса и членов его семьи, доставлены в штаб фронта. Ищут политических деятелей — крупных военных и других нацистов.

5 мая 1945 года.

День печати. Провел посвященную этому дню беседу с редакцией армейской газеты.

Был в Военном совете. Говорил об обязанности генералов и офицеров — написать воспоминания об Отечественной войне.

Ночная прогулка по Берлину с Константином Симоновым.

6 мая 1945 года.

Отдых...

Еду в Штраусберг, в штаб фронта. В пути беседую с немцами о завершении войны, о Гитлере, о новых путях немецкого народа.

Немцы говорят: «Мы хотим мира, хлеба, работы». Один из них (социал-демократ): «Дайте директивы, и мы вам поможем».

Завтра я улетаю. Наконец-то! Сборы в дорогу... Прощание с товарищами...

7 мая 1945 года.

Последний день в Берлине. Трудно подытожить весь комплекс впечатлений.

В иностранных радиопередачах уже звучат «литавры победы».

Едем на аэродром... Должен лететь обратно в Москву «Дуглас-32». Он доставил сюда тонну крови для раненых.

Жду отправки самолета. Погрузил вещи... Гуляю по травке... Погода переменная; пока самолет не выпускают. Наблюдаю за работой на аэродроме.

Вылетели в 3 часа с минутами. Это мой первый большой перелет. Временами воздушные толчки. Смотрю в окно...

Россия! Как хорошо возвращаться! Волнуюсь до слез. Родные леса... Любимые пейзажи...

Через пять часов приземлились в Смоленске. Колесо завязло в воронке от бомбы на бетонированной посадочной дорожке. Почему ее до сих пор не отремонтировали?

Звоню по ВЧ в «Правду». Сообщаю о своем возвращении в Москву — днем 8 мая на таком-то самолете. Прошу сообщить С. К. Ночую в самолете. Слушаю радио... Германия рассыпается!

8 мая 1945 года.

Смоленск. Утро. Начальник аэродрома запрашивает Москву о месте посадки самолета. Дают посадку на правительственной дорожке!

В полете... В Москву!

8 часов утра. Подруливаем... Только не волноваться, не нервничать!

Сброшен трап. Ну, здравствуй, Москва моя дорогая!

Схожу... Коротко рапортую: «Из Берлина прибыл, все задания «Правды» выполнены...»

Объятия, расспросы... От редакции «Знамени» меня встречает Тарасенков.

Едем к нам домой. Квартира сверкает. Цветы, накрытый стол... Долгожданное... Тосты... Я рассказываю о Берлине.

Сегодня ждут правительственного сообщения о безоговорочной капитуляции *всей Германии*. Таким образом, я приехал в Москву *в последний день* войны. Вспоминаем *первый день*: Переделкино, радиосообщение, бросок (с С.К.) на грузовике в Москву, митинг в ССП, мобилизационные дела и мою первую военную радиоречь. Я сказал на митинге: «Русские были в Берлине дважды. Будут и в третий раз!»

Настроение приподнятое, сдвинутость...

Мне надо сохранять высокий строй внутренней жизни, — на фронте он был именно таков. (Да, надо подсчитать, сколько километров я прошел и проехал с 22 июня 1941 года.)

Едем в Колонный зал на вечер печати. Президиум... Доклад о печати в дни Отечественной войны.

Перерыв... Здороваюсь с товарищами... Меня просят рассказать о Берлине. Коротко рассказываю при общем внимании.

Вечером поехали с С.К. в «Правду». Читал информационные материалы.

Возвращался поздно... В метро у всех счастливые лица... Толпа родная, наша. Это ты, Москва!

9 мая 1945 года.

День Победы!

В городе необычайно празднично, солнечно. Даже кондуктор в трамвае не берет денег с военных: «Я сама плачу за вас».

На улицах много офицеров и солдат — уцелели, дожили! Прохожие останавливают их, обнимают, целуют...

А как ликует нынче вся страна!

Москва красивая, чистая! Как не похожа она на Берлин, который мне упорно видится в тяжелых снах.

10 часов вечера. Салют Победы! На Красной площади гул праздничной толпы... Музыка, танцы... Вспыхивают песни... На площадь вливаются все новые и новые массы счастливых людей. Лиловато-голубые прожектора бьют в небо...

Тридцать залпов из тысячи орудий!

Дождь ракет!

Вот она, наша Победа!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Виноградов. «40 месяцев и 10 дней»</i>	3
Ленинград (1 января 1943 — 28 сентября 1944)	5
Капитуляция Берлина (1—9 мая 1945)	374

Вишневский В.В.

В55 Ленинград: Дневники военных лет: В 2-х книгах. Кн. вторая. — М.: Воениздат, 2002. 414 с., ил. — (Редкая книга).

ISBN 5—203—01948—7

В двухтомник вошли записи, относящиеся к блокаде Ленинграда, и глава «Капитуляция Берлина» как бесценный документ и подробное свидетельство о последних днях гитлеровского режима. Публикация приурочена к 300-летию Петербурга и 60-летию основных сражений Великой Отечественной войны.

Предназначены для широкого круга читателей.

ББК 83.3(2)7

ЛЕНИНГРАД

Дневники военных лет

Вишневский Всеволод Витальевич

Книга вторая

Редактор *С.К. Носова*

Корректор *Г.В. Казнина*

Технический редактор *М.В. Федорова*

Лицензия ЛР № 020872 от 8 июля 1999 г.

Сдано в набор 11.04.02. Подписано в печать 12.11.02. Формат 60x88/16
Гарн.Школьная. Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 26 + 1 вкл. 1 печ.л.
Усл. печ. л. 26,46. Уч.-изд. л. 22,98. Изд. № С/01 406. Тираж 5000 экз. Заказ 9626.

Воениздат, 123308, Москва, ул. Зорге, д. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 МПТР России.

144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Тел. /095/ 917-91-41 e-mail: knigist@mail.ru

После бурь и наводнений, после войн и других испытаний всегда подымался и хорошел Ленинград. Так будет и впредь. Верь этому, товарищ, брат, друг! Ты сын великого, самого великого, поразительного народа, чья мощь, гений и творческие силы необъятны. Все залечим, все отстроим...

Всеволод Вишневский

КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА

